Мировой мегаблокбастер

ДЖОАН
Д. ВИНДЖ

47 РОНИНОВ

по сценарию
КРИСА МОРГАНА и ХУССЕЙНА АМИНИ

история
КРИСА МОРГАНА и УОЛТЕРА ХАМАДЫ

ЭКСМО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Его имя – Кай. Он пришел в мир из странного и пугающего леса демонов. Никто не признает в нем человека; все называют его полукровкой и с презрением отвергают его общество. Он – изгой, проклятый чужак. Но именно ему предначертано возглавить отряд из сорока шести жаждущих отмщения воинов-самураев. Сорок шесть ронинов, защищающих свою честь, бросили вызов судьбе после того, как злое колдовство и предательство убили их хозяина, князя Асано. Кай проведет их дорогой смерти… и любви. И докажет всем: неважно, откуда ты пришел; важно, куда ты уйдешь – в небытие или в бессмертие…

Мировая кинопремьера на основе старинной японской легенды!

- Джоан Д. Виндж
  - Семь принципов кодекса Бусидо
  - Благодарности
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24

- Глава 25
- Эпилог

- notes
  - 1

Джоан Д. Виндж
47 ронинов

С глубочайшим уважением посвящаю эту книгу 50 фукусимцам, Джорджу Такеи и Стэну Сакаи, чьи отвага, мужество и неравнодушие показали мне, что есть вечные, общечеловеческие ценности и каждая из них – ступенька на пути к мудрости. Эти качества души никогда не исчезнут – как и память о сорока семи ронинах, сохранивших верность своему сюзерену.

Каждый из нас должен прокладывать собственный истинный путь, и тогда путь этот будет выражением всеобщего пути. Это таинство.

Сюнрю Судзуки[1]

Семь принципов кодекса Бусидо

Ги (справедливость)
Ю (отвага и мужество)
Дзин (участие)
Рэй (учтивость и уважение)
Макото (искренность)
Мэё (честь)
Тюги (верность)

Благодарности

Поскольку правда иногда необычнее вымысла…

Благодарю Стивена Тернбулла, консультанта фильма «47 ронинов», за множество замечательных книг по военной истории Японии, особенно за «Мщение 47 ронинов в Эдо, 1703 год» (серия «Рейд», издательство «Оспри паблишинг»). Также мне очень помогли «Даймё 1867 года: полководцы-самураи Японии времен сёгуната» Тадаси Эхары, «Традиционная Япония. Быт, религия, культура» Чарльза Дж. Данна, «Наставление демона в боевых искусствах» Иссаи Тёдзанси и «Сэппуку: история ритуального самоубийства самураев» Эндрю Рэнкина.

За слова, облеченные в образы, благодарю книгу Мицуо Курэ «Самураи. Иллюстрированная история» с подробными фотографиями, демонстрирующими историческую реконструкцию различных аспектов военного искусства самураев, а также «Самурайский замок» Фионы Макдональд с иллюстрациями Джона Джеймса и Дэвида Энтрама.

Благодарю также сайты Google.com, Wikipedia.com и SamuraiWiki.com – эти «божественные путеводители»; они, даже если и не дадут вам искомое, всегда подскажут, в каком направлении двигаться.

Поскольку вымысел иногда реальнее фактов…

Благодарю Стэна Сакаи за мастерское переложение легенд о самураях в комиксы «Усаги Ёдзимбо»; Лору Джо Роулэнд за яркую, увлекательную серию детективов о Сано Исиро, события которой разворачиваются в эпоху 47 ронинов; Нобухиро Вацуки за мангу и аниме «Рурони Кэнсин»; Хаяо Миядзаки за аниме «Принцесса Мононокэ» и другие. Также хочу поблагодарить создателей многих других аниме и манги, особенно Хироаки Самуру («Клинок бессмертного») и Такехико Иноэ («Бродяга»), за произведения, действие которых происходит во времена сёгуна Токугавы.

Поскольку иногда изображение стоит тысячи слов…

Спасибо художникам гравюр укиё-э, запечатлевшим свое время и отобразившим легенды прошлого с почти осязаемой красотой. Ёситоси, Куниоси, Кунисада, Хиросигэ, Хокусай – всех и не перечислить. Их работы не только оказали значительное влияние на европейских импрессионистов, но и продолжают вдохновлять современных последователей жанра, создателей комиксов, аниме и манги, а также других художников и любителей искусства по всему миру.

Также я хотела бы поблагодарить моего редактора из «Тор букс» Джеймса Френкела; Синди Ченг и Дженнифер Эппер из «Эн-би-си/Юниверсал студиос»; и Александра Бешера и его брата Эрсени за информацию о клане Асано, его истории, символах и регалиях, которую несчастной писательнице, живущей в США и не знающей японского, больше получить было просто неоткуда.

Опасно быть правым, когда неправы те, кто у власти.

Вольтер

Мы встанем и будем действовать смело —
Должен же кто-то подняться за правое дело.

Джуэл, «Руки»

Ты избран. Ступай и пройди верным путем.

Мицюки Миябэ, «Отважное сердце»

Пролог

Япония, около 1680 года

Если бы было кому, он рассказал бы, как боролся и убегал всю свою жизнь – спасая эту жизнь. Даже когда его истерзанное тело не могло оторваться от пола, сердцем и душой он продолжал сопротивляться, мечтая унестись подальше от Моря деревьев, от всей той лжи, которую ему преподносили, – настолько не желал он становиться тем, во что его хотели превратить.

Но рассказывать было некому – ни на минуту рядом с ним не появлялся хоть кто-нибудь его, человеческой, породы. Так что оставалось лишь ждать, терпеливо ждать удобного момента… пока тот наконец не настал.

И вот теперь он бежал, бежал несколько дней, мчался сквозь темноту первобытного леса, куда едва проникал солнечный свет, и с трудом можно было сказать, когда заканчивался день и наступала ночь. Он далеко огибал маячившие вдалеке огни или пустые пространства. Дорога, деревня – все могло стать уловкой, обманом, чтобы заманить его в западню. Нельзя рисковать – нужно отыскать истинную цель, какой бы она ни была.

Уже начинало казаться, что горные леса никогда не кончатся, как ему и говорили, и что он так и будет напрасно кружить, пока не вернется туда, к ним, где его место. Но они лгали, он знал это, – знал, что мир не ограничивается Морем деревьев и рано или поздно ему удастся как-нибудь добраться до настоящего моря, Моря-Океана, которое действительно бесконечно. Ибо Море деревьев существовало на острове под названием «Япония», окруженном водами, простирающимися дальше, чем можно себе вообразить. Где-то у края этих вод его ждала земля, наполненная солнечным светом, который он так редко видел, белизной цветущих деревьев и яркой зеленью рисовых полей. И ждали люди – такие же, как он.

Доказательством их существования служили трофеи, похищенные его хозяевами и принесенные в тайный, затерянный мир, где он рос; обноски, которые кидали ему, говоря, что прежде их носили существа одной с ним породы.

Он видел свое отражение в стоячей воде лесных озер и знал, что это правда – он другой, не такой, как они. Он – человек. Других людей он тоже видел – на картинках в свитках и книгах или издали; слышал даже их голоса, доносившиеся из горных долин. Но хозяева говорили ему, что людям он не нужен, что они бросили его на смерть, на растерзание злым духам и не захотят принять обратно.

Он отказывался верить в это, отказывался слушать их, поклявшись себе, что однажды отыщет дорогу к дому и вернется туда, где ему место, где его ждут – пусть даже прошло столько лет.

Однажды… Возможно, именно сегодня.

Лес редел, и самый свет менялся, становился ярче. Деревья впереди расступались, между ними проглядывали голубая вода, в которой отражалось небо, и зелень обширных полей. Никогда еще ему не приходилось видеть таких живых, сияющих цветов.

У него перехватило дыхание, когда деревья вдруг остались позади и перед глазами раскинулся целый мир. Он замер на месте, заслонившись ладонью от ослепительного солнечного света. И это не морок – даже хозяевам не под силу заставить его видеть нечто столь огромное, если оно не существует на самом деле.

Однако стоило ему, наконец решившись, шагнуть вперед, как тело отказалось его слушаться. Вокруг было слишком пусто, он чувствовал себя беззащитным, словно кролик на открытом месте, над которым кружат ястребы. Он вдруг почувствовал, что едва стоит на ногах, что живот у него сводит от голода, а в глаза словно песку насыпали, и все вокруг как в тумане, – будто только достигнув мира грез, он в полной мере ощутил, что существует. По-прежнему держа ладонь возле лба, он заставил себя двинуться дальше – только вперед, не оборачиваясь, не глядя никуда больше.

Из-за этого он ничего и не увидел, пока земля вдруг не ушла из-под ног. Потеряв равновесие, он с криком плюхнулся в ручей. Упав, остался лежать на твердых камнях в полном изнеможении, не в силах пошевелиться, словно сам превратился в камень. Прохладная вода обтекала тело, успокаивая боль от ушибов и царапин, на которые он прежде не обращал внимания и которые теперь прочувствовал в полную силу. Собственное хриплое дыхание и шум крови в ушах – вот все, что было слышно.

Когда высоко в небе раздался крик ястреба, заметившего добычу, он попытался подняться – стремление убежать, скрыться вновь заговорило в нем. Но его хватило только на то, чтобы повернуться на бок; потом дрожащие руки подогнулись, и он снова упал, не в силах ни выбраться из ручья, ни даже встать, хотя бы на четвереньки. Самая страшная угроза не смогла бы сейчас заставить его тело двигаться.

Он лежал с закрытыми глазами, ощущая непривычное тепло солнечных лучей на своей бледной, как у призрака, коже; свет проникал сквозь сомкнутые веки, как сквозь стенки бумажного фонарика. Что дальше – ястребиные когти, вонзающиеся в тело?

Послышался стук копыт о камень и шелест травы, раздвигаемой ногами каких-то животных. Лошади? И затем – людские голоса…

Он лежал неподвижно, вслушиваясь, как они приближаются, и изо всех сил надеясь, что, кем бы они не были, его примут за мертвеца – просто труп в канаве – и проедут мимо.

Но тени уже нависли над ним – всадники остановились у берега ручья. Слышен был скрип кожаных седел, шорох ткани, позвякивание металла. Чуть приподняв веки, он сквозь ресницы пытался разглядеть, что за люди – и люди ли – его обнаружили.

Двое ближайших всадников смотрели прямо на него, как ему показалось, с какой-то невероятной высоты. Их одежда выглядела необычнее и в то же время прекраснее всего, что он когда-либо видел. Оба носили по паре мечей – это значило, что перед ним самураи, искуснейшие воины страны, лежавшей за краем Моря деревьев.

К этим двум подъехали другие; он почти физически ощущал их взгляды на себе, однако лежал неподвижно, стараясь не дышать, прислушиваясь к звуку голосов. Они так отличались от тех, к которым он привык, что ему едва удавалось разобрать в общем гуле осмысленные слова.

– …мертв, на самом деле?

– Он не из этих мест. Но кто?..

– Нет… посмотрите! Он не похож…

– Господин Асано?..

Мужчина постарше, сидевший в седле с достоинством человека, привыкшего повелевать, кивнул одному из воинов рядом с собой и указал на лежавшего в ручье мальчика.

– Оиси, посмотри, что с ним.

Самурай, спешившись, принялся спускаться вниз по склону, и мальчик затрепетал.

Князь Асано тоже сошел с коня, не обращая внимания на предостерегающие голоса. Передав кому-то из своей свиты ястреба, сидевшего на его защищенной перчаткой кисти, он пристально наблюдал, как посланный переворачивает тело на спину.

Задержав дыхание, мальчик по-прежнему старался не шевелиться. Сквозь щелочки век он следил за князем, в чьем взгляде читалось только удивление и любопытство и не было ничего даже отдаленно похожего на угрозу.

– Он не из Ако, – уверенно заявил самурай, все еще не отпускавший плечо мальчишки. – Как ему удалось сюда пробраться? Он не миновал бы застав на дорогах.

Князь сделал шаг вперед, к осыпающемуся под ногами

склону, но Оиси предостерегающе поднял руку и вновь склонился над телом, подозрительно вглядываясь в лицо мальчика. Теперь тот видел, что самурай ненамного старше его самого.

Протянув ладонь в перчатке, Оиси с опаской коснулся шрамов, испещрявших обритую голову мальчика надо лбом, – так, словно это были слова заклинаний на неведомом языке. Потом, грубо ухватив за подбородок, повернул его лицо к свету… Нахмурившись, молодой самурай покачал головой.

– Это не человек, *данна*, – произнес он наконец, поднимая глаза на господина. – Оборотень… перевертыш. Должно быть, из Леса *тэнгу* или откуда-то с гор.

– Человек, человек, по крайней мере, наполовину, – произнес с отвращением еще чей-то голос – остальные всадники тоже спешились и подошли к краю обрыва. – Посмотрите на его лицо – он точно ублюдок какого-нибудь желтоволосого варвара с Голландского острова. Для последней шлюхи позор – растить плод чужеродного семени…

Князь Асано обернулся к говорившему, и тот осекся под его взглядом. Оиси снова повернул лицо мальчика, чтобы взглянуть сбоку, нахмурился еще сильнее… и застыл, словно обратившись в камень.

Кинжал, вытащенный из потайных ножен, оказался прямо у его горла. Теперь уже самурай не смел вздохнуть, а широко открытые глаза мальчика смотрели на него, горя яростью. Рука дрогнула, и тоненькая струйка крови сбежала по коже.

В следующий момент Оиси с кошачьим проворством поймал запястье мальчишки и резко заломил. Вскрикнув, тот выпустил кинжал, даже не пытаясь сопротивляться, и вновь безвольно обвис в руках самурая. С хладнокровной жестокостью тот перевернул его лицом вниз и надавил на голову, погружая в воду.

– Оиси!

В голосе князя Асано звучал гнев, и самурай поспешно отдернул руку, будто обжегшись.

– Мой господин, – запротестовал он, – это же демон!

– Это всего лишь дитя, – проговорил князь строго и в то же время с непонятным сочувствием. – Мы возьмем его с собой.

Он сам помог Оиси вытащить мальчика наверх. Даже в промокшей насквозь одежде бесчувственное тело почти ничего не весило: кожа да кости – и те, казалось, были легче птичьих.

Остальная свита князя, убедившись в твердости намерений своего господина, тоже присоединилась к ним. Мальчика, так и не пришедшего в себя, отнесли подальше от ручья и перекинули через круп лошади. Неожиданная добыча заставила всех забыть об охоте.

Когда мальчик вновь открыл глаза, была уже ночь. И пробуждение не походило ни на одно испытанное им прежде – почему-то он висел поперек лошадиной спины. В таком неудобном положении он с трудом мог дышать и едва соображал что-либо. Последнее, что он помнил, – глаза молодого самурая и сильная рука, не дающая высунуться из воды.

И вот теперь это… Он приподнял голову, пытаясь понять, что к чему, – лошадь как раз остановилась. Вверху на темном небе тускло поблескивали звезды, а прямо под ними за каменной оградой высились черепичные крыши поверх гладких стен. В неверном свете факелов он увидел и всадников, что захватили его, и других людей – эти были пешие, и они окружили прибывших. Лица походили одно на другое и, что самое главное, на его собственное – куда больше, чем те, которые ему приходилось видеть до сих пор.

Выворачивая шею, мальчик вглядывался в эти лица, наполовину скрытые шлемами. Все люди вокруг оказались куда выше и шире в плечах, чем ему представлялось, и смотрели на него так же, как и Оиси, который пытался его утопить. Холодное презрение, недоверие, гадливость читались в их глазах – словно перед ними был зверь или злой дух, а не человек, не один из них.

Сердце мальчика затрепетало, руки сжались в кулаки. Кинжал? Он даже не попытался его нащупать, зная, что это бесполезно – как бесполезно вырываться из кольца каменных стен и из рук стольких вооруженных врагов. «Что им от меня нужно?! Зачем они привезли меня сюда?!»

– …что он ублюдок какого-нибудь желтоволосого варвара с Голландского острова.

– Или с Английского.

– Это демон!..

– Он опасен, от него нужно избавиться!

Вслушиваясь в приглушенные голоса, мальчик вдруг понял, что люди готовы… готовы… Какой-то миг, и один из этих сверкающих мечей отрубит ему голову, либо крепкие руки переломят шею, словно сухой прутик.

Как он ни пытался, спрятать страх ему не удалось. Старейший не лгал – во внешнем мире его не ждало ничего хорошего.

Мальчик забился в стягивавшей его веревке, будто муха в паутине. Панический ужас, нарастая, заполнял мысли, словно вода – легкие. Еще немного – и утонешь.

И вдруг среди других перед мальчиком возникло еще одно лицо – словно сияющая луна спустилась с неба. Девочка, совсем

юная, моложе его самого, с шелковым водопадом черных волос и со светильником в руках. Ее свободное, летящее одеяние вобрало в себя все краски молодого месяца и ранней весны с узорами из текучей воды и цветов.

Самураи расступались, склоняя головы, словно перед богиней. Пройдя между ними спокойно и с достоинством, она остановилась рядом с пленником и подняла светильник. Окутанный теплым сиянием, будто отделившим их двоих от враждебного окружения, мальчик поднял голову и встретил ясный взгляд ее глаз. Страх сменился изумлением, стоило ему увидеть, что в глазах девочки нет ни испуга, ни отвращения, только спокойный, безмятежный интерес и участие, сменившиеся тут же состраданием – будто, не перемолвившись ни единым словом ни с ним, ни с кем-либо еще, она в одно мгновение узнала все его мысли и чувства.

В свете фонаря мальчик различил позади князя, все еще сидевшего на лошади. Посмотрев на девочку, на них обоих, тот неожиданно чему-то улыбнулся с гордостью и одобрением.

Взяв лошадь под уздцы, девочка вместе с остальными охотниками двинулась вперед, во внутренний двор замка. Невероятное облегчение, испытанное пленником, отняло у него последние силы, глаза закрывались, но он все цеплялся за ее неземной взгляд, то и дело обращавшийся к нему, взгляд, в котором мягкая приязнь смешивалась с чем-то походившим почти на благоговейное восхищение. Мальчику казалось, что рядом с ним находится высшее существо, держащее в руках не только уздечку лошади, но и саму его судьбу. И неважно, куда они направляются, – под защитой этого существа никакое зло не сможет коснуться его.

Впервые в жизни почувствовав себя в безопасности, мальчик наконец закрыл глаза.

– Так вас не пугает наша сегодняшняя добыча, госпожа Мика?

Мика подняла глаза на осторожно поравнявшегося с ней Оиси Ёсио, отец которого был *каро* – главным советником ее отца. Удивленная, она качнула головой.

– Чего же мне бояться? – спросила она, невольно поднимая подбородок – ей показалось, что в голосе юноши промелькнула нотка восхищенного удивления. – Это ведь всего лишь мальчик. Бедняжка… – Она оглянулась на тщедушное тельце, безвольно висевшее поперек лошадиной спины.

Оиси предстояло однажды занять место своего отца, однако пока он и сам был почти мальчишкой и не привык к своему новому положению воина-самурая.

– Люди говорят, что это не человек, а зверь, демонское отродье. – Оиси пожал плечами, показывая, что нисколько не боится. – Только вы да ваш отец видят в нем всего лишь мальчика…

Мика встряхнула головой, откинув назад струящиеся волосы.

– Разве я не дочь своего отца, юный Оиси? – проговорила она с улыбкой.

Тот поперхнулся, словно проглотив изрядное количество острого васаби.

– Слуги вашего отца озабочены… простите, моя госпожа, все сходятся в том, что опасно впускать столь странное создание в замок. Одним своим присутствием оно может навлечь несчастье на Ако.

– Чушь собачья! – отчетливо выговорила девочка, наслаждаясь всеобщим замешательством – пока не увидела лицо отца. Тот, бросив через плечо укоризненный взгляд, осмотрелся вокруг, словно ища ее нянек.

– Это просто мальчик. – Сейчас она говорила чистую правду, однако люди вокруг продолжали смотреть недоверчиво или со снисхождением. – Он такой же, как мы. – Мика слегка повысила голос, ища поддержки.

Взгляды, которые она ловила на себе, были скорее сочувствующими, чем неодобрительными, но задевали ее не меньше. Девочка знала, что они думают: она, хоть и дочь их господина, всего лишь глупый ребенок, раз не понимает, как коварно зло и какие формы оно способно принимать. А ей хотелось, чтобы ее услышали и поняли.

– Бедняжка, как и мы, боится незнакомых мест и незнакомых людей. – Она посмотрела на мальчика, вспоминая ужас в темно-карих глазах – ужас того, кто остался совсем один, в руках врагов, – и как выражение этих глаз вдруг изменилось, стоило им встретить ее взгляд. В голосе Мики зазвучала мягкая грусть. – И больше всего на свете хочет сейчас найти себе дом, оказаться среди близких ему людей… как и все мы.

Оиси смотрел на нее мгновением дольше других, почти задумчиво. Но и он в конце концов только глубоко вздохнул и, тронув коня, двинулся вперед, вслед за ее отцом.

Когда мальчик пришел в себя, все вокруг снова изменилось – настолько, что он не знал, верить ли своим глазам. Не сон ли это? Или он умер и загробная жизнь оказалась даже удивительней, чем он мог себе представить?

Он лежал на футоне, набитом чем-то очень мягким. Под стеганым покрывалом, застеленным сверху расшитым шелком,

было тепло, но не душно; прикосновение ткани приятно успокаивало истерзанное, расцарапанное тело, будто прикосновение любящих рук. В тусклом сиянии свечи постепенно вырисовывалась остальная обстановка. Из двора, окруженного угрюмыми каменными стенами, мальчик перенесся в комнату, пол которой покрывали искусно сплетенные циновки-*татами.* Стены-перегородки из полированного дерева разделялись сдвижными бумажными экранами, на которых цвели деревья и летали необычайные птицы. Внешний мир представал на этих картинах еще чудеснее и притягательнее, чем мальчик воображал.

Он был здесь один – самураи с суровыми лицами, с мечами или копьями в руках больше не окружали его. Исчезла и девочка, что появилась так внезапно и заставила их отступиться. Мальчик вспомнил, как она взглянула ему прямо в глаза и улыбнулась – впервые в жизни кто-то улыбнулся ему открыто и приветливо.

Куда же она пропала? Уж не *тэнньё* ли то была – небесная дева, посланная, чтобы привести его сюда? Если бы только она еще задержалась хоть ненадолго, чтобы объяснить, куда же он попал и что ему теперь делать… Неужели и в этой загробной жизни, более прекрасной, чем его сны, он, как и в прежней, обречен оставаться один? Вновь почувствовав резь в усталых глазах, мальчик закрыл их и скользнул в забытье.

– *Сакура, сакура, яёи но сора ва…* – услышал он, проснувшись, чье-то пение, – расцветает в апреле сакура…

Прекрасный девичий голос лился чуть слышно, его звуки словно были растворены в самом воздухе.

– *Изая…* мы пойдем… поглядим на весенний ее цвет.

Слух мальчика, привыкший различать лесные шорохи, подсказал ему, с какой стороны доносится пение, и он повернул голову к чуть сдвинутой в сторону полупрозрачной панели из рисовой бумаги, прямо у его ложа. За ней угадывались очертания чьей-то коленопреклоненной фигурки, – силуэт поющей.

С губ мальчика сорвался неясный звук, и он протянул руку к щели между стеной и сдвижной панелью.

Песня прервалась, и он испугался, что с ней исчезнет и видение, однако силуэт подался вперед, и в щелку робко заглянула та самая девочка.

Их глаза встретились; в ее улыбке читалась искренняя радость от новой встречи. Девочка коснулась его напряженно вытянутой руки. Прикосновение ее пальчиков оказалось мягким и теплым, и еще – таким *настоящим*! Ладонь раскрылась, и на циновку упал сверток, завязанный в вышитый шелковый

платочек. Рука тут же убралась, и только теперь мальчик заметил другие силуэты, более слабые и размытые, которые двигались в глубине комнаты. Служанки терпеливо ждали вместе со своей хозяйкой, пока он проснется.

Теперь женские голоса ворчливо поторапливали *тэнньё*, уводя ее из соседней комнаты. Девочка больше не успела сказать ему ни слова, а сквозь шелест одеяний он различил упреки служанок: «Мика-*химэ*, вам давно пора ложиться!» Та в последний раз оглянулась на него через плечо и исчезла из виду. Не слышно стало и голосов.

Следом за девочкой и служанками вышел молодой самурай по имени Оиси, который все это время безмолвно охранял их. Задержавшись на пороге, он посмотрел вслед Мике-*химэ*, потом бросил непонимающий взгляд на мальчика, будто не в силах взять в толк, из-за чего господин и его дочь так обеспокоены судьбой существа, в котором остальные видят только угрозу. Наконец и Оиси, убрав ладонь с рукояти меча, скрылся за панелью и сдвинул ее за собой.

Медленно и осторожно мальчик приподнялся на локте и протянул руку к свертку, оставленному девушкой. «Мика-*химэ*, вам давно пора ложиться!» Значит, она все-таки человек – госпожа Мика, дочь князя, защитившего мальчика от Оиси и других своих вассалов. Они называли своего сюзерена «господин Асано» – значит, он *даймё* этого сказочного замка, владетель окрестных земель и людей, живущих на них. Станет ли он господином и для маленького бродяги, не имеющего даже имени, более чужого для всех здешних обитателей, чем они сами могут себе представить? Может ли такое случиться?..

Глядя на тончайшую шелестящую ткань, бледно-переливчатую, с искусной вышивкой, мальчик чувствовал благоговейный трепет. Даже самая заурядная вещь – кусок материи – здесь, в этом месте, словно преобразилась по волшебству.

Однако нос подсказал ему, что достоинства платка не исчерпываются одними узорами и нежными оттенками цветов. От свертка пахло съестным, и мальчик вдруг ощутил зверский голод. Кое-как судорожно размотав ткань, он принялся за еду.

Из всего, что нашлось в завязанном платке, он узнал только рис, и даже тот по вкусу ничем не напоминал привычный. Как ни был мальчик голоден и как ни боялся, что и рис, и вообще все окружающее вдруг исчезнет в мгновение ока, развеявшись, словно наваждение, – он все же не мог не почувствовать, насколько изысканна принесенная пища. Впервые в жизни он не заглатывал куски целиком, лишь бы насытиться, а смаковал каждый, стараясь

распробовать новый, необыкновенный вкус. Раньше его кормили так, чтобы он только не умер с голоду.

И все же удовольствие от пищи быстро прошло. Ему казалось, он мог бы съесть столько, сколько весит сам – даже той дряни, которой через силу давился все эти годы, – дали бы ему ее только вдоволь. Но голод, как и страх, имеет свои пределы, и скоро усталость пересилила. Глаза незачем больше держать открытыми, опасности ждать неоткуда. С ним случилось чудо – хоть мальчик и не верил в чудеса. Он не знал, жив он или мертв, знал только, что попал в страну грез, где постель мягка, а шелковое покрывало убаюкивает не хуже колыбельной Мики-*химэ*. Мальчик прикрыл веки и погрузился в сон…

Мальчика назвали *Кай* – «море». Так решила Мика-*химэ*. Он пришел к ним безымянным, но его первые слова, когда он попытался заговорить, повествовали о «Море деревьев». Это место было известно только по легендам и сказкам – никто в замке не видел его своими глазами, и ни на одной из карт сёгуната искать его тоже не стоило. Люди разумные сомневались, что оно вообще существует – по крайней мере, в земной юдоли, – хотя при взгляде на Кая вполне верилось, что только из подобного места он и мог появиться.

Что мальчик всю жизнь прожил в лесу, поверил бы всякий; в том, что он рано лишился родителей, не возникало даже сомнений. Можно подумать, его воспитали волки: самый темный и забитый крестьянин больше знал о том, как держаться среди людей. Речь Кая звучала с такой нелепой старомодной напыщенностью, что рассмешила бы даже иноземца, хотя понемногу и становилась лучше.

Чудо, что найденыш вообще разговаривает, подумал Оиси, дожидаясь в прихожей с главной из нянек Мики-*химэ*, пока их призовут к князю Асано. И все равно хлопот мальчишка причинял не меньше, чем рой диких ос.

Князь пытался найти ему подходящее место среди замковой челяди – посыльным либо партнером в учебных боях для молодых самураев: если что парень и умел, так это бегать как ветер и драться как одержимый. Оиси поспешно отвернулся, чтобы нянька не заметила, как он скривился от одной только мысли. Господин был для него олицетворением истинного *даймё* – равно искушенным в делах управления и боевом искусстве, образованным, словно ученик самого Конфуция. Видно, по прихоти провидения великие умы всегда находятся в плену идей, на воплощение которых не хватило бы терпения и у бодхисатвы…

Пусть даже Кай на самом деле не демон, а лишь презренный

полукровка, ему все равно никогда не освоить строгих правил службы в замке и не заслужить доверия, которое требуется, чтобы отправиться гонцом за его стены.

Наконец и сам господин Асано убедился, что мальчишка ни на что не годен, когда тот, в нарушение всех приличий, полез вперед молодого Ясуно и, пытаясь выполнить его обязанности, *коснулся* князя и Мики-*химэ*. Только приказ господина удержал униженного и оскорбленного самурая от того, чтобы убить невежу на месте, хотя Оиси сомневался, что он когда-нибудь простит или забудет такое оскорбление.

К удивлению Оиси, Кай был явно пристыжен своим промахом. Однако куда больше поражало то, что князь Асано так и не утратил веры в мальчишку. Ведь каждый рожденный в этом мире имел в нем свое место и знал его – каждый, кроме Кая. Он не мог даже находиться внутри замковых стен – среди обширного пустого пространства двора он терялся и переставал соображать. Только жалость господина спасла мальчишке жизнь – и лучшей благодарностью с его стороны было бы вновь исчезнуть в лесу, из которого он появился.

Но Кай, похоже, все-таки приобрел одно положительное качество, причем самое неожиданное. Он оказался столь же предан господину, насколько был безнадежен во всем остальном, а ведь именно это дает человеку (во всяком случае, цивилизованному человеку) право так называться.

Тем не менее ужиться найденыш мог, пожалуй, лишь со зверями – что натолкнуло Оиси на мысль, которую он, собравшись с духом, решился наконец высказать господину. Так мальчишка получил назначение уборщиком на псарню. Эта работа оказалась ему по силам, и Оиси заслужил еще один одобрительный кивок от князя, чьим постоянным советником ему предстояло однажды стать.

Со своими новыми обязанностями Кай справлялся прекрасно, без малейшего слова жалобы и с таким рвением, будто обихаживал собственную родню. Может, его и впрямь воспитали волки? Или лисы-оборотни, *кицунэ*? Он умел обращаться с собаками и отлично ладил с ними. Огромные и свирепые *акита-ину* – охотничьи собаки, способные удержать медведя или отхватить руку чем-то не понравившемуся им человеку, виляли хвостами и лизали мальчишку в лицо, послушные, как щенята, стоило ему только войти к ним в загон.

Оиси вздохнул, переступив с ноги на ногу. Кай-то со своими обязанностями уже давно покончил и бродит где-то за стенами замка, по полям и лесам. Сам же он встал с рассветом и, одевшись, убрав футон и позавтракав с родителями, принялся за

работу. Готовясь принять должность отца, он помогал ему с бумагами, обходил замок и упражнялся в боевых искусствах. Времени едва оставалось на омовение, молитву и ужин. О том, чтобы поболтать и посмеяться с парой друзей за чашкой-другой *сакэ*, и речи не было. До постели получалось добраться хорошо если к полуночи – и прежде чем благословенный сон смежит глаза, полагалось еще поразмыслить над тем, с толком ли прожит день.

Непроницаемая маска на мгновение соскользнула с лица Оиси: он почувствовал возмущение. У него есть и другие обязанности, куда более важные! Почему он торчит здесь, сопровождая главную из нянек Мики-*химэ*? Опять выслушивать ее жалобы господину на злокозненного мальчишку-демона… Оиси невольно прикрыл пальцами уставшие глаза.

Конечно, на самом деле почтенную Хару заботит не Кай, а сама Мика-*химэ*, которая вновь удрала с ним бегать по полям. Что просто в грязи, что в собачьем дерьме – неразумную девчонку к чужаку по-прежнему так и тянуло…

Оиси вдруг встрепенулся – из-за дверей наконец прозвучало его имя.

– Кай!.. – со смехом, но в то же время с мольбой окликнула Мика. – Подожди!

Длинноногий, в свободной простой одежде, он вечно убегал далеко вперед и, казалось, не знал усталости. Даже в новых сандалиях ей было за ним не угнаться. Только на вершине холма мальчик наконец остановился и обернулся назад, дожидаясь.

Неудобные деревянные *гэта* Мика скинула тут же, как только ускользнула из-под бдительного надзора надоевших нянек. Подобрав кимоно до колен, она, босая, бросилась туда, где в это время дня всегда можно было отыскать Кая.

Он сидел на берегу ручья. Длинные, почти до плеч волосы обрамляли его лицо, вылинявшая одежда выглядела еще влажной после купания – Кай содержал себя в чистоте не хуже иного самурая, даром что работал на псарне. Что же он станет делать, когда наступят холода? Проламывать лед в ручье и все равно окунаться со стойкостью монаха-отшельника? А потом? Догадается развести костер, чтобы обсохнуть, или так и будет сидеть, дрожа, на берегу, пока не примерзнет к земле?

Он сидит здесь, на этом месте, каждый день – только потому, что ждет их встречи?.. Потому что сюда может прийти Мика?

При ее появлении он перестал хмуриться, в глазах появилось теплое выражение, а уголки губ тронула улыбка, полностью – Мика уже не раз это видела – преображавшая его лицо.

Когда мальчик только появился в замке, он лишь едва улыбался при встрече – и не поймешь, есть улыбка или нет. Потом Мика поняла, что найденыш, должно быть, просто робеет… или ему никогда прежде и не приходилось улыбаться?.. Это не давало ей покоя, и когда наконец при встрече с ней у него на лице появилась настоящая, чистая и открытая улыбка, а глаза вспыхнули радостью, девочка испытала то, что один из людей ее отца – Басё, бывший буддистский монах – называл *сякабуку*. «Как удар по голове, – говорил он, – после которого все перед глазами проясняется и приходит озарение».

Теперь она, кажется, понимала, что имел в виду Басё. Ей чудилось – отец привел в замок *тэннина*, одного из тех неземных существ, о которых повествуют сутры. Там говорится, что иногда *тэннин* может потеряться, забыть путь назад, в небеса, и бродить по земле, стремясь к вершинам гор, откуда скорее услышишь призыв к возвращению.

Сегодня Кай улыбнулся ей особенно открыто и уверенно. Мика поняла, что он ждал ее, хотя когда она в ответ просияла улыбкой, мальчик отвел глаза, словно та была слишком яркой для его глаз – как солнце, неожиданно проглянувшее из-за туч.

Однако он тут же сделал вид, что отвернулся не поэтому, и, протянув руку, подал Мике пару *варадзи* – плетеных пеньковых сандалий вроде тех, что носил он сам, почти все другие мужчины и простые крестьянки.

– Вот, – пробормотал мальчик, по-прежнему не поднимая глаз, хотя улыбка, как он ни прятал ее, снова тронула его губы. – В них будет удобнее, и мне не придется все время тебя дожидаться.

Мика вспыхнула, одновременно от возмущения и удовольствия, принимая подарок, и попыталась дотянуться до ноги. В ее наряде, да еще с длинными, похожими на крылья бабочки рукавами, это было не так-то просто, и девочка в раздражении закусила губу.

– Я не виновата, что двигаюсь так медленно. Отец не позволяет мне одеваться как мальчику, даже во время тренировок с луком или *нагинатой*… – пожаловалась она.

Нащупав наконец ступню, Мика подняла глаза и увидела, что лицо Кая приняло то же озабоченное выражение, что и у нее.

– В них, думаю, и правда будет лучше, – улыбнулась она, указывая на сандалии. – По крайней мере, теперь не поранишь ноги о колючки и не собьешь их о камни.

Мика чуть не потеряла равновесия и все же в последний момент чудом не полетела в грязь, а грациозно опустилась на теплый сухой камень и вытянула ногу вперед.

Секунду Кай в недоумении смотрел на нее, потом наконец догадался, чего ждет госпожа – хотя по-настоящему дочь *даймё*, конечно, не должна была позволять какому-то мальчишке, тем более простолюдину, дотрагиваться до себя. Мика улыбнулась, представляя себе ужас на лицах нянек – и в то же время молясь про себя, чтобы они не увидели.

Кай приподнял ее ступню и надел сандалию с такой осторожностью, какой сложно было от него ожидать – ведь столько бесценных вещей он вдребезги расколотил в замке. *Варадзи* была сделана как по мерке. Кай надел вторую, поднявшись с колен, поклонился и протянул руку с достойной самурая учтивостью.

Мика, моргнув от неожиданности, приняла ее и встала. Откуда он мог этому научиться? Все в замке говорили, что он непроходимо глуп и толку из него ни в чем не будет, и только Мика видела, как много он примечает и понимает, хоть и провел всю жизнь в лесу, один. Другие бормотали себе под нос: это, мол, лишний раз доказывает, что он демон, – но она знала, что они ошибаются.

Кай просто видел и запоминал только то, что было ему по-настоящему важно, а на все остальное не обращал внимания. Он – *тэннин*, и ничьи слова или поступки не могли этого изменить.

Очнувшись от своих мыслей, Мика взглянула вниз, на ноги в подаренных *варадзи*.

– Да, в них и вправду гораздо удобнее! Как ты узнал размер?

Кай пожал плечами.

– По твоим следам. – В его глазах промелькнула затаенная гордость – нечасто ее можно было там увидеть. – А сандалии сплел по образцу своих.

– Правда?! – Мика пораженно рассмеялась. – А я так, по образцу, могу только свитки переписывать. Я два раза переписала все изречения Конфуция – представляешь, он говорил: «Женщины нужны для того, чтобы на них смотреть, а не для того, чтобы их слушать»? Да что он понимает! Я ничем не хуже любого самурая!.. – Она запнулась – настоящий самурай никогда не стал бы жаловаться. – А моя няня всегда говорит: «Дела благородной госпожи – в словах». И кому мне верить?..

Взглянув на лицо Кая, Мика вновь оборвала себя. Да, когда болтаешь не думая, можно и вправду натворить дел. Вреда слова могут причинить не меньше, чем пощечина или удар мечом в доверчиво раскрытое сердце.

– Благодарю, Кай-*сама*, – с поклоном произнесла она, словно обращаясь к какому-нибудь важному гостю отца. – Никто еще не дарил мне того, что сделал сам, своими руками. Это самый

чудесный подарок, который я получала.

На лице Кая вновь появилась улыбка, а бледная кожа вдруг порозовела, как цветы вишни. Мика спрятала руки в рукава и обхватила ладонями локти, подавляя внезапное желание обнять его – Кай не очень любил, когда к нему притрагивались.

– Так что, – проговорила она тоном, достойным дочери *даймё*, – куда мы пойдем сегодня? Может, покажешь мне свой дом?

– Нет. – Кай отчего-то поморщился. Он отказался поселиться даже в крошечной заброшенной хижине на самом краю деревни у замка, и кое-кто пошучивал, что его место – рядом с собаками на псарне. Однако отец уверил Мику, что Кай устроил себе жилище сам, на опушке леса, и ей ужасно хотелось узнать, на что может быть похож дом *тэннина*. – Лучше даже не проси.

– Но почему?

– Просто… тебе не… – Кай выдавил неестественную улыбку. – Есть тысяча других вещей, гораздо интереснее.

– Но…

– Пошли. – Он мотнул головой и, не сказав больше ни слова, зашагал вдоль берега ручья.

Мика, вновь подобрав кимоно, последовала за ним.

Оиси и старшая нянька госпожи Мики вошли в покои князя Асано и опустились на колени, склонившись в глубоком поклоне. Когда они вновь подняли головы, в глазах господина мелькнуло легкое удивление. Он явно не ожидал увидеть перед собой их вдвоем, да еще с такими кислыми лицами. Действительно, пару они собой представляют странную, подумал Оиси, по жесту князя вместе с нянькой усаживаясь на пятки перед низким письменным столиком.

Господин вдруг нахмурился, вероятно осознав единственную причину, которая могла свести вместе столь разных людей.

– Что-то с моей дочерью?

– Нет, нет, господин! – поспешно и громче, чем нужно, выпалил Оиси. Глубоко вдохнув, он вновь склонился в поклоне. – Простите меня, *данна*; с ней все в порядке. Но… почтенная, э-э, Хару хотела предстать перед вами, чтобы высказать опасения служительниц Мики-*химэ* относительно, э-э… – Он оглянулся на няньку за помощью.

– Мой господин, – проговорила та, куда более смиренная, чем в разговоре с самим Оиси, но настроенная все же решительно, – ваша дочь в последнее время ведет себя весьма неподобающе. Она то и дело предпринимает долгие прогулки за стенами замка…

Князь Асано поднял бровь.

– Весна в разгаре, а девочка сама в весенней поре своей жизни. Почему же ей не наслаждаться ликованием всего живого? Или ее прислужницы стали слишком стары, чтобы всюду поспевать за ней? – Он насмешливо улыбнулся.

Хару, вспыхнув, склонила голову.

– Нет, мой господин, дело вовсе не в этом! Поверьте, мы готовы на все, лишь бы доставить удовольствие Мике-*химэ*! Однако прежде с ней такого не бывало. Только… только после того, как… – она вновь запнулась, вспомнив, видимо, что, как бы она сама ни относилась к мальчишке, хозяин ему благоволит, – … как появился Кай. Теперь госпожа Мика при первой возможности бросает нас во время прогулок и не отзывается, когда мы ищем ее. И… и бегает где-то босиком, сбросив обувь! – Запустив руку в объемистый рукав, Хару достала в доказательство маленький *гэта*, который мог принадлежать только ее воспитаннице.

– После того, как появился Кай?.. – переспросил князь. Оиси не мог припомнить, чтобы господин прежде выказывал замешательство дважды за день, тем более в одном разговоре.

– Каждый раз, сбежав от нас, она отправляется к этому мальчишке! – Почтенная Хару поджала губы. – После мы всегда находим их вместе.

– И что же они делают? – поинтересовался князь, вновь принимая озабоченный вид.

– Ну, как-то мы застали их, когда они брели прямо по ручью – кимоно госпожи Мики промокло насквозь, она могла заболеть! В другой раз они забавлялись, перекидывая друг другу грязный *варадзи*. А однажды они и вовсе сидели вдвоем на краю скалы, у старой сторожевой башни, свесив ноги вниз! Как сказала Мика-*химэ*, «любовались красивым видом».

– Там и впрямь очень красиво, – заметил господин Асано. Он взял со стола веер и, развернув его, сосредоточенно уставился на что-то там изображенное. Затем поднял глаза. – Они не держались за руки?

Лицо няньки исказила гримаса – будто она проглотила неспелую хурму.

– О нет! Будь это так, если бы я только заподозрила, я бы немедленно прибежала к вам!..

– Мы с моей женой часто сидели там, держась за руки, когда были детьми… – На мгновение отрешенный взгляд князь вновь упал на веер, но через секунду господин Асано захлопнул его и перевел глаза на почтенную Хару. – Твои слова значат лишь, что моя дочь ведет себя как непослушный ребенок. По-моему, тебе известно, как с этим справляться. Она – дочь *даймё*, но не небесное божество.

– Я не… то есть да, мой господин, мы всегда старались вырастить вашу дочь такой, какой вы желали бы ее видеть…

– И, насколько я могу судить, это вам удавалось, – с улыбкой одобрения заметил князь.

– До недавних пор. – Хару стиснула лежавшие на коленях ладони. – Она никогда не вела себя так прежде, и чем дальше, тем… – Нянька опустила глаза.

– Ты хочешь сказать, что мальчишка – *ёкай* и что он околдовал ее? – осведомился князь. Обеспокоенное выражение на миг мелькнуло на его лице и тут же сменилось усталым.

– Нет, мой господин, – поколебавшись, ответила Хару и подняла голову. – Но даже если Кай не демон и не замышляет ничего дурного… он все равно остается *хинином*.

Оиси вздрогнул, услышав слово, которым никто не осмеливался называть найденыша в присутствии господина Асано, как бы ни смущало их сомнительное происхождение мальчишки. *Хинин* означало «нечеловек» – пусть даже не в буквальном смысле, однако по сути ничем не лучше. Это имя носили подонки общества: бывшие заключенные, бродяги, полукровки, изгои всех видов – те, кого словно не было, кто влачил жалкое существование вне каст и сословий, принадлежность к которым определяла в Японии личность каждого человека и его судьбу. Даже нищие в Эдо имели свою организацию с назначаемым главой и подчинялись определенным законам. *Хинины* не имели ничего.

– Возможно, сам Кай и не понимает этого, но не Мика-*химэ*. И если она продолжает видеться с ним, тем более без своих прислужниц… это все равно как если бы он и вправду был демоном. – Нянька покачала головой, закрыв глаза, словно сама мысль о встречах ее воспитанницы с кем-то подобным была невыносимой. – Прошу вас, господин, – мы все перепробовали, чтобы убедить ее. Если бы вы сами поговорили с ней – только раз… я уверена, слово отца для нее свято.

Князь Асано нахмурился.

– Хорошо, – произнес он мрачно. – Я услышал вас, почтенная Хару. Я поговорю со своей дочерью. И с Каем тоже.

– *Данна*, послушает ли он? – осмелился возразить Оиси. – Разве он сможет понять, как это может повредить госпоже Мике? Не лучше ли отослать его прочь, чтобы наверняка…

– Кай все поймет. И, думаю, он скорее умрет, чем причинит Мике какой-либо вред. – Князь сдвинул брови. – Он знает свое место – куда лучше моей дочери, как оказалось, – однако у него есть задатки, которые позволят ему со временем высоко подняться. Не забывай, Оиси, *хининами* становятся не по

рождению, это не отдельная каста. Судьба может низвергнуть человека так глубоко, что для остальных он становится будто невидим, но, если его воля достаточно сильна, он может переломить ход своей жизни и изменить свой жребий. Я знаю – Кай способен на это. Надеюсь, однажды ты сам увидишь подтверждение моих слов.

Оиси снова склонил голову, скрывая покрасневшее от смущения лицо. Однако в голове у него промелькнула мятежная мысль: уж чего он точно не увидит, так это чтобы уборщик-полукровка с замковой псарни женился на дочери *даймё*. Что бы Кай ни делал, как бы ни старался выбиться в люди, самураем ему не стать.

Аудиенция была окончена. Оиси поднялся на ноги, стараясь скрыть унижение от выговора, и протянул руку почтенной Хару.

– Благодарю вас, господин, – кротко проговорила та, бросив взгляд на князя. – Прошу простить мою назойливость. Я признательна вам за помощь.

Они поклонились в последний раз, и господин Асано, кивнув в ответ, отпустил их коротким взмахом закрытого веера.

Мика взобралась на вершину холма с разрушенной сторожевой башней, и перед ней раскинулся долгожданный простор.

Кай, неподвижно застыв у одинокого дерева, которое только и несло здесь стражу последнюю сотню лет, сосредоточенно смотрел перед собой, словно настоящий дозорный. Будь на его месте любой другой мальчишка, Мика решила бы, что он изображает самурая времен междоусобных войн. Но Кай был не похож на прочих, и она знала, что, обозревая землю сверху, мальчик видит то, чего остальные и вообразить себе не могут.

Под ними лежал замок Ако и деревня с тем же названием. До самого леса на горизонте простирались возделанные поля, долины перемежались холмами с террасами по склонам или поросшими лесом. Речка, огибавшая замок, несла свои воды дальше, за горизонт, к морю и селению у гавани.

От этой красоты у Мики стиснуло сердце. Ей захотелось перенести ее на стены своей комнаты, чтобы спать словно посреди поля, в густой летней траве. А на потолке пусть будут звезды из золотой фольги…

Она помотала головой, отгоняя глупые мысли. Ни один художник не смог бы передать такого великолепия, хоть бы даже и на тончайшем шелке стенных панелей; да и как не стыдно желать, чтобы оно принадлежало ей одной! Отец всегда говорил, что красота их края – благословение богов, ее нельзя продать или

купить, как мешок риса. И она принадлежит всем, кто здесь живет.

Нет, нужно просто довольствоваться тем, что можешь ее видеть, – как Кай. Мика обвела взглядом картину, так преобразившуюся с течением дней, которые, складываясь в месяцы, раскручивали бесконечную спираль сменяющих друг друга времен года. В прошлый раз делянки для посадки риса еще были залиты водой; в воде отражались голубое небо и плывущие по нему белые облака, и сам замок, казалось, плыл среди них. Теперь же на полях густо высыпали всходы, и земля внизу напоминала лоскутное одеяло, окрашенное во все оттенки молодой летней зелени.

Мика вдруг вспомнила слова, сказанные ей отцом после смерти матери: «Люди всегда плачут, теряя своих любимых, – это разрывает ткань их бытия и заставляет страдать. Однако не стоит горевать об участи умершего: конец – это всегда и начало, возвращение бессмертной души в круговорот перерождений».

Когда-нибудь, пообещал он ей, душа их возлюбленной жены и матери вновь вернется в этот мир вместе с их собственными душами, и они обязательно встретятся. Их облик изменится – как меняется облик природы год от года, – но души, словно сама земля, остаются все теми же, возрождаясь после мирного зимнего сна к новой весне еще более прекрасными, чем прежде.

Мика, моргнув, встряхнула головой. Тогда она не понимала, о чем говорит отец, а теперь вдруг словно воочию увидела подтверждение его слов. Как странно – с Каем все предстает перед ней в новом свете.

Она шагнула к нему, однако мальчик, будто не заметив ее присутствия, вдруг повернул голову и двинулся куда-то в сторону. У ближайшего куста он склонился, рассматривая одну из веток.

Мика хотела окликнуть его и даже открыла рот, но Кай неожиданно вскинул руку.

– Тихо… – прошептал он.

Вздрогнув и едва не прикусив язык, девочка осторожно подобралась ближе и опустилась рядом. Он показал ветку, придержав ее рукой:

– Ш-ш! Посмотри-ка – что это?

Мика, как ни старалась, ничего не могла разглядеть.

– Просто ветка, – разочарованно пожала она плечами.

– Нет, не просто, – покачал головой Кай, показывая ей место слома. – Здесь прошел олень – вон туда. – Он махнул ладонью вдоль гребня холма и вскинул голову, напряженно высматривая что-то не доступное ее зрению. – Там… в тех кустах.

Из подлеска, словно ощутив на себе взгляд, в самом деле выпрыгнул олень и унесся дальше в чащу.

Мика проводила его улыбкой, радуясь изяществу и легкости движений животного. Она всегда чувствовала, что между Каем и лесными созданиями есть необъяснимая духовная связь, нечто вроде *ки*, сверхъестественной энергии, пронизывающей все вокруг и соединяющей все сущее, от камешка под ногами до небесной обители богов.

С младенчества Мика изучала священные начала буддизма и религии синто, но они оставались для нее лишь бесконечными и бессмысленными рядами иероглифов *кандзи* в свитках и манускриптах, требовавших утомительного переписывания, – не более того. В лице Кая, таком обычном и все же неуловимо отличающемся от других, Мика разглядела то прекрасное, чего не видела прежде; его глаза светились магическим знанием, которого нельзя было увидеть ни у кого больше.

Иные в замке все еще шептались, что Кай не человек, – но если это они могли понять, то как не видели, что среди них ходит не демон, а *тэннин*? Все взрослые вечно обсуждали просветление да как его достичь, вели бесконечные разговоры за чаем или сакэ… однако когда им явился посланник с небес, они отправили его убирать за собаками.

Кай покорно принял свое назначение. И, оказавшись среди своры полудиких, рычащих зверей, которых сама Мика – не без оснований – побаивалась, обратил их в послушных собачек, которые каждый раз встречали его, радостно лая и помахивая хвостами.

Мика вдруг почувствовала, как ее глаза наполняют слезы, а кулаки сжимаются. Так нельзя, это неправильно, неправильно! Опустив голову, она ожесточенно заморгала, пытаясь взять себя в руки.

Когда это ей удалось, она подняла глаза на Кая, который тоже как-то странно смотрел на нее. Он не отвел взгляда, как делал обычно, и в черной глубине его зрачков отразилось ее благоговейное изумление перед тем, что она в нем разглядела.

Мгновение спустя он все же потупился. Мика от обиды прикусила губу, но тут же заметила, что он нащупывает что-то в траве. Он протянул руку: на ней лежала заколка-*кандзаси*, выпавшая из волос девочки, – ее любимая, из слоновой кости, в форме стрелы с настоящими ястребиными перьями.

Пальцы Мики коснулись его ладони – и обхватили ее, сжимая…

И в тот же момент снизу послышались голоса служанок, отчаянно выкрикивавших имя госпожи. Мгновение растаяло, как

и ее отражение в глазах Кая. Вне себя от досады, она схватила заколку и поскорее воткнула в свою прическу.

Оба поспешно вскочили на ноги, отряхивая одежду. Мика повернулась – надо было бежать навстречу, пока кого-нибудь из переполошившихся нянек не хватил удар от беспокойства.

Краем глаза она заметила на лице Кая то же разочарование… и печаль глубокого одиночества, всегда таившуюся в его глазах.

Она порывисто вернулась, поцеловала его и тут же, не дав себе времени взглянуть ему в лицо, а ему – увидеть ее, умчалась прочь, такая же легконогая, как встреченный ими олень.

Глава 1

Япония, 1701

Кай нагнулся, ощупью исследуя лесную подстилку под зелеными всходами, что знаменовали приход новой весны. Его мозолистые, с несходящим загаром, как у обычного крестьянина, руки зачерпнули рыхлую землю – какое-то животное, пробегая здесь, вывернуло ее из-под мшистых камней и палых листьев.

Втянув носом запах, Кай нахмурился. Что-то не так. Он перевел взгляд на широкую вмятину в нескольких шагах от себя. Однажды ему уже доводилось видеть подобный след – давно, не на этой охоте… очень давно.

Сзади чуть слышно треснула веточка, и он порывисто обернулся, обводя глазами лес. Облегченно выдохнул – никакое не чудовище, всего лишь лиса.

Но не простая. Снежно-белая, она неотрывно и без страха смотрела на него, не двигаясь с места и подняв одну лапу, – смотрела, словно на равного, словно оценивая. Внезапно, будто испугавшись окрика, она метнулась прочь и исчезла в зеленой дымке между деревьев.

Лисица, да еще и белая…

Мгновением позже со склона донесся стук копыт – подъезжали остальные участники охоты. Возможно, лиса просто услышала их раньше?

Кай смотрел, как поднимаются на холм, возникая из утреннего тумана, князь Асано и его спутники. Верхом на конях, в полных боевых доспехах, они походили на видение из прошлого, на отряд, прорвавшийся сюда из прежних, воинственных времен, когда самураями становились, доказав свою отвагу на поле битвы, а не по праву рождения.

Теперь та эпоха уже забывалась. Почти вековой мир, установленный сёгунами Токугава, принес на смену бесконечным кровопролитным войнам жесткий порядок, ограничивающий все и вся. Новая власть закона устанавливала строгую иерархию, которая четко определяла принадлежность человека к благородному сословию воинов-самураев кровью предков, поддерживая его привилегированное положение в обществе. Прочим полагалось знать свое место и не питать бесплодных надежд занять иное – незримые перегородки между сословиями были так же несокрушимы, как стены замка Эдо, твердыни сёгунов.

Большинство из тех, кто поднимался сейчас по склону, нечасто надевали доспехи – только ради того, чтобы

попрактиковаться в боевых навыках, которые могли им никогда и не понадобиться. Но эта охота не была заурядной – когда добычу наконец настигнут, вся броня на них и все взятое с собой оружие не покажутся лишними.

Увидев Кая, верховые придержали коней и остановились на подъеме. Только тут он заметил, что перестал дышать, и медленно выдохнул. Потом уселся на пятки и стал дожидаться, пока всадники и князь Асано его признают.

Сам он легко выделил господина по богато украшенному шлему со знаком рода; остальных с такого расстояния он мог только угадывать. Минуло почти двадцать лет, но на мгновение, представ перед охотниками, Кай вдруг вновь почувствовал себя тем напуганным мальчишкой, на которого когда-то, давным-давно, наткнулся такой же отряд.

Он давно уже был не жалким *хинином*, убиравшим на псарне, а главным ловчим князя Асано, однако в остальном по сути мало что изменилось – настолько, что немудрено на миг и забыть.

Каштановые волосы Кая со временем потемнели, так что он мог сойти и за настоящего японца, а чтобы не волнились, он смазывал их тем же мятным маслом, которое использовали для своих волос самураи. От них самих шел такой мятный дух – впрочем, довольно приятный, – что они ничего не замечали.

И все же, как ни старался Кай быть принятым – хотя бы в качестве слуги, – для господ он всегда оставался прежде всего презренным полукровкой. Его присутствие здесь, само его существование самураи из замка воспринимали так, как если бы он и впрямь был демоном.

Дождавшись карабкавшихся по склону пеших носильщиков и крестьян-загонщиков, охотники вновь двинулись вперед.

Редкое чувство теплоты и приязни коснулось Кая, когда его взгляд встретился со взглядом князя Асано, тяжелым от усталости, но решительным. *Даймё* вопросительно посмотрел на своего главного ловчего, и Кай поднял руку, давая понять, что обнаружил не просто следы, но нечто более существенное. Он был рад, что может хоть чем-то отплатить человеку, который спас ему жизнь и всегда продолжал верить в него – в отличие от прочих.

Рядом с господином, как обычно, ехал Оиси Ёсио – он стал главным советником князя несколько лет назад, заняв место ушедшего на покой отца. У Оиси были теперь жена, гора скучных обязанностей и сын, только недавно достигший совершеннолетия – то есть чуть младше его самого на момент их первой встречи с Каем. Однако в полном боевом облачении Оиси по-прежнему казался Каю грозным, словно ощетинившийся копьями отряд.

К князю и советнику подскакал еще один самурай – Ясуно, такой же надменный и заносчивый, как прежде. Лет ему было почти столько же, сколько Оиси, но жизнь его ничуть не изменила – во всяком случае, в лучшую сторону. Поклонившись, Ясуно указал вверх по склону, как обычно, словно не замечая Кая.

– Мой господин, думаю, зверь ушел выше.

Ветер отчетливо донес слова до главного ловчего, и его губы сжались в тонкую линию.

Князь, посмотрев на гору, туда, где чаща с разросшимся подлеском становилась еще более непроходимой, только покачал головой.

– Спроси Кая, что он думает.

Хотя поза Ясуно стала напряженной, он почтительно поклонился и направил лошадь к Каю.

– Оиси, ступай за ним, – добавил князь.

Тот, кивнув, поскакал следом. Как ни привык он беспрекословно повиноваться господину, видно было, что приказ доставил ему не больше удовольствия, чем Ясуно.

Кай уставился в землю, собирая волю в кулак. Когда всадники подъехали и он поднялся с колен, его лицо уже ничего не выражало. Под взглядами всадников, вздымавшихся над ним, словно два надменных божества, со своими копьями, луками и мечами, Кай и так чувствовал себя весьма неуютно, но все же выдержал долгую паузу, прежде чем покорно опустить глаза.

Он протянул на ладони клочок окровавленной шерсти зверя.

Всадники, взглянув, вновь перевели глаза на Кая с таким видом, будто в руке у него ничего не было.

– С этим зверем что-то нечисто, – проговорил он наконец и кивнул в направлении зеленой стены деревьев вверх по склону, куда даже его взгляд не мог проникнуть. – Зверь там, на вершине, – но спустится снова, чтобы поохотиться. Безопаснее будет расставить сети и ждать его здесь.

Ясуно в ответ только презрительно фыркнул, разом отвергнув слова Кая, его годами оттачиваемый опыт охотника и безошибочные инстинкты, да и само его существование.

– Мы гоняемся за этой тварью уже несколько дней, – бросил он, будто не Кай возглавлял отряд все это время, притом пешим, а не на лошади. – Нужно убить ее сейчас, пока она не наделала новых бед!

Кай оглянулся на Оиси. Тот смотрел на него все с тем же подозрением, как и много лет назад, когда они впервые увидели друг друга. Пауза затягивалась, и Кай уже решил, что надежды на понимание нет – да, наверное, никогда и не было.

Однако Оиси, еще раз с хмурым видом осмотрев

окровавленный клочок шерсти, кажется, все-таки понял, что что-то не так. Поймав его взгляд, Кай предостерегающе качнул головой. Оиси молча развернул лошадь и вместе с Ясуно поскакал обратно, к ожидавшему их господину.

Оставалось покорно наблюдать, как они докладывают князю, намеренно понижая голос, чтобы Кай их не услышал. Что скажет Ясуно, было понятно и так, но и Оиси, вопреки всем своим познаниям в тактике и военном ремесле, вопреки охотничьему опыту и личной ответственности за безопасность сюзерена, держался того же мнения. Предупреждение Кая он отверг из чистой неприязни к нему – либо, хуже того, из жажды испытать себя в настоящем бою, стремления поставить все на остроту своего клинка.

– Зверь там, наверху, господин. Нужно настичь его, пока у нас есть такая возможность.

«*Бака*! Глупцы!» Кай сжал зубы, чтобы не выкрикнуть это вслух. Его-то жизнь всегда зависела от стали – в чужих руках… Попытайся он предупредить их, на что они нарываются и во что втягивают своего господина, Ясуно просто вытащил бы из ножен *катану*, никогда прежде не ведавшую вкуса человеческой крови, и убил бы на месте наглеца, осмелившегося подвергнуть сомнению его совет князю.

По закону, самурай вправе зарубить чем-либо оскорбившего его простолюдина – будь оскорбление действительным или мнимым. Если бы не личное покровительство князя, кто-то из его свиты уже давно опробовал бы меч на мальчишке-полукровке с псарни, отхватив ему руку, ногу, а то и голову.

Пытаться протестовать значило только зря погибнуть. Его истинные слова никогда не дойдут до князя – хоть это может стоить жизни всем охотникам.

Господин, кивнув, направил лошадь вверх по круче. Главного ловчего он одарил признательной улыбкой. Кай низко поклонился в ответ. Когда он выпрямился, мимо уже проезжали остальные. Никто из них даже не взглянул в его сторону.

Дождавшись, пока все проскачут, Кай с отвращением отбросил клочок шерсти, который все еще держал в руках, и через силу заставил себя прочитать охранительную молитву – только ради господина, – хотя на язык так и просились проклятья на головы его слуг. Их жажда крови уже привела *даймё* на грань опасности – возможно, смертельной.

Все это время они преследовали не обычного зверя, а *кирина*. В сравнении с ним ни медведь, ни стая голодных волков не внушали такого страха. Даже Кай никогда не видел подобного чудовища, а он повидал немало существ, которые и не снились

обитателям замка Ако.

Рисунки в книгах, сделанные якобы со слов очевидцев, ясно показывали, что те лгут, – изображения были нелепыми до смехотворности. Кай знал истину – он слышал ее от тех, кто встречал *кирина* на самом деле. Их рассказы внушали ужас и повергали в трепет – именно потому, что были правдой.

Кирины нечасто попадались на глаза человеку или животным даже в своем обычном прибежище – горных долинах, – при том, что обладали гигантскими размерами. Пугливые, осторожные существа, питавшиеся только растительной пищей, они медленно, в одиночестве, бродили по горным склонам, предаваясь глубоким, не доступным человеку размышлениям. Оплетенные лианами, укрытые ветками и листвой, *кирины* были почти невидимы для глаз людей.

Как и многие создания, обитавшие в гуще первозданных лесов и на склонах затерявшихся в облаках гор, *кирины* обладали странной, мерцающей сущностью, проявлявшейся частично в этом мире, а частично – в мире духов. Те, кого люди называли *ёкай*, «демонами», на самом деле просто лучше их самих умели управляться с *ки*, всеобъемлющей энергией, что наполняла мироздание и струилась сквозь все сущее в нем, живое и неживое.

«Зачем *ки* камням?..» – вспомнил вдруг Кай вопрос, на который когда-то, мальчиком, не смог ответить. Это стоило ему нескольких шрамов, до сих пор оставшихся на теле. Однако потом год за годом лишь терпение и стойкость помогали ему выжить – а кому, как не камням, они нужны больше всего? Теперь-то он видел, что без *ки* не обходится ничто вокруг – лишь с ее помощью тела людей, известно им о том или нет, могут двигаться, и она же позволяет камням сохранять неподвижность.

В жизни Кая бывали минуты – особенно в те редкие дни, когда ему удавалось мельком увидеть Мику и поймать ответный взгляд, по-прежнему полный тоски от разлуки, – когда он чувствовал, будто сам мало-помалу превращается в камень.

Испытав, однако, на себе все недостатки человеческого существования, Кай остро осознал, насколько неглубоко чувствует течение *ки* большинство людей. Не то, что *ёкаи,* которые могли сознательно притягивать эту энергию к себе и с ее помощью творить то, что люди считали невозможным и противоестественным. В их понимании все *ёкаи* были демонами, злыми духами, хотя на деле за этим словом скрывались проявления как истинного зла, так и просто чего-то непонятного, непостижимого.

Редкий человек мог ощутить присутствие *ки.* Немногие смогли бы поверить, что такое вообще возможно, – и

подавляющее большинство продолжало испытывать страх перед любым из созданий, подлинная сущность которых оставалась им недоступной.

Однако *кирины* обычно были миролюбивейшими из земных обитателей. И только когда хрупкое равновесие их существования оказывалось чем-то серьезно нарушено, проявлялась иная сторона их натуры – умевшие, как никто другой, управляться с энергией *ки*, в ярости они способны были причинить невообразимые разрушения.

Каю никогда не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь из них, спустившись с гор, заходил так далеко в земли, которые люди считали своими, как этот, преследуемый сейчас охотниками. Не говоря уже о том, что на своем пути этот *кирин* в бешенстве ломился через деревни и поля, сокрушая дома и уничтожая посевы, пожирая тела убитых им животных – и даже человеческие.

И почему, во имя всех богов, это чудовище объявилось именно во владениях господина Асано – далеко не худшего человека из живущих на земле, а по мнению Кая, и вовсе одного из лучших?

Оставленный позади вместе с носильщиками и крестьянами, Кай опустился на колени, склонил голову и закрыл глаза. Вслушиваясь в шум ветра, вдыхая его запах, ощущая кожей, он пытался другими чувствами воспринять то, что было недоступно зрению.

Ни меча, ни лошади ему не полагалось, и Кай был столь же бессилен остановить грозящую беду, как и любой из сгрудившихся вокруг него простолюдинов. Никому из них не доводилось раньше принимать участие в подобной охоте – впрочем, как и самураям. С другой стороны, и личную заинтересованность в поимке добычи они тоже испытывали нечасто. Но место и для них, и для Кая было определено раз и навсегда, совсем как в жизни, и покинуть его они не могли – а в общем-то, и не стремились.

Охотники приближались к зазубренной вершине холма в густом утреннем тумане, по-прежнему стелившемся между стволами деревьев и торчащими тут и там серыми каменными выступами. Пробираться приходилось по чаще, без дороги. Самураи то и дело натягивали поводья, сдерживая коней: те, обычно спокойные, рвались и храпели.

Горло Оиси стиснуло – он вспомнил невысказанное предупреждение Кая. А вдруг стоило все-таки принять его во внимание? Лошади беспокоились не просто из-за сложного

подъема или чувствуя напряжение всадников. «Если животные напуганы, значит, близко противник» – чьи это слова? Сунь Цзы? Враг – необязательно человек. Если господин Асано попадет в беду из-за гордыни своего главного советника…

Среди покрытых мхом камней, разросшихся кустов и свисающих вниз ветвей ничего нельзя было различить – все сливалось в сплошное зеленое марево, туман делал очертания предметов зыбкими и неверными. Внезапно лошадь Оиси сама, без команды, остановилась и вскинула голову, навострив уши.

И тут он тоже услышал. Звуки, донесшиеся откуда-то спереди, не походили ни на что знакомое – словно утробный рык невообразимых размеров зверя, перемежаемый сухим хрустом и треском. Будто ломались ветки… Нет, не ветки – кости. Чудовище пожирало что-то – или кого-то.

Оиси обернулся к князю и, стараясь скрыть тревогу в голосе, проговорил:

– С вашего разрешения, я отправлю нескольких людей вперед на разведку, мой господин.

Почувствовав его озабоченность, тот успокаивающе улыбнулся.

– Ты чересчур осторожен.

Оиси заметил зажегшийся на миг в глазах господина боевой огонек. *Даймё* жаждал схватки с равным противником – в последний, может быть, раз.

– Два отряда, – взмахом руки указал он. – Пусть гонят его на нас.

Оиси повторил команду, и охотники мгновенно разделились. Часть осторожно двинулась вперед, огибая непроходимые заросли. Лучники готовили стрелы, остальные поудобнее перехватывали рукояти прямых копий и изогнутых *нагинат*.

Когда все заняли места и изготовились, Оиси кивнул Хадзаме, своему помощнику. Тот поднес к губам старинный, инкрустированный серебром рог и подул. Рог испустил жалобный, почти одушевленный вой, от которого кровь стыла в жилах и сжимались зубы. Когда звук и эхо от него растаяли в воздухе, лес окутала странная, противоестественная тишина – ни жуткого рыка, который мог производить только *кирин*, ни птичьих голосов. Это длилось какие-то секунды, хотя Оиси показалось – вечность.

Потом весь покрытый растительностью склон с оглушительным треском словно ожил, и чудовищный зверь, выскочив из укрытия, ринулся в атаку.

Высотой вдвое превосходя всадников, он несся на них с неумолимой мощью камнепада. Огромную голову венчали две

пары рогов – одни, на лбу, торчали вперед костяными копьями, грозя проткнуть нападающих, другие, похожие на оленьи, изгибались отростками по сторонам, как ветви расщепленного молнией дерева, готовые подцепить любого, кто зайдет с боку. Удар каждого копыта мог повергнуть наземь и искалечить наездника вместе с лошадью; таким же смертоносным выглядел и похожий на бич хвост, длиной больше самого туловища.

«Что-то с этой тварью не так», – мелькнуло в голове у Оиси, который, затаив дыхание, следил за приближением чудовища.

Три пары глаз чудища заволокло багровой пеленой, оскаленные клыки торчали подобно огромным ножам; грубая кожа на жуткой, лишенной шерсти морде пестрела мшисто-зелеными и пепельно-серыми, как от проказы, пятнами, словно покрытый лишайниками валун; свалявшиеся сосульки волос по ее сторонам походили на щупальца. Косматую гриву покрывала грязь и ржавые потеки разных оттенков – то ли кровь, то ли гной. Туловище усеивала чешуя, ярко-оранжевая и изумрудно-зеленая, напоминавшая какой-то нездоровый светящийся налет. Больной, обезумевший дух леса, против которого бессильны стрелы и копья.

Круто развернувшись, так что стоявшему бок о бок князю невольно пришлось сделать то же самое, Оиси бросил коня вверх по склону, убираясь с пути *кирина*. Остальные тоже лихорадочно натягивали поводья, но никак не могли разъехаться; лошади оступались на предательски скользких камнях и крутом косогоре.

Лучники осыпали пронесшееся между ними чудовище градом стрел с обеих сторон, но с таким же успехом они могли пускать в него соломинки. Уколы только привели *кирина* в еще большее неистовство. Басё, размерами и силой не уступавший борцу сумо, ткнул в бок чудовища изогнутой *нагинатой*, однако клинок соскользнул с чешуи, не оставив даже царапины.

Ясуно недвижимо застыл прямо на пути твари. Оиси слишком поздно понял его самоубийственное намерение в одиночку расправиться с ней. Увы, боги благоволили – если так можно сказать – этому удальцу не более, чем остальным охотникам: *кирин* внезапно свернул и пронесся за спиной Ясуно, не оставив тому возможности нанести удар или хотя бы задержать чудовище.

Охотники атаковали зверя с разных сторон и чем могли, но *кирин* с ревом раскидывал их в стороны, как осенний ветер – листья. Оиси вдруг понял, что чудовище движется прямо на него… Нет, его цель – князь! Казалось, одержимость твари направлена именно на правителя Ако!

Видимо тоже почувствовав это, скакун князя от испуга взвился на дыбы. Пытаясь удержаться, *даймё* схватился за

поводья. Теперь он не мог даже защитить себя.

Осознав, какая опасность угрожает господину, Оиси с трудом направил собственного коня вперед и завопил во всю мощь легких, чтобы привлечь внимание зверя. В последний момент, оставив князя, *кирин* повернул к новому противнику.

А потом вдруг остановился – и бежал, ведомый безотчетным стремлением вырваться из приготовленной ему ловушки.

Оставшиеся внизу с возрастающим ужасом прислушивались к звукам невидимой битвы, которые доносились сверху. Даже Кай ничего не мог разобрать в шуме и гвалте – людских воплях, конском ржании и невероятном треске. Его зрение тоже было бесполезно – очертания деревьев сливались в одно серо-зеленое туманное марево.

Внезапно все стало пугающе четким – земля задрожала, и из чащи на поляну выскочил *кирин*. За ним мчались оставшиеся в седлах всадники, сосредоточенные только на том, чтобы поймать чудовище.

Крестьяне и носильщики, привлеченные звуками битвы и подошедшие к зарослям слишком близко, бросились бежать, но было слишком поздно. Раздались крики, и *кирин*, проложив себе дорогу в толпе, устремился под спасительное укрытие деревьев ниже по склону.

Кай тоже побежал – не от чудовища, а за ним, не меньше самураев настроенный не дать ему уйти.

Заметив несущуюся мимо обезумевшую лошадь, он отчаянным рывком ухватился за седло и вскочил ей на спину. Натянув поводья, усмирил животное и направил его за чудовищем к самой кромке деревьев.

Безоружный, Кай мог только попытаться выманить *кирина* обратно на открытое место. Бросив храпящую от страха лошадь наперерез, он закричал и стал размахивать руками. И разъяренное чудовище ринулось на него. Выскочив из-за деревьев, Кай заметил мчащихся навстречу самураев и с облегчением свернул в сторону. Пусть те, кто начал этот бой, его и заканчивают.

Несколько самураев попытались накинуть на *кирина* сеть, но это еще больше разозлило его. Порвав путы, зверь вырвался из кольца всадников и вновь устремился к лесу.

Ясуно в одиночку бросился в погоню. Кай вполголоса выругался, развернул лошадь и пустился следом.

Он нагнал безумца как раз когда тот, перевесившись с седла, ухитрился вонзить меч в спину чудовища, позади торчавших вбок ветвистых рогов. Рана не была смертельной и лишь привела

кирина в ярость. Резко повернувшись, одним взмахом огромной головы он сбросил Ясуно с лошади. Тот вскочил на ноги – и попятился, увидев наставленные на него, готовые пронзить насквозь рога.

Кай галопом рванулся к чудовищу и, вытянув руку, ухватил рукоять торчавшего из тела меча. Отросток рога пропорол ткань рукава и вонзился в плечо, но Каю все же удалось, выдернув *катану*, удержаться в седле. Наконец-то у него было оружие! Пришпорив лошадь, он с диким криком понесся вокруг кошмарной твари. *Кирин*, тут же забыв про Ясуно, обернулся, чтобы расправиться с новым противником.

За секунду до столкновения с гигантской тушей Кай направил лошадь в сторону, привстал в стременах и, счастливо избегнув удара рогов, рубанул сбоку по шее, по уязвимому месту, где сочленялись череп и хребет.

Брызги отравленной крови кислотой обожгли кожу, но Кай едва почувствовал боль, захваченный жестоким ликованием единого мгновения, разделявшего жизнь и смерть. Он не держал меч в руках многие годы и сейчас ощутил с прозрачной ясностью, как клинок стальной молнией входит глубоко в плоть, рассекая хрящи позвоночника. «*Острейшей сталью, что убьет и бога*» — как говорили те, кому довелось одолеть *кирина*. Теперь Кай знал, что это правда – до последнего слова.

Он натянул поводья, отводя лошадь от страшных рогов с торчащими, словно пики, отростками, но недостаточно быстро. Голова *кирина* мотнулась в агонии, и один из отростков ударил Кая в спину, подцепив под лопатку. С криком вылетев из седла, он кубарем покатился по земле. Не в силах подняться, юноша беспомощно лежал, хватая ртом воздух. Если тварь нападет снова, ему конец.

Однако рана была слишком серьезна. Качнувшись, *кирин* повалился на колени и больше уже не встал.

Превозмогая дурноту, Кай поднялся и, хоть кровь пропитывала ткань поношенного кимоно, заковылял к поверженному чудовищу, ведомый непонятным ему самому побуждением.

Он остановился перед гигантской головой, прямо под взглядом трех пар глаз. Багровая пелена ярости уже уходила из них, сменяясь печальным спокойствием, в котором сквозила вековая мудрость. Темные зрачки смотрели без злобы, с бесконечным смирением – существо, чья голова опускалась все ниже, словно возвращалось мысленно к миру и покою, которыми была наполнена его прежняя жизнь. Изуродованное мукой тело принадлежало некогда благородному созданию. Теперь разум

возвращался к *кирину*, освобождаясь в преддверии смерти от наложенного кем-то страшного заклятья.

Страдания его подходили к концу; душа отлетала, соединяясь с великой спиралью времени, устремленной в будущее. В жесте запоздалого раскаяния Кай протянул руки к испещренному пятнами лбу, тщетно пытаясь вспомнить древние слова молитвы, долженствующие облегчить переход в иной мир. Огромные темные глаза наполнились влагой, будто *кирин* ронял слезы. Исполинская голова коснулась земли и замерла.

На глазах у Кая морок отвратительной злобы, изуродовавшей плоть и разум сверхъестественного существа, отступал, словно ночной кошмар, тающий с пробуждением души к новой, неведомой жизни. Кай оглядел себя – ожоги от отравленной крови исчезали, ее потеки на коже и одежде меняли цвет с черного, как деготь, на сияющий золотом ярко-алый. То же магическое свечение исходило от гривы *кирина;* грязная масса свалявшихся, похожих на черви колтунов превращалась в воротник густого золотистого меха.

С усилием заставив тело двигаться, Кай добрался до рукояти вонзенной в шею *кирина катаны*. Ухватившись обеими руками, он осторожно вытащил клинок и только тут ощутил у себя за спиной чье-то присутствие – присутствие человека, который видел все происшедшее от начала до конца.

Кай обернулся. Взгляд Ясуно упал сперва на свой меч в чужих руках, потом метнулся выше. Глаза его горели гневом и унижением. Дрожащим от ненависти голосом самурай проговорил:

– Лучше бы мне погибнуть от рогов этой твари, чем быть обязанным жизнью грязному полукровке.

Кай слепо уставился на *катану*. Слова медленно доходили до его сознания. Потом, по-прежнему не поднимая глаз, он низко поклонился и протянул меч Ясуно.

– Это не моя заслуга, – произнес он со странным чувством, превращая традиционную формулу скромности в обещание молчать.

Ясуно выхватил *катану* так, будто спасал из чужих рук собственную душу.

Сквозь заросли послышался звук копыт. Подъехавшие охотники окружили тело убитого *кирина* и двух человек рядом с ним. Взгляды, едва скользнув по Каю, хоть тот от боли не смог даже положенным образом преклонить колени, надолго задерживались на *кирине* и наконец сосредоточились на Ясуно с окровавленным мечом.

В круг въехал князь Асано, и у Кая от облегчения

закружилась голова – господин был жив и невредим. Как и другие, переведя глаза с трупа существа на Ясуно, князь решил, что это и есть герой. С мрачноватой улыбкой истинного воина он пошутил:

– Тебе его и тащить, Ясуно.

Все остальные разразились громким смехом, в котором звучали облегчение и торжество победы, – все, кроме самого Ясуно. Если бы не низкий поклон, в котором он надолго застыл перед господином, каждый бы увидел, что на его лице нет и тени радости.

– Ако в долгу у тебя, – уже серьезно проговорил князь, отвечая самураю признательным кивком. Его лицо отражало то же восхищение и радость, что и лица прочих охотников. – Теперь мы, наконец, сможем без страха ждать приезда сёгуна.

Приезд сёгуна – Кай и забыл о нем, его самого это мало касалось. Неудивительно, что господин, обычно всегда трезвомыслящий, стремился закончить охоту именно сегодня.

Осторожно, стараясь не споткнуться, Кай попятился, чтобы незаметно слиться с группкой крестьян, наблюдавших за этой сценой с почтительного расстояния. Не нужно, чтобы господин Асано видел его. Слава обошла Кая стороной, но он и не желал ее. Не сегодня. Не так. Он оглянулся на мертвого *кирина*. Исчезнуть поскорее. Скрыться с глаз.

Продолжая отступать, Кай неосторожно задел чьи-то ножны. Вздрогнув от неожиданности, он дернулся и увидел над собой Оиси. Тот с легким раздражением, но без гнева посмотрел на простолюдина, осмелившегося коснуться его меча. Однако лицо главного советника переменилось, стоило ему узнать Кая. Заметив же раны на теле ловчего и потеки отливающей золотом крови *кирина*, Оиси озадаченно нахмурился, потом взглянул на Ясуно, словно начиная что-то смутно понимать…

– За Ако! – провозгласил князь Асано, и внимание Оиси отвлеклось на него и прочих самураев, вторивших боевому кличу. Когда он обернулся, Кая уже не было рядом.

Убравшись подальше с глаз Оиси и других охотников, Кай опустился на поваленное бревно и стянул кимоно с раненого плеча. Он поспешно надрал пальцами дерна со мхом пополам и заткнул рану в спине, куда угодил рог *кирина*. Здоровая рука едва дотянулась до окровавленного отверстия; от жуткой, до дурноты боли Кай чуть не закричал и вцепился зубами в рукав, чтобы не выдать себя. Другие раны тоже не мешало бы обработать; некоторые из них оказались довольно глубокими, но все же могли подождать. Кай почти и забыл, каково это, когда на тебе живого

места нет, – однако по прежнему горькому опыту знал, что от такого не умирают. И все же спина кровоточила слишком сильно; если бы он ничего не предпринял, то просто не дошел бы обратно до замка.

Взгляд против воли вновь упал на поверженное тело. Кай не желал больше на него смотреть, хоть и знал, что до конца жизни будет помнить смерть и преображение *кирина*. «За Ако!..»

Вновь почувствовав на себе чей-то взгляд, он резко обернулся. Белая лисица вернулась и сидела неподалеку, рассматривая его с выражением до странности разумного интереса. Кай вдруг заметил, что один глаз у нее как у настоящих лис, карий с красноватым оттенком, а вот другой – бледно-голубого цвета.

Кицунэ… Оборотень-*ёкай*, владеющий таким числом магических способностей, что все и не перечислишь, но являющийся обычно в виде лисы. Теперь, рассмотрев лисицу как следует, Кай заметил призрачную, подрагивающую дымку иномирности, едва уловимо окутывавшую земной образ. Белый, как снег, цвет шкуры свидетельствовал, что перед ним древний и могущественный дух. Зачем он здесь? Из-за *кирина*?

Еще на секунду задержав на Кае взгляд, который вполне можно было назвать задумчивым, лисица повернулась и растворилась в лесу – словно последнее перышко утреннего тумана.

Глава 2

Вид Хонсю с воздуха был просто великолепен – и пока недоступен для человеческих глаз. Море постепенно удалялось, сливаясь с прозрачным голубым небом; засеянные поля и бамбуковые рощи переливались всеми оттенками зеленого; самым густым и темным цветом хмурились взбирающиеся все выше по холмам леса, над которыми вставали ярусы лилово-серых гор со снежными пиками.

Весенняя зелень равнин осталась позади, отступив вслед за плещущими о берег океанскими волнами, – начинались предгорья. Среди деревьев замелькали островки снега, пока его ослепительно-белый покров с пятнами темных, мертвых камней не погасил живые краски природы.

Толстые крепостные стены замка Кираяма казались единственным творением человеческих рук здесь, среди дикой бело-серой пустыни под самыми небесами.

Часовые на стенах и башнях не смогли бы заметить прибытия *кицунэ*. Крошечная искорка пролетела по дуге в самое сердце цитадели – словно сверкнул солнечный луч, отразившийся от льда.

Впрочем, часовые вообще редко поднимали глаза к небу, где разве что изредка пролетал коршун. Да и под стенами до весны нечасто показывалось живое существо: только дикие звери по своей воле оставались в горах на зиму, но ни они, ни люди не забирались без нужды так далеко. Врагу здесь тоже нечем было поживиться, поэтому стражники не особенно смотрели по сторонам и большей частью торчали у угольных жаровен, дававших живительное тепло.

Так и вышло, что снежно-белая лиса проникла в замок, как всегда никем не замеченная и не узнанная. Ее лапы мелькали по каменному полу огромного зала, а следом спешила колеблющаяся в свете факелов тень. С каждым движением, каждым шагом внешний облик *кицунэ* неуловимо изменялся, хотя еще сильнее преображалась ее внутренняя сущность, – и когда она вошла в главную палату, попадавшиеся навстречу слуги и вассалы видели перед собой только ту, кого ожидали увидеть: Мидзуки, ошеломительно красивую чувственной женской красотой спутницу господина Киры, хозяина замка.

Головы поневоле поворачивались ей вслед, когда она с гордо выпрямленной спиной, изящно, словно плывя над ступеньками, поднималась по лестнице в личные покои господина. Одежда женщины была из самых изысканных тканей, богато отделанных

и украшенных искусным узором, напоминавшим о лесной чаще в летний полдень: золотистая зелень травы под солнцем, бархатный мох камней у ручья и синева небес сквозь листву свисающих ветвей.

Даже когда Мидзуки, не проронив ни слова, скользила между слугами, будто не замечая их, одно ее присутствие внушало им мир и покой. Окружавшие ее переливы красок и ароматов напоминали, что однажды даже в эти унылые горы придет весна – нужно просто еще немного подождать.

Околдованным казался и их господин – и он-то изменился больше всех. Когда Мидзуки была рядом, его угрюмую суровость снимало как рукой, и слуги могли отдохнуть от постоянных вспышек гнева и недовольства.

Преобразившаяся лисица открыла дверь в личные покои Киры – мягко, но уверенно, без униженных поклонов, обязательных для женщины перед мужчиной и для самураев, служивших в замке, перед их *даймё*.

Странные глаза *кицунэ* – один глубокого карминового оттенка осенней листвы, другой льдисто-голубой, как зимнее небо, – обежали тускло освещенную комнату, отыскивая господина, которому Мидзуки служила вернее любого из вассалов и исключительно по собственной воле.

Кира лежал, вытянувшись на татами, под меховым плащом. *Кицунэ* по-лисьи бесшумно подошла и встала сбоку, всматриваясь в лицо спящего. Сейчас оно выглядело спокойным, как у ребенка, но в любое другое время живые угольки темно-карих глаз пылали потаенным огнем честолюбия. Кира был самым красивым из земных мужчин, которых ей приходилось встречать, – блестящие волосы цвета воронова крыла, безупречные черты… Нежный и внимательный любовник, он только с ней наедине мог забыть о снедавшей его душу почти животной жажде власти. Мидзуки и сама не знала, какое из этих качеств – а может быть, их редкое сочетание? – поймали ее сердце в тенета страсти. Она даже не сразу поняла, что происходит, – так неожиданно все случилось, да и нечасто с ней это бывало.

Сам он попал под ее чары, едва увидев, – чего она и добивалась, даже не сомневаясь в успехе. Однако, к своему величайшему изумлению – но отнюдь не беспокойству, – Мидзуки вскоре поняла, что заклятье получилось обоюдоострым. Она еще подумала, что, возможно, Кира сам был *кицунэ* в прошлом своем воплощении.

В конце концов, это, как и судьбы всего сущего на земле и даже в мире горнем, предопределено изменчивым течением *ки*.

Ни повлиять на него, ни хотя бы предвидеть его повороты нельзя – даже ей, со всеми ее магическими способностями.

Вздохнув и вновь вернувшись взглядом к лицу Киры, она уже собиралась опуститься рядом и разбудить его поцелуями, когда глаза мужчины вдруг открылись. Он и не спал – поняла она. Только ему, единственному из людей, удавалось провести ее.

– Так, значит, Асано жив?

Мидзуки не двинулась с места и не опустила глаз, но ее молчание было красноречивее слов.

Опершись на локоть, Кира склонился к лежавшей рядом на полу изящно выполненной карте Японии.

– Сталь из Нагато позволяет ковать превосходное оружие, – его пальцы скользили по областям, о которых он говорил, – золото Идзу купит верность союзников… Но чтобы прокормить армию, нужны плодородные земли Ако. – Он ткнул в изображение провинции с таким ожесточением, словно хотел раздавить ее *даймё* одним этим движением. – Ако – ключ ко всей Японии. Овладей им человек, способный смотреть вдаль, и он сам станет сёгуном.

Откинув плащ, Кира встал. В его взгляде, направленном на Мидзуки, читалось скорее разочарование, чем недовольство. Не в силах отвести глаз, та и не пыталась протестовать, тем более – бросить ему в лицо обвинение в неблагодарности. А ведь магии сложнее *кицунэ* еще не приходилось творить. Лишь объединенная мощь земных и небесных сил позволила ей наложить порчу на *кирина*, одновременно внушив ему, что его мучитель – князь Асано, и потом волшебством выманить из сокровенных горных долин в земли Ако, где безумное чудовище учинило страшный хаос. Асано, как и предвидела Мидзуки, сам бросился преследовать его. Он должен был погибнуть…

– Мой господин, – проговорила она, – я сделала все, что в моих силах.

Ей вдруг вспомнился простолюдин, который одним ударом поразил *кирина*, хотя даже лучшим самураям Ако это оказалось не по плечу… который, взглянув ей в глаза, вдруг проник сквозь лисью личину и ясно увидел ее истинную сущность. Мидзуки не сомневалась: перед ней обычный смертный, даже не священник. И все же…

– Ты подвела меня, – произнес Кира, скорее смиряясь с произошедшим, чем гневаясь. Его рука мягко коснулась лица женщины, однако в этом прикосновении не было ни тепла, ни прощения.

Шагнув мимо нее к окну, он сдвинул створку в сторону. Морозный ветер мгновенно ворвался в комнату, но Кира, не

обращая внимания, стоял и смотрел на свои бесплодные владения. Руки он бессознательно сцепил позади, словно узник.

– Мои предки ценой своей жизни помогли роду сёгунов обрести власть – и вот что получили взамен, – проговорил он с привычной горечью. – Предки Асано только отдавали приказы, сидя на походных стульях, и им досталось Ако! Теперь сёгун удостаивает его визитом, а я нахожусь среди сопровождающих!

Кулаки Киры сжались.

– Ако должно стать моим!

Решимость преодолела хандру, и руки господина, будто разорвав невидимые кандалы, легли перед ним на брус рамы. Глаза, смотревшие на обдуваемые всеми ветрами бесплодные камни, сделались неумолимо-холодными, как снег на вершинах гор.

Мидзуки пересекла комнату и обняла любовника, приникнув к нему теплым телом. Сам он казался таким холодным, словно вид собственных безжизненных владений заморозил его насмерть. Ее сердце наполнилось жалостью, и она обняла Киру еще крепче, стараясь отогреть в нем надежду и любовь.

– Что мне сделать, чтобы рассеять тревоги господина?

Он резко обернулся и высвободился из объятий, не принимая ни утешений, ни ласк.

– То, что я тебе скажу. Мне нужно получить Ако.

Под его жестким немигающим взглядом она опустила глаза. Бросить вызов собственной судьбе, всеми силами стараться изменить ее – кто еще, кроме человека, может быть столь наивен и столь самонадеян?

И вместе с тем именно люди, слепые к течению *ки*, единственные из всех живых существ могли совершать поступки настолько противоречащие ему – и потому способны были противостоять всемогущему року. Как этот простолюдин сегодня, что в одиночку убил *кирина*: для человека он обладал поразительной властью над мировой энергией. Какая насмешка заключена в непостижимой воле богов – наградить подобным даром столь жалкое создание…

Но именно этот талант в сочетании с решимостью переломить судьбу и изменить свое будущее сделал Киру тем, кто он есть, – а также единственным земным мужчиной, которого смогла полюбить Мидзуки. Полюбив же, она с радостью отдала в его распоряжение все свое могущество.

– Тебе не взять Ако силой. Асано и его советники умны и осмотрительны, их люди безраздельно преданы и отважны в бою… – Она заколебалась. – Однако ты можешь сломить их дух.

Протянув руку, она нежно коснулась лица Киры, и на сей раз

он не отстранился, а, прижавшись щекой к теплой впадине ладони, жадно ждал ответа.

– Через три дня Ако будет в центре общего внимания, – негромко проговорила *кицунэ*. – Если мой господин пожелает, день торжества Асано станет днем его падения.

– Как? – Кира напряженно выпрямился, подняв голову.

Мидзуки небрежно пожала плечами, перекинув распущенные волосы вперед. Уверенность вернулась к ней.

– У каждого есть свое слабое место, – промурлыкала она, избегая надолго встречаться с любовником взглядом. – Для Асано это дочь. Он умрет за нее.

Кира улыбнулся и привлек женщину к себе, заключив в объятья. Его поцелуй был наполнен страстью, которой она так долго ждала…

Охотники возвращались в замок воодушевленные. Нефритовая зелень рисовых полей, устилающих долины и взбирающихся террасами вверх по холмам, и сапфировая лента реки, в которой отражалось пронзительно-голубое небо, были великолепны, как никогда. Повсюду стояли сакуры в цвету – где усеянные простыми пятилепестковыми белыми цветами, где словно окутанные слоистыми ярко-коралловыми облаками, рубиново просвечивающими в солнечных лучах. Сама земля Ако приветствовала победителей чудовища, угрожавшего ей и живущим на ней людям.

Мика взглянула поверх голов одетых в черное приглашенных советников, которые вот уже который день не давали ей покоя, и заметила по ту сторону ристалища, разбитого для главного события торжеств – поединка, – Тикару, сына Оиси. Юный самурай с не подобающей его званию поспешностью ворвался в нижний двор замка, где шли последние приготовления к визиту сёгуна, и покрутил головой, отыскивая кого-то – наверняка ее саму.

Находясь в обществе до мелочей приверженных этикету господ, Мика подавила порыв окликнуть юношу или хотя бы помахать ему рукой. В ней все еще жила пылкая девчонка, и присутствие молодого Тикары – так похожего на своего отца, когда тот был свежеиспеченным самураем и гордился статусом помощника *каро*, – всегда пробуждало в Мике прежние порывы. Но теперь, взрослая, ради отца – и собственной репутации – она не могла позволить себе и тени невнимания к словам самых умудренных в вопросах церемониала советчиков из Эдо, каких только удалось нанять.

Спрятав неуместную улыбку, Мика изящно поправила рукав,

чтобы был виден *мон* клана Асано – скрещенные ястребиные перья. Тикара вскоре заметил его, и по просиявшему лицу юноши она поняла, что новости хорошие и потому могут немного подождать.

От внимания некоторых советников тоже не ускользнула словно бы нечаянная демонстрация эмблемы клана Асано. Эмблема символизировала славную историю рода и восходила к тем временам, много поколений назад, когда ястребиное перо получал самурай, заслуживший свое звание на поле боя, или одержавший победу полководец.

Мика вернулась к плану размещения хозяев и почетных гостей за столом. Советники ждали ее решения.

– Где вы намерены усадить канцлера? – спросила она, словно ничего важнее в этот момент не занимало ее мысли.

– Между его превосходительством и господином Асано, моя госпожа, – ответил один из советников, указывая пальцем, – но план пока еще не утвержден вашим отцом…

– Считайте, что утвержден, – веско проговорила Мика, приподняв веер, тоже носивший на себе *мон* клана, и резко закрыв его. Жест напоминал – отец в свое отсутствие оставил ее следить за всеми приготовлениями и принимать решения. И не просто по прихоти – дочь *даймё* исстари обладала правом управлять замком и землями. Советники знали это не хуже ее самой.

Отец вручил ей все бразды правления, а сам спешно отправился в поход против нежданно объявившегося в его владениях чудовища. Зверь вторгся на земли Ако, сея ужас среди крестьян и уничтожая посевы. Визит сёгуна оказался под угрозой.

Приглашенным советникам лучше было ничего не знать – во всяком случае, до удачного завершения охоты. Стоит им услышать о происходящем – удерут обратно в безопасную столицу, а приезд сёгуна будет немедленно отменен.

Набрав побольше воздуха, Мика твердо добавила:

– Единственная поправка. По другую руку моего отца будет сидеть князь Сакаи, а не господин Кира.

– Господин Кира – один из могущественнейших людей в государстве! – запротестовал кто-то из советников.

«Точнее, самый влиятельный интриган при дворе», – поправила про себя Мика. Отец презирал его, и не без причины. Но вслух она только промолвила с улыбкой – будто это все объясняло:

– Князь Сакаи – друг моего отца.

И верный союзник, с чьей помощью можно будет обуздать неприкрытые притязания Киры. Стремление того прибрать к

рукам наследственные земли ее клана не было секретом ни для кого из *даймё*, вынужденных приезжать ко двору, тратя на это немало денег, куда чаще, чем выбирался из столицы сам сёгун.

Как человек вроде Киры – его крохотный, незначительный удел ничего не давал стране, кроме вида на горные вершины, – приобрел столь высокое положение в Эдо, для Мики долгое время оставалось загадкой. Позднее она научилась прислушиваться, играя роль хозяйки дома, к разговорам гостей отца, и многое для нее стало ясно. Когда лилось сакэ, языки у мужчин развязывались, на женщин же – даже на дочь князя Асано – при этом обращали не более внимания, чем на мебель. Кира в их рассказах представал человеком невероятного обаяния, обладателем острого политического ума и полностью лишенным совести. Оставалось только желать, чтобы сёгун обуздал его амбиции… Впрочем, Мика знала, что такое случается редко.

Она начала скатывать свиток с планом. Подоспевший наконец Тикара почтительно согнулся в глубоком, обращенном ко всем сразу поклоне и уверенно повернулся к Мике – она велела докладывать без промедления, если будут новости об охоте.

– Моя госпожа, – проговорил юноша с раскрасневшимся от возбуждения лицом, едва сдерживая рвущиеся с языка слова, – ваш отец вернулся!

Уже не скрывая счастливого облегчения, Мика лучисто улыбнулась ему и застигнутым врасплох советникам. В изысканных выражениях попросив извинить ее – отец наверняка захочет немедленно увидеть дочь, – она с радостью их покинула. Пусть узнают о том, куда князь уезжал, от него самого – тем сильнее будет впечатление. Не дав Тикаре произнести больше ни слова, девушка поскорее двинулась в его сопровождении туда, где ждал отец.

Князь Асано перекинул ногу через седло и соскочил на булыжник нижнего двора замка. Охота была наконец завершена, и с души у *даймё* будто камень свалился. Зато тело ломило до последнего сустава – возраст давал себя знать.

– Отец!

Вскинув голову, он увидел спешащую навстречу Мику. Лицо ее сияло, как весенний день, глаза лучились от радости. На мгновение она напомнила Асано жену. Ему хотелось надеяться, что, где бы ни обреталась теперь ее душа, она тоже видит это – их любовь, воплощенную в чудесной дочери. При виде ее ушли боль и усталость, рассеялись невеселые мысли о старости. Глядя на Мику, князь знал: все, что он делает для Ако, – не зря. Честь, справедливость, отвага, любовь – все это получит продолжение в ее прекрасном будущем.

Дочь крепко обняла отца, не обращая внимания на острые края доспехов. Разжав наконец руки, она отступила назад и окинула взглядом охотников. Ее улыбка, в которой светилась гордость за них, озарила всех. Но отцу Мика все же шепнула:

– Я так волновалась. Мы ждали вас домой вчера вечером.

Даймё пожал плечами.

– Охота потребовала больше времени, чем мы планировали.

Он отдал поводья конюху и с Микой под руку двинулся через двор.

Девушка оглянулась через плечо, и на ее лице появилось напряженное выражение – она заметила нескольких раненых, которых несли на носилках или вели, поддерживая, к замковым лекарям.

– Кто-нибудь пострадал серьезно?

Асано успокаивающе потрепал ее по руке.

– Только несколько носильщиков, – ответил он и, желая отвлечь внимание дочери от покалеченных и вернуть его к положительному исходу охоты, повернулся в другую сторону. – Ясуно показал себя доблестным воином. Это он в одиночку убил чудовище. – Князь указал на самурая в окружении толпы наперебой поздравлявших его друзей.

Мика слегка нахмурилась, заметив, что от безудержных похвал Ясуно явно не по себе. Это было крайне странно – меньше всего она ожидала бы увидеть его смущенным, скромностью он никогда не отличался. В конце концов, Ясуно ведь и вправду в одиночку одолел *кирина*!

Она вновь оглянулась – ее внимание привлекла еще одна группа израненных крестьян и носильщиков.

– Ты кого-то высматриваешь? – спросил отец.

У Мики перехватило дыхание – как он догадался? Она ведь и сама только теперь сообразила, кого бессознательно отыскивает глазами. Не глядя на отца, девушка опустила голову и покачала головой.

– Нет, господин.

– Ты, кажется, переживаешь? – В голосе князя чувствовалась озабоченность.

Мика снова качнула головой, заставила себя поднять глаза и улыбнуться.

– Только из-за приготовлений, – ответила она, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы объяснить ее рассеянность.

– Не стоит. – Отец улыбнулся в ответ и ободряюще сжал ее руку, как когда-то в детстве.

Они миновали идущий зигзагом оборонительный проход,

круто поднимавшийся к внутреннему двору, вошли в ворота и двинулись к замку. При виде величественной цитадели *даймё* удовлетворенно вздохнул – это был его дом, его обитель, стоявшая в окружении цветущих сакур, посреди отдельных жилищ самураев-вассалов высшего ранга. Слуги и подчиненные на пути князя и его дочери опускались на колени и кланялись, дожидаясь своей очереди поздравить с победой. Каждый из них готов был по первому слову броситься выполнять любое приказание господина – все, что потребуется для поддержания порядка и благополучия в замке… а теперь еще и для исполнения малейшей прихоти прибывающих высоких гостей.

– Какие подарки приготовлены для сёгуна? – спросил отец, подходя к дверям своих личных покоев.

Мика, снова едва не застигнутая врасплох – она все оглядывалась на ворота, мысли о раненых не шли у нее из головы, – с улыбкой повернулась к нему.

– Дюжина ловчих ястребов и морейская *катана*.

Отец задумчиво нахмурился:

– Считаешь, этого будет достаточно?

Девушка улыбнулась чуть шире, в глазах у нее заплясали лукавые искорки.

– Если дать больше, другие *даймё* решат, что ты хочешь подольститься к сёгуну.

Отец от души рассмеялся.

Они вошли внутрь, продолжая обсуждать, что сделано и что еще нет, пока слуги снимали с князя доспехи. Асано с явным облегчением избавился от них, а слушая ответы дочери, еще больше просветлел лицом. Теперь, когда зверь был сражен и угроза миновала, ничто не заботило *даймё* так, как предстоящий визит сёгуна, и Мика была рада развеять тревоги отца, с гордостью докладывая о почти полном завершении всех приготовлений. О том, как идут оставшиеся, она тоже рассказывала без малейшей запинки.

– Я хотел бы, чтобы мои люди – и самураи, и крестьяне – разделили со мной эту честь…

– Они будут стоять по всему пути следования процессии, – довольная собой, ответила Мика.

– Есть ли что-то, о чем ты не подумала? – В глазах отца светились одобрение и любовь. Он улыбнулся и потрепал дочь по плечу, убедившись наконец, что волноваться не о чем. – Твоя мать гордилась бы тобой.

Мика скромно потупила глаза и, тоже с улыбкой, слегка поклонилась, хотя на самом деле на душе у нее было неспокойно. Пожелав отцу как следует отдохнуть, она, отвесив еще один,

более глубокий поклон, покинула его.

Сдвинув дверь, она направилась через сад прямо к себе. Теперь, когда отца не было рядом, улыбка у нее на лице сменилась беспокойством, которое не оставляло девушку с тех пор, как она увидела раненых. Одного лица она не находила ни среди них, ни среди тех, кто остался цел и невредим.

Значит, не все заботы позади. Это было личное, то, что нельзя обсудить ни с кем, даже с отцом. Ждать придется до заката – что ж, есть время, чтобы подготовиться.

Когда Мика вошла в свои покои, служанки застыли в нелепых позах, с выпученными глазами и растопыренными руками – явно обсуждали что-то поинтереснее приготовлений к визиту сёгуна. Скорее всего, речь шла о вернувшихся охотниках.

При виде хозяйки все разом изящно опустились на колени и поклонились, словно марионетки из театра *бунраку*. Шепот смолк, и в комнате повисла тишина. Нетерпеливым жестом Мика велела женщинам встать, сама отчаянно желая услышать, что им удалось выведать.

Мика попросила лишь, чтобы ее немедленно уведомили, когда вернется отец. Начни она проявлять излишнее любопытство, и толков не избежать. Служанки же могли свободно говорить с сопровождавшими князя охотниками. Хлопая ресницами и прикрывая лица веерами, они умоляли рассказать о проявленных теми чудесах доблести и искусно вворачивали вопросы, которые из уст мужчины прозвучали бы странно, а от дочери *даймё* – и вовсе неприлично. Например, о главном ловчем князя, ничтожном полукровке, который единственным из всех понял, что за чудовище им противостоит и где его надо искать. О Кае.

Услышав, что за существо вторглось в земли Ако и разоряет их, Мика не поверила своим ушам. Когда же она узнала, что так сказал Кай, ее недоверие сменилось страхом за охотников – и прежде всего, помимо отца, за самого ловчего. Отец, конечно, уже немолод, но его хотя бы защищают доспехи, оружие, верный конь и лучшие из воинов. Простолюдину же никакой защиты не полагалось.

Тогда, много лет назад, отец убедил Мику, что разделяющая ее и Кая пропасть в общественном положении делает их дружбу невозможной. И предупредил – мягко, но непреклонно, – что если дочь не перестанет водить компанию с полукровкой-*хинином*, то не только бросит тень на свою репутацию, но и вынудит *даймё* отослать мальчишку прочь.

Мика знала, что отец говорил и с Каем – без сомнения, также по-доброму все разъяснив, – однако уже в присутствии нескольких вассалов.

Так тонкая паутинка, соединившая две юные жизни, была разорвана. Даже если Мика случайно встречала Кая, то, как ни хотелось ей заговорить с ним, он тут же опускался на колени, утыкаясь лицом в землю, и не поднимался, пока девочка не уходила. Няньки и все прочие были полностью удовлетворены.

Никто из них не видел слез на ее глазах – даже сам Кай. В конце концов ей стало невыносимо быть свидетельницей его унижения, и она прекратила искать встреч.

Однако ничто не могло заставить девушку забыть о нем; она лишь мучительнее желала, чтобы Кай не исчезал из ее жизни – и неважно, что они были не вместе. Свои истинные чувства Мика доверяла только дневнику, в который писала всякий раз, когда удавалось мельком, издалека увидеть дорогого ей человека, когда он таскал тяжести с другими носильщиками либо подновлял стены замка, весь в каменной пыли или поблескивающих разводах побелки.

На глазах Мики Кай из мальчика превращался в высокого, крепкого юношу, по-прежнему самого прекрасного. Она слагала стихи о заблудившемся на земле, никем не узнанном *тэннине*; прочитав «Повесть о Гэндзи», поклялась уйти в монахини. Одной зимней ночью выбросила из окна свою постель и до утра продрожала на голом *футоне* – ей приснилось, что Кай замерз насмерть на своей убогой подстилке.

Тем временем ничего не подозревавший отец защищал Кая от нападок собственных подчиненных. Безупречно послушный, готовый к любой работе, тот мало-помалу продвигался по службе, но окончательно завоевал себе положение в замке своей сверхъестественной способностью выслеживать зверя. Вот уже почти десять лет Кай был главным ловчим князя Асано, и ни разу за это время на охоте не произошло ни одного несчастного случая и никто не получил увечья… Пока охотники не отправились за *кирином*.

Все эти годы, пока Кай становился из мальчика мужчиной, из уборщика на псарне – не последним человеком в замке, Мика вела собственную борьбу. Она отчаянно желала обрести – и сохранить – независимость, вопреки всем ограничениям, накладываемым на женщин даже благородного происхождения. Освободившись наконец от опеки нянек, навязываемых ей под видом компаньонок, она понемногу набрала собственную свиту верных служанок, в которых особенно ценила ум и

проницательность.

Впервые с тех пор, как умерла мать, у Мики наконец появился кто-то, на кого она могла положиться, кто разделял ее мысли и чувства… с кем она могла, например, обсуждать, что прекраснее – месяц или полная луна? И, выслушав ответы, признаться – ей самой больше нравятся безлунные ночи, потому что тогда видно каждую звездочку на небе.

И теперь достаточно было одного взгляда, чтобы по поведению вскочивших на ноги и окруживших госпожу служанок понять – случилось, может быть, не самое страшное, но плохое. Отец сказал, что никто не погиб… однако Мика так и не увидела Кая – ни среди раненых, ни среди невредимых.

Наконец, спеша и перебивая друг друга, служанки поведали, что Кай серьезно пострадал – настолько, что без посторонней помощи не смог бы добраться домой. В замок, к лекарям он не пошел, а отправился в свою хижину на краю леса, зализывать, как зверь, раны у себя в берлоге, а там как боги решат – жить ему или умереть.

Со щемящим сердцем девушка подумала – наверное, из-за того, что их детская дружба была разрушена, Кай не доверяет теперь никому, даже ее отцу… Да и сама Мика до сих пор упорно сопротивляется попыткам выдать ее замуж, хотя у большинства женщин ее возраста дети уже старше той девочки, которой она была тогда. Но неужели Кай в самом деле скорее умрет, чем примет чью-то помощь?

Мика взглянула на серьезные лица служанок, застывших в ожидании.

– После заката, – непреклонно проговорила она, и служанки кивнули.

Оиси истуканом торчал посреди своего жилища, слишком утомленный, чтобы хоть слово сказать жене, Рику, пока та снимала с него доспехи. Теперь, когда все было кончено, на него вдруг словно разом навалилась усталость последних дней, проведенных в постоянной опасности.

Так вот что значило быть самураем-воином прежде, во времена непрекращающихся сражений, когда каждый мог стать либо охотником, либо добычей. И как только предки выдерживали походы, длившиеся месяцами или даже годами, не зная, увидят ли вновь родных, не ведая, откуда враги нападут в следующий раз? А ведь целые поколения самураев вели жизнь, которую в любой момент мог оборвать удар меча. Оиси возблагодарил богов, что родился в век мира и спокойствия.

И эти люди, всю жизнь сражавшиеся и убивавшие, чтобы

только уцелеть самим, еще находили время, да и силы, самосовершенствоваться, следуя добродетелям кодекса самурая *бусидо*. Тогда как даже сейчас…

Непрошеное воспоминание уже не в первый раз толкнулось в мысли Оиси. Ясуно и Кай – он-то знал, кто из них на самом деле убил *кирина*.

Противоречивые чувства тянули в разные стороны его и без того поистрепавшуюся веру в честь и справедливость. Ясуно присвоил все заслуги себе – не соврав, просто скрыв истину: что *кирина* одолел не он сам, а жалкий полукровка. Оиси понимал, какой сокрушительный удар был нанесен гордости самурая, – однако это не оправдывало ложь.

Но стоит ли его обвинять? Оиси не желал лишиться одного из своих лучших людей – потеряв лицо, Ясуно совершит *сэппуку*. Если же он отвергнет обвинение, это внесет раскол в ряды самураев и посеет недоверие к *каро*.

Оиси попытался убедить себя, что времена, когда храбрость Кая могла сравнять его с Ясуно, минули больше ста лет назад. К тому же полукровка сам не сказал ни слова. Боялся ли он мести Ясуно или просто понимал, что ничего этим не добьется, – какая разница?

Ясуно присвоил чужую славу – поступок бесчестный и малодушный, ни искупить, ни загладить такое нельзя. Истинный самурай не может оставить его безнаказанным. Но раз и Ясуно, и сам полукровка предпочли смолчать…

Оиси бессознательно потряс головой, поняв это, только когда Рику успокаивающе положила ладонь ему на предплечье.

Все изменилось. Кровь, текущая в жилах, значит теперь больше, чем пролитая на поле брани. В конце концов, никто не совершенен – иначе зачем нужны боги и законы чести?

Глаза Оиси скользнули по красиво расписанным стенным панелям, по темным от времени деревянным балкам, поддерживающим крышу. Все здесь было знакомо ему до последней трещинки – он вырос в этом доме у самой цитадели, за надежными каменными стенами внутренней крепости. Детские впечатления, лица родителей, рассказы о предках воскресали в мыслях, затмевая настоящее.

Оиси подумал о сыне, тоже выросшем здесь, в этом пропитанном традициями жилище. Вспомнил, как вместе с Рику наставлял Тикару в том, что может пригодиться ему, когда тот в свою очередь займет наследственный пост *каро* – он передавался в их семье от отца к сыну вот уже много поколений, задолго до того, как Токугава Иэясу основал правящую династию сёгунов.

Оиси глубоко вздохнул. Он дома – вот что сейчас главное.

Когда Рику, терпеливо и с любовью освобождавшая его от доспехов, сняла последнюю деталь, он почувствовал облегчение не только в теле, но и в душе. По крайней мере, на сегодня с бременем обязанностей покончено. Какая невыразимая радость – вернуться домой, к семье; в молодости Оиси и не думал, что это может стать для него таким счастьем.

Брак с Рику был устроен отцом, с одобрения князя – как и большинство союзов в их среде. В расчет при этом принимались прежде всего общественное положение, репутация и укрепление связей между кланами. Зачастую – так было и с Оиси – будущие супруги даже не знали друг друга.

Но, благословение богам – или мудрости родителей, – они с Рику прекрасно ладили; с ней он готов был прожить всю жизнь и встретить старость. Ее тепло рядом по ночам, всегдашняя улыбка, которой она встречала мужа, когда он возвращался домой…

Улыбнувшись в ответ, Оиси потянулся и размял плечи. На секунду его отвлек шум во дворе: Тикара затеял шуточный бой с другим мальчишкой – нет, они уже юноши, поправил себя Оиси, – на тренировочных мечах, *боккэнах*.

Рику, заглянув мужу в глаза, поняла, что мыслями тот наконец дома. Легко коснувшись ладонями его запястий, она проговорила:

– Я волновалась. – Неподдельное беспокойство на миг проступило в ее ласковой улыбке.

Оиси улыбнулся шире.

– Ты всегда слишком переживаешь, – мягко заметил он.

И все же его трогало, что после стольких лет она заботится о нем. Протянув руку, он погладил ее по щеке. Рику взяла его ладонь в свои и поцеловала ее.

Оиси собирался спросить жену, что сегодня на ужин, когда громкий вскрик снаружи заставил обоих бросить встревоженный взгляд на дверь. Кажется, бой шел уже не на шутку.

Шагнув вперед, Оиси отодвинул створку. Только теперь он увидел то, на что прежде из-за усталости не обратил внимания: противником его сына был Дзиннай – тремя годами старше, тяжелее и выше Тикары, да и с мечом он управлялся лучше.

Даже *боккэн* мог нанести серьезное увечье, а на мальчишках – то есть уже не мальчишках, мужчинах, снова напомнил себе Оиси, – не было обычной для тренировок защиты из стеганого войлока. Тикара полгода назад прошел *гэмпуку*, ритуал совершеннолетия, и теперь считался полноценным самураем, но с высоты собственного, более чем двадцатилетнего опыта Оиси понимал, что оба сражающихся еще только недозрелые юнцы. Говорят, душа мужчины – в его мече, а женщины – в ее зеркале.

Однако Тикаре не мешало бы хорошенько взглянуть на себя в зеркало и надеть тренировочные доспехи, прежде чем вызывать на бой Дзинная. Наутро после *гэмпуку* мальчик не просыпается с силой и крепостью взрослого мужчины.

Наблюдая за поединком, Оиси удивился неожиданным успехам сына во владении мечом за последнее время. Тот явно держался куда увереннее прежнего, атакуя и парируя, – и все же преимущество было на стороне Дзинная.

От жестокого удара по плечу рука Тикары повисла плетью, он не мог больше защищаться. Оиси почувствовал, как тревожно застыла Рику, вышедшая во двор следом за ним, и сам бессознательно напрягся, словно готовясь встретить следующий собственным телом.

Однако Тикара, внезапно перекинув *боккэн* в левую руку, одним ловким, стремительным движением ударил противника по ногам и повалил на землю. Оиси был ошеломлен. Этого приема, так неожиданно решившего исход поединка, он никогда не видел раньше ни у кого из учеников мастера меча в замке Асано.

– Тикара!

Тот оглянулся, все еще захваченный своей победой, но окрик отца насторожил его. Он неловко застыл на месте, пока Дзиннай, удивленно моргая, с трудом поднимался.

Одним взглядом отпустив старшего из юношей, Оиси дождался, пока тот скроется из глаз, и повернулся к Тикаре.

– У кого ты этому научился? – задал он наконец мучивший его вопрос.

Тот заколебался, глядя на отца; огонек ликования в глазах потух, стоило ему почувствовать гнев в голосе Оиси. Опустив голову, он не сразу пробормотал:

– Ни у кого.

Ладонь жены чуть сжалась на плече Оиси, мягко, но настойчиво напоминая, что до сих пор он мог только гордиться сыном и должен наставлять его, а не обрушиваться с упреками.

Сохраняя на лице строгое выражение, Оиси все же не стал выпытывать ответ, хотя такой прием подходил только какому-нибудь *ронину*, самураю, не имевшему господина. Сейчас, когда настоящих битв давно не было, эти неумехи могли применять свои навыки исключительно в уличных потасовках. Вассала высокопоставленного *даймё* – да и вообще любого самурая, ценившего свою честь, – это было недостойно.

Оиси сделал глубокий вдох.

– Ты из благородного рода, – напомнил он сыну. – Мы не сражаемся подобным образом.

От гордости Тикары не осталось и следа, но на секунду Оиси

показалось, что тот все же возразит отцу.

Вместо этого юноша только почтительно поклонился, приняв наставление с достоинством истинного благородства. Успокоенный, Оиси вернулся в дом.

Когда солнце наконец опустилось за дальние холмы, Мика в сопровождении служанок покинула замок. С фонариками в руках они отправились ловить светлячков на лугу – так было сказано страже у ворот.

Девушки шагали по тропинке к лесу, где стояло на отшибе жилище Кая. Край одежд Мики волочился по грязи, но девушку сейчас меньше всего волновало, во что превратится ее лучшее кимоно.

Где живет Кай, она узнала давным-давно и много раз проходила этим путем, останавливаясь, когда вдалеке показывалась маленькая хижина у самой кромки деревьев. Прямо подойти к двери не хватало духу – гордая дочь *даймё* боялась, что Кай не откроет.

Но если бы даже она отважилась и Кай впустил ее – что сталось бы с ним, узнай кто-нибудь, возникни у отца хоть подозрение? Самое малое, юношу ждало бы изгнание. Эта мысль всегда останавливала Мику, даже когда тоска по любимому превозмогала ее страх быть отвергнутой.

Что будет с ней самой, ее мало заботило – в конце концов, она всего лишь женщина. Ако ей все равно не унаследовать – оно отойдет кому-нибудь из родственников отца после его смерти. А Мику еще раньше так или иначе выдадут замуж за нелюбимого и, скорее всего, даже вовсе не знакомого ей человека; ведь она – всего лишь пешка в непрекращающейся игре в *сёги*, которую ведут *даймё* на карте Японии.

К счастью, пока отец настолько же не горел желанием использовать в этой игре единственную дочь, насколько та не хотела в ней участвовать. Мика давно миновала возраст, в котором девушек выставляют на рынок невест и сбывают с рук, но князь Асано нечасто заговаривал о браке, и когда она в ответ с чистым сердцем отвечала, что слишком любит Ако и в отлучке будет безутешна, всегда умолкал. Ее любовь к родному краю, ослепительно красивому и дышащему древними традициями, была слишком понятна ему. К тому же Мика подозревала – без любимой дочери отец сам зачахнет от тоски.

Говоря, что не может даже представить себе, как покинет Ако, Мика не лукавила. Она ценила и свое положение здесь, и возможность что-то решать, которыми князь мудро наделил дочь – он вообще обращался с ней, почти как если бы ей предстояло

стать его наследницей. Но не только поэтому мысль о разлуке казалась ей невыносимой.

Отец никогда не понял бы главной причины – а Мика не отважилась бы ему сказать: здесь жил Кай, тот, кого она любила.

С тем же успехом она могла бы грезить о принце Гэндзи, персонаже книги, написанной госпожой Мурасаки семь веков назад. О Гэндзи Мика знала больше, чем о Кае, и ни с тем, ни с другим ей не суждено было быть вместе. Все, что она могла, – годами следить за любимым издалека и знать, что, когда бы его ни коснулся ее взгляд, их глаза встретятся.

Одна из служанок испуганно пискнула, указывая вперед – из темноты внезапно возникла хижина Кая. Крохотная, полуразвалившаяся, она напоминала жилище монаха-отшельника; даже домишки крестьян по сравнению с ней выглядели дворцами. Все же за эти годы владелец понемногу улучшал свое временное пристанище, используя то, что мог добыть в лесу или заброшенных постройках, – словно мало-помалу начинал связывать с ним свое будущее.

Немного не доходя хижины, Мика заметила сложенный из камней небольшой алтарь. Его мог сложить здесь только сам Кай, больше некому. То, что и он возносит молитвы богам, стало неожиданностью для Мики – наверное, потому, что девочкой она видела в нем самом скорее небожителя, чем земного человека.

Остановившись перед алтарем, Мика почтительно поклонилась и хлопнула в ладоши, призывая к себе милость Будды, всех бодхисатв и тех божеств, в честь которых было сооружено святилище. Смиренно опустив голову и молитвенно сложив руки, она попросила, чтобы Кай отпер разделявшую их дверь, и двинулась дальше, сопровождаемая примолкшими служанками. Стук сердца отдавался в ушах Мики почти так же громко, как хлопок ладоней.

В свете фонариков хижина Кая выглядела торчащей из земли огромной корягой и сливалась с пейзажем. Однако над дверью бились на легком ветерке десятки алых с золотыми иероглифами – цвета́ Ако – молитвенных буддийских лент: одни поблекшие от времени, другие совсем новые.

– *Ваби-саби*… – прошептала одна из служанок.

У Мики захватило дух.

– Да… – тоже шепотом откликнулась она.

«*Ваби-саби* есть нечто столь неожиданное в своей красоте, сложенной из разнородных и случайных частей, что поражает в самое сердце и пробуждает душу».

Неповторимо, невзначай родится красота.

Умей в ней прелесть находить, коль не слепым рожден.
Как жизнь сама, она кратка и преходяща.
Не дольше длится ее век, чем сакура цветет.

Слова философов и святых отшельников эхом отдавались в мыслях. Моргнув, Мика подумала – узнает ли она когда-нибудь, о чем просит в молитвах Кай?

Она сделала служанкам знак оставаться на месте – тем следовало молча дожидаться госпожу.

Войти – стыдно будет сейчас, не войти – будешь стыдиться вечно. Закусив губу, как когда-то в детстве, Мика приложила ладонь к двери, ведущей в дом Кая.

Глава 3

Кай с трудом привстал на колени на своем убогом ложе – подобранной им походной циновке, едва позволявшей вытянуть ноги. Вернувшись днем, он рухнул на нее и, не в силах даже обработать рану, забылся мертвым сном.

Боль в спине разбудила его каких-то два или три часа спустя, судя по тому, что солнце еще не зашло. И хорошо – проваляйся он так подольше, наверное, и встать бы не смог, весь одеревенев.

Он съел несколько *онигири* – прессованных шариков из риса, оставленных ему носильщиками и крестьянами, которые отвели его домой. Немного подкрепившись, он смог хотя бы сходить за водой к ручью и развести огонь.

Механически повторяя ставшие привычными за много лет действия, Кай поставил котелок с водой на решетку из костей и оленьих рогов и стал разбирать пучки лекарственных трав, хранившихся в отдельных корзинках. Когда вода согрелась, он отлил немного, чтобы было чем смыть присохшую кровь и грязь, и бросил в котелок травы. Оставалось надеяться, что снадобье поможет.

Конечно, лучше было бы вернуться в замок. Однако правда о смерти *кирина* – вся правда – мучила его куда сильнее, чем боль от раны. Не пошел, и не пошел. Обойдется собственными силами – раньше ведь обходился.

Сняв наконец едко пахнувший отвар с огня, Кай вылил туда почти целиком маленький кувшинчик *сакэ* – для обеззараживания. Остатки, чтобы приглушить боль, выпил одним глотком – вкус ему никогда не нравился. Дешевое рисовое вино обожгло желудок. Осторожно вытащив руки из рукавов кимоно, Кай оставил его болтаться на поясе и занялся ранами.

Состав из мха и глины, которым он наспех замазал самую глубокую рану, чтобы остановить кровь, долго не продержался. Следуя пешком за конными самураями, торопившимися вернуться в Ако, Кай едва успевал переводить дух, на раны же времени и вовсе не оставалось.

К сегодняшнему утру он сильно отстал и едва держался на ногах, то и дело оступаясь и падая. И хоть его спутникам – загонщикам и носильщикам – самим приходилось несладко, несколько человек возвращались за ним, помогали подняться. Они явно были куда больше благодарны его чутью следопыта, чем самураи, которые, даже не заметив, что главный ловчий серьезно ранен, ускакали далеко вперед.

Часть из них и вовсе желала, возможно, чтобы он не выжил, –

это Кая нисколько не удивило бы. Поражало иное – крестьянам, едва знавшим его, и без того обремененным тяжким грузом, оказалось не все равно, будет он жить или умрет. Он чувствовал себя в долгу перед ними. Может, смерть *кирина* хотя бы немного оплатит его.

Кай взял в руки расколотое зеркало, которым пользовался, когда обрезал волосы. Он не стригся коротко – ему ненавистно было само воспоминание об обритой в детстве голове, покрытой шрамами. Но и отпустить волосы, собирая их в пучок на макушке, он не мог – какому-нибудь пьяному самураю этого хватило бы, чтобы снести голову наглецу, осмелившемуся изображать из себя фигуру более высокую, чем на самом деле.

Каждый раз отражение в зеркале напоминало Каю, кто он и откуда, и давало лишний повод не запускать непослушные волосы – длинные пряди, выгорая на солнце, начинали отливать предательской рыжиной, и впрямь как у демона.

Со вздохом он отвел зеркало от лица и поднял его кверху, пытаясь разглядеть нанесенную *кирином* рану, однако истерзанное тело мешало извернуться так, чтобы снять засохшую корку смоченной в отваре тряпицей и в то же время видеть, что делаешь. С каждой попыткой приходила дикая боль.

Кай прошипел сквозь зубы ругательство, потом уселся, скрестив ноги, на подстилку и заставил себя расслабиться. Глубоко дыша, собрал всю свою волю и вновь поднял зеркало над головой. Если хочет выжить – он это сделает, преодолев телесную немощь.

Скрипнула дверь. Кай застыл, настороженно глядя на нее, но не успел он спросить, кто там, как створка сдвинулась. Потянувшаяся было за ножом рука замерла на полдороге. Не веря своим глазам, потеряв от неожиданности дар речи, Кай увидел стоявшую на пороге госпожу Мику.

На секунду она застыла в нерешительности. Ее фигура тускло вырисовывалась в полумраке – огонь в очаге едва тлел, давая не больше света, чем луна из-за дымки облаков. Казалось, девушка почти так же ошеломлена, как сам Кай. Наконец донесся ее мягкий голос:

– Мне сказали, ты ранен?

Он поспешно опустился на колени, с трудом кланяясь. Выпрямился, пока еще мог, остро чувствуя, что сидит полураздетый, грязный и жалкий, в лачуге, которая должна казаться ей ничем не лучше прежней псарни. Не отрывая глаз от утоптанного земляного пола, он пробормотал:

– Это не стоит вашего беспокойства, госпожа.

Но Мика, не слушая, шагнула к нему. Подняв голову, Кай

увидел на ее лице лишь глубокую озабоченность – как будто ничто в мире не имело сейчас значения, только он и его рана.

– Позволь мне взглянуть, – проговорила девушка, вставая на колени рядом. Ее глаза, скользившие по груди, по рукам, не просто замечали порезы и ссадины – она смотрела на него самого, его лицо, его тело с чувством бо́льшим, чем просто сострадание.

Кай поскорее отвернулся – этот взгляд пробуждал в нем боль куда более сильную, нежели физическая, – и услышал сдавленный вздох девушки.

– Твоя спина… – еле слышно прошептала она.

Шелк ее кимоно уже волнующе зашуршал рядом. Опустившись на циновку, Мика коснулась его кожи кончиками пальцев – едва ощутимо, словно перышком, но по позвоночнику Кая мгновенно пробежала дрожь.

– Моя госпожа, – запротестовал он, хотя в его внезапно охрипшем голосе слышалась мольба, – я сам могу обработать раны…

– Тебе даже не дотянуться до них.

Она произнесла это с такой мягкостью, какую он никогда не слышал прежде, но вместе с тем ему стало понятно – возражений она не примет. Сейчас Мика воистину была гордой дочерью *даймё*, бросившей вызов разделявшим их все эти годы правилам и законам.

Растерянный Кай не знал, на что решиться. Никогда еще он не боялся так разрушить ее жизнь одним своим существованием. Подавшись дальше в тень, молодой ловчий покорно оставил на свету только спину. Может быть, вид ран наконец оттолкнет Мику, и она уйдет. Или пусть обработает их побыстрее и тоже уйдет. Главное, чтобы ушла, ей нельзя здесь оставаться… потому что сам он желает этого больше всего на свете.

Однако Мика принадлежала к роду самураев и воплощала все, что было в них достойно уважения, – не только благородство, сострадание и справедливость ко всем людям, независимо от их положения, но также бесстрашие и неколебимость перед любыми испытаниями. Даже перед такими, от которых большинство женщин – да и мужчин – сбежало бы, понимая всю бесплодность своих усилий. Уж вид крови точно не отвратил бы дочь *даймё* от задуманного.

Взяв мокрую тряпицу из стоявшей рядом грубой глиняной миски, она начала бережно обмывать спину Кая.

Пытаться сделать это самому, превозмогая боль, больше не было необходимости, и он почувствовал, как мышцы мало-помалу расслабляются. Близость Мики, запах жасмина от ее волос,

шелест шелкового кимоно, ощущение ее рук, мягко и нежно касавшихся кожи, так захватили Кая, что жестокая боль в истерзанном теле стала понемногу отступать. Он сидел точно во сне, однако мысль о том, что это и вправду может быть сном, горячечным бредом, мгновенно сменилась уверенностью – нет, не может. И сразу вернулась та, неизвестно откуда берущаяся боль, которую Кай испытал, впервые увидев Мику.

Неизвестно? Нет, он знал: эта боль, хоть и проявилась в тот миг, когда в его жизнь вошла прекрасная дочь *даймё*, давно пряталась где-то в глубине души, там, куда не проникал свет разума.

Нет, лучше уж физическое страдание. Мика как раз начала обмывать худшую из всех, самую глубокую рану, нанесенную рогом *кирина*. Пусть такая боль, чем та, которую причиняла Каю близость девушки.

– Почему этим не занялся лекарь? – проговорила она, когда рана открылась перед ней полностью. В голосе, полном искренней заботы, звучали гневные нотки, хотя Кай знал – этот гнев направлен не против него.

– Другим тоже была нужна помощь, – пробормотал он, словно сам пострадал меньше прочих.

Мика вдруг убрала руку с его спины. Он ждал, озадаченный, не понимая, что значит ее внезапное молчание… пока кожей не почувствовал почти осязаемое прикосновение ее глаз, изучавших паутину старых шрамов и свежих ран у него на теле.

– Так ты был рядом, когда Ясуно убил чудовище? – раздался наконец ее голос.

Кай вздрогнул от неожиданности, потом, прикрыв глаза, кивнул; счастье, что она не видит его лица.

– Говорят, он показал себя настоящим храбрецом, – продолжала она, и на этот раз Кай почувствовал тень сомнения в ее голосе.

– Да, – кое-как выдавил он, стараясь ничем не выдать себя, хотя руки на коленях сжались в кулаки.

– Отец теперь хочет, чтобы он сражался на поединке вместо Хадзамы.

На поединке, который должен стать главным событием визита сёгуна. Удивление Кая сменилось гневом. Ну, разумеется – после охоты Ясуно стал героем для всего Ако. За исключением одного-единственного человека, который знал правду. Кай втянул в себя воздух. Конечно, увидеть, как Ясуно осрамится в настоящей схватке, на глазах у сёгуна и первых вельмож государства, было бы здорово. Но какой позор для Ако!

Ясуно был наименее достойным из всех самураев, известных

Каю, да и бойцом отнюдь не лучшим. Но это не имело бы ровно никакого значения, даже в глазах князя Асано, если бы Кай попытался теперь отстоять правду. Его слово против слова самурая; никакой истине, никакой справедливости, никакому закону не преодолеть пропасть между ними.

Кай спохватился, что так и не ответил. Молчание не могло длиться вечно.

– Ясуно хорошо владеет мечом, – проговорил он тихо, боясь, что любые другие слова задушат его.

– Но ставки слишком высоки, – возразила Мика. – За поединком будет наблюдать сёгун и его приближенные. Наш боец должен выступить достойно.

Кай обернулся, на сей раз отчетливо ощутив неуверенность в словах девушки. Зачем она ему это говорит, причем так взволнованно? Впрочем, ее вопрос не требовал ответа. Сейчас можно – и нужно – промолчать, и будь что будет.

Чуткие ладони вновь коснулись спины Кая. Закончив обрабатывать раны, Мика достала из рукава смотанную хлопчатобумажную тесьму и наложила через плечо повязку.

Ловкие пальцы затянули узел и наконец оставили Кая в покое. Поднявшись на ноги, он с облегчением накинул на плечи верхнюю часть кимоно, прикрыв полуобнаженный торс.

– Благодарю, госпожа, – пробормотал он, не оборачиваясь. Сейчас она тоже поднимется и уйдет.

Однако девушка по-прежнему оставалась на коленях. Он чувствовал, как ее душа рвется к нему, и его собственная начинала звучать в унисон, словно между ними рождалась невероятно прекрасная песня, от которой перехватывало дыхание.

– Я видела, как Ясуно прятал глаза, когда все поздравляли его, – проговорила Мика, словно не в силах больше сдерживаться. И на эти слова нельзя было не ответить.

Кай обернулся и встретил ее взгляд, полный возмущения всеми, кто украл его подвиг, едва не стоивший ему жизни. Она знала. Раны подтвердили ее подозрения, рассказав куда больше слов.

– Ты помогаешь им, а они все равно ненавидят и презирают тебя, – дрожащим от ярости голосом произнесла Мика. «За что?..» – застыл в ее глазах вопрос, обращенный не к нему – к богам.

О том же в глубине души спрашивал и сам Кай. Разумного ответа просто не существовало. В этом было не больше смысла, чем в том, что отец Мики смог увидеть в нем человека, позволить ему жить как человеку, – и все же, только из-за того, что Кай не был рожден самураем, запретил невинную дружбу двух детей.

Князь Асано тогда прямо сказал ему, что ждет Мику – и

самого Кая, – если их дружба продолжится и перерастет в нечто большее. Горе и обиду, даже протесты безродного полукровки *даймё* принял с терпением, как Кай теперь понимал, достойным Будды. Но и навсегда преподал мальчишке-*хинину* урок: быть человеком еще не значит быть самураем. Он такой же, как они, – и в то же время далеко не такой.

– Вассалы вашего отца всегда относились ко мне соответственно моему положению. – Кай отвел взгляд – в этих словах звучала покорность судьбе, почти трусость.

– И ничего большего ты не ждешь? – резко спросила Мика.

Ее глаза по-прежнему сверкали, не давая отвернуться. «Ведь это ты убил *кирина*! – говорили они. – Ты, а не Ясуно. У тебя в груди сердце самурая, дух самурая. Ты заслуживаешь наград и славы… ты достоин носить ястребиное перо, достоин носить имя. Ты достоин моей любви. Почему же?.. Почему?!» Руки девушки дрожали.

– Другой жизни я не знал… – Он снова опустил голову, малодушно отвергая брошенный ему вызов.

Темные глаза Мики заблестели, словно от навернувшихся слез. Однако в них читалось лишь разочарование.

– Так не должно быть, Кай…

Он резко отвернулся, не в силах больше смотреть на нее, не в силах выносить боль и тоску.

– Вас кто-нибудь ждет снаружи, госпожа?

– Ты прогоняешь меня? – ответила она вопросом на вопрос.

Нужно решиться, сказать это вслух… прогнать ее – ради нее же самой. Ей никогда не понять…

Пожертвовав ради него своей честью, Мика потеряет все. Здесь, в Ако, они обречены, даже если будут хранить свою связь в тайне. Но и сбежав, они не найдут места на земле, где их не настигло бы возмездие. Их любовь запретна: Мика не просто из самурайского рода – она дочь *даймё*. Весть дойдет до самого верха, и ищейки *бакуфу* никогда не оставят их в покое, до самой смерти.

Боги, лучше бы удар был смертельным! Тогда Мика не оказалась бы здесь, и не пришлось бы терпеть эту муку, когда нужно произнести слова, которые хуже самой смерти. И остаться жить…

Кай обернулся.

– Здесь не место для благородной госпожи, – без всякого выражения в глазах и в голосе проговорил он.

Не отводя от него глаз, Мика застыла в неподвижности, оглушенная. Затем медленно подобрала испачканные в земле полы шелкового кимоно и встала. В спокойном величии шагнула

к выходу – словно луна, уходящая в темноту.

– Доброй ночи, – произнесла она, отодвигая дверь жалкой лачуги. На секунду снаружи сверкнули фонарики служанок, и дверь затворилась.

Кай все стоял, невидящим взором глядя в ту сторону. В очаге позади треснула головня, и вверх взмыл язычок яркого пламени, сопровождаемый вихрем искр. Они гасли на лету, будто отчаянным, ослепительным перед концом сиянием взывали к возлюбленному.

Глава 4

Почетная стража во главе с князем Асано и с Оиси выстроилась рядами в нижнем дворе замка. Через ворота один за другим проезжали *даймё*, каждый со своей свитой. Процессия казалась бесконечной. Знать собралась со всей страны – по приглашению сёгуна или самого князя, – чтобы продемонстрировать свою дружбу и преданность, а заодно насладиться гостеприимством Ако в лучшую, весеннюю пору.

Кортеж следовал за кортежем по извилистой дороге, подходившей к замку. Бесчисленная вереница разноцветных знамен и флагов, даже если смотреть со сторожевых башен или крепостных стен, простиралась до самого горизонта. Прибытие сёгуна ожидалось ближе к закату, а до тех пор поток вряд ли иссякнет. Мика радовалась, что прибавила к ожидаемому количеству гостей еще половину – теперь ни один влиятельный вельможа не останется голодным, не будет вынужден ночевать под открытым небом и становиться добычей москитов.

Сама Мика со своей свитой сидели на коленях, подложив подушки, на помосте позади князя, чуть выше стоявшей в полных боевых доспехах и шлемах почетной стражи. Девушкам в воздушных шелках под палящим солнцем было куда легче, к тому же им, по крайней мере, не приходилось постоянно кланяться.

Цвета Ако – красный и золотой – красиво оттеняли многообразие красок и узоров, выбранных Микой для своего облачения и нарядов спутниц. Эта часть обязанностей доставила ей особенное удовольствие, напомнив времена детства, когда она любила примерять роскошные и изысканные кимоно матери.

Результатом Мика втайне гордилась: каждая из девушек носила кимоно в тон тому или иному цветку, внося яркость и живость в блеклое окружение нижнего двора. Но это была только часть общей картины: верхний двор буквально утопал в настоящих цветах, а здесь повсюду, куда ни кинь взгляд, красовались знамена и штандарты отрядов самураев и аркебузиров Ако, выстроившихся вокруг, флаги и хоругви, украшенные замысловатой вышивкой. Среди мрачных замковых укреплений все вместе выглядело торжественно, даже воинственно – и в то же время празднично и нарядно.

Князь Асано заказал новые доспехи для себя и всех самураев. Выглядел он великолепно; даже шлем был новым, украшенным куда богаче, чем тот, что он носил обычно, принадлежавший еще его отцу.

Отца сильно утомили труды последних дней. Оставалось

только надеяться, что он, как хозяин замка, воспользуется своим правом приседать время от времени на походный табурет – пока не придет время приветствовать очередного высокого гостя. Но, бросив взгляд поверх шлемов, Мика увидела, что вид у отца свежий и величественный, как никогда. Она почувствовала, что ей передается его гордость: ведь Ако оказали немалую честь. Немногие *даймё* удостаивались такого визита, и особенно редко – *даймё* не из ближнего к сёгуну клана, чьи предки сохранили нейтралитет во время последней междоусобной войны, которая принесла власть роду Токугава.

Асано связывали родственные узы и с той, и с другой сторонами конфликта, поэтому и решено было не поддерживать ни одну из них. Но Токугава ничего не забывали: тех, кто не сражался за их победу до последней капли крови, они считали все равно что врагами.

Даймё, противостоявшие первому из сёгунов Токугава, Иэясу, мгновенно лишились своих земель, а многие – и жизни. Потом его наследники, используя ничтожнейшие предлоги, постепенно стали притеснять и другие владетельные кланы, отбирая их земли. Имущество отходило к и без того огромным владениям самих Токугава либо жаловалось в награду *даймё* ближнего круга, чьи предки оказались дальновиднее. Большинство высоких постов в правительстве тоже были заняты представителями этих родов. Даже Цунаёси, нынешний, пятый сёгун, чьего прибытия и ожидали в Ако, продолжал конфисковывать владения тех, кто всего лишь остался в стороне от Последней Из Войн сотню лет назад.

Мир, установленный Токугава, поддерживала сила. «Только воин может выбрать стезю мира». Чтобы обеспечить себе власть навеки, сёгуны сделали все, чтобы иного выбора просто не было.

И все же битва за власть продолжалась всегда. «Политика – та же война, – сказал однажды отец, – только оружие спрятано лучше». Все управление государством было сосредоточено сейчас в замке Эдо, надежно скрыто в залах, где заседал совет *бакуфу*, правительство сёгуната. Камень за камнем его чиновники возвели несокрушимую крепость из законов и ограничений, столь сложных, что только за соблюдение всех церемоний, сопровождающих визиты сёгуна и к сёгуну, отвечал особый главный советник со штатом помощников. Они-то и доводили Мику до белого каления своими придирками и бесконечными замечаниями все эти дни, да еще пришлось сначала задабривать начальника немалыми «подарками», чтобы он вообще кого-то прислал.

Наверное, ни в одной другой стране мира власть не

вмешивается до такой степени в каждую мелочь – так решила девушка. И стала еще больше ценить родное Ако, прибрежные равнины которого не только приносили богатые урожаи, но и находились вдалеке от столицы, где недреманное око *бакуфу* наблюдало за всем и вся.

Отец тоже считал, что здесь им лучше, чем в Эдо. Дары земли Ако позволяли не только организовать этот пышный прием, но и год за годом кормить людей и поддерживать укрепления на должном уровне – насколько позволял закон, – не говоря уже о том, чтобы выплачивать растущие налоги.

Внимание Мики вновь вернулось к происходившему во дворе – она вдруг ощутила на себе чей-то пристальный взгляд. Ее глаза устремились к стоявшей поодаль толпе слуг и работников, отыскивая Кая.

Однако смотревший оказался гораздо ближе – рядом с отцом. Судя по сложному церемониальному наряду с выставленным напоказ *моном* Токугава, это был какой-то высокопоставленный придворный из Эдо. Весьма привлекательный мужчина, подумала Мика, впервые с того дня, как закрытая дверь разделила их с Каем – наверное, навсегда.

Придворный глазел на девушку так, будто перед ним сама дочь Луны Кагуя-*химэ*, в которую, по легенде, влюбился сам император.

И в тот же момент Мика узнала цвета наряда придворного и разглядела осьминога на знаменах, которые несли его вассалы. Перед ней был господин Кира.

От стыда и гнева на себя она покраснела, как пион. Кира – главный цереминиймейстер сёгуна – был также давним врагом ее отца, хитрым, коварным и упорным в своих устремлениях. Словно кинжал, припрятанный под правой рукой сёгуна, он выжидал удобного случая, неизменно метя в Ако. Как Мика могла даже подумать об этом негодяе!

– Ако по-прежнему прекрасно, князь Асано, – проговорил Киро тем временем, кланяясь и только тогда оторвав глаза от нее. Мика смотрела на него в ответ с едва скрываемым отвращением. Как он смеет пялиться на нее, словно голодный пес?! Вот так же он точит зубы и на их земли.

– Вы оказали нам честь своим приездом, князь Кира, – ответил отец, с виду совершенно искренне. Только Мика могла ощутить напряжение в его голосе. Обычная настороженность при разговоре с врагом – или *даймё* заметил, как тот смотрел на его дочь?

– О нет, чествовать мы будем вас, – учтиво возразил Кира, но за безупречной вежливостью слов скрывалось узкое лезвие. По

коже Мики пробежали мурашки, словно острие уже кольнуло ей спину.

– Надеюсь, вы останетесь всем довольны, – улыбнулся отец. Его уверенность была для Мики лучшей наградой за все усилия, потраченные на приготовления.

Кира чуть растянул губы в ответной, снова показавшейся Мике кинжально-острой улыбке.

– Кроме нескольких незначительных мелочей, касающихся протокола, все великолепно.

Застигнутый врасплох, отец сам шагнул в расставленный капкан.

– Каких незначительных мелочей?

У Мики перехватило дыхание, мысли в тревоге заметались. Что?! Почему?! Где она ошиблась?!

– Хотя мои владения далеко от Эдо, неизменная верность моих предков сёгуну дает мне право сидеть рядом с ним. Однако какой-то болван усадил князя Сакаи ближе к его превосходительству, чем меня.

Отец не повернул головы в ее сторону, но даже спиной, казалось, почувствовал унижение дочери. Его плечи под доспехами словно окаменели.

– Это была моя ошибка, – кротко произнес он. – Прошу простить.

Стыд обжег Мику с удвоенной силой. Ее злорадная выходка с распределением мест поставила отца в неловкое положение! Он доверил ей распоряжаться от его имени, а она обошлась с данной ей властью, как шкодливая девчонка.

Кира великодушно махнул веером.

– Это я должен просить прощения, что упомянул о подобной безделице. Вы оказали нам чудесный прием. Теперь я с нетерпением жду поединка.

Кай затесался среди толпы, подобравшись как можно ближе к краю. Ноги ныли от долгого стояния, боль в спине по-прежнему не отпускала. Но такое увидишь только раз в жизни. Тем, что смог прийти сюда, он был обязан Мике – без ее лечения, даже если бы рана не убила его, он сейчас и шага не ступил бы. Но воспоминание о том, что еще произошло между ними в тот вечер, наполняло Кая куда более острой болью, и происходящее вокруг почему-то выглядело ярче; краски буквально ослепляли, бросаясь в глаза.

Он упивался этим недолговечным великолепием, как хрупкой красотой цветущей сакуры, все еще наполнявшей окрестности, придавая им весенний вид. Или полетом отыскивающих себе пару

светлячков, огоньки которых вновь возникнут в сумерках над полями, напоминая каждой вспышкой о главном в жизни любого существа.

Кай протиснулся немного вперед – он весь день старательно перемещался к краю, следуя то за разносчиками еды, то за патрулем из солдат, не стоявших в почетной страже и назначенных следить за порядком.

Показались темно-фиолетовые с серебром знамена клана Кира, украшенные *моном* в виде осьминога. Из досужих разговоров слуг Кай знал, что князь Кира, снедаемый алчностью и завистью, неустанно пытался настроить сёгуна против господина. Эмблема была странной для дома, чьи владения находятся в высокогорьях далеко от моря, но сейчас Кай подумал, что жадные щупальца осьминога как нельзя лучше подходят к характеру Киры.

Одетый в роскошный наряд придворного, тот был ослепительно красив. Знак на кимоно указывал на его пост в правительстве сёгуна – и только, никаких других регалий. От внимания Кая не укрылось, что глаза Киры гораздо дольше задержались на Мике, чем на ее отце, которого он приветствовал.

К ней же устремился и взгляд самого Кая. Девушка, коленопреклоненная, стояла на помосте позади отца. И затянувшаяся церемония, и окружающая пышность доставляли ей радость. За весь день Каю так и не удалось хоть раз встретиться с ней глазами, хотя он не мог сказать – намеренно ли она не смотрела в его сторону или ему просто не везло. Однако когда на нескромный взгляд Киры она ответила улыбкой, уголки рта юноши опустились.

Резко отвернувшись, Кай стиснул на груди потрепанные края линялого кимоно из дешевой хлопковой ткани, которое перед церемонией постарался как можно лучше залатать и очистить от крови. Он даже надел сверху самурайскую накидку-*хаори,* доставшуюся ему уже без рукавов, – единственную его одежду, которую можно было счесть хоть отчасти приличной. Теперь же, впервые в жизни, он стыдился своего вида так, будто на нем была одна набедренная повязка.

И все же он не мог не взглянуть на Мику снова, охваченный внезапной ревностью к Кире – и неудержимой тягой к прекрасной дочери *даймё*. Ее фигуру облекали тонкие, изысканно окрашенные шелка, черные блестящие волосы были убраны в высокую прическу, удерживаемую гребнями со свисающими нитками жемчуга и заколками из нефрита и сердолика. Особо выделялась среди них одна, слоновой кости, в виде ястребиного пера, которую Мика с гордостью носила еще девочкой. Ее кимоно

было цветов Ако – красного и золотого, с тончайшими переливами всех их оттенков. Казалось, яркое летнее солнце взошло над замком…

Она все не сводила глаз с Киры, как вдруг ее лицо внезапно изменилось так, будто тот ударил ее, не сходя с места. Нахмурившись, она резко отвела взгляд.

Кай не сразу понял, что девушка лишь теперь узнала в придворном врага отца. Но прежде этого озарения внезапная надежда, любовь и тоска чуть не толкнули его, измученного болью потери, вперед. Только железное самообладание, приобретенное много-много лет назад, спасло юношу. Загнав слепое чувство глубоко в породившую его тьму, он замер в неподвижности и сдержал даже само дыхание. Сдерживаться – вот все, что он мог: ради Мики, ради князя Асано, ради самого себя.

Дочь *даймё* тем временем не сводила глаз с ворот. Очевидно, теперь она не могла дождаться, когда же наконец появится сёгун и бесконечная церемония завершится.

Сёгун прибыл уже почти в сумерках. Солнце заходило, и тени вытягивались, когда часовой с главной башни оповестил, что процессия появилась на дальнем подъеме дороги. Толпа подалась вперед, стремясь хоть краем глаза увидеть сверкание черных с золотом знамен, украшенных *моном* Токугава, в последних лучах уходящего дня.

Кай, лишь мельком взглянув на поднимающихся по холму всадников, перевел глаза на князя Асано, по-прежнему стоявшего с гордо выпрямленной спиной во главе прочих *даймё*. Те и прибыли заранее, чтобы должным образом приветствовать сёгуна.

Кай терпеливо постарался вновь сосредоточиться на безопасных материях – на церемонии, на ожидании появления сёгуна со свитой. Ведь больше такого никогда не увидишь – правда, до сегодняшнего дня Каю это было совершенно безразлично. По крайней мере, так он мог отвлечься от снедающих его мыслей и чувств. Необходимость удерживать их в узде отнимала последние силы, но уйти было нельзя и нельзя было опустить плечи, он должен стоять прямо, как сам князь. Дождаться прибытия сёгуна, и тогда больше их тут ничто не станет удерживать…

Сотни нарядно украшенных фонариков освещали путь процессии, которая уже пересекла мост и въехала в ворота. Пышное разноцветье нарядов придворных, яркие пятна флагов, знамен и вымпелов наполнили двор; от буйства красок захватывало дух. Но украшенный замок не уступал им великолепием, и сверкающие цвета клана Асано выделялись

среди эмблем прочих домов даже при свете фонарей.

Взгляд Кая не останавливался ни на минуту, вновь впитывая всю ошеломительную картину, потрясающее сочетание оттенков и тонов, великолепные узоры на кимоно придворных сёгуна, жен и наложниц *даймё* – здесь были цветы, деревья, строгие геометрические фигуры, живые пейзажи и невиданные птицы со сверкающими перьями.

На одной из молодых женщин взор Кая застыл, как прежде глаза Мики – на Кире. Кимоно и накидка наложницы были тронуты едва заметными яркими пятнами по переливчатому полю всех оттенков зеленого. Такие краски Кай видел прежде только в лесной чаще, когда солнце, каким-то чудом пробившись сквозь плотный полог листвы, рассыпало свои лучи по цветущему кустарнику, колышущейся на ветру траве, прозрачной воде ручья… Каю почудилось, что перед ним не женщина, а дух леса, принявший человеческий облик. В ней самой чувствовалось что-то волшебное, ее будто окутывала аура из мириад *ками* – существ, что составляют душу нетронутых, древних мест, подобных тому, где Кай провел детство.

Переведя глаза чуть выше, он вдруг заметил над головой женщины хищного осьминога Киры. Словно почувствовав его взгляд, та оглянулась через плечо и посмотрела прямо на Кая – казалось, она знает наверняка, кого ищет. Ее взор проникал в самую душу, как ослепительный свет фонаря, вот только фонарь этот был черным. И вдруг наваждение спало – Кай увидел, какого цвета глаза незнакомки: один карий, другой – льдисто-голубой.

Он внутренне отшатнулся, ставя барьер взглядом, но его разум успел сказать: «Я знаю, кто ты…»

Заметив изменившееся лицо Кая, женщина резко отвернулась и надменно вскинула голову, а затем смешалась с процессией и пропала из виду.

Еще не придя в себя, Кай оглянулся на Мику – и поймал ответный взгляд. В первый раз за день их глаза встретились. Какой-то миг они смотрели друг на друга, но прежде чем Кай смог уловить ее настроение, по рядам встречающих прошла волна, и Мика вновь повернулась в сторону.

Сёгун наконец-то прибыл.

Почетная стража князя Асано расступилась, освобождая пространство для въезжающих во двор всадников. Никогда еще Каю не приходилось видеть таких богато украшенных доспехов, как у телохранителей сёгуна, верховых и пеших. Покрытые черным лаком пластины удерживали вместе завязки из шафранового шелка, на нагрудных панцирях в золотом поле сверкал *мон* Токугава. Знамена и флаги были всех оттенков

цветов клана, и на каждом красовалась та же эмблема – в круге три листа шток-розы, кончиками друг к другу, похожие на острия копий.

Самым впечатляющим был, разумеется, наряд самого сёгуна. Черный цвет его доспехов был почти не виден под золотым узором, витые детали соединялись красными с золотом шнурами, а золотые лучи в виде игл и пик на высоком шлеме, собранные в тот же лист шток-розы, больше походили на восходящее солнце. Восседая на огромном коне, сёгун и сам казался настоящим великаном.

Следом в украшенных изящной резьбой и богато отделанных паланкинах прибыли главные советники сёгуна и придворные. За ними шли носильщики с поклажей, которой хватило бы, чтобы обставить небольшой дворец. Еще несколько отрядов со знаменосцами замыкали шествие.

Сёгун занес ногу, спускаясь с коня. В тот же момент все во дворе повалились на колени, согнувшись в поклоне, с разведенными в стороны руками. Сёгун взирал на проявляемое почтение с явным удовольствием.

Спешившийся следом глашатай встал над таким же коленопреклоненным князем и объявил в воздух:

– Асано Наганори, владетель Ако! Его превосходительство, сёгун Токугава Цунаёси, Господин земель и Правитель всей Японии, благодарит тебя за прием.

Он поклонился всем корпусом, что, очевидно, было сигналом подняться. Господин Асано встал первым и в свою очередь согнулся в признательном поклоне. Остальные тоже выпрямлялись, не осмеливаясь даже на шепот.

Сёгун, раскрыв огромный позолоченный боевой веер с красным кругом – тоже символом солнца, – подал знак. Бесконечный поток слуг и вассалов потянулся к князю Асано, передавая ему великолепные, богатые дары правителя – знак его милости.

Кай отвел взгляд, чувствуя себя разочарованным и обманутым. Сёгун и без того был властителем целой страны, однако зачем-то подчеркивал свое могущество показной роскошью, которая скрывала лишь пустоту. С тем же успехом вместо него сюда могли бы прибыть только его доспехи.

Кай посмотрел на Киру, который с непроницаемым лицом наблюдал за чествованием соперника, потом на группку женщин, стоявших позади. Но той, в зеленом, под *моном* Киры, с глазами один как темная земля, другой как бледное зимнее небо, нигде не было. Нахмурившись, Кай повернулся и начал проталкиваться через толпу, медленно продвигаясь к задним рядам.

Оиси пересек залитый светом фонарей верхний двор, неся шлем под мышкой. На сегодня с обязанностями *каро* и командира почетной стражи покончено. Наконец-то домой, к семье. Кажется, все прошло безупречно. Сёгун со свитой, приехавшие *даймё*, их бесчисленные вассалы, слуги, женщины, животные – все были обеспечены пищей и кровом согласно их положению. Комнат хватило, хотя гостевые покои в цитадели и другие помещения верхнего двора были заняты полностью, так что пришлось даже на время отселить не имевших семьи старших по рангу самураев в казармы внизу. Место для каждого, и каждый на подобающем ему месте – все в соответствии с законами сёгуната.

Последним – хотя из гостей это был далеко не последний по положению – Оиси видел сегодня господина Киру. Тот улыбнулся на прощание, но у Оиси все внутри почему-то стянулось в узел. Наверное, просто показалось из-за давней вражды Киры с господином. А может быть, всему виной то, что с утра маковой росинки во рту не было, только и успел воды глотнуть. И все же тревога не отпускала. Надо будет попросить Рику помассировать мужу спину и плечи после ужина – это расслабляет.

Немного не дойдя до дома, Оиси вдруг застыл как вкопанный. Хмурое выражение на его лице сменилось гримасой раздражения.

На террасе ждал Кай, полукровка. По крайней мере, «главный ловчий» не осмелился осквернить само жилище, но один вид жалкого выродка здесь, в верхних помещениях замка, прямо под дверью собственного дома, переполнил чашу терпения Оиси.

Опустившись на колени и не поднимая глаз, Кай низко поклонился.

– Чего тебе? – рявкнул Оиси. В нем говорило утомление последних часов и многолетнее презрение к найденышу.

Полукровка выглядел почти таким же изможденным, каким Оиси внутренне ощущал себя, – пожалуй, даже хуже. Перед глазами вдруг встал мертвый *кирин*; воспоминание о постыдной тайне, которая стала известна *каро* – о чем не знали даже сами Ясуно и Кай, – отнюдь не прибавило хорошего настроения.

Под затвердевшим, как кремень, взглядом Оиси полукровка наконец заговорил:

– Тогда, на охоте, я увидел… лису. Это была *кицунэ*, хоть я не сразу понял.

Оиси уставился на него, еще сильнее нахмурившись.

– Оборотень?.. – произнес он почти насмешливо. Он мог бы до рассвета перечислять нелестные характеристики Кая; в том, что тот, ко всему прочему, еще и суеверный болван, не было

ничего удивительного.

Кицунэ никогда не появлялись в Ако; эти сверхъестественные создания, которые могли принимать вид животных, обитали только в дремучих чащах высокогорий, как и *кирины*. Хватит и того, что один из последних внезапно вторгся на земли князя. Что же теперь, поверить, будто все Ако кишит демонами-*ёкаями*? Только из-за того, что жалкий полукровка увидел в лесу лисицу?

Но Кай, твердо выдержав взгляд *каро*, кивнул.

– Думаю, сегодня вечером я видел ее снова… – Он запнулся, отметив полное равнодушие на лице Оиси – кажется, понял наконец, насколько невероятно звучит вся история. Однако тут же оправился и закончил упрямо: – Она была в обличье человека. Одна из приезжих наложниц *даймё*.

Оиси уставился в землю, обдумывая услышанное, однако когда он поднял голову, его глаза смотрели по-прежнему бесстрастно.

Взгляд полукровки сверкнул обидой и разочарованием.

– Боюсь, это плохой знак для князя и госпожи.

Он искренне озабочен, понял Оиси, внимательнее изучив лицо ловчего. Если в чем-то они с ним и были едины, так это в абсолютной преданности господину и его единственной дочери. Понятно, почему нахальный полукровка осмелился явиться прямиком сюда… Но это не прибавляло рассказанной им глупой сказке достоверности.

– Говорят, только демоны могут видеть сквозь фальшивое обличье оборотня. Или ты и есть демон?

Пусть признается. Оиси не желал больше скрывать свое презрение к выродку – князя нет рядом, можно наконец дать себе волю.

Огоньки в глазах Кая будто подернулись золой. Он понял, что за маской притворного безразличия Оиси скрывается то же презрение, которое питали к полукровке другие вассалы князя.

– Нет, – бесцветным голосом ответил он.

Оиси пожал плечами.

– Ну, значит, какая-то красотка просто заморочила тебе голову.

Он прошел мимо ловчего так, будто того не было, и шагнул в дом, чересчур громко задвинув дверь. Кай остался стоять на коленях, один в пустынном, тихом дворе.

Глава 5

Рассвет в день поединка был так прекрасен, словно сама Аматэрасу, богиня солнца, к которой возводили свой род императоры Японии, решила почтить Ако своим сияющим присутствием.

На пустой площадке в нижнем дворе, где обычно упражнялись воины, воздвигли огромный, открытый сверху балаган. Переходы и галереи в нем разгораживали сотни *тобари*, складных ширм в рост человека, которые обычно использовали для временных построек под ставку военачальника в походе, но применяли и для больших скоплений зрителей на подобных зрелищах.

Центром всего этого лабиринта служила специально устроенная для сегодняшних поединков арена, где лучшие бойцы прибывших *даймё* будут показывать свое мастерство.

Тобари украшал *мон* клана Асано – скрещенные ястребиные перья в круге. Красные с золотом эмблемы то там, то тут пылали на неяркой ткани ширм. Кое-где их разбавляли, а местами и вытесняли полностью черно-золотые цвета Токугава – особенно в проходе, ведущем к особому крытому помосту, предназначенному для сёгуна, его свиты и наиболее важных гостей. Оттуда открывался самый лучший вид на арену; рядом были помосты и отгороженные места для занимавших более высокое положение самураев Ако и вассалов прочих *даймё*.

По традиции, восходящей к временам, когда *тобари* применялись в военных походах, а сам сёгун был первым из военачальников, а не чиновников, сиденья представляли собой простые походные табуреты. Для дам, которые, с позволения своего господина, могли присутствовать при зрелище, разложили подушечки.

Оиси стоял рядом с князем Асано и госпожой Микой, приветствуя прибывающих знатных гостей. Большинство самураев высокого ранга из числа вассалов князя уже сидели на местах; другие, положением пониже, но отличающиеся верностью, кольцом окружали арену, выступая в качестве охраны. На всех были новые ярко-алые, покрытые лаком доспехи, специально изготовленные к приезду сёгуна, все при оружии, готовые пресечь любую угрозу в отношении особы правителя. Малейшая небрежность в обеспечении безопасности высоких гостей, и князь будет обесчещен – в худшем же случае лишится земель и головы. Возможно, и не он один – казнь в таком случае грозила и членам семьи. Самураи Ако, опозоренные, лишившиеся сюзерена, станут

ронинами и потеряют все средства к существованию. Оиси знал, как это бывает, – слишком часто других настигала такая беда, и слишком мало требовалось, чтобы ее вызвать.

На него вдруг вновь нахлынули мысли о полном опасностей прошлом, о Веке Войн, когда таким, как он, смерть грозила беспрерывно, – ведь главный советник, скорее всего, командовал бы армией князя Асано, а не возглавлял бы войско его чиновников, участвуя только в бумажных битвах. И все тренировки самураев – даже когда нужно было в полных доспехах удерживаться на воде и стрелять по мишени из лука – не смогли подготовить их к настоящему испытанию, похожему на подлинный бой, – охоте на *кирина*.

Оиси не давала покоя мысль о том, как близко к провалу они тогда оказались. Что ждало бы их в век, когда самурай мог вернуться с поля боя либо с головой врага у седла… либо без собственной головы?

О боги… *Каро* прижал пальцы к глазам. И почему подобное лезет в голову? А все Кай, будь он проклят, со своей болтовней о дурных предзнаменованиях. После той неприятной встречи у двери собственного дома Оиси, вместо того чтобы наконец спокойно выспаться, всю ночь мучился кошмарами.

Мика оглянулась, услышав вздох Оиси, и увидела, как тот потирает глаза. Она сочувственно наморщила лоб и перевела взгляд на отца, по-прежнему прямого, как копье, и бодрого на вид; они с главным советником будто поменялись годами. Сколько дней потребуется старому князю, гордо сжимающему сейчас в руках веер из ястребиных перьев, чтобы восстановить силы после этого двойного испытания – охоты на *кирина* и приема сёгуна?

Сёгун и его свита величаво продвигались к своим местам. Тем временем на сцене выступали актеры, которых Мика наняла для развлечения зрителей до начала схватки. Они исполняли любимый публикой танец *кагура* из какой-то пьесы театра *но* – Мика знала название, но в суматохе оно совершенно вылетело у нее из головы.

Ну что ж, костюмы и маски у них действительно замечательные и сделаны весьма искусно, а игра полна утонченности и высокого мастерства – всё как обещал Каватакэ, главный в труппе. Обещания, конечно, стоят немного, но эти актеры выступали перед самим императором, и Мика сочла, что и для сёгуна они будут достаточно хороши. Пусть император сейчас лишь символическая фигура без реальной власти, он все равно остается живым олицетворением милости богов, своих предков и

занимает особое, священное, место на самом верху общества – хотя и вдали от него.

Каватакэ сам выступал впереди своей труппы – изящество и нарочитая театральность движений выдавали его даже под маской демона. Он танцевал и принимал позы так эффектно, словно был рожден изображать богов и легендарных героев – обычных действующих лиц в пьесах *но*. Возможно, так и есть, подумала Мика – она все больше убеждалась, что предопределение управляло жизнью людей, как бы ни пытались они идти против судьбы.

Взгляд девушки заскользил по сторонам, ни на чем не задерживаясь. Волнение первых минут осталось позади, и ожидание, пока все гости рассядутся, было таким же утомительным, как прежде – приготовления, в которые приходилось вникать. Вид самураев Ако, таких благородных и отважных в новых доспехах, заставлял ее разделять законную гордость отца – пока она не вспомнила о том, кто не появится здесь сегодня, хотя поистине заслуживает шанса отстаивать честь князя Асано на поединке.

Мика обвела глазами помост, где сидели княжеские вассалы высокого ранга: Хадзама, Исогай, Хара… Она представила себе Кая между ними, в сияющих доспехах с эмблемой клана, – и только еще больше расстроилась. Потом ее взгляд упал на лицо одного из самураев, которого все звали Басё, и тот, заметив, что дочь господина смотрит на него, улыбнулся и подмигнул в ответ. У Мики немного потеплело на сердце; она тоже улыбнулась здоровяку, вспоминая их первую встречу…

Мысленно Мика увидела себя ребенком, несчастной, безутешной девочкой. Она сидела тогда во дворе, плиты которого так густо покрывали осенние кленовые листья, что алое кимоно сливалось с фоном… сидела и горько плакала. Плакала уже не первый день, не отзываясь на уговоры нянек, старавшихся ее отвлечь. Ей казалось тогда, что слезы никогда не остановятся, а боль в сердце не пройдет. Когда умерла мама, ей было восемь; отец в горе заперся у себя и словно забыл, что у него есть дочь.

Проходивший мимо Басё с виду ничем не отличался от прочих вассалов отца, хмурых и неразговорчивых в те дни, – разве что огромным ростом и толщиной да еще белым капюшоном на голове: самурай лишь недавно вернулся из монастыря, где обучался боевым искусствам. Из-за этой накидки великан казался еще более устрашающим.

Однако Басё, единственный из всех, заметив плачущую среди листьев девочку, не прошел мимо. Окинув ее долгим взглядом, он

низко поклонился и сказал:

– Госпожа Мика, вы дочь *даймё*, а значит, не трусливее любого самурая. Хотите со мной в дозор на внутреннюю стену?

Она уставилась на него, раскрыв рот от неожиданности, икнула и вскинула руку к губам. Широкая улыбка, появившаяся на лице Басё, мгновенно придала ему вид озорного мальчишки, которым он в душе и был. Эта улыбка, то, что он заговорил с ней, его неожиданное предложение – все вместе совершенно сбило Мику с толку. Она не помнила, что ответила тогда, сама не своя, разрываясь между горем и детским любопытством. Но несколько минут спустя она уже карабкалась по ступенькам к наблюдательному пункту, а за ней озабоченными гусынями спешили няньки.

Впервые она попала на такую высоту, с которой можно было окинуть взглядом все Ако. Поля и леса, река и небо казались отсюда совершенно другими. Резкий ветер развевал волосы, словно девочка летела, Басё показывал ей рисовые поля и деревеньки крестьян, по осенним краскам листьев распознавал деревья, росшие на холмах, а потом протянул руку к морю – Мика и не думала, что оно так близко.

Потом они оба смотрели в небо. Басё рассказал ей, как в монастыре он любил лежать на траве и представлять себе, что он на дне неба. Будто небо – как море и из его глубин можно взмыть вверх, к чистому голубому сиянию… А еще он смотрел на облака над головой, угадывая в их странных очертаниях диковинных рыб, кроликов, собак, забавно искаженные лица знакомых; облака все время меняются, и одна картина перетекает в другую, как по волшебству.

Басё спросил, что видит Мика, и с его помощью она стала придумывать самые невероятные образы, какие только приходили ей в голову, – и вдруг с изумлением поняла, что весело смеется, показывая пальцем то туда, то сюда. Она больше не сидела, окаменев от горя, и не лила слез. Лицо и рукава высохли. Мика вдруг почувствовала себя такой же высокой и сильной, как сам Басё, словно, как облако, превратилась во что-то другое – в кого-то, кем горько плачущая девочка даже не надеялась стать.

Она спросила Басё, сможет ли мама стать облаком, и он ответил, что ее мать теперь часть всего сущего – и неба, и земли Ако, – что она в каждом человеке внутри замка и вне его, и особенно – в сердце своей дочери и ее отца.

Эти слова дали девочке утешение, в котором она так нуждалась, и силы жить дальше. Почувствовав себя обновленной, Мика твердо решила, что вытащит отца из его покоев и приведет его сюда, на стену, чтобы поделиться тем, чему научилась здесь.

– Басё! – раздался вдруг сердитый окрик.

К ним спешил Оиси Ёсио – еще с мальчишеской стрижкой, еще только помогавший отцу в обязанностях *каро*, но уже исполненный уверенности в себе, гордый делом, которое ему поручили.

– Что здесь?..

Он вдруг запнулся, увидев Мику и сообразив, что все эти женщины – ее няньки. Согнувшись в глубоком поклоне, он пробормотал:

– Простите меня, госпожа. Я не… простите, что, э-э, помешал.

Он выпрямился, пунцовый от смущения. Мика хихикнула.

– Ничего, – махнула она рукой и, чтобы вывести его из смущения, указала на облака. – Видишь? Где здесь кролик?

Вновь обернувшись к Басё, она, на глазах Оиси и ошеломленных служанок, опустилась перед ним на колени, словно перед изображением милосердного Будды, со всей серьезностью поблагодарив за преподанную мудрость.

Поднявшись на ноги, Мика без малейшего перехода велела нянькам идти с ней к отцу. Она помнила, как почтенная Хару – единственная из всех, кто не лишился дара речи, – тихо спросила Басё, каким волшебством он излечил девочку.

Тот, улыбнувшись, покачал головой, словно отрицая всякую заслугу.

– Смех возносит человека к богам, – ответил он и вместе с Оиси продолжил обход.

От Оиси Мика узнала потом, что «Басё» – прозвище, имя знаменитого поэта; воина-монаха начали звать так, когда отец присудил ему победу в стихотворном состязании. Девочка долго не понимала, зачем самураю поэзия, – пока не выросла и не прочитала «Книгу пяти колец»…

Вспомнив об авторе книги, легендарном мастере меча Миямото Мусаси, девушка вернулась к настоящему – и тут же подумала о Кае. Ее душа кипела от возмущения: он не сможет сегодня даже присутствовать здесь, не говоря уже о том, чтобы сражаться за Ако.

Испугавшись, однако, что подобные мысли могут навлечь несчастье, Мика сотворила про себя краткую молитву Сияющей Прародительнице, прося ту одарить своей улыбкой воина, обманом занявшего по праву принадлежащее Каю место, – ради сохранения чести Ако.

Молитва осталась незаконченной – сзади раздался знакомый голос, хотя и не из тех, какие Мика хотела бы услышать снова.

– Не знал, что у вас такая красивая наложница, князь Асано, –

произнес внезапно появившийся Кира.

Краска гнева и унижения бросилась в лицо девушки, незаметная под слоем белой пудры. Отец повернулся к наглецу, и Оиси шагнул следом, закрывая собой Мику, давая ей возможность взять себя в руки и не доставить Кире удовольствия увидеть реакцию на свои слова.

– Это моя дочь, – произнес отец голосом холодным, как зимнее море.

Мика тоже обернулась, ледяными, словно ветер с этого моря, глазами глядя на придворного. Тот в деланом замешательстве прикрыл рот, но ее взгляд нисколько не потеплел. Будь она только мужчиной!.. Руки девушки скользнули к широкому поясу. *Оби* был не просто деталью туалета: каждая женщина самурайского рода прятала в нем кинжал – поближе к сердцу.

– Простите, госпожа, – проговорил Кира.

Смирение в его голосе показалось бы ей искренним, не знай она, с кем имеет дело. Неудивительно, что он фаворит сёгуна и его главный церемониймейстер – Мика в жизни не встречала более талантливого лжеца. «Хитрый коршун прячет когти», – говорит пословица. Будто не замечая стены льда в глазах Мики, Кира с кротким видом поклонился, стрельнул взглядом в сторону князя и вновь обернулся к ней.

– Теперь, видя вашу красоту, я понимаю, почему ваш отец не женился снова.

Хоть ни в словах, ни в их тоне не было ничего оскорбительного, она все же ощутила какой-то змеиный намек – словно гадючье жало прошлось по коже. Девушка оглянулась на отца. Тот молчал, но его глаза стали еще холоднее. Оиси, переступив с ноги на ногу, посмотрел на рукояти двух мечей, короткого и длинного, торчавших из-за пояса широких шаровар-*хакама*. Резким движением сунув туда же закрытый веер, он убрал руки за спину, и Мика увидела, как они сжались в кулаки.

Кира все не отрывал глаз от ее лица, будто не мог насмотреться. Она с трудом удержалась от слов, которые поразили бы его вернее, чем меч *каро*, оставив следов не больше, чем ядовитые колкости придворного. Напряженная, как натянутый лук, девушка заставила себя ответить вежливым поклоном, словно принимая сказанное как комплимент.

Отец шагнул вперед, защищая Мику, и положил ладонь на ее руку, но Кира опередил его.

– Могу я просить, чтобы ваша дочь заняла место подле нас на помосте? Я хотел бы загладить свою невольную оплошность.

По глазам отца Мика поняла, что он не желает этого, и надеялась на отказ. Но просьба была сделана с такой безупречной

учтивостью, что оставалось только согласиться.

Верный Оиси держался рядом, сколько мог, проводив *даймё* и его дочь до помоста и дождавшись, пока они усядутся. Мике пришлось опуститься на колени между отцом и Кирой, словно и впрямь чьей-то наложнице. Для кого, интересно, на самом деле предназначалась ее подушка? Или он спланировал все заранее и капкан был расставлен с самого начала? Не хочет ли этот человек превзойти, играя с другими, саму судьбу?

Оиси, поклонившись напоследок господину и его дочери, направился к своему месту среди других самураев Ако. Мика посмотрела ему вслед – руку *каро* нарочито не снимал с рукояти *катаны*, а преодолев разделявшее их помосты короткое расстояние, вновь обернулся к ним и больше уже не спускал глаз. И все же без преданного самурая девушку охватило вдруг неприятное, тоскливое чувство.

Кай стоял рядом с Оиси Тикарой, сыном главного советника, на площадке, где бойцы готовились к поединкам, оттачивая приемы, и отдыхали после боя. Тут же толпились другие самураи Ако, кто, как и Тикара, из-за своего невысокого положения не получили места у арены, но могли, по крайней мере, сквозь щели в *тобари* наблюдать за происходящим.

Поскольку Кай был с сыном главного советника, никто не пытался оспаривать его право находиться здесь. Главный ловчий оглянулся на мальчика, который выбирал из кучи дубовых *боккэнов* лучший – для Ясуно. Сегодняшние бои шли не на смерть, и воины использовали тренировочные мечи вместо настоящих *катан*. Однако сражались они все равно в полных доспехах, а к шлемам прикрепляли защитные маски – даже такое оружие в руках опытного мастера могло стать смертельным. Удар тяжелого, окованного на конце сталью *боккэна* способен искалечить или даже убить. Грубый с виду, он наносил иногда обманчиво легкие повреждения, заканчивавшиеся плачевно. Им нельзя было разрубить человека от плеча до груди или оставить несколько неглубоких ран, от которых противник истекал кровью, терял сознание и умирал, если не оказать ему помощи. Зато деревянный меч крушил кости и черепа и повреждал внутренние органы. Снаружи оставался всего лишь синяк, а человек спустя несколько часов или даже дней вдруг падал замертво, так и не узнав, что его убило.

Наконец Тикара выбрал *боккэн* и вопросительно посмотрел на Кая. Тот пересек площадку и внимательно оглядел меч, оценивая плотность дерева, выискивая, не искривлены ли волокна и нет ли слабых мест, трещин и сучков. Отрицательно помотав головой,

порылся в куче оставшихся, отыскал лучший и перебросил Тикаре. Тот ловко поймал его левой рукой, не выпуская свой из правой, – губы Кая поднялись в скупой одобрительной улыбке. Сравнив два меча, Тикара кивнул и положил выбранный им обратно.

По странной прихоти судьбы Кай, у которого не было в замке ни одного друга, неожиданно для самого себя стал наставником в боевых искусствах для сына *каро*.

Однажды они случайно встретились в лесу ранней весной. Тикара, только зазря тратя стрелы, пытался подбить возвращающихся с юга птиц и просыпающихся зверей и наткнулся на главного ловчего. Тот упражнялся на поляне с палкой вместо меча, – зная, что никогда больше не возьмет в руки настоящий, Кай никому не говорил, что умеет с ним обращаться. Позже об этом узнал еще и Ясуно, – но он не расскажет никому и под страхом смерти.

Однако Тикара увидел и, возмутившись, что полукровка смеет тренироваться, самонадеянно решил проучить его. Мальчишка так гордился своим недавно обретенным званием самурая, что не расстался с лязгающими мечами, даже отправившись на охоту. Если бы Кай не был так сосредоточен на своих упражнениях, он узнал бы о приближении молодого балбеса задолго до того, как тот его увидел.

Кай позволил Тикаре обнажить клинок, потом одним движением выбил его из рук мальчишки, а следующим опрокинул того на спину. Подняв меч, ловчий приставил его к горлу лежащего и, чуть нажав, чтобы оцарапать кожу, велел поклясться на собственной самурайской крови, что тот никому не расскажет о том, что видел.

Тикара сглотнул, испуганный, ошарашенный… и тут же дерзкий огонек вновь зажегся в его глазах, и он поклялся молчать – если Кай научит его всему, что знает сам.

Ничего не ответив, тот вернул мальчишке меч и велел отправляться домой. Кай знал, что рискует. Если Тикара все расскажет отцу, придет Оиси Ёсио со сталью в руке и не оставит противнику даже шанса защищаться.

Однако на следующий день, проснувшись почти с рассветом и выйдя из дома, Кай увидел терпеливо ожидающего под моросящим дождем Тикару с двумя тренировочными мечами в руках.

В ходе занятий Кай понял, что мальчик унаследовал способности своего отца, хотя нынешний мастер меча замка Ако, кажется, придавал больше значения красоте движений, чем их смыслу. Ему следовало бы преподавать каллиграфию, а не

искусство убивать.

Главный ловчий учил Тикару использовать меч так, будто и впрямь сражаешься за свою жизнь.

Тут мальчишка махнул рукой в сторону одного из бойцов, тренировавшегося прямо перед ними, и мысли Кая вернулись к настоящему.

– Он только один этот прием и разучивает. Сразу видно – как ослабил защиту, значит, будет атаковать.

Кай усмехнулся.

– Ну, тогда против тебя у него нет ни единого шанса.

– Против Ясуно – точно, – откликнулся Тикара, воинственно поднимая *боккэн*.

Кай удивленно взглянул на него, но потом вспомнил, что мальчишка не знает всей правды об убийстве *кирина*.

Тикара повернулся, чтобы отнести меч, но Кай вдруг спросил:

– Это ты оставил приношение сегодня в святилище?

Выходя из дома поутру, Кай задержался у сооруженного им алтаря при дороге – попросить богов, чтобы удача улыбнулась Ако. Кто-то побывал там раньше – и задобрил их жертвой.

Тикара оглянулся в недоумении, потом помотал головой.

– А что за приношение?

– Перо, – пожал плечами Кай, будто не находил в таком даре ничего особенного. Но это было не просто перо – ястребиное, символ Ако, символ воинской чести. Если его положил не Тикара, то кто? Мика? Но что она хотела этим сказать?

Тикара широко улыбнулся.

– Наверное, это знак от самих богов. Ясуно… – Он оборвал себя, расширенными глазами глядя куда-то позади Кая, на палатки поединщиков.

Тот обернулся посмотреть и тоже заморгал от изумления. Из лабиринта *тобари* внезапно появился закованный в доспехи боец исполинских размеров – настоящий великан. В шлеме он казался почти в полтора раза выше Кая, а тот превосходил ростом едва ли не всех в замке.

Доспехи гиганта были из странного иссиня-черного металла и не походили ни на что виденное Каем. Они напоминали панцирь насекомого; торчащие там и сям острые шипы в ближнем бою грозили противнику страшными увечьями. Закованный с ног до головы, боец нес на себе такой огромный вес, что большинство людей не смогло бы двигаться под ним, не то что сражаться. Тусклая полировка металла время от времени вдруг ярко вспыхивала, как крылья жука на солнце.

Маска под шлемом тоже была необычной – словно искаженное лицо демона или какого-то адского существа, не

живого и не мертвого, из подземного царства Эмма-о.

Кай зажмурился и поморгал, не веря своим глазам. Но не успел он убедиться, что перед ним не видение, как гул барабанов возвестил начало очередного поединка, и воин отправился на арену, двигаясь для своих размеров неестественно плавно и проворно.

Недоверчивое бормотанье раздалось среди приникнувших к щелям в *тобари* самураев; общий вздох прокатился по рядам зрителей, когда все увидели самурая в черном. Победитель предыдущего боя немедленно поднял *боккэн* и встал в защитную позицию, однако попятился, стоило великану двинуться на него с неотвратимостью смерти.

…Сидя на коленях между отцом и Кирой, Мика подняла голову и перестала обмахиваться веером – все вокруг, перешептываясь, куда-то указывали. Со своего места, ниже походных табуретов мужчин, она почти не видела арены и бо́льшую часть времени провела, уставившись на сложенные на коленях руки или играя резным веером из слоновой кости.

Обычно Мике нравилось смотреть на мастерство состязающихся в поединках, которые оставались почти единственным напоминанием о временах гордых воинов-самураев. Но потом она вспоминала о невзгодах и страданиях, увечьях и постоянной угрозе смерти, что были их неизменными спутниками. Как предкам удавалось торжествовать над врагами или даже просто вести такую жизнь – от одного залитого кровью поля боя до другого? Наверное, каждый из них поистине был образцом воина, благородного и отважного.

Только мысли о деяниях героев прошлого подготовили Мику к тому, что она увидела сейчас. С уст ее от неожиданности сорвался испуганный вскрик, когда она заметила на арене исполинскую фигуру в черных доспехах. Неужели кто-то может быть так огромен? Девушка не верила своим глазам. Да и человек ли это на самом деле?..

Она вспомнила, что рассказывали об Оде Нобунаге, самом безжалостном из Трех Объединителей, положивших конец Веку Войн. В легендах Нобунага представал демоном – Повелителем Шестого Неба, – замышляющим свое возвращение на землю и месть предавшим его.

Демон… Мика почти всю жизнь слышала, что так назвали Кая, и знала, насколько лживо это оскорбление. Но чудовищное существо на арене просто не могло быть человеком – если под доспехами вообще что-то было. Истинный облик воина скрывался за жуткой металлической маской, по сравнению с которой

демонские маски игравших перед поединком актеров казались смешными и нелепыми. Сейчас на Мику смотрел сам ужас, злобное ночное чудовище – *ёкай*.

– Кто это? – дрожащим голосом спросила она, поднимая глаза к отцу.

Кира, наклонившись, ответил вместо него с удовлетворенным выражением на лице:

– Мой боец.

Она обернулась к нему, пораженная, потом вновь перевела взгляд на арену. Второй самурай наконец перестал пятиться и изготовился к бою. Внезапно бросившись на противника, он нанес сильный удар по правой руке противника.

Воин в черном, будто и не заметив его, обрушил свой меч сбоку. Самурай пошатнулся; великан, не давая ему опомниться, подсек под ноги и опрокинул наземь. *Боккэн* с чудовищной силой опустился на шлем поверженного, оставив вмятину.

Поединок кончился, не успела Мика перевести дыхание. Побежденный лежал, не поднимаясь, даже не двигаясь.

Зрители застыли в потрясенном молчании; не слышно было ни шепота обсуждения, ни приветственных криков. Мика вдруг поняла, что ее ладонь прижата к губам, словно чтобы подавить рвущийся наружу крик.

Кира вновь склонился к девушке с ободряющей улыбкой на лице.

– Следующим идет боец вашего отца, госпожа. Уверен, это будет более равный по силам поединок.

Мика опустила руки обратно на колени, стиснув пальцы так, что перстни впились в кожу. Ничего нельзя было сделать; не глядя ни на Киру, ни на отца, девушка уставилась невидящими глазами на кошмарный призрак в черном на поле для поединков.

Ясуно… Она не стала молиться за него – никакие боги не помогли бы ему. Только Кай мог бы сразить чудовище. Только Кай…

– Кай!

Главный ловчий смотрел, как товарищи поверженного самурая волокут его безжизненное тело прочь. Похоже, он был мертв – неудивительно, после такого удара по голове.

– Что?

Услышав окрик, Кай оглянулся. Тикара, едва переводя дыхание, бежал навстречу. В его глазах плескалась тревога.

– Что случилось?

Кай тоже ощутил беспокойство: барабаны застучали снова, призывая следующего бойца на арену, где ждал победитель-

великан в черных доспехах, но Ясуно не было видно. Он что, струсил? Тогда ему все равно не жить!

Но Тикара, вцепившись в рукав, бесцеремонно потащил главного ловчего за собой, и по лицу мальчика тот понял, что с Ясуно стряслось кое-что похуже.

Они оказались у палатки, где боец князя должен был ждать своей очереди, уже одетый в доспехи. Откинув полог, Кай без лишних слов вошел внутрь. Впрочем, ему бы все равно никто не ответил – Ясуно неподвижно лежал навзничь, и его широко раскрытые глаза невидяще смотрели вверх.

– Что с ним? – встревоженно спросил Тикара. – Он словно в трансе…

Не отвечая, Кай опустился рядом с Ясуно и заглянул в остекленевшие глаза.

– Рядом с палаткой никого не было?

Тикара покачал головой:

– Нет. Только… по-моему, я видел лису.

– Белую?

Тикара кивнул в изумлении.

Барабаны зазвучали снова, и Кай вдруг будто воочию увидел арену и зрителей: нетерпеливое ожидание на лицах Мики и князя Асано, растущее недовольство всех остальных и самого сёгуна, – и гиганта в черном, расхаживающего взад и вперед, демонстрирующего презрение и насмешку над струсившим противником.

Оглянувшись на Тикару, Кай мотнул головой:

– Зови отца.

– Нет времени! – в отчаянии возразил мальчишка. Его взгляд упал на доспехи Ясуно, так и оставшиеся на подставке – он даже не успел надеть их. – Если боец от Ако не выйдет сейчас, мы обесчещены!

Кай тоже посмотрел на доспехи, на маску, полностью скрывающую лицо под шлемом, на панцирь с гордой эмблемой клана Асано. Что, если… Нет, никаких если!

Будто прочитав мысли учителя, мальчишка проговорил:

– Никто не узнает, что это ты.

Стоя на коленях рядом с бесчувственным телом Ясуно, Кай сжал кулаки. Только протянуть руку, хотя бы просто коснуться… Он разрывался между желанием показать, на что способен, и страхом перед тем, чем это может обернуться.

– Ты побьешь его, и никто ничего не узнает! – продолжал настаивать Тикара.

С арены вновь донесся бой барабанов.

Вскочив на ноги, Кай схватил деталь доспехов, и Тикара

бросился ему помогать. Ради Ако! Ради Мики!..

Росшее среди зрителей напряжение нарушил сёгун, встав и резким движением закрыв веер. От его нетерпеливого жеста по рядам прокатилась рябь, словно волны от всплывшего из глубин пруда карпа. Придворные и *даймё* также вставали, почтительно кланяясь. Поднялся и Кира; только Мика успела заметить мелькнувшую на его лице улыбку.

Но прежде чем сёгун сделал хоть шаг, на арене появился самурай с *моном* клана Асано на доспехах. Выйдя вперед, боец встал перед помостом.

Ясуно, наконец-то! Мика обернулась к отцу, чувствуя, как и он, неимоверное облегчение. И уловила на лице Киры изумление, которое тому не удалось полностью скрыть.

Сёгун замер, переводя взгляд с нового бойца на победоносного великана в черном. В глазах правителя зажглось любопытство, и он опустился обратно на свое место; остальные поспешно последовали его примеру, в том числе Кира, который больше уже не смотрел на Мику. В его взгляде, направленном на двух бойцов, сквозило что-то похожее на испуг. Впрочем, девушка была только рада избавиться от назойливого внимания. Приподнявшись, она тоже стала напряженно наблюдать за поединком. Прежнее беспокойство вновь овладело ей – по крайней мере, Ясуно вышел на арену, но ведь не он тот герой, что убил *кирина*. По силам ли самураю это чудовище?..

Кай стоял на арене словно в кошмарном сне, глядя, как сёгун и прочие вновь усаживаются на свои места. Если бы Тикара промедлил еще хоть секунду, шнуруя и пристегивая детали доспехов, было бы уже поздно.

Но они успели, и вот Кай здесь. Отступать некуда. Первый раз в жизни он надел доспехи и теперь, мокрый от пота под ними, дрожал с ног до головы – больше от страха перед собственным безрассудством, чем от их веса. В маске, прикрепленной к шлему, Кай задыхался от жары и подступавшей паники. Сердце колотилось так, будто он бежал сюда от самого леса, а не преодолел короткий путь между палаткой и ареной.

Он обвел взглядом толпу зрителей, отыскивая господина Асано, Мику и самураев замка, – и вдруг понял, что стремится заслужить их одобрение и признание куда больше, чем похвалу пусть даже самого сёгуна и всех *даймё* на свете.

От одного из них Каю точно ничего не надо. Он вновь взглянул на самурая-великана в черных доспехах, с которым ему предстояло сражаться. Боец Киры был под стать его ведьме-

наложнице, белой *кицунэ*. Они на пару явно что-то замышляют против Ако…

По тусклой поверхности черного металла то и дело пробегали странные искры; жуткая маска, словно живая, дрожала и двигалась; демонический образ, казалось, проникал прямо в душу, заливая ее ужасом. Черные провалы глазниц походили на бездонные колодцы; непонятно, кто – или что – смотрит оттуда, да и смотрит ли?

В последний раз Кай по-настоящему дрался очень давно, в другой жизни… К тому же еще неизвестно, что за существо противостоит ему сейчас.

Он закрыл глаза и постарался отрешиться от окружающего. Глубокий вдох. Задержать дыхание. Сосредоточиться. Выдох. Это не первый твой бой, и не впервые на кону твоя жизнь. И даже не впервые против тебя – не человек. Ты можешь. Ты сделаешь это. Ты победишь.

Кай открыл глаза. Мир вокруг стал четким, краски – яркими, очертания предметов – резкими, словно все отражалось в гранях хрусталя. Глаза противника тоже вдруг появились под маской, будто раньше Кай и видел их, но боялся встретить этот взгляд.

Они оказались ярко-желтыми.

Но это было уже неважно, как и форма зрачков. Противник – не бестелесный дух, и значит, его можно поразить мечом.

Кай шагнул на середину арены. Повернувшись к сёгуну, он почтительно поклонился, но глаза отыскали лицо Мики. Пусть даже она никогда не узнает правды, ее неизменная вера в Кая послужит опорой и путеводной звездой, напоминанием обо всем, что ему дорого, и защитой от любых злых сил.

Противники поклонились друг другу. Солнце за спиной самурая в черном резко очерчивало его силуэт; он поднял *боккэн*, и огромная тень, повторяя движение, устремилась к Каю, темная, как худший из человеческих страхов, принявший обличье человека.

Весьма внушительное обличье.

В повисшей над ареной полной тишине Кай тоже поднял свое оружие и медленно двинулся по кругу – так поступил бы и Ясуно. Любой бой начинался этим своеобразным ритуалом, во время которого противники оценивали друг друга.

Боец Киры вдруг прервал движение и сделал молниеносный выпад. Его *боккэн* мелькнул в воздухе, так что можно было заметить только размытую дугу.

Удар пришелся туда, где мгновение назад стоял Кай, но тот, еще стремительнее отпрыгнув в сторону, тут же контратаковал.

Мика, впечатленная, переглянулась с отцом. Похоже, она недооценивала Ясуно.

Оиси, сидевший с остальными самураями Ако высокого ранга, увидел, что и они обмениваются взглядами – кто удивленными, кто озадаченными. Его самого обуревали самые противоречивые чувства, когда он смотрел на кружащих противников, которые, ни на секунду не останавливаясь, атаковали, парировали и делали ложные выпады. Решающий удар пока так и не был нанесен – хотя Ясуно уже, по крайней мере, продержался дольше предыдущего бойца. Самурай вроде бы делал все так, как обычно, но в то же время его стиль чем-то неуловимо отличался – быстротой ответных ударов, плавностью и даже какой-то текучестью движений.

Вот боец Ако замер на месте, увернувшись от невероятно быстрого удара сверху; великан вновь бросается в атаку, разъяренный тем, что не удалось свалить противника сразу, но тот все стоит, ждет с раздражающим спокойствием. Ждет, пока самурай в черном окажется в пределах досягаемости, чтобы нанести точный и выверенный удар. Но Ясуно никогда ничего не ждал, особенно в бою! Он всегда был слишком нетерпелив и тем только вредил себе.

Едва противник пересек невидимую линию, откуда длинным ударом мог достать Ясуно, тот неожиданно атаковал с той же удивительной быстротой и ловкостью, нырнув под косой замах сплеча. Окованный сталью кончик *боккэна* сверкнул раскаленной на солнце пламенеющей головней, метя в колено – одно из немногих уязвимых мест, попав по которому можно свалить такого гиганта.

Боец в черном, видимо, тоже понимал это – каким-то чудом ему удалось блокировать удар. Однако *боккэн* Ясуно с невероятной скоростью изменил направление, будто отскочив от оружия противника, и взмыл вверх, к вытянутой правой руке, чтобы обрушиться на сочленение в доспехах, локоть или сравнительно тонкие кости предплечья.

Гигант снова успел парировать, и два деревянных меча со всего размаху столкнулись в воздухе.

Громкий треск разнесся, казалось, по всему замку – оба *боккэна* разлетелись пополам. Зрители на помостах и вокруг арены разразились одинаковыми криками изумления, не в силах поверить в произошедшее.

Бойцы неподвижно стояли несколько мгновений друг против друга, не выпуская из рук обломков, потом медленно повернулись к помосту, где сидел сёгун.

Ничья?! Оиси почти молился про себя о ней; внутри все

сжалось от невероятной надежды, так что у него захватило дух. Ничья в таких условиях стала бы сейчас наилучшим исходом для них, исходом, о котором можно было только мечтать. Пока Ясуно просто невообразимо везло. Пусть же сёгун положит конец поединку!

Однако князь Кира, до сих пор не отстававший от госпожи Мики, вдруг склонился к правителю и зашептал что-то ему на ухо. Тот помедлил немного, будто обдумывая, затем кивнул и подал жест глашатаю, который выкрикнул приказ.

Словно дожидавшиеся его слуги внесли на арену два настоящих боевых меча. Один – обычную *катану* – вручили Ясуно. Второй, полученный бойцом Киры, был выкован из того же странного иссиня-черного металла, что и его доспехи, и длиной мог бы сравняться с *нагинатой*, однако, как у обычного меча, его слегка изогнутое лезвие шло от самой рукояти.

Одати?! Оиси недоверчиво потряс головой. Этими огромными клинками всадники поражали пеших противников. Мало кто из обычных людей смог бы даже вытащить его из ножен без посторонней помощи, а тем более сражаться им в поединке. Тут нужен настоящий гигант…

Значит, гигант с *одати* против обычного человека, вооруженного лишь *катаной*. Поединок становился не просто смертельным – это было убийство.

Рука Оиси сжалась на рукояти собственного меча; гневный ропот пробежал по рядам сидевших рядом самураев. На помосте, где размещалась знать, князь Асано ледяными глазами смотрел на Киру, видимо тоже поняв, что тот задумывал это с самого начала.

Великан атаковал, не сделав даже пробного удара. Меч сверкнул дугой, грозя рассечь противника пополам. Ясуно успел, упав на колени, опрокинуться навзничь, и лезвие прошло прямо над ним. В мгновение ока он снова оказался на ногах. *Катана*, продолжая его движение, ударила по плоской стороне *одати* с силой, от которой слишком длинный клинок неминуемо должен был сломаться. Но этого не произошло – *катана* только выбила сноп искр. В следующее мгновение Ясуно, перекатившись, едва избежал страшного рубящего удара – столкновение придало мечу противника дополнительную скорость.

Тут же Ясуно прыгнул на ушедший в землю клинок и, взбежав по нему – Оиси не поверил своим глазам, – оттолкнулся и взмыл в воздух. *Катана* с силой ударила наискось по шлему великана, а тот как будто не заметил удара, только отмахнулся рукой, словно пытаясь сбросить надоедливое насекомое. Железный кулак настиг Ясуно, но самурай, перевернувшись в воздухе, приземлился на

ноги. Пошатнулся и сделал два неверных шага назад, однако успел отбить следующий, боковой удар *одати*. Бойца Киры повело вслед за мечом, и Ясуно, воспользовавшись моментом, нырнул вперед и в перекате полоснул по лодыжке великана.

Катану, однако, встретила кольчужная защита поножей. Великан, мгновенно развернувшись, в ярости попытался ударить ногой назад, но Ясуно, увернувшись от меча, навалился всем телом на другую ногу, стараясь повалить противника на землю. С тем же успехом можно было пытаться повалить дерево.

Ясуно бросился вперед и вновь заставил соперника повернуться, выиграв передышку в долю секунды… но по-прежнему не мог найти ни малейшего уязвимого место для атаки.

Если прежде зрители были просто возбуждены, то теперь они буквально в онемении смотрели на фантастический танец двух тел под музыку звенящих мечей, высекающих при каждом ударе дождь искр, – танец смерти, который, казалось, происходил в каком-то другом мире, словно на арене разыгрывалась ставшая явью легенда.

Остальные самураи Ако были в таком же восхищении, как и раскрывшие рты придворные на помостах, но при этом еще и следили за каждым молниеносным ударом и контратакой глазами опытных бойцов.

На мгновение Оиси отвлекся, заметив движение там, где его не должно было быть. Самураи, державшиеся до этого за *тобари*, столпились у выхода к тренировочной площадке. Некоторые, захваченные зрелищем, вылезли почти на саму арену. Среди них стоял и Тикара: он смотрел на происходящее с гордостью и благоговейным трепетом на лице, с верой – нет, с чем-то большим, чем вера в победу…

Басё, наклонившись вдруг с соседнего места к Оиси, проговорил вполголоса:

– Ясуно не настолько хорош…

Хадзама и Исогай рассмеялись, приняв слова здоровяка за шутку – Ясуно был его лучшим другом. Но Оиси, взглянув Басё в глаза, понял, что тот не шутит. И не ошибается. Когда это Ясуно научился летать?! Оиси нахмурился. Он прежде не видел бойца, равного этому, – разве что гиганта в черных доспехах. Все происходящее просто невозможно. Даже если Ясуно куда лучше, чем все они думали, где и как он обучился тем приемам, что использует сейчас? Чем дольше продолжался поединок, тем меньше Оиси узнавал стиль бойца. Мастер меча в замке никогда не учил их ничему подобному, Оиси не представлял даже, как называются эти движения.

И все же некоторые из них он где-то видел – совсем

недавно… У Тикары, вот где! После неожиданного завершения поединка с Дзиннаем Оиси решил немного понаблюдать за одиночными тренировками сына.

Невольно скосив на того взгляд, Оиси вновь увидел его горящие глаза и выражение гордости на лице – и в тот же момент уверился не только в своей правоте, но и в том, что вместо Ясуно сражается другой. И *каро* догадывался – кто. Внезапно охваченный отчаянием, он потянулся к мечу.

Боец Киры вновь с размаху нанес жестокий удар, но Ясуно – нет, не Ясуно, а занявший его место! – отразил его так же умело, как и раньше. Однако на сей раз он покачнулся, словно выбитый из равновесия. Утомление? Да и сколько может выдержать человек против такого противника! Так вот каково это – сражаться за собственную жизнь…

Едва гигант, воспользовавшись предоставленным шансом, сделал выпад, как поединщик от Ако, пригнувшись, ловко извернулся – и неожиданно рубанул по открывшемуся боку противника.

Ударив о черный металл, *катана* из закаленной стали вдруг, словно стеклянная, разлетелась на куски. Единый потрясенный возглас вырвался из уст зрителей.

Боец от Ако на долю секунды застыл на месте, расширенными глазами глядя на оставшийся у него в руках обломок. Но великану в черном хватило этого, чтобы мощным движением закованного в броню локтя нанести удар прямо в лицо.

Тот, кого скрывали доспехи Ясуно, отлетел на несколько шагов и упал прямо перед помостом сёгуна. По рядам вновь прокатился шум; некоторые зрители с криком повскакивали на ноги.

И тут мир перевернулся перед глазами Оиси.

Шлем и маска с глубокой вмятиной лежали на земле поодаль от поверженного – и всем открылось его истинное лицо. Лицо полукровки.

Оиси выругался в полный голос, но его слова потонули в общем шуме и гвалте. Теперь уже все зрители поднялись с мест; князь Асано стоял рядом с сёгуном, пепельно-бледный; госпожа Мика выглядела так, будто удар пришелся по ней самой.

На лице Киры было написано то же изумление, что и у всех прочих… но он смотрел так, словно увидел настоящее чудо.

Глава 6

Гигантскими шагами воин Киры прошествовал к тому месту, где в грязи лежал Кай – оглушенный, недвижимый. Как палач, самурай занес над поверженным противником синевато-черный *одати*.

– Стой! – раздался властный голос сёгуна.

Воин замер и медленно, неохотно убрал оружие, а на арену спустился сам Токугава.

Кто-то из сидящих рядом с Оиси мужчин прошептал:

– Говорят, наш сёгун благоволит к собакам. Возможно, к этой он тоже проявит милосердие.

Несколько человек фыркнули, сдерживая смех.

Оиси отвел глаза от места, где решалась участь полукровки, и прошипел:

– Молчать! – Голос его был страшен.

Как могут они смеяться?! Их господин только что был публично опозорен. Опозорен в такой судьбоносный момент. И кто в этом виноват? Ублюдочный изгой, который обязан князю Асано всем, даже жизнью…

Почему вместо Ясуно сражаться вышел полукровка? Полнейшая загадка… И, похоже, единственный человек, знающий ответ, – это его, Оиси, сын.

Словно загипнотизированный, смотрел он, как сёгун приблизился к Каю и склонился, изучая лежащего с нездоровым жадным любопытством.

Выглядел самозванец, насколько мог судить Оиси, хуже некуда. Удар, нанесенный железным локтем гиганта, смял защитную маску и сбил шлем. И шлем, и маска отлетели далеко в сторону, приземлившись в нескольких шагах от Оиси и его самураев. Полукровке еще повезло, что череп остался цел… Хотя повезло ли? Из носа и рта обильно струилась кровь, а одну половину лица исказило красно-фиолетовое пятно размером с огромный кулак.

Глаза Кая – или только один глаз? – открылись, когда Токугава прикоснулся к его подбородку и с небрежным безразличием человека, разглядывающего экзотическое животное, принялся вертеть избитое лицо в разные стороны.

Оиси видел, что Кай в сознании, хотя полукровка никак не сопротивлялся, не издал даже звука, пока сёгун тыкал пальцами и сжимал его щеки, жестко раздвигал губы, оценивающе рассматривал зубы. Неужели Кай добровольно терпит столь бездушное обращение? Или просто не может ничего сделать, даже

шевельнуться? В любом случае хорошо, что он сейчас так покорен.

Сёгун довольно улыбнулся и, выпрямляясь, слегка тряхнул головой. Отвернувшись от распластанного Кая, он бросил своим телохранителям:

– Убейте это.

Самураи Токугавы обступили полукровку, вытащили мечи…

– Нет!

Оиси дернулся. Какой знакомый женский голос… Знакомый слишком хорошо. Госпожа Мика вскочила с места и кинулась на арену. Подбежав к Токугаве, она рухнула на колени и простерлась ниц.

«О боги, нет!..» Оиси не знал, прозвучали ли эти слова лишь в его мыслях или вырвались наружу. Он не верил своим глазам. Мика-*химэ* лежит в пыли перед Токугавой… Мика-*химэ* молит сохранить жизнь полукровке…

Ее отец смотрел с трибун в немом замешательстве, которое сменилось вдруг прозрением. Так вот оно что… Вот к чему привел один-единственный необдуманный добрый поступок в прошлом – к этому мигу горького, мучительного позора. Все старания были напрасны – дочь его влюблена в Кая. По-прежнему влюблена.

Господин Асано медленно склонил голову. И в жесте этом было столько обреченной скорби…

Мир затих. До ушей *каро* доносились лишь громкие хлопки развевающихся на ветру знамен Ако.

С трудом разорвав собственное оцепенение, Оиси двинулся сквозь застывшую толпу. Вперед, к своему хозяину. Чтобы встать рядом, плечом к плечу. Господин Асано поднял голову и взглянул на *каро* глубокими, печальными глазами. Лицо его озарила решимость.

И правитель Ако шагнул вниз с трибуны, к своей дочери.

– *Тоно!..* – Напряженный и растерянный Оиси неожиданно для себя самого вытянул вперед руку.

Желая помешать непоправимому, он осмелился ухватить князя за одежду. Но *даймё* лишь стряхнул с себя крепкую ладонь и поспешил к Мике – быть рядом, уберечь.

Оиси скользнул взглядом по Кире. Ну, хоть этот молчит и никуда не рвется. Кира оставался на своем месте, и на лице его было написано то же неподдельное изумление, что и у всех вокруг.

Господин Асано приблизился к сёгуну и опустился на колени, поклонившись так низко, что лоб его коснулся земли.

– Простите меня, мой господин, – произнес он, – но в Ако

быть покаранным смертью – привилегия, доступная лишь людям. – Он приподнял голову, обратил взгляд на Кая. – Людям, а не животным.

По телу Кая прошла судорога, юноша дернулся, пытаясь перевернуться. И обессиленно рухнул назад – точно эти слова стали смертельной каплей, загасившей в нем последнюю искру жизни. Зато Мика посмотрела на отца с изумлением и благодарностью. Он пришел ее защитить – несмотря на то, какой удар она ему нанесла. И ради дочери готов даже унизиться.

– Это моя вина, – добавил князь Асано.

Сёгун с величайшим разочарованием изучал коленопреклоненного повелителя Ако и его дочь. За их спинами находились другие *даймё*, среди которых – господин Кира; и на лице последнего явственно проступило плотоядное выражение хищника, наслаждающегося победой. Оиси отвернулся, глядя в никуда поверх арены и ничего не видя перед собой. Нет сил и дальше наблюдать эту сцену… Слишком больно.

Токугава, обернувшись к своему адъютанту, указал на Кая.

– Пусть с него снимут доспехи и изобьют.

Господин Асано вновь низко поклонился и замер в таком положении, пока сопровождаемый охранниками Токугава покидал арену.

Мика подняла голову, посмотрела на отца, затем на Кая – даже теперь она не могла отвести от полукровки глаз, в которых плескалась душевная мука.

Адъютант сёгуна крикнул самураям Ако, растерянно топчущимся на трибунах, что исполнять приговор предстоит им.

– Спускайтесь!

Те молча повиновались, не смея ослушаться, и в нерешительности столпились на арене. Хазама вопросительно посмотрел на Оиси. *Каро* так и стоял – неподвижная фигура у опустевшего сиденья князя Асано.

Оиси с болью встретил взгляд друга. От *каро* ждут решения, внимание всех сейчас приковано к нему. А он чувствует себя так, будто сам только что лишился последних остатков достоинства и гордости.

Оиси перевел глаза на Кая – беспомощного, не имеющего возможности защититься. В голове молнией пронеслись видения минувшего боя: как полукровка двигался в смертельном танце, как нападал… Непонятно, почему Кай занял место Ясуно, но дрался он, защищая честь Ако. И дрался не как самурай – как демон. Никто из присутствующих здесь воинов не выстоял бы против Кириного гиганта, окажись тот даже без своих удивительных доспехов, о которые вдребезги разбилась *катана*.

Никто – а Кай сражался с ним на равных. И победил бы – будь поединок честным. Ясуно это ни за что бы не удалось. Выходит, то, что Кай убил *кирина*, вовсе не было счастливой случайностью.

Какая несправедливость! Все пошло не так: вместо того, чтобы торжествовать победу, Кай сражен неведомой силой, и тут наверняка не обошлось без колдовства. Вместо того, чтобы наслаждаться величайшим днем своей жизни, господин Асано втоптан в грязь у ног сёгуна – потому что его драгоценная дочь сильнее, чем родного отца, любит полукровку. Госпожа Мика пренебрегла всем – родительской заботой, честью и добрым именем – ради чего? Ради ничтожества, даже не являющегося человеком! Первое впечатление Оиси о найденном много лет назад странном мальчишке было верным: *Кай – демон*. Причем демон, который каким-то непостижимым образом оказался самым лучшим и самым храбрым воином Ако… Нет, что за чудовищная мысль! Этот плод кровосмешения, этот выродок… Его нельзя уважать, и сочувствовать ему тоже нельзя.

Оиси вновь посмотрел на Хазаму и кивнул.

Самураи Ако подхватили *боккэны* со стальными наконечниками, принесенные с учебного двора людьми сёгуна, и сгрудились вокруг лежащего Кая. Воитель в черном, так и не скинув демоническую маску, бросил на свою жертву последний взгляд. И отступил в сторону, оставляя поверженного врага его же соплеменникам – пусть сводят счеты.

Адъютант сёгуна, окруженный группой своих самураев, внимательно следил за происходящим, желая удостовериться, что приказ его господина будет исполнен в точности. Приглашенные на турнир *даймё* оставались на местах и молча наблюдали за публичным унижением воина Ако. Каждый из них хорошо понимал – одним только наказанием полукровки дело не обойдется. На клан Асано легло позорное пятно, и отмыть его теперь будет совсем не просто.

Оиси с непроницаемым лицом смотрел, как Кай пытается встать, чтобы защититься от грядущей расправы. Но нанесенный Харой сокрушительный удар вновь швырнул его на землю, а следом опустился *боккэн* Хазамы…

С этого мига спасения для полукровки не было. Воины обрушили на него всю свою бессильную ярость. Ублюдок, демоново отродье, выросшее среди них по милости их князя… лишь для того, чтобы обесчестить его гордое имя, его единственное дитя, его самураев, а вместе с ними – и весь народ провинции Ако.

Оиси заставлял себя наблюдать за избиением, однако внимание его то и дело ускользало: к господину Асано с

поникшими плечами, в ступоре глядящему в землю; к госпоже Мике, вздрагивающей от каждого полученного Каем удара, словно избиению подвергалась она сама; к господину Кире, на лице которого расцветало плохо замаскированное удовольствие…

Мика, казалось, вот-вот расплачется. И хотя Оиси очень гневался на нее за слабость, сердце вдруг кольнуло от непрошеной мысли – а каково было бы его жене, стань жертвой наказания он сам?..

Но тут *каро* накрыла новая волна стыда – по щеке госпожи все-таки скатилась слезинка. Пробежала по лицу, оставляя солнечно-серебристую дорожку… Девушка замерла, борясь с подступающими рыданиями. Оиси не мог припомнить ни единого случая, когда она плакала бы на виду у всех. Разве что когда умерла ее мать, а ведь в то время госпожа Мика была совсем ребенком. Женщина-самурай не должна плакать открыто – и уж во всяком случае, по такому постыдному поводу! И все-таки Оиси ясно видел, что душа девушки просто утопает в слезах…

Интересно, о чем она так горюет? Об участи отца? Или о Кае? Кае, который, рискуя жизнью, в одиночку убил *кирина*… который сегодня опять рискнул жизнью и судьбой, защищая честь господина и госпожи… честь Ако. Который тайно обучал его, Оиси, сына искусству владения мечом, постепенно завоевывая уважение и послушание юноши – так же, как завоевал он сердце дочери князя Асано.

Оиси бросил взгляд в другой конец арены, откуда Тикара раньше наблюдал за поединком с нескрываемой гордостью тайного посвященного.

Сын исчез. Не смог наблюдать жестокую расправу над своим учителем. Зато – в отличие от всех остальных участников драмы – он ушел отсюда по собственной воле. Оиси перевел глаза на своих людей, вымещающих на Кае отчаяние, безысходность и чувство униженности. Если их не остановить, они забьют полукровку до смерти. Отдать приказ? Пусть прекращают? А есть ли у него на то полномочия?

Адъютант сёгуна по-прежнему критическим взглядом следил за происходящим. Казалось, он доволен тем, с каким рвением исполняется распоряжение его господина, но доволен не слишком – Кай все еще шевелился, слабо пытаясь защищаться, и это мешало адъютанту объявить о конце экзекуции.

Внимание *каро* привлек Басё. До сих пор бывший монах держался подальше от центра потасовки, зная о своей могучей силе. Но вот он резко шагнул вперед, словно принял какое-то решение. Другие самураи подались в стороны – одного присутствия огромного воина было достаточно, чтобы вокруг все

расступились. Он занес *боккэн*, и решимость на его лице сменилась состраданием.

«Прости», – прошептал великан, глядя на Кая, и нанес точный, выверенный удар, от которого полукровка наконец лишился чувств. Опустившись на колени, Басё принялся освобождать обмякшее тело от доспехов, чтобы прекратить избиение. Адъютант Токугавы не возражал, и Оиси подал знак остальным помочь Басё.

Когда лишенного доспехов, окровавленного Кая поволокли прочь с арены, выглядел он обычным уязвимым человеком. Оиси посмотрел на господина Асано и его дочь. Глаза девушки вновь были полны слез, но теперь в них читались стыд и раскаяние. Выходит, облегченно вздохнул *каро*, госпожа Мика понимает, что натворила. Это хорошо, иначе он больше никогда не смог бы испытать к ней сочувствия.

Гости вокруг наконец зашевелились, потянулись прочь с трибун. Теперь господин Асано и Мика-*химэ* также вправе удалиться. Адъютант Токугавы отправился докладывать хозяину о том, как был обуздан строптивый нелюдь.

Оиси остался стоять на месте. Ноги будто вросли в землю. Только что он увидел, как самым уважаемым самураям, воинам высочайшего ранга, пришлось совершить деяние, до которого могли опуститься только павшие разбойники и бродяги – избить до полусмерти беззащитного человека. Теперь же он смотрел, как они швыряли *боккэны* в смешанную с кровью грязь и направлялись к нему за дальнейшими приказаниями. Остальные самураи, также присутствовавшие на турнире, молча выжидательно смотрели в его сторону из разных уголков арены.

Оиси поручил Басё и Окуде сопроводить князя Асано с дочерью в их покои, тихонько наказав воинам, чтобы те держались от своих подопечных подальше и хранили молчание. Хазаму он послал выяснить, куда подевался Ясуно и что с ним произошло. Остальных распустил: кого-то – выполнять привычные обязанности, кого-то – на заслуженный отдых.

И только после этого наконец отправился на поиски сына.

К вечеру чистое ясное небо, с утра предвещавшее не менее ясный и радостный для Ако день, стало серым и угрюмым. Надвигалась буря. Небеса напоминали жестоко избитое тело – разбухшие сине-фиолетовые тучи, густые кроваво-красные прожилки, нарисованные последними лучами заходящего солнца.

К тому времени, когда Мика наконец вышла из своих покоев, ярко-красный и золотой цвета знамен Ако – впрочем, не только Ако, ведь золото являлось еще и цветом сёгуна – совсем

потускнели.

…Вернувшись в дом после турнира, она первым делом прогнала всех из комнат. Ей необходимо было уединение – чтобы выплакаться. Она рыдала от горя и стыда, рыдала долго, до тех пор, пока у нее, кажется, совсем не осталось слез. А после этого разрыдалась вновь – в раскаянии и скорби…

В конце концов Мика уснула – а когда пробудилась, немедленно отправила встревоженных слуг за средствами, способными придать достойный вид опухшим глазам и покрасневшему лицу. Она не станет отрекаться от своего горя, и от гордости – тоже не станет. Если только того не потребуют интересы Ако. Ако, чье доброе имя она сегодня так опорочила. Но ей необходимо выйти, необходимо поговорить с отцом… даже если он не захочет ее видеть.

…В своих покоях отца не оказалось. Мика искала повсюду, спрашивала о нем каждого встречного. Никто его не видел… или видел совсем недавно, но где найти господина Асано теперь, не знал… Она уже стала опасаться: либо всем вокруг было приказано ничего ей не сообщать, либо… либо он мог… мог даже…

Добравшись до внутреннего дворика, девушка в изнеможении опустилась на скамью под вишнями – пальцы переплетены, ладони сжаты еще крепче, еще отчаянней, чем под недобрым изучающим взглядом господина Киры. От безжалостно впивающихся в руки колец на коже оставались кровоподтеки, но боль эта была Мике даже приятна – что угодно, только бы не думать…

В сгущающихся сумерках она разглядела направляющегося к ней самурая, одного из вассалов отца. Не узнать его фигуру было невозможно.

Басё нерешительно приблизился и с великим почтением поклонился.

– Моя госпожа, Оиси Кураносукэ сказал, что вы разыскиваете отца. Я недавно видел господина Асано – он сидел у пруда с *кои* в своем саду.

Глаз на нее Басё не поднимал, и девушка могла только гадать, какие чувства таятся в их глубине. Сегодня на лицах всех обитателей замка – даже на лицах слуг – она читала одно и то же. Жалость. Или осуждение. Или то и другое разом. Неужели и Басё тоже?.. Она не выдержит, если еще хоть кто-то посмотрит на нее с безмолвным обвинением. Особенно если это сделает стоящий перед ней сейчас мужчина. А каково будет прочесть то, что скрывается во взгляде отца, страшно даже представить…

– Благодарю вас, господин Басё.

Встав со скамьи и пригнувшись в ответном поклоне, Мика не смела поднять головы. С ее шелкового наряда соскользнули лепестки сакуры и молчаливым дождем осыпали все вокруг.

– Моя госпожа, – произнес Басё, когда она уже собиралась удалиться, – о полукровке позаботились. Его осмотрел лекарь. Он будет жить.

Девушка резко обернулась. На луноподобном лице самурая не было привычной улыбки, но в глазах его по-прежнему светились доброта и сердечность – странные качества для ловкого воина-монаха с огромным, могучим телом, который умеет искусно обращаться с боевым шестом *бо* и длинным мечом *нагинатой*…

– Зачем вы говорите мне об этом? – слабо прошелестела она.

– Затем, что вы сейчас отправитесь к отцу, Мика-*химэ*… – мягко пояснил великан, и девушке на миг показалось, будто они стоят не во дворе замка, а в монастырском зале. – А ему необходимо увидеть надежду в ваших глазах. Когда вы были маленькой девочкой, он точно так же нуждался в вашей улыбке. Я подумал… если вы услышите новость, которая уменьшит вашу тревогу…

– Басё-*сама*… – Мика отчаянно пыталась совладать с собой, удержаться на ногах, не отводить глаз, не превратиться вновь в горюющего ребенка. – От всего сердца благодарю вас за заботу о моем отце. Но… – Она вновь склонила голову, не столько из чувства благодарности, сколько от унижения. – Почему вы, вы единственный из всех, смотрите на меня прежним взглядом?.. После того, что я совершила…

Он удивился.

– Вы не совершили ничего дурного, моя госпожа. Вы просто полюбили. Полюбили человека, которого некогда спасла милость вашего же собственного отца. Мы не властны над любовью, она – часть нашего предназначения. Правильно это или неправильно, мы любим тех, кого любим…

Басё отвел глаза, словно усомнившись, имеет ли он право говорить с дочерью своего господина настолько откровенно. Однако совесть, видимо, не позволяла ему молчать, и потому самурай решительно продолжил:

– Мика-*химэ*, вы рассуждаете о *ваби-саби* так, будто в сердце вашем начертаны священные слова самого Будды. А Будда однажды заметил: «Истинная ценность человека – не в его внешности или статусе; она заключена в широте его духа». Вы умеете видеть красоту вещей и людей, их неповторимую уникальность; и вместе с тем – хрупкость и недолговечность всего сущего… У вас редкий дар.

Он вновь посмотрел на девушку, его лицо потемнело.

– Правительство Токугавы, *бакуфу*, упрятало нашу страну в кокон, словно шелкопряд, чтобы отсечь все неяпонское… Гордиться своим жизненным укладом и традициями – это хорошо, но вместе с тем и опасно. Гордость всегда несет в себе скрытую угрозу. Мы далеко не единственные дети богов в мире, и далеко не все чужеземцы и незнакомцы – замаскированные демоны. Возможно даже такое, что полукровка во всех отношениях достоин звания самурая. Увы, он был рожден здесь и сейчас… не в том месте и не в то время…

Рука Мики метнулась ко рту; девушка прикусила палец – прикусила крепко, чтобы заглушить едва не вырвавшийся у нее болезненный стон.

– Мика-*химэ*… – Басё с мягким увещеванием покачал головой. – Будда также учил: «Дарите свою любовь и сердечность всякому живому существу, без исключения». Наше доброе отношение к другим и их доброе отношение к нам – вот все, что души забирают с собой в конце пути. Следующая жизнь полукровки будет гораздо лучше, чем эта, потому что он разделил с вами любовь и сердечность. И ваша следующая жизнь – также…

Басё улыбнулся – мимолетно и застенчиво, – поклонился и оставил ее одну, удалившись как ни в чем не бывало, словно всего лишь передал порученное сообщение. Мика глядела вслед высокой фигуре. Что же на самом деле привело его сюда? Приказ Оиси? Или мудрость Будды?

Она развернулась в другую сторону и поспешила к отцу.

Господин Асано действительно обнаружился там, где сказал Басё, – в саду у пруда с *кои*. Здесь он имел обыкновение проводить свободное время. Сидя на скамье, князь неотрывно смотрел на отражающееся в водной глади темное небо, в перевернутый вверх ногами мир.

В тот миг, когда она приблизилась к отцу – впервые за долгие годы не смея поднять на него глаза от робости, – из озерца вдруг выскочил золотисто-серебряный карп и, взмахнув хвостом, шлепнулся на берег.

Господин Асано медленно поднялся со скамьи, схватил трепыхающуюся рыбу и бросил ее назад в водоем. Сколько Мика себя помнила, *кои* делали так всегда: словно, достигнув определенного размера или возраста, они уже не могли довольствоваться привычным, знакомым миром. И выпрыгивали из пруда навстречу неизвестности.

Девушка мысленно вернулась в детство: как быстро в те времена ее отец кидался спасать неразумных карпов, как журил

их – словно те могли понимать людскую речь, – возвращая туда, где было их место…

Но сегодня из уст господина Асано не вырвалось ни звука. Он лишь молча швырнул рыбу в озеро, будто презирая ее за глупость. Мика смотрела, как отец возвращается к скамье, и впервые поймала себя на мысли: князь постарел, движения его уже не те…

– Отец?.. – нерешительно позвала она, бросившись к нему навстречу.

Он поднял голову, и девушка отшатнулась, словно ударившись о стену. Едва сдерживаемый гнев в его глазах обжег ее, как огнем. Мика резко остановилась. А глава дома Асано повернулся к дочери спиной и обычной проворной походкой направился к своим покоям.

– Господин мой! – в отчаянии крикнула она и кинулась за ним, спотыкаясь, с трудом владея враз оцепеневшим телом. Точно взгляд отца ее парализовал.

– Не сейчас, – отрезал он из-за плеча, не замедляя шага.

– Отец, прошу!

Открывая дверь, господин Асано чуть замешкался, и Мике удалось его нагнать. Он ступил внутрь помещения и, даже не оглянувшись, задвинул за собой укрепленную деревянными рейками ширму.

Мика так и осталась стоять у двери – дрожащая, обессиленная, с подгибающимися коленями, не способная сделать и шагу. Небеса вдруг взорвались – ослепительно вспыхнула молния, следом раскатисто громыхнул гром, и наконец разразилась гроза.

Тучи обрушились на мир неистовым ливнем, Мика сразу же вымокла до нитки, но по-прежнему не могла заставить себя сдвинуться с места. Вновь и вновь взывала она посреди бушующей стихии, вопреки всему надеясь на чудо, на то, что отец ее смилуется, что сердце его смягчится и равнодушная дверь все же откроется. Голос девушки – жалостливый, скорбный, словно крики морских птиц, – разносился далеко вокруг и терялся в завываниях бури.

Она не знала, как долго там простояла; время потеряло значение. И не только время – значения больше не имело ничего. *О Кае позаботились*. Сердце радовалось, но мысль о том, что принесенная Басё весть так ее окрыляет, наполняла Мику жгучим стыдом.

Наконец, покорившись неизбежному, она повернулась к отцовскому дому спиной и медленно побрела прочь – через двор, под струями ледяного дождя, обходя стороной крытые

внутренние проходы, способные дать ей защиту от ливня.

Держась на ногах одним лишь усилием воли, девушка добралась до той части обширного дворца, где располагались ее комнаты. Как же она ошибалась, решив, что сегодня уже выплакала все слезы… Оказывается, человеческая душа способна вместить в себя бесконечное количество горько-соленой влаги… такое же бесконечное, как число звезд на небе.

В коридоре Мика заметила погруженных в беседу Басё и Оиси. Судя по их безрадостным лицам, разговор мог идти о чем угодно – от нынешних злополучных событий до нехватки лошадиного фуража.

Ей послышалось, будто Оиси произнес имя своего сына. Проходя мимо мужчин, она отвела глаза в сторону, не желая привлекать внимания. Но, что бы сегодня ни произошло, она по-прежнему оставалась Микой-*химэ*, и оба самурая, прервав разговор на полуслове, с требуемым почтением склонили перед ней головы.

Она слегка кивнула в ответ и уже собиралась было двинуться дальше, как вдруг заметила в глазах Басё отблески сочувствия; видимо, он не ожидал вновь увидеть ее так скоро, и уж тем более в столь плачевном виде – насквозь промокшую от дождя, жалкую…

Девушка остановилась, встретилась глазами с возвышавшимся над ней воином и, не обращая внимания на удивление Оиси, спросила:

– Господин Басё, верите ли вы в то, что боги или милосердный Будда в самом деле слышат наши молитвы и отзываются на них?

Теперь уже Басё посмотрел на нее с удивлением. Но оно тут же вновь сменилось сочувствием:

– Верю, моя госпожа. Хотя иногда они отвечают «нет»…

Он еще раз поклонился, и Мика поспешно – насколько позволяли приличия – пошла прочь, не желая, чтобы мужчины увидели, как изменилось ее лицо после этих слов.

На следующий день, когда низкое небо все еще было затянуто свинцовыми тучами, Кай наконец-то пришел в себя. Первой мыслью было: «Я умер». Затем он попробовал пошевелиться. Слабое движение головой, попытка поднести к лицу руку пронзили все его существо настолько острой болью, что он вновь едва не отправился в мрачное забытье. Значит, жив. Снова. Почему?..

У него вырвался сдавленный жалкий звук, который даже стоном не назовешь.

– Ага, очнулся в конце концов? – раздалось в ответ.

Кай попытался сфокусировать на говорившем взгляд. С огромным трудом ему удалось различить плавающее в мутном мареве лицо Оиси. Тела у *каро* не было.

Чьи-то руки приподняли Кая, чьи-то – влили ему в рот тонкой струйкой несколько глотков воды из полного ковша. И тут же остатки жидкости бесцеремонно выплеснули полукровке на голову. Враз вымокший, он, задыхаясь, задрожал.

– Вышвыривайте! – приказал Оиси.

Стены и потолок поменялись местами, Кая замутило. Две пары крепких рук подхватили его и выволокли в дверной проем, под ледяную морось, немедленно окутавшую тело прочной вуалью. Пока группа мужчин, подталкивая, гнала его по бесконечному голому пространству к неведомой цели, дождь усилился.

Наконец сквозь пелену боли он расслышал скрип решетки – кто-то открывал расположенный в наружных воротах небольшой проход. Кай поднял голову. Мир впереди растворился в завесе дождя. Притащившие его сюда люди швырнули полукровку за ворота.

Он упал под стенами замка лицом в грязь. В мутный туман, который все настойчивее окутывал уплывающее сознание, ворвался стук захлопнувшейся за спиной решетки. Этого звука было достаточно, чтобы забытье чуть отступило. Кай попытался приподняться – пока грязь окончательно не забила рот и нос, пока не захлебнулся. Глупый инстинкт самосохранения толкал ослабленное тело вверх… встать… на ноги… да хотя бы на четвереньки… хотя бы…

Отчаянным рывком Кай оторвал лицо от липкой жижи и судорожно вдохнул. Перекатился на спину. И замер. Сил шевелиться не было. А дождь все лил и лил… то ли слезы, то ли гнев небес… посланный то ли смыть с него все грехи, то ли, наконец, утопить…

Глава 7

В отведенных господину Кире покоях замка Ако в глубине старинной чаши мерцал догорающий пепел. Мидзуки вгляделась в затухающие угли, изучая трещинки на докрасна раскаленных оленьих костях, выискивая в их неясных, путаных кружевах едва заметные следы кружев других, гораздо более великих, сотканных невидимой рукою судьбы… Время выбрано верно – самое сердце ночи, когда единственным источником света были тлеющие знаки, рождавшиеся в тонкой струйке дыма перед глазами колдуньи.

Она перевела взгляд на своего возлюбленного господина, на его лицо, озаренное тем же отсветом, что и ее собственное, и усмехнулась.

– Рассудок Асано неспокоен. Пора.

В ответном взгляде Киры *кицунэ* вдруг уловила сомнения, и зрачок ее синего глаза – того, что был наделен Ясновидением, – предостерегающе сузился.

– Что тревожит тебя, мой господин? – мягко произнесла она, сдерживая внезапно вспыхнувшее звериное желание вцепиться ему в горло.

Люди… до чего они слабы… И все же…

– Покажи мне свою отвагу… Впусти в сердце…

Она скользнула к любимому, ловким движением запустила руку ему под кимоно на грудь, пробежала пальцами сверху вниз, длинными ногтями прочертила светлые полосы на гладкой коже, укрывающей сердце… вслушалась в участившееся биение…

– После этого пути назад уже не будет… – шепнула красавица. – Ты связан со мной… я – с тобой…

Глаза Киры сомкнулись, губы приоткрылись, из груди вырвался вздох наслаждения. Мидзуки не прерывалась – продолжала ласкать, распускала пояс его кимоно. И говорила, говорила…

– Нас не остановят ни реки крови, ни высота гор… Не испугают слезы вдов и сирот…

Голос ее зазвучал напевно, точно молитвенный речитатив. Она ощущала под пальцами стремительный ток Кириной крови, видела, как в унисон с его вожделением пульсирует жилка на виске… *До чего же с ними просто, с людьми… просто управлять… еще проще – убить… И все же…*

– Вспомни о своих стремлениях, воскреси ненависть!.. – приказала *кицунэ*, и когти ее вонзились в мужскую плоть.

Кира вскрикнул – но не от боли. Из собранных в высокую

прическу волос Мидзуки извлекла длинную шпильку. Неуловимое движение – и острие вонзилось в вену на запястье господина. Капли крови медленно потекли в сложенные чашей ладони красавицы.

– Вспомни о них… И я дам тебе все, что пожелаешь…

Журчащие тихим шепотом слова, отдавшие Киру во власть ведьминых чар, вдруг зазвучали по-иному, напев изменился… и из крови, собравшейся в руках Мидзуки, медленно стал расти причудливый темно-красный паук – воплощение самых сокровенных желаний лежащего перед ней мужчины, самых тайных его страхов. Долго же приходилось сдерживать ему честолюбивые страсти, бушующие в крови, – чересчур долго для столь слабой человеческой натуры… Ее возлюбленный станет сёгуном. Но не в одиночку. Дух его слишком немощен – ему недостанет мужества действовать решительно. Не беда… Ведь у Киры есть она, *кицунэ* Мидзуки, а ее бесстрашия и силы хватит на них обоих. О да, они идеальная пара – во всех отношениях…

После сегодняшних переживаний, потребовавших огромного напряжения сил, господин Асано погрузился в глубокий сон. Изнеможение его было столь велико, что, даже когда отбрасываемые тусклым светом фонаря тени принялись вдруг метаться по спальне, он не пошевелился.

В самом темном углу комнаты из мрака соткалась фигура ведьмы-лисицы и крадучись поползла по стенам. Достигнув спящего, она замерла под потолком. Точно страшный ночной демон, медленно двинулась вниз, пока не добралась до самой головы ни о чем не подозревающего мужчины. Раскрыла ладони – и выпустила наружу жирного красного паука, лапки которого до сих пор не просохли от Кириной крови.

Послушная воле колдуньи, тварь почти невесомо засеменила к губам князя, оставляя на своем пути мельчайшие бисеринки ядовитой крови. Словно поцелуй Смерти…

Зависшая над постелью Мидзуки пристально наблюдала за происходящим. Губы ее приоткрылись, и она прошептала:

– *Отец…*

Господин Асано резко сел. И замер, неестественно выпрямив спину. В широко распахнутых глазах плескался ужас. Рука его нащупала оставленный, как обычно, у постели меч, взгляд заметался по комнате в поисках непрошеных гостей, в попытке уловить их малейшее движение…

Ничего… Никого – лишь он один. Просто кошмарный сон, не больше. Он потер лицо, отгоняя оставшееся после странного видения неприятное чувство, и вновь опустился на футон. Как же

он устал… Забыть обо всем и поспать…

Откуда-то донесся приглушенный плач, и испуганный голос Мики вдруг отчаянно выкрикнул:

– Отец!..

Нет… показалось… Нечистая совесть играет с ним злую шутку, заставляя «слышать» голос дочери…

– Отец!

– Мика?

Ее голос! Никаких сомнений. Это не сон… Крик раздался вновь. И вновь – с каждым разом все громче, все страшнее. Господин Асано вскочил, схватил меч и выбежал из комнаты.

Он мчался по ночному саду навстречу полным ужаса и боли призывам дочери.

– Мика! Мика-а-а!

Добравшись наконец до ее покоев, он дернул в сторону ширму, закрывающую вход в спальню.

Распростертая Мика… а над ней… господин Кира… навалился на нее всем телом… словно… хочет…

Неистовый, яростный крик разнесся по дому. В руках господина Асано блеснул меч.

Кира поднял голову и, спасаясь от гнева обезумевшего отца, выпустил девушку. Рывком попытался встать. Но удар меча все же настиг его – пришелся в плечо. Насильник рухнул на пол, дико вращая перепуганными глазами.

С ледяным бешенством господин Асано занес меч над мужчиной, посмевшим напасть на его дитя. Убить… пронзить… Как вдруг…

…вдруг все перед ним исчезло, словно дурной сон, растаявший вместе с первыми лучами солнца…

Он почему-то стоял в покоях господина Киры – а вовсе не в комнате дочери. Сам Кира съежился перед ним на полу, баюкая окровавленную руку и визгливо вопя:

– Стража! Стража!

Мики нигде не было.

Господин Асано обернулся, недоуменно моргая, не веря собственным глазам. В зияющем дверном проеме виднелся внутренний дворик, в котором уже начали собираться разбуженные криками люди. Вот среди них – не может быть! – появилась Мика. Невредимая. В огромных глазах застыло потрясение: отец? ее отец с поднятой *катаной*?.. над истекающим кровью Кирой?..

Господин Асано медленно опустил меч – пораженный ничуть не меньше, чем застывшие в изумлении зрители; и еще сильнее, чем они, ошеломленный чудовищностью собственного поступка.

Он вновь посмотрел на Киру. «Боги, что со мной?..» Когда его взяли под стражу и принялись выталкивать из комнаты, он почти не сопротивлялся.

– Отец! – Мика попыталась пробиться к нему сквозь толпу, но охрана сёгуна преградила ей дорогу.

Услышав ее голос, господин Асано ожил и стал вырываться. Перед ним вдруг откуда-то появился Оиси – приподнятые руки успокаивающе выставлены ладонями вперед, во взгляде мольба: образумьтесь! не сопротивляйтесь!

– Господин мой, прошу вас…

Князь Асано пристально глянул на *каро*, моргая так отчаянно, словно его слепил яркий свет дня – хотя на дворе все еще стояла глубокая ночь. Затем, наконец, потряс головой, точно сдаваясь, и вновь опустил меч… Ему на миг показалось, будто он только что выбежал из глухих зарослей и попал в какой-то страшный неведомый мир, но успокоился, обнаружив здесь знакомое лицо – лицо своего ближайшего помощника.

Оиси отступил, тревога и страх в его глазах постепенно угасали, сменяясь облегчением. Но оно оказалось недолгим – стражники разоружили князя Асано и увели прочь.

Каро смотрел им вслед, и пустоту в его душе начало заполнять безнадежное отчаяние. Что же сделалось с его господином?.. его наставником… другом… Отчаяние вползало в грудь, наливалось там свинцовой тяжестью… ложилось неподъемным валуном поверх и без того невыносимого бремени последних недель… И валун этот медленно, но неуклонно давил на Оиси, сминая и круша какую-то незнакомую беззащитную часть души… пока в конце концов его сердце не разбилось вдребезги на сотню крошечных осколков…

Собравшаяся толпа, бормоча и перешептываясь, начала расходиться. Оиси увидел Мику, которую людской поток увлекал в направлении ее комнат – босую, с рассыпавшимися по плечам волосами, укутавшими девушку темным покровом. Она была неестественно бледной, какой-то бестелесной – словно убитый горем призрак. Он отвел от Мики глаза, понимая, что это видение будет преследовать его, как не нашедшая покоя после смерти душа, – до тех самых пор, пока он, Оиси, не найдет способ исправить зло, причиненное ее отцу.

Оиси посмотрел на Киру. Над его рукой хлопотал лекарь и люди из свиты. Но взгляд *каро* не желал останавливаться на раненом и бесцельно блуждал вокруг, пока… пока не натолкнулся на стоящего в дверях своих покоев сёгуна. Токугава все видел…

Но вот чего Оиси не заметил – потому что она сама не

хотела, чтобы ее обнаружила хоть одна живая душа, – так это наложницу Киры, колдунью, один глаз которой был синим…

Кай вновь скитался. Скитался, не в силах найти выход из сумеречного мира ненасытных призраков – мира, из которого он когда-то, давным-давно, спасся бегством. Но то был лишь сон… сон… ду́ши покинутых мертвецов вновь цеплялись за него бесплотными пальцами, сотканными из синего пламени. Их жалобные стенания наполняли беспомощный рассудок видениями раненых и умирающих людей, брошенных на произвол судьбы на каком-то забытом поле брани, под изорванными в клочья красными знаменами…

Стоны неожиданно оборвались пронзительным вскриком боли – и Кай резко вынырнул из навеянного бредом сна. Он чувствовал головокружение и тошнотворную головную боль, сознание оставалось спутанным. Призрачные вопли и неосязаемое пламя исчезли; лишь ледяной ветер завывал сквозь щели в стенах да одинокая свеча горела в стоящей на грязном полу треснувшей миске. Золотистое пламя трепетало, борясь за существование с жестокими порывами сквозняка, выхватывая из окружающей реальности смутные картины; и Кай, так же как этот слабый огонек, боролся с подступившей дурнотой, пытаясь распознать, где он.

Да это же его лачуга! Как он здесь оказался? И когда? Память молчала. Стояла ночь, и последние тлеющие в очаге угли давно превратились в золу, совсем не согревая темное выстывшее нутро жилища. В неверном пламени свечи Кай разглядел нечто, лежащее на циновке у самого его лица. Ладонь. Избитая почти до неузнаваемости. Видимо, его собственная. Задранный до локтя рукав грязного кимоно демонстрировал не менее муторную картину – руку. Его руку. И всё. Лицо распухло настолько, что один глаз не открывался вовсе. Пошевелить головой Кай не мог, и потому разглядеть остальные части своего тела ему не удалось… если, конечно, у его тела еще остались какие-нибудь отдельные части. Кажется, весь он превратился в один сплошной источник боли, усиливающейся всякий раз, когда он пытается вдохнуть полной грудью. Словно все, что лежало ниже шеи, было расплющено и раздавлено…

Пламя свечи заплясало на ветру, и игра теней вдруг перенесла неспокойный разум Кая на турнирную арену. Он вспомнил, как был избит – избит, словно последний пес, на глазах у господина, ради которого рискнул всем, что у него было; на глазах у женщины, которую любил больше жизни… как они стояли, униженно опустив головы… из-за его поражения. Он

навлек позор на Ако, на клан Асано – позором было уже само его, Кая, существование… и разоблачение.

Он вновь ощутил жесткую руку сёгуна – как она сжимает, дергает из стороны в сторону его превратившееся в месиво лицо… прикосновение затянутых в кожаные перчатки пальцев, которые ощупывают его порванный рот – ощупывают грубо, бесцеремонно, словно он и вправду животное… животное… Даже господин Асано назвал его так, перед лицом всего мира отказывая полукровке в праве считаться человеком. А Мика… распростертая ниц Мика – в грязи, умоляющая сохранить этому животному жизнь… Он презрела свою честь, опорочила доброе имя отца…

Неожиданно пламя свечи вспыхнуло в последний раз и погасло, унося с собой единственный источник света, хоть как-то удерживающий Кая в реальном мире.

В самой глубине его рассудка, там, куда не проникает даже лунное сияние, где заканчиваются владения не только памяти, но и снов, бред опять окрасил бесцветный горизонт… озарил безбрежное море мерцающими кроваво-красными и ледово-синими оттенками. Ярче… ярче… пока то, что было вначале лишь смутными и бесформенными пятнами цвета, не сгустилось, принимая очертания… очертания не знающих жалости глаз. О, он так хорошо их знает… Ни за что не спутает с фантомом.

Кай взглянул в эти глаза, не таясь. Но они смотрели сквозь него, словно он сам – не более чем фантом. И в тот миг, когда разум *кицунэ* порывом ледяного ветра пронесся сквозь его собственный, Кай сжался от пронзительного страха. Предчувствие… *Вероломство, предательство, бедствие дома Асано*… Какое именно бедствие, он не разобрал; лишь понял: все, что привиделось ему перед пробуждением, – правда, а все, что раньше казалось незыблемым и известным, – ложь. И из-за того, что сам он, Кай, давным-давно проклят, предотвратить беду ему не под силу…

Все надежды рухнули. Сознание окончательно окуталось туманом, и Кая вновь втянуло в омут забытья.

Глава 8

Утро наступило слишком скоро – несмотря на то, что после событий сегодняшней ночи всем членам клана Асано казалось, будто солнце больше никогда не покажется на небе.

Утро принесло с собой приговор – стремительный и неумолимый, как лезвие меча.

В парадном зале собственного замка князь Асано с обреченной покорностью, которая отлично могла сойти за созерцательное спокойствие, опустился перед сёгуном на колени. И застыл в ожидании. Советники Токугавы долго что-то горячо обсуждали, то споря, то прислушиваясь друг к другу – словно в последствиях ночного инцидента были хоть какие-то сомнения.

Наконец один из приближенных склонился к уху сёгуна и что-то прошептал. Тот некоторое время, казалось, взвешивал услышанное. Затем объявил:

– Преступление налицо. Кара – смерть.

В тоне, каким были сказаны эти слова, господину Асано почудилось извинение: видимо, Токугаве нечасто приходилось оказываться в ситуации, когда он повелевает умереть *даймё*, в замке которого в данный момент является почетным гостем. Даже уехать не успел…

– Учитывая ваше положение и заслуги перед Ако, позволяю вам совершить *сэппуку*, дабы вы могли и перед лицом смерти продемонстрировать мужество и достоинство, которыми славились при жизни. Приговор должен быть приведен в исполнение незамедлительно.

Господин Асано склонил голову, принимая вынесенное решение с упомянутыми мужеством и достоинством. Он не утратил их и теперь – даже несмотря на неожиданную поспешность, с которой от него хотят избавиться. Как правило, перед ритуальным самоубийством *даймё* давалось несколько дней, а то и недель – время, необходимое для того, чтобы привести в порядок имущественные дела и подготовить к разлуке семью и друзей.

Господин Асано неловко поднялся, и стража тут же провела его в заранее подготовленные покои. Здесь ему предстояло сочинить прощальное стихотворение и побыть наедине с собой перед уходом в вечность.

Стены комнаты украшали великолепные расписные ширмы с изображениями важных событий из долгой благородной истории клана Асано. Князь опустился на колени перед письменным столиком, на котором его последних мыслей уже ожидали тонкая

бумага, кисть, вода и каменная чернильница. На миг откинулся назад, разглядывая стены. Что ж, он сумеет принять смерть достойно и тем самым смоет пятно позора со своей чести. «Жизнь дается лишь на одно мгновение; доброе же имя – навеки». Протесты и заявления о том, что в случившемся нет его вины, ничего не изменят. Беда стряслась на его землях, в стенах его замка. И нести ответственность за последствия обязан именно он.

Прощальное стихотворение господин Асано сочинил еще ночью, когда лежал без сна в ожидании рассвета. Он перенес строчки из памяти на бумагу, внимательно следя за тем, чтобы движения его руки были ровными и плавными, – так внимательно, словно вновь стал учеником, изучающим каллиграфию. После него остается слишком много незавершенного – и слишком много неясного, – но сегодня он не сделает ничего, что навредит Ако еще больше или добавит бесчестья благородному имени его клана.

Отпущенное время следовало посвятить медитации и молитве – но князю Асано некогда было думать о себе. Он попросил стражу отыскать и привести *каро*. Необходимо успеть уладить как можно больше дел с Оиси, чтобы обеспечить благополучие и безопасность провинции. И Мики. На подготовку нужных распоряжений ему должны были предоставить время, но… Впрочем, об этом следовало позаботиться уже давно, еще после смерти жены – ведь именно тогда он столь отчетливо осознал хрупкость и скоротечность всего сущего… *Ничто не бывает вечным – одни лишь только перемены…*

Господин Асано раздвинул дверь. Оиси уже ждал. Стражники забрали у *каро* мечи, но позволили взять с собой свитки, учетные книги, документы – бумаги с трудом умещались у него в руках, однако от помощи Оиси отказался, явившись на эту последнюю встречу один.

Выглядел *каро* усталым, словно ночью тоже не сомкнул глаз. Да так оно и было. Помимо обычных задач, Оиси хотел обсудить со своим господином так много всего… И потому, боясь упустить что-нибудь важное, до утра записывал разные мысли и идеи.

Основные вопросы решили довольно быстро – благодаря многолетней совместной работе плечом к плечу им легко было предугадать мнение друг друга. Господин Асано с особым теплом вспомнил, как много партий в *сёги* и *го* сыграли они за долгие годы. Исходы этих настольных сражений каждый раз убеждали правителя Ако в том, что его главный вассал наделен прекрасным талантом стратега и, живи они в другое время, *каро* стал бы надежным генералом.

В нынешнюю же мирную эпоху Эдо, эпоху *бакуфу*,

удивительная память Оиси, его способность видеть на сто шагов вперед даже в самом начале пути, помогли ему преуспеть на должности *каро*. На его плечах лежала забота о безопасности и процветании замка и прилегающих земель; он удерживал в голове одновременно несчетное количество дел, распределял задачи между подчиненными, проверял, насколько хорошо те справляются с поручениями.

Должность *каро* передавалась по наследству, и обычно сын далеко не каждого самурая подходил для нее. Но в эпоху, когда единственным напоминанием о Пути воина были сочинения, созданные ни разу не видевшими битвы мужчинами, когда искусство каллиграфии для обычного самурая было полезнее, чем искусство владения мечом, – в эту эпоху клан Оиси стал исключением из правил. Он преданно поставлял наследников, умеющих полностью посвящать себя делам пусть не столь героическим, зато крайне необходимым для блага родины.

…Наконец Оиси отложил в сторону последнюю бумагу. Наступила тишина, которой втайне так опасались оба мужчины… долгая пауза. Больше нечего сказать о сухих фактах и цифрах – или о будущем, до которого один из них уже не доживет. Князь Асано вновь принялся разглядывать расписные экраны – погружаясь в прошлое, напитываясь от него силой. Оиси опустил глаза, стараясь не смотреть на лежащий на письменном столике предсмертный стих своего господина, не желая прочесть ни единого слова или предложения до тех пор, пока…

Самурай вскинул голову. Правитель Ако смотрел на него, и во взгляде этом Оиси прочел: «Мне легче отдаться на растерзание диким зверям, чем видеть, как ты мучаешься от беспомощности»…

– Это несправедливо… – выдохнул *каро*.

В глазах господина Асано мелькнуло сочувствие и просьба о прощении.

– Я пытался убить безоружного человека. В моем собственном доме. Гостя.

Высокопоставленного гостя, к которому, как известно, питал неприязнь. Да еще в то самое время, когда здесь гостил Токугава. А это уже – угроза безопасности первого лица государства…

– Сёгун мог отказать мне в праве на *сэппуку*, вздернуть, как преступника. И все же позволил мне уйти из жизни достойно…

– Вас околдовали, мой господин! – возразил Оиси. – Разум ваш был отравлен. Одно ваше слово – и я тут же подготовлю лошадей…

Господин Асано поднял брови:

– Предлагаешь бежать? – Он устало покачал головой. – И

твои, и мои предки всегда служили этой земле. Их дело продолжат наши дети. Если я покорюсь судьбе, никто не сможет оспорить честь народа Ако или наказать его за мое преступление.

Он посмотрел в глаза Оиси долгим красноречивым взглядом, не в силах подобрать слова, чтобы выразить свои чувства: как благодарен и счастлив он тем, что коленопреклоненный мужчина, сидящий сейчас рядом, столько лет был его правой рукой. Но он, глава дома Асано, должен быть также уверен в одном… в самом важном… до того, как пути их разойдутся.

– Пообещай мне, что на первое место ты будешь ставить интересы Ако.

Князь наблюдал за безмолвной битвой Оиси – битвой с его собственной душой. *Каро* прекрасно понял, о чем именно его просят, и теперь боролся с эмоциями, с желанием возразить, не согласиться. Мучительное колебание – и он склонил голову, покорно принимая последнее распоряжение господина Асано. Его последнюю волю.

Правитель Ако облегченно вздохнул.

– Я готов, Оиси. Все, о чем молю, – это после смерти вновь возродиться здесь, чтобы служить нашему дому так же, как ты всегда служил мне.

Оиси поднял голову, и господин Асано высказал еще одну просьбу:

– Друг мой, окажи мне честь и будь моим помощником во время *сэппуку*.

На этот раз *каро* склонил голову не колеблясь.

В безукоризненно голубом небе так же, как и в роковой день турнира, сияло солнце. Облаченного в траурные белые одежды господина Асано вели через сад – тот самый сад, по которому прошлой ночью он мчался в слепящем мареве… Лишающий рассудка кошмарный сон, приведший к столь ужасному пробуждению, был лишь преддверием сегодняшнего дня.

Вдоль дорожки выстроились, чтобы попрощаться, все те, кто многие годы служил князю Асано верой и правдой. Все, кроме самураев. Оиси, взявший на себя роль помощника во время ритуала, шел позади своего господина, заботясь о нем до последнего мига. Но остальных воинов временно заключили под стражу – приглашенные в замок *даймё* опасались превратиться из гостей в жертв, если местные самураи вдруг решат взбунтоваться против верховного правосудия.

Слуги и члены их семей отдавали последние почести своему господину: кто-то склонял голову, кто-то падал на колени, кто-то складывал ладони в жаркой молитве. И он старался вложить в

ответные прощальные кивки всю свою благодарность.

А в конце шеренги ждала Мика. Чем ближе он к ней подходил, тем отчетливее видел написанные на лице страдание и стыд, ощущал ее душевную муку – ведь ей нельзя…

Но внезапно девушка потеряла самообладание и, в последний раз презрев нормы и правила поведения, сорвалась с предписанного ей места. Подбежав к отцу, она кинулась в его объятия. Он ощутил горячие слезы на своей шее, услышал едва различимый из-за приглушенных рыданий голос:

– Отец, простите, это я во всем виновата…

Князь крепко прижал дочь к себе, в последний раз защищая, укрывая собой от мира, где властвуют суровые мужчины. Когда-то и он относился к их числу – пока не встретил свою жену, свою половинку… пока на него не снизошло просветление: оказывается, слова Будды о милосердии относятся ко всем без исключения.

Этот принадлежащий мужчинам мир, возможно, сломит дух Мики и ее благородное сердце, превратит из самурая в обычную женщину, «бесполезное создание», недочеловека – и даже не задумается о несправедливости подобной доли. Именно так произошло с единственным мужчиной, которого она любит по-настоящему и за которого готова была бы по доброй воле выйти замуж…

Его, князя Асано, усилия уберечь свое дитя от мира, в котором они живут, пошли прахом. А все потому, что его хваленое просветление оказалось самообманом. Гордый господин Асано свято верил в классовые барьеры, разделяющие их общество, и не сумел разглядеть правду о Кае – правду, которая для его дочери всегда была совершенно очевидна…

Кай постоянно доказывал, что он хороший человек, – своей преданностью и трудолюбием, умом и надежностью, своими удивительными способностями. Но никто в замке Ако, кроме Мики, этого не признавал. Даже он, ее отец, был слеп. Не допускал и мысли о помолвке между дочерью и полукровкой. Он лишь возвысил Кая от изгоя до приличного человека – слуги семьи Асано, – считая, что тем самым облагодетельствовал найденыша.

И всё. Он, князь Асано, ничего больше замечать не желал. А ведь именно из-за Кая Мика наотрез отказывалась обсуждать замужество. Теперь-то все понятно. Но раньше он и не догадывался о том, как глубоки их чувства друг к другу. Не говоря уж о том, чтобы думать об их браке. А ведь усынови он Кая, сделай своим наследником – и дети были бы счастливы… Если бы Кай родился самураем, пусть даже самого низкого ранга,

он, старый слепец, разглядел бы истину – и сделал бы все возможное… давным-давно…

Если бы Мика была откровенна… Но он понимал, почему девочка молчала. А теперь менять что-либо уже поздно.

– Не плачь при них, не доставляй им такого удовольствия, – поглаживая волосы дочери, прошептал князь Асано. – Пусть все эти важные господа со своими самураями убедятся в том, что у женщин Ако есть чему поучиться.

Тело Мики обмякло. Она медленно отстранилась. Посмотрела ему в глаза. Пальцы ее сильнее сжали запястья отца, пока она боролась с собой, пока усилием воли осушала слезы. Наконец во взгляде девушки засветилась та же решимость, что и в его собственном. Она опустила руки, расправила плечи – стройная и гордая, как стрела.

Князь Асано улыбнулся в ответ, чувствуя, как на смену его собственной гордости приходит нежность.

– Эта жизнь – лишь подготовка к следующей. Единственное, о чем мы можем мечтать, – это прожить ее любя. И – будучи любимыми. – Он взял ладони дочери в свои. – Не сдавайся лишь потому, что я ушел.

Никогда не сдавайся, если веришь, что дело твое – правое…

Все еще борясь со слезами, Мика отступила в сторону, давая дорогу отцу и его верному заместителю, защитнику и самому преданному другу – Оиси. Дальше ей нельзя. Но все же существует место, за пределами этого мира, где рано или поздно они снова встретятся… Она верит в это всем сердцем, хотя сейчас не представляет, что делать, как пережить оставшееся до этой встречи время… Но наступит день… однажды… в будущей жизни… или в царстве богов.

Первым в парадный зал ступил сёгун в сопровождении советников, за ними проследовала процессия из *даймё*. Пока вошедшие занимали полагающиеся им места, охрана приказала господину Асано с Оиси ждать снаружи. Слуг и вновь затесавшуюся между ними Мику оттеснили подальше.

Двое мужчин стояли в полном молчании. Вряд ли им удалось бы побеседовать сейчас о погоде – оба не могли поручиться за свой голос. Ожидание затягивалось, и напряжение все возрастало. Наконец массивная деревянная дверь парадного зала, на которой был вырезан *мон* Асано, распахнулась и впустила их внутрь.

Сопровождаемые злобными взглядами собравшейся знати, князь вместе с Оиси приблизились к установленному в центре огромного зала на белоснежной ткани низкому столику. На столе находился искусно украшенный гербом Асано *танто* –

традиционный кинжал, который самураи использовали для *сэппуку*. Господин Асано опустился на колени и положил рядом с клинком свое прощальное стихотворение. Оиси тоже стал на одно колено – позади и чуть сбоку, готовый в нужный момент быстро подняться, чтобы исполнить свой долг.

Князь, собираясь с мыслями, помедлил, затем поклонился зрителям и посмотрел на сёгуна. Справа от Токугавы восседал Кира. Под его хладнокровной маской Асано разглядел с трудом сдерживаемое ликование, и душу приговоренного к смерти тут же обожгло ледяным пламенем.

Кира заметил изменившееся лицо соперника и невольно моргнул от кольнувшего дурного предчувствия. Господин Асано поднял сверкающий *танто*. И вновь перевел взгляд на сёгуна. Голосом, в котором слышалась одна только твердая убежденность, он произнес ритуальную фразу:

– Я открываю вам свою душу, дабы могли вы судить о том, чиста она или осквернена.

На последнем слове он с силой вонзил кинжал себе в живот. И сквозь мучительное потрясение, пронзившее тело, господин Асано увидел, как Кира отводит взгляд от смотрящих прямо на него глаз Смерти. Отводит – и тут же натыкается на горящий жаждой мести взор Оиси, уже вскочившего на ноги с обнаженным мечом. «Смотри, – кричали Кире глаза *каро*, – смотри, как страдает мой господин, как он мужествен и силен духом. Это ты оклеветал его, ты!» Князь Асано с высоко поднятой головой тоже не отрываясь смотрел на Киру – в одну точку, лежащую за пределами страшной, мучительной боли. Рука его вонзила кинжал еще глубже… разрывая плоть… внутренности… Тело выгнулось, по нему прошла дрожь, и голова наконец склонилась на грудь. С губ сорвался еле слышный протестующих вздох.

У стоящего за его спиной Оиси, раздираемого на части собственными душевными терзаниями, в мгновение ока исчезла всякая нерешительность. Милосердный взмах меча – и одним искусным ударом он оборвал жизнь и мучения своего господина. Вот и всё. Глава дома Асано умер так же, как жил, – честно, достойно, мужественно. И ни у кого никогда не будет повода это оспорить.

Князь Асано держал себя в руках до самого конца. Удар, отделивший его голову от тела, был нанесен именно так, как требовалось; фонтан крови пролился в предназначенную для этого чашу, стоящую перед столиком. *Сэппуку*, достойное сёгуна. На одежду самого Оиси попало лишь несколько капель крови, но он намеренно вытер лезвие своей *катаны* о рукав – все равно больше никогда не сможет надеть этот наряд. Ему раньше не

доводилось убивать людей; а вот только что он убил собственного господина… Так что одежду он сожжет, иначе она постоянно будет напоминать ему о пережитом.

Медленно вкладывая меч в ножны, он в последний раз посмотрел на Киру. И в глазах *каро*, полных непримиримой ненависти, виновник гибели князя Ако прочел обещание отомстить. По всем правилам Оиси поклонился сёгуну, окружающей того знати, взял со стола прощальный стих хозяина, развернулся и широкими шагами покинул зал. Заметил ли кто-нибудь блеснувшие на его щеках слезы? Что ж, если и так, стыда он не испытывал. Пусть сколько угодно потешаются над тем, что у него есть человеческие чувства.

Мика ждала у пруда с *кои* в отцовском саду. Увидев Оиси, в одиночку выходящего из парадного зала, она вскочила. В руках *каро* сжимал лист бумаги. Как только двери за ним закрылись, плечи Оиси поникли. Он прислонился к балке, поддерживающей крышу веранды, и опустил голову, вчитываясь в последние слова своего господина. Листок в руках дрожал. *Каро* замер – неожиданно надолго, словно пропитавшая рукав его кимоно кровь сделала одежду настолько тяжелой, что Оиси никак не удавалось выпрямиться.

Отец мертв…

Воображение Мики попыталось нарисовать картину того, что лежит сейчас в центре парадного зала: обезглавленное тело, море крови… потухшие глаза. Она крепко прижала пальцы к векам, отгоняя страшное видение. Когда госпожа Асано наконец отвела ладони от лица, рукав ее кимоно был мокрым.

Оиси уже направлялся к девушке – голова высоко поднята, шаг живой и быстрый, взгляд устремлен вперед, на нее, Мику. Он шел мимо чужих самураев, по-прежнему выполнявших роль замковой охраны. На их одежде красовались *моны* Токугавы, Киры и множества других *даймё* – всех, кроме *даймё* Ако.

«Не плачь при них, не доставляй им такого удовольствия»…

Мика поспешно утерла глаза. Оиси приближался по садовой дорожке, не глядя по сторонам на царящий вокруг праздник жизни – новорожденные почки, распустившиеся вдоль брусчатой аллеи ароматные бутоны глицинии и ирисов, пионов и гортензии… Стражники давно разогнали слуг, а она отпустила свою свиту и ускользнула сюда – посидеть в том месте, где последний раз видела отца накануне чудовищных ночных событий.

– Моя госпожа…

Оиси опустился перед ней на колени и нагнул голову в

глубоком поклоне – она даже не успела поймать его взгляд. Протянул лист бумаги. Предсмертное стихотворение отца.

– Простите меня… – прерывающимся голосом произнес он.

Мика взяла стих.

– Я…

– Простите… – вновь прошептал самурай. В этот раз голос прозвучал ровно.

Он выпрямился и взглянул ей в глаза. Но продолжал часто-часто моргать, словно ему больно смотреть на свет. Лицо *каро* было влажным.

– Ваш отец восстановил свою честь, – спокойно сообщил Оиси. – Мне не доводилось видеть большего проявления мужества. Ако и клан Асано должны гордиться. А теперь мне нужно попросить – нет, потребовать – освобождения наших людей. Простите…

Он так резко поднялся и повернулся спиной, что Мика не успела ничего ответить – Оиси уже удалялся, окруженный благоухающими цветами.

Она посмотрела на зажатую в пальцах бумагу. Вначале ей показалось, что та девственно чиста – разум отказывался замечать написанное. Но по мере того, как девушка продолжала вглядываться, на листе стали проступать каллиграфические знаки – ясные, без росчерков и завитушек, но при этом не лишенные изящества. Почерк отца…

Ветер последний
Треплет уже лепесток —
Как мы похожи…
Но для чего ж так долго
Тянется эта весна?

О, отец… Мика опустила голову, и на страницу полились слезы, которые сейчас не от кого было скрывать. Его мысли… в последние минуты жизни… такой миг, а он думал не только о себе. Вопрос князя – о тех, кто остался в этом мире без него, кто должен как-то жить дальше: для чего ж так долго тянется эта весна?..

«Пусть они убедятся в том, что у женщин Ако есть чему поучиться»… Только у нее ничего не осталось. Чему она может научить? Отец всегда внушал ей мысль, будто дочь вольна делать все, что пожелает, быть, кем захочет. Мика с ним соглашалась, но в глубине души оба они прекрасно знали – на самом деле это невозможно. Потому-то она и молчала о своей любви к Каю. А вот Кай отлично понимал, сколько вокруг условностей и как

безнадежны мечты о полной свободе. Они с отцом не решались говорить об этом вслух – по разным причинам. «Если ты считаешь, что по-настоящему свободен, – ты попался». Руки ее сжались, сминая бумагу, и Мика опустилась назад на скамью, сотрясаясь от беззвучных рыданий.

Наконец девушка в который раз утерла слезы и грустно подумала – удастся ли ей хоть когда-нибудь очистить душу от невыносимого горя, если выплакивать его приходится лишь украдкой?.. Она бережно разгладила отцовский стих, спрятала его в *оби*, поднялась и покинула сад. Пересекла двор, прошла в распахнутые ворота. Госпожа Асано несла себя так же величественно и благородно, как до нее это делал Оиси – на глазах у стражников сёгуна… шпионов Киры… на глазах у множества чужаков… сверлящих ее взглядами, изучающих… кругом… повсюду.

Устремив взор вперед, ни на кого не глядя и не обращая внимания на вопросы и несущиеся вслед шепотки, Мика прошла через нижний двор ко внешним воротам. Прочь, сбежать из этого замка… который до сегодняшнего дня всегда был ее домом и значил для нее все. Сбежать, пока здесь распоряжаются враги отца. Ее враги. Ей необходимо увидеть просторы Ако, вырваться на волю – и вспомнить, ради чего жить дальше… Иначе просто не хватит мужества… она не справится…

Охраняющие ворота стражники потребовали у девушки ответа, куда и зачем она направляется – причем держались при этом так грубо и неуважительно, словно Мика была не дочерью *даймё*-хозяина замка, а в одиночку путешествующей женщиной, задержанной для досмотра на дороге Токайдо.

Она молча посмотрела на грубиянов испепеляющим взглядом, думая об отце. Этого хватило. Стражники умолкли, убрали копья и, давая госпоже Асано дорогу, поклонились.

Миновав ворота, девушка ускорила шаг, а дойдя до середины моста, остановилась. Внизу плескалась река. Надежная и вечная, она была настоящим благом для всех здесь живущих – от дальних холмов до моря, – неся живительную влагу полям и людям. Она являлась благом и для замка Ако, его недремлющим защитником, который исправно заботится о том, чтобы крепостные рвы всегда были полны воды.

Здесь, вдали от соглядатаев, Мика могла дать волю чувствам, и глаза ее вновь налились слезами. Но в этот раз не слезами потери, нет – слезами предчувствия. Сможет ли красота Ако оставаться такой же вечной, как питающая ее река? Красота *ваби-саби*… вечная лишь в сравнении с мимолетными человеческими жизнями… вечная, но постоянно меняющаяся – как сезоны, как

погода… вечная, но всякий раз другая…

Как будет выглядеть Ако спустя сто лет? А двести?.. Если она, Мика, тогда вновь воплотится, вспомнит ли свою землю? Узнает ли ее по едва уловимым очертаниям – которые к тому времени станут совсем иными?.. А отца? Когда их души, скрывшись за новыми лицами, снова встретятся, почувствуют ли они друг друга – ведь лица эти тоже станут совсем иными?.. Ничто не вечно на земле, кроме перемен, постоянно твердил ей отец. Но если перемены вечны и души людей вечны… разве это не означает, что рано или поздно они с отцом опять взглянут в глаза друг другу – и ощутят сладкую радость узнавания?

Она двинулась дальше, прижимая ладонь к спрятанному у сердца стихотворению.

…для чего ж так долго тянется эта весна?..

Когда девушка добралась до конца моста, внезапно поднялся ветер, взъерошил рябью поверхность реки, окутал берега метелью опавших вишневых лепестков – словно сами боги встревожились из-за творящейся на земле несправедливости…

Сёгун со своим кортежем отбыл незамедлительно – пепел погребального костра господина Асано даже не успел остыть. Прочие гости, к огромному облегчению жителей Ако, уехали вместе с ним.

Адъютант Токугавы сообщил Оиси – и Мике, на которую после формального поклона даже ни разу не взглянул, словно ее тут и не было, – о том, что сёгун еще вернется. По пути назад в Эдо, после того, как завершит официальную поездку на запад. Он собирался нанести визиты вежливости правителям территорий, соседствующих с Ако. Большинство из них контролировалось семьями, которые поддержали первого Токугаву в финальной битве, принесшей ему сёгунат. За последнее столетие правящий клан захватывал один земельный надел за другим и одаривал ими своих союзников, распределяя домены весьма дальновидно со стратегической точки зрения (словно фигуры на доске *сёги*) – владения благонадежных семей чередовались с владениями тех, кто не входил в ближайшее окружение сёгуна. Таким образом недовольные *даймё* лишались всякой возможности объединиться и разжечь мятеж.

Верховный правитель вновь посетит Ако примерно через месяц, объявил адъютант. И приказал Оиси Кураносукэ, как исполняющему обязанности командира вместо своего *даймё*, убедиться в том, что в провинции все в порядке, и подготовить к указанной дате необходимые для проверки документы и информацию. Тогда же, уведомил Оиси адъютант, опять даже не

взглянув в сторону Мики, будет объявлено решение по поводу Ако, поскольку передавать земли некому из-за отсутствия наследника мужского пола.

Как много слов… Суть же адъютантского заявления сводилась к одному – эта ветвь рода Асано усохла, и ее следует отрубить. Ако либо присоединят к уже и так колоссальным землевладениям Токугавы, либо передадут кому-нибудь из любимых советников сёгуна. Самураи господина Асано станут ронинами – в жилах их по-прежнему будет течь самурайская кровь, но в действительности они, лишившись своего хозяина, превратятся в обесчещенных бродяг, брошенных на произвол судьбы. А дочь умершего князя не заслуживает даже упоминания.

Хуже этих вестей могло быть только сообщение о том, что всю провинцию приговорили к смерти. Оцепенев от потрясения, Оиси и Мика механически ответили на бездушный прощальный поклон адъютанта. И долго смотрели вслед ему и гостям, пока те удалялись – приближенные сёгуна… господин Кира… Покидая их дом, дом их предков, он оглянулся. И на лице его светилось необычайное любопытство.

Каро и девушка молча стояли бок о бок. Но вот процессия отъезжающих миновала последние ворота, пересекла мост. Только тогда Мика резко развернулась и со сдавленным криком изо всех сил стукнула кулаком по верандной балке. Оиси недоверчиво уставился на госпожу: это ведь его удар, его чувства! А он даже не успел шевельнуться. Мика вновь посмотрела в сторону ворот – лицо пылает, рука трясется – и выплюнула вслед исчезающему кортежу такое проклятие, от которого покраснел бы самый искушенный воин.

– Мика-*химэ*! – строго окликнул Оиси.

Но в его глазах можно было прочесть лишь несказанное облегчение: хорошо, что девушка придержала язык до тех пор, пока сёгун с сопровождающими не удалились на достаточное расстояние.

– Я – не невидимка! И не глухонемая! – обрушилась на него Мика. – Возможно, вы теперь и единственный человек, имеющий право здесь распоряжаться, но вы же и единственный, кто обязан слушаться… этих, – горько добавила она. – Я – дочь своего отца… а вы никогда не сможете стать мне отцом, Оиси Ёсио. Так что никогда больше не говорите со мной подобным тоном.

– Простите меня, госпожа Мика…

Оиси бросился на колени и низко поклонился, коснувшись лбом кедрового пола веранды. Когда он поднял голову, девушка увидела на лице *каро* искреннее сочувствие по поводу унижения, которое ей только что довелось вытерпеть. Увидела также,

насколько он вымотан, почувствовала его бессильный гнев. И страх – такой же острый, как ее собственный. Страх, родившийся в их душах в тот миг, когда они оба поняли, что сёгун сложил у замковых ворот еще один погребальный костер – костер, призванный уничтожить будущее Ако… а слова адъютанта будто поднесли к нему факел.

Мика вспомнила, как Оиси раз за разом просил у нее прощения, отдавая предсмертное стихотворение отца – там, в саду, после того, как… Она закрыла глаза.

– Оиси-*сама*, – почти шепотом произнесла девушка, – прошу вас, встаньте. Это я должна молить вас о прощении. И благодарить за то, что вы всегда относились ко мне с уважением, несмотря на… несмотря на то, что думаете обо мне… или моем поведении…

Вспыхнув от стыда, она отвернулась.

– Я знаю, вам необходимо заняться подготовкой похорон моего отца, у вас много дел. А мне… Я тоже должна идти; надо найти в пепле его кости, собрать их…

По традиции, именно члены семьи усопшего совершали этот последний ритуал по подготовке останков к погребению. А она осталась единственным живым членом семьи, так что… Мика спустилась с веранды и вгляделась в даль.

– Госпожа Мика, – тихо сказал Оиси, поднимаясь с колен и становясь за спиной девушки, – моя супруга, Рику, будет польщена, если вы позволите ей помочь. И… и не только Рику… Вы не одна; мы все здесь, рядом – семья вашего отца, нашего господина.

Девушка взглянула на него, тронутая до глубины души. Оиси неуверенно, но по-доброму улыбнулся.

– Что же до будущего… У нас есть месяц. Сегодняшний день, возможно и предвещает грядущую гибель нашей чести – но пока что она принадлежит нам. Планы *Ину-Кубо* не смогут помешать отпеванию вашего отца. И не смогут убить нашу к нему любовь.

– Благодарю вас, Оиси-*сама*.

На лице Мики тоже невольно мелькнула слабая улыбка – в ответ на услышанную оскорбительную кличку, которую обычно произносили лишь шепотом. Прозвище *Ину-Кубо* – «собачий сёгун» – прилипло к правителю из-за его маниакальной, чуть ли не альтруистической заботы о собаках. Поговаривали, будто некий священник предрек, что боги даруют сёгуну наследника мужского пола в том случае, если он будет совершать добрые деяния. Токугава решил облагодетельствовать собак – потому что сам был рожден в год собаки. Говорили также – и не без оснований, – что об этих животных сёгун печется гораздо больше,

чем о людях. И что вонь от созданного им в Эдо приюта для бездомных псов стоит ужасающая…

Оиси отвел Мику к себе домой. Завидев мужа с гостьей, Рику опустилась перед ними на колени. Девушка кинулась поднимать хозяйку, и та, оказавшись на ногах, вдруг привлекла госпожу Асано к себе, шепча теплые слова утешения и сочувствия. Обезоруженная этим спонтанным сердечным жестом, Мика увидела, как оттаивает лицо Оиси, как появляется на нем облегчение: дочь господина искренне обрадовалась, встретив искренний душевный порыв его жены…

Прощальные ритуалы длились, согласно традиции, два следующих дня. Официальная церемония в семейной усыпальнице, затем погребение урны с прахом отца на расположенном у реки кладбище, куда в течение многих поколений отправлялись на последний отдых предки живущих в замке членов клана и их вассалов.

Казалось бы, Мика должна была чувствовать себя одинокой как никогда, но вместо этого она нашла утешение в находящихся рядом людях. У нее вдруг обнаружилась огромная семья, о существовании которой она и не подозревала. Добрых лиц становилось все больше: сдержанные, молчаливые самураи; застенчивые слуги, смущенно бормочущие слова соболезнования и тепло вспоминающие князя.

Смерть легко уравняла всех. Будущее обитателей замка сейчас туманно и непрочно, а жизнь так хрупка… Эти люди привязаны к клану Асано прочными нитями верности, и Мика ясно видела, насколько искренне разделяют они ее горе – и как вместе с ней негодуют по поводу незаслуженной кончины хозяина.

И лишь одного человека среди них не оказалось. А ведь его молитв над могилой отца она ждала особенно… Ему господин Асано был дорог не меньше, чем самой Мике. И он умел подчиняться воле князя безоговорочно – чего не скажешь о ней…

Кай. Он не пришел… не пришел даже попрощаться…

Солнце склонилось к горизонту, и Мика вывела из ворот замка длинную процессию – через поля, вверх по извилистой тропинке; на вершину холма, с которого открывался незабываемо прекрасный вид на Ако – до самого моря. Она шла к месту, где теплыми весенними вечерами когда-то любили сидеть ее родители… к месту, где давным-давно – в другой жизни – она сама сидела с Каем и любовалась тем же пейзажем…

По пути шествие разрасталось, к нему присоединялись все новые и новые люди – фермеры со всей долины, жители

раскинувшейся под стенами замка деревни… Были даже те, кто явился издалека, из портового города. Проводить. И прочесть молитвы, чтобы дух усопшего вознесся на небеса – вместе с дымом от фимиама, который Мика воскурила в тот миг, когда останки ее отца в простой деревянной урне погрузились в землю. Здесь прах господина Асано станет частью плодородной почвы… Именно в этом месте, которое оба они так любили, отцовская душа найдет истинное упокоение. Тут будет стоять лишь простой валун с высеченными на нем тремя строчками – *хайку* ее сочинения.

Цветы мочит дождь
У подножия горы —
Красные и белые…

Часто-часто моргая, девушка отвернулась от импровизированного надгробья и в последний раз оглядела лица собравшихся вокруг людей. Она цеплялась за слабую надежду: может, Кай придет хотя бы сюда? Во имя отца. В замок он явиться, наверное, не рискнул, памятуя, как жестоко там с ним обошлись.

Но его не было.

После того, что произошло между ними во время ее визита к нему домой, после событий на турнире… увидит ли она Кая вновь? Хоть ненадолго… Лишь бы успеть вымолить у него прощение…

И только когда диск солнца коснулся линии горизонта, Мику вдруг обожгла догадка: что, если Кай избит и ранен настолько сильно, что у него просто недостало сил взобраться на холм? Даже ради молитвы об отце. Разве возможно, чтобы никто не сообщил ему о смерти господина Асано?.. Она вгляделась в даль, сквозь вечерние поля, туда, где стояла одинокая лачуга. Но опушку леса уже поглотили тени.

Заупокойная служба завершилась. Подошел к концу и этот день. Собравшиеся принялись спускаться с холма – осторожно, но быстро, желая успеть до того, как тропинку скроет ночь. Оиси с семьей заботливо окружили Мику, и Тикара помог ей сойти вниз – при этом постоянно оступаясь на незнакомом склоне.

Когда они уже двигались назад по полям, ведомые вперед фонарями и светлячками, в небесах угас последний красный с золотом отсвет, олицетворяющий честь Ако.

Впервые за две недели Кай предпринял поход от своего дома к замку – хотя путешествие это заняло у него половину утра и

отобрало чуть ли не все силы.

Господин Асано мертв. Погиб от своей собственной руки, по приказу сёгуна.

Кай узнал о его смерти, когда пришел в себя во второй раз.

…Он по-прежнему лежал в своей лачуге и не имел представления о том, какой сегодня день и сколько времени минуло с момента его позора. Последнее, что он помнил, – как его по приказу Оиси вышвырнули из замка.

Постепенно взгляд его прояснялся, предметы вокруг обретали очертания. Но… Но он не один! Рядом обнаружился воин Оиси – такой огромный, что он заполнял собой почти все пространство хижины. Басё… лучший друг Ясуно, несносный балагур, предметом шуток которого часто становился и Кай. Слишком часто.

Басё сидел в медитативной позе и молча читал манускрипт.

– Ты?..

Кажется, получилось очень тихо, но великан поднял голову. Отвернулся, аккуратно сунул свиток назад в резной футляр. Футляр этот подарил Каю сам князь Асано. Полукровка хранил в нем небольшую коллекцию ценных рукописей – по его просьбе ему иногда выдавали причитающуюся плату не рисом, как обычно, а отжившими свое книгами из библиотеки *даймё*.

– Убирайся… – прошептал Кай, и голос его задрожал не только от слабости, но и от гнева. – Мой дом… Вон…

Он попытался поднять руку, чтобы указать на дверь.

Басё безмятежно кивнул и произнес:

– После того, как управлюсь.

Кай, качнув головой, закрыл глаза. Ему было уже не так больно, туман в голове почти рассеялся. И дождь снаружи затих.

Он вдруг вспомнил – там, в грязи, его нашел Тикара… и этот человек. Они хотели отнести его домой, но тут налетел Оиси, отвесил сыну пощечину и приказал обоим немедленно возвращаться в замок. Тикара повиновался – ведь Оиси был ему не только отцом, но еще и командиром. Басё же согласно кивнул и изрек:

– После того, как управлюсь.

Всё… на этом воспоминания обрывались.

Огромный самурай приподнял голову Кая и влил в него несколько глотков чая. Терпкий женьшень, горькая жимолость и жгучий имбирь… Они укрепят тело, успокоят лихорадку, уберут тошноту. К тому же, ощутил вдруг Кай, от него невыносимо разит луком; все тело его было покрыто тканью, пропитанной теплой полужидкой кашицей из отварного зеленого лука. Обезболивающее.

– Ты знаешь толк в снадобьях, полукровка, – констатировал Басё, оглядывая корзины, наполненные пучками трав, и развешанные под потолком сухие растения. Запасы Кая явно произвели на него впечатление. – У тебя есть все, что нужно. А на улице я видел алтарь. Тебя что, растили отшельники, *ямабуси*?

– Нет. – Кай отвернулся. – Что ты здесь делаешь?

До сегодняшнего дня Басё не сказал ему и двух слов. Причем одним из них было «полукровка».

– Тикаре не дозволено покидать казармы. Должен же кто-то был прийти. А я немного умею врачевать. В одиночестве ты бы умер.

Кай собрался с силами, чтобы спросить, какое дело до этого самому Басё или кому-нибудь еще, но смолчал.

– Ты должен жить. – Великан словно прочел мысли Кая по лицу. Или по молчанию. – Ради госпожи Мики. И ради господина Асано… Он ждет твоих молитв.

– Что?..

Басё опустил глаза.

– Господин Асано… был вынужден совершить *сэппуку*.

– Что?! – У Кая откуда-то взялись силы, и он привстал, опираясь на локоть. – Из-за… меня?

– Нет. – Огромная ладонь самурая едва коснулась груди полукровки, и тот рухнул назад на татами. – Лежи смирно.

И рассказал. Всё.

После этого он ушел. А Кай остался – оплакивать свою никчемную, презренную жизнь, не давшую ему ничего, кроме боли и раскаяния…

Восстановление заняло много дней. Казалось, он этого не вынесет – беспомощно лежать в лачуге, терпеть регулярные визиты Басё, наконец начать ползать… О нормальной прогулке пока не могло быть и речи.

Он до сих пор не побывал на вершине холма у могилы господина Асано, не помолился о его душе, не попрощался… не попросил прощения… и – если у него, конечно было на это право – не простил сам. Сил на то, чтобы взобраться наверх, не хватало.

Но путь к замку лежал по довольно ровной земле, и Кай наконец смог совершить этот долгий, изматывающий переход, чтобы, пока не прошли поминальные дни, успеть помолиться хотя бы в фамильной усыпальнице Асано.

Он ступил в нижний двор. Жаль, что на нем не белый наряд – для сегодняшнего печального визита наиболее подходит именно этот цвет. Но другой одежды, кроме той, что на нем, у Кая попросту не было. И хотя он исправно чинил ее и штопал, все равно в таком виде его наверняка примут за нищего. Каю

оставалось только надеяться, что слоняющийся у казарм и торговых лотков народ постарается его не замечать – обычный жребий попрошаек и бродяг.

Пробраться в верхний двор было куда сложнее – нищих никогда не пропускали к домам, в которых жили *даймё* и его приближенные. Но большинство замковых стражников было Каю знакомо, и ему удалось отыскать усыпальницу раньше, чем столкнуться с кем-нибудь из начальства.

Он скользнул внутрь, осторожно притворив за собою дверь. Голова тут же закружилась от запаха фимиама. Перед статуей Будды замерла коленопреклоненная Мика. Одна. Над ее головой в неподвижном воздухе вилась струйка дыма от курящихся благовоний.

Кай пересек усыпальницу и осторожно опустился на колени рядом с девушкой. Ему уже удавалось довольно ловко управлять своим ослабевшим телом, так что появление постороннего никак не потревожило ее молитв.

Мика на него даже не взглянула, но по слабому трепету, охватившему ее тело, стало ясно – девушка знает, кто именно к ней приблизился. Кай молча склонил голову и, вложив в свои мольбы всю признательность и всю скорбь, которые узниками томились в глубине его сердца, стал просить: пусть душа господина Асано будет вознаграждена; пусть он вновь родится в мире лучшем, чем этот, в мире более справедливом – ведь усопший правитель Ако заслуживает этого как никто другой.

Следующую горячую молитву Кай вознес за Мику. Она не просто потеряла отца. Она лишилась большего. Отныне, что бы ни случилось, ей не к кому будет в трудную минуту обратиться за утешением, за помощью, за безусловной любовью и поддержкой… До конца ее дней. А такая доля была даже хуже, чем смерть. Уж Кай-то знал об этом не понаслышке.

Его воспоминания о турнире были сумбурными, смазанными. Но кое-какие картины остались четкими – врезались в душу, выжгли на ней шрамы куда более страшные, чем следы от *боккэнов* на теле. Унижение от того, что с ним обошлись, как с животным… не только обошлись, но и назвали животным – вновь, спустя столько времени… И кто? Господин Асано!

Но Кай сам навлек беду на свою голову, выдав себя за другого. И потащил за собой на дно и честь Мики, и честь ее отца, и честь всей провинции Ако. Теперь, когда мысли его вновь прояснились, Кай понимал мотивы господина Асано, и потому простить жестокие слова было легко. Князь защищал свою дочь. А она, в свою очередь, пыталась спасти никчемную жизнь полукровки.

Обозвав его животным, господин Асано еще был весьма мягок. Пусть тело Кая – это тело человека, но оно проклято, потому что скрывает душу демона.

Он наконец позволил себе повернуть голову и взглянуть на Мику. Его накрыла волна удивительной нежности. Красивое, обычно гордое лицо девушки сейчас от горя напоминало хрупкий фарфор – полупрозрачная кожа, предательская краснота вокруг глаз, залегшие под ними тени, словно она уже много ночей не знала сна.

Каю отчаянно хотелось обнять ее, прижать к сердцу, утешить, защитить… предложить такое же укрытие от житейских невзгод, какое она сама и ее отец подарили ему, Каю.

Но он не шевельнулся. Лишь, не сводя с Мики глаз, продолжал свою беззвучную молитву – пусть настанет день, когда сердце девушки соберется из осколков и вновь станет целым. И, возможно, тогда она сумеет его простить…

– Это я виновата, – прошептала госпожа Асано, глядя на портрет своего отца и лежащие перед ним подношения: миски с рисом и фруктами, чашечка *сакэ*, букет свежих цветов из его сада.

– Нет! – Кай был потрясен.

– Я не могла думать ни о чем, кроме тебя. – Она так и не посмотрела на Кая. Глаза ее, устремленные перед собой в одну точку, наполнились слезами. – У меня не хватило мужества рассказать ему…

Наконец их взгляды встретились. Кай всегда втайне боялся обнаружить однажды, что больше не живет в ее сердце, в этих глазах. Но сейчас увидел прежнюю любовь к себе… любовь неизменную… любовь, истекающую кровью от ран, нанесенных острым чувством вины.

– Ты был прав. – В голосе Мики послышалась тоскливая покорность судьбе. – У тебя свое место, у меня – свое. Мои мечты были ошибкой.

Кай потянулся к ее ладони – но Мика поднялась и тут же повернулась к нему спиной. Поспешно, прежде чем он успел хоть что-то предпринять, девушка направилась к выходу.

Дверь захлопнулась. Кай остался на прежнем месте. Склонив голову и стиснув руки, он вновь попытался молиться. Однако теперь все, о чем бы он ни просил, казалось бессмысленным.

Глава 9

По завершении турнира – еще до того, как сёгун со свитой покинул замок, – все *тобари* были разобраны, но по приказанию Оиси часть из них не унесли на склад, а оставили на улице. Теперь полотна вновь установили в верхнем дворе – в качестве *дзинь-маку*, стен импровизированного полевого штаба. Вокруг палатки расположилась стража с копьями и *нагинатами*.

Сидящий внутри *каро* вглядывался в чуть колышущиеся занавеси, в отбрасываемые караульными тени и молча слушал доводы возбужденных самураев относительно будущего провинции Ако. Их собственного будущего.

Сёгун объявил, что вернется через месяц. В жизни Оиси до сих пор не случалось, чтобы один месяц промелькнул так мгновенно – и вместе с тем тянулся мучительно долго.

Явившийся три дня назад вестник сообщил, что сёгун прибудет сегодня – и не один.

Все приготовления к его приезду, которых потребовал адъютант Токугавы, были завершены. Те самые приготовления, на которые господину Асано совсем не оставили времени… Оиси отлично понимал, чего от него ждут.

В глазах сёгуна замок Ако и вся провинция уже принадлежали ему.

Но *каро*, заручившись поддержкой госпожи Мики, предпринял и кое-какие собственные шаги – по примеру того же Токугавы.

Верховный правитель приказал их господину умереть, после чего поспешно уехал на месяц. Его планы очевидны. Сёгуну требовалось время, чтобы созвать войска. И войска эти предоставили ему соседствующие с Ако *даймё*, верные сторонники *бакуфу*. Они же пообещали Токугаве поддержку на случай возможной осады. Когда сёгун прибудет сюда с армией и заявит права на осиротевшую провинцию, сомнений в исходе дела не должно быть ни у кого: самураи Ако либо незамедлительно и бескровно сдадут ему домен князя Асано, либо погибнут. Все до одного.

В беспокойные времена междоусобиц, что предшествовали мирной эпохе Эдо, *гири* самурая, его долг, был ясен: жить и умереть, служа клану своего господина. И более – никому. Но династия Токугава отличалась собственным видением *бусидо*. Теперь на смену жившей веками традиции пришло новое правило: вся верность самурая, целиком и полностью, должна принадлежать единоличному господину – сёгуну.

Вот только для большинства людей, живущих в целом дне

пути от столицы, верховный военный правитель был фигурой чужой и далекой. Самураи не являлись частью колоссальной бюрократической системы *бакуфу*, и у них не возникало никакого желания посвятить себя служению сёгуну. В особенности в таких отдаленных землях, как провинция Ако, где жизнь вассалов и их близких почти не менялась из поколения в поколение и где семья Асано с неизменной мудростью независимо правила вот уже добрую сотню лет.

Неизменная мудрость и независимость… до недавних событий.

В находящихся под командованием Оиси войсках почти не было случаев дезертирства – несмотря на смерть господина и ожидавшую людей печальную судьбу. Лишь наемные аркебузники вернулись к себе домой – но они не самураи и имеют право на подобный поступок. Желание воинов Ако остаться в замке наполняло *каро* чувством признательности и придавало ему сил. К несказанному удивлению Оиси, к военным присоединилось множество крестьян и жителей деревни, расположенной под стенами замка. Их разместили в главной башне, исконное назначение которой как раз и состояло в том, чтобы служить укрытием и приютом – не только для родовой знати, но и для всех, кто может пострадать от вторжения неприятеля.

В нынешние времена, когда домены, как правило, переходили из рук в руки мирным путем (даже и по принуждению), простой народ при смене хозяев мало что терял – и потому ни во что не вмешивался. Ведь непокорных ждала жестокая смерть. Но в Ако, похоже, вышло иначе. Как раз накануне прибытия сёгуна, ожидаемого сегодня до захода солнца, обыватели потянулись в замок. Их поведение красноречиво говорило о том, как высоко ценили они милосердие князя Асано. Его спешная несправедливая казнь вызвала у людей возмущение и даже в самых темных душах разбудила готовность к бунту. Подобная преданность мирных жителей была удивительна и необычна.

С самураями все иначе: само слово «самурай» происходит от глагола «служить». Всю жизнь они руководствуются неписаным законом, родившимся давно и окрепшим за столетия войн и раздоров. И закон этот вручает их жизнь в руки хозяина, создавая между вассалом и *даймё* такую же крепкую связь, как между членами одной семьи и старейшиной рода. Сам Оиси являлся дальним родственником господина Асано, но дело не только в кровных узах. Не всем доменам повезло иметь такого же просветленного хозяина, как князь Ако, – существовали «семьи», погрязшие в неприязни и недовольстве; «семьи», управляемые глупцами. Но даже там воины перед лицом внешней опасности

сплачивались. «Не спеши ликовать, провожая старое. Вначале посмотри на новое», – гласит древняя поговорка.

Самураи господина Асано были его семьей. А значит, они представляют угрозу для любого, кто попытается захватить Ако, – в том числе и для сёгуна. Потому-то для начала и понадобилась внезапная смерть их *даймё* – чтобы устранить конфликт лояльности. Предполагалось, что лишившиеся хозяина вассалы не станут оказывать сопротивления, ведь теперь их единственный господин – сёгун и открытое неповиновение ему будет изменой.

Если же они все-таки не пожелают подчиниться, Токугава их уничтожит. Именно для этого он и собрал армию. Тех защитников Ако, кто не сложит голову в бою, казнят. Так что все они погибнут. Но погибнут с честью, примут смерть, достойную самурая. В противном случае их ждет позорное жалкое существование, которое и жизнью-то не назовешь, – существование ронинов.

И все же… Если выбрать сражение, вместе с самураями умрут и люди, явившиеся в замок искать защиты. И не только они. Стоит начаться репрессиям – и даже богам неизвестно, сколько невинных поляжет в резне, которую устроят в назидание бунтовщикам. Ако предадут огню и мечу – дабы упредить желание прочих недовольных нарушить «величайшую вассальную присягу», данную сёгуну. И тогда воплотится в жизнь самый страшный кошмар князя Асано.

А госпожа Мика? Хотя она, будучи женщиной, и не имела законного права унаследовать Ако, тем не менее девушка являлась последним оставшимся в живых представителем родословного древа Асано. А значит, они, самураи, были ее вассалами, обязанными преданно ей служить. Если сдать замок без боя, у Мики попросту не останется будущего. Если же отказаться подчиниться Токугаве, перед ней – так же, как и перед у самураями ее отца, – откроется один-единственный путь.

Госпожа Мика отчетливо понимала, что лежит на чашах весов. Но вынести окончательный приговор поручила ему, Оиси, – признавая тот факт, что ее отец доверил бы своему *каро* то, чего никогда не смог бы доверить дочери: самую горькую правду и самое трудное решение.

С годами Оиси превратился в такого искусного мастера *сёги* – любимой настольной игры военачальников, – что даже господин Асано утверждал: с *каро* лучше играть в кости, положившись на счастливый случай, чем в *сёги*, где тот вовсю применяет коварные стратегии.

И лишь за последний месяц Оиси осознал – к сожалению, слишком ясно, – что в *сёги* играют клиновидными деревяшками, а

не человеческими жизнями.

Генералы завоевывают – солдаты гибнут. Жертвуя кусочками дерева, генералом не станешь.

Последнюю неделю Оиси спал не больше одного-двух часов в сутки – почти все длинные, бесконечные ночи он проводил в фамильной усыпальнице Асано, моля богов указать ему верный путь, послать озарение. Но боги молчали.

Он так и не решил, что делать. И каждую минуту ждал: вот-вот стражник с какой-нибудь дозорной башни закричит о том, что на горизонте показался сёгун со своей армией. Потому-то и сидел сейчас, вслушиваясь в споры относительно дальнейших шагов. Запереть ворота и приготовиться к осаде? Или открыть проход и покориться неизбежному?

«Пообещай мне, что на первое место будешь ставить интересы Ако». Последняя просьба господина Асано. И Оиси обещал ее выполнить – хотя в тот миг не до конца понимал скрытый в словах смысл. *Каро* получил приказ; если он остается верен принципу *гири* – принципу безоговорочного подчинения своему *даймё*, – принять решение нетрудно.

Вот только… Весь этот месяц душу Оиси терзало невыносимое чувство – мучительная уверенность в том, кто именно из любимчиков Токугавы извлечет выгоду из гибели князя Асано.

Господин Кира.

Случившееся было делом рук Киры. Хотя то, каким образом ему удалось повлиять на сёгуна – да и на саму судьбу, – оставалось непостижимым. Разве что… Оиси слишком поздно, уже после смерти князя Асано, но все же припомнил ночной визит Кая, его предупреждение. Владения Киры находятся высоко в горах, и мысль о том, что в союзники себе он привлек *кицунэ*, со временем стала казаться Оиси вполне правдоподобной.

Теперь-то уже какой смысл возвращаться к той ночи, к словам полукровки?.. Правда, слишком многие утверждают, что полукровка и демон – это одно и то же. Что, если Кай и впрямь наделен способностью чуять других демонов? Если он и в самом деле видел ведьму-лису в чаще, где убили *кирина*? А потом – в свите Киры?..

Разум Оиси отказывался надолго останавливаться на том, чего уже не вернуть. Ему и без того есть о чем беспокоиться… К ним близится опасность – неумолимая, как пущенная меткой рукой стрела; стрела, от которой не увернуться.

– Да о чем тут думать?! – Голос Ясуно, возвысившийся в попытке перекричать другого спорщика, вернул Оиси в реальность.

От напряжения нервы у всех, казалось, вот-вот лопнут, словно прогнившая тетива. А постыдный провал, случившийся с Ясуно во время турнира, заметно ухудшил его и так непростой характер.

Заместитель *каро* Хадзама вновь терпеливо произнес:

– Наш хозяин смирился со своим приговором. Значит, и мы должны…

– Нашего хозяина заманили в ловушку! – сердито оборвал его Ясуно. – Он ни за что не напал бы на господина Киру без причины.

– И теперь закон сёгуна предписывает нам сдать замок! – негодующим скрипучим голосом поддержал Ясуно старик Хорибэ.

Находясь в том возрасте, когда большинство воинов уже почивают у огня в ожидании, пока внуки пережуют для них пищу, Хорибэ все еще был силен – и упрям, – точно вепрь. Смерть в битве стала бы для него неслыханной удачей, о которой он мог лишь мечтать. Но вряд ли такая участь привлекала всех жителей Ако.

– Мы не можем нарушить закон, – покачал головой Басё. – Это плохо отразится на потомках господина Асано…

Порою, слушая не самые почтительные шуточки Басё и зная о его дружбе со вспыльчивым Ясуно, Оиси гадал: а по своей ли воле покинул великан тот монастырь, где провел юность? Может, его оттуда выгнали? Однако сейчас, в эти трудные времена, в голову *каро* пришла другая мысль: не прячет ли в себе огромное тело Басё душу бодхисатвы – просветленного?

Всякий раз, когда обстоятельства провоцировали в нем, Оиси, внутренний конфликт между его пониманием нравственности и необходимостью беспрекословно повиноваться, Басё без колебаний выбирал *ниндзё*, голос своей совести, пренебрегая *гири*. Обычный хозяин уже давно изгнал бы его или лишил жизни за подобное ослушание. Но господин Асано обычным не был. Оиси всегда помнил, как мудрость великана вызволила юную Мику-*химэ* – и вместе с ней ее отца – из той глубокой ямы, в которую оба они рухнули от горя после смерти матери девочки.

Вот и сейчас из всех верховных самураев Басё, похоже, был единственным, кто в полной мере осознавал последствия открытого нарушения приказа сёгуна: пострадают не только все жители Ако – сам дом Асано навсегда исчезнет с лица земли.

– Его потомки проклянут нас, если мы сдадимся без боя! – горячо возразил Исогаи.

Приходило ли этому юноше в голову, что, если их разобьют в битве и госпожа Мика погибнет, у князя Асано вовсе не будет потомков? Красота и хорошие манеры Исогаи снискали ему расположение множества женщин, так что в делах любовных ему

не было равных. Но вот осмыслить возможные последствия нынешней ситуации… Для этого он был слишком молод, не умел видеть дальше кончика собственного меча.

Оиси переводил взгляд с одного встревоженного лица на другое, разрываясь между *гири* и *ниндзё*. Долг или человеколюбие? Когда речь пошла о защите будущего госпожи Мики, будущего его воинов и всех людей Ако, понимание Оиси законов *бусидо*, его вера в богов вдруг подвели *каро*… А ведь сейчас он нуждался в их указаниях сильнее всего… Кто поможет сделать лучший выбор, принять мудрое решение?.. Доверять или нет обещаниям *бакуфу*? Ведь господин Кира, похоже, играет сёгуном, словно марионеткой.

К тому же все время – все время! – его мысленно преследовало обещание, данное господину Асано…

Оиси по-прежнему не проронил ни звука, и Ясуно с гневом повернулся к нему:

– Наши семьи служили этому дому много поколений подряд. Нам внушали самурайский долг. Почитать своего хозяина – вот первейшая обязанность. Мы должны отомстить!

Уголки губ *каро* опустились. Его собственный выбор – точнее, отсутствие оного – наконец стал ему совершенно ясен.

– Нам также внушали, что отдать свою жизнь понапрасну – это собачья смерть. – Он твердо посмотрел на Ясуно, затем обвел глазами присутствующих. Теперь *каро* было полностью понятно, что следует делать. Отчего же так долго он не замечал очевидного? – Неповиновение сёгуну не освободит душу господина Асано. Это может сделать лишь смерть господина Киры.

За столом воцарилась полная тишина. Пораженные лица, недоверчивые взгляды. Князь Асано умер по вине господина Киры. В этом были уверены все собравшиеся. И до тех пор, пока смерть их повелителя не будет отомщена, его измученная душа не обретет покоя – ни на земле, ни на небесах.

– Если мы вступим в бой сейчас, то погибнем, – продолжил Оиси. – И погибнем не мы одни. Убьют всех крестьян, всех жителей Ако. – Он продолжал переводить взгляд с одного лица на другое в надежде отыскать понимание. – Кто же тогда останется? Кто отомстит за нашего господина?..

Молчание. То, что в стране со времен установления военной диктатуры Токугавы не происходило настоящих войн, – правда. Но каждый, кто сидел сейчас рядом с *каро*, прекрасно знал о периодических мятежах, о вспышках насилия. Собственно, они и сами сейчас обговаривали возможность бунта. Какой бы сёгун ни находился у власти, история его правления обязательно

содержала примеры скорых, жестоких расправ… повествования о захваченных живьем в плен предводителях восстаний и их сторонниках… о людях, которых перемололи сокрушительные военные силы *бакуфу*. И неважно, что войска Токугавы часто несли при этом огромные потери, добывая победу любой ценой. Важно то, что захват сёгунатом провинций плодил на одном крохотном клочке земли десяток голодных ронинов.

Он дал слово господину Асано. У них есть приказ – и так было всегда.

– Забудьте о чести. Чтобы спасти Ако, господин Асано принес себя в жертву. Его последними словами было – ставьте интересы Ако на первое место. Мы должны именно так и поступить. Интересы Ако выше всего. Мы смиримся с любым позором, вынесем любое бесчестье. Выждем… Чтобы враги решили, будто опасность миновала.

Оиси заколебался, чувствуя на себе множество взглядов. Потом решительно посмотрел на своих соратников и с беспощадностью ястреба произнес:

– А затем нанесем удар.

В спокойных словах таилось столько смертельной угрозы, что все замерли. Ни движения, ни звука. А *каро* продолжал:

– И когда окровавленная голова Киры ляжет на надгробную плиту нашего господина – вот тогда мы поговорим о чести.

Он резко поднялся, сделал знак стоящим у стены оруженосцам открыть вход в палатку и вышел. Да, его решение окончательно…

Оиси задумчиво смотрел на собравшиеся в верхнем дворе войска, на отдающих распоряжения командиров, когда от одной из дозорных башен донеслось: «Тревога! Тревога!» Крик подхватили на второй башне… Соратники *каро*, несколько последних часов споривше с ним и друг с другом, разом высыпали из палатки и кинулись по местам.

Вот и настал миг, которого он ждал с таким опасением. Оиси молча возблагодарил богов за то, что решение пришло к нему вовремя… Глянув в сторону дворца, он заметил стоящую на балконе госпожу Мику. Девушка напряженно всматривалась в даль, пытаясь увидеть то, что заметили стражники.

Каро подбежал к ближайшей дозорной башне и забрался наверх. Караульный протянул ему зрительную трубу и молча указал направление. Ошибиться было невозможно – с гребня дальнего холма полз вниз авангард армии Токугавы. Следом за передовыми частями, насколько хватало глаз, по волнистой дороге – холм за холмом – тянулись войска. Хвост их терялся в туманной дымке.

Сколько воинов привел с собой сёгун? Бессмысленно гадать. Ответ ясен: слишком много. Оиси уже мог различить черные с золотом доспехи движущегося с авангардом почетного караула, стяги и знамена, украшенные *моном* Токугавы.

Сёгун вернулся, как и обещал. И на этот раз он намерен остаться.

Из внешних покоев Мики приближающаяся армия – со сверкающими на низком послеполуденном солнце доспехами и оружием – казалась извивающимся драконом, настойчиво стремящимся к замку. Неудержимым, словно силы природы.

Повсюду вокруг нее в тихом отчаянии рыдали слуги, но девушка их почти не слышала. Она наконец вырвалась из плена собственного горя и страха. Все чувства ее словно умерли. Осталось лишь ясное, холодное понимание неизбежности происходящего. И мысли.

Мика пыталась представить, как будут развиваться события, обдумывала свои действия в зависимости от решения, которое примет Оиси. Она верила – *каро* поступит мудро. Ведь отец всегда уважал его как прекрасного военного стратега.

Одна из служанок робко тронула ее за одежду, желая привлечь к себе внимание, и протянула маленький пакетик. Яд. Мика молча взяла подношение, спрятала в рукав. Использовать отраву она не собиралась… во всяком случае, для себя лично.

Девушка взяла в свою ладонь мокрые от слез пальцы служанки и нежно пожала. «Не сдавайся лишь потому, что я ушел», – сказал отец. Она встретит сёгуна с высоко поднятой головой, так же как и Оиси. Ведь в ней живет дух ее отца.

– Мы еще не потеряли Ако, – прошептала она.

И вернулась к окну.

Оиси поднялся к размещенным в верхнем дворе самураям. Воины находились повсюду: в нижнем дворе, вдоль стен, у бойниц для лучников в главной башне.

Никогда раньше не доводилось ему видеть все войска Ако, собранные в одном месте в одно и то же время. Люди решительно настроились воевать с врагом. Это не учебные сборы. Столько мужчин… под его командованием… без страха глядящие в лицо сёгуна. Оиси вознес еще одну короткую молитву. Пусть к концу дня все в замке Ако по-прежнему будут живы, пусть смерть господина Асано не окажется напрасной жертвой.

Глаза *каро* обежали двор в поисках Тикары. Тот обнаружился на своем посту вместе с другими самураями, чьей задачей было присматривать за слугами, следить за порядком и при необходимости помочь людям укрыться в главной башне. Рядом с

сыном Оиси вдруг заметил Кая. Полукровка стоял в общей толпе других работников, но явно чувствовал себя среди них чужим. За пояс его потрепанного кимоно был заткнут деревянный меч, *боккэн*, а в глазах застыла решимость. Он пришел сражаться за Ако – вновь. Сражаться и, если придется, умереть.

Переведя взгляд с полукровки на запертые ворота верхнего двора, Оиси постарался сохранить на лице невозмутимость. Удивительно. Казалось, после такого жестокого избиения человек вообще не сможет ходить, не говоря уж о том, чтобы драться. Но самое поразительное другое: Кай явился защищать Ако плечом к плечу с теми самыми людьми, которые нанесли ему побои. Зачем? Ради господина Асано? Хочет свести личные счеты с сёгуном и Кирой? Или просто явился издохнуть, как собака? Не важно. К чему бы ни стремился полукровка, Оиси не намерен этого допустить. Во всяком случае, сегодня…

Каро остановился перед воротами. И отдал приказ их распахнуть. По рядам войск за его спиной пробежал недоверчивый ропот.

Изумленный Кай не поверил своим ушам. Вокруг него растерянно переглядывались. Вместе со всеми он недоуменно наблюдал, как с грохотом отворяются ворота, как выходит через них Оиси и спешит по извилистому коридору в нижний двор, ко внешним стенам. Оттуда послышалось его громкое распоряжение:

– Отпирайте!

Наступила тишина. Потом донесся лязг главных ворот. Испуганно загомонили стоящие рядом с Каем слуги, и несколько самураев на них прикрикнули.

Наконец вернулся Оиси.

Тикара через плечо глянул на Кая – взволнованный, непонимающий. Но внимание полукровки уже было приковано к звукам, которые вот-вот достигнут и ушей всех остальных.

В нижний двор ворвалась армия сёгуна. И тут же его пехотинцы бросились врассыпную, выстроились в шеренги по обе стороны очищенной по приказу Оиси дорожки, ведущей ко внутренним воротам; ощетинились оружием, обеспечивая безопасный проход на верхний уровень замка. Туда, где ждал *каро*. Телохранители верховного главнокомандующего все прибывали, и очень скоро Оиси оттеснили к потрясенному войску Ако.

Сёгун торжественно проехал по открытому коридору, созданному его солдатами, прямиком в верхний двор. За ним следовали командиры подкрепления, присланного преданными князьями. А рядом с Токугавой восседал на своем коне господин

Кира.

При виде последнего в груди Оиси вскипела ненависть. Что ж, сбываются его худшие страхи… Но внешне *каро* не выдал себя ничем. Он наблюдал за процессией со спокойным достоинством. Затем молча опустился на колени, положил перед собой на землю мечи и в знак капитуляции распростерся перед захватчиками.

Вокруг все замерли. Долгая, томительная пауза. Но вот высшие самураи Ако один за другим по примеру своего командира пали ниц. Стоящие позади них солдаты вначале колебались, недоуменно прислушиваясь к звону мечей, ложащихся на каменные плиты. Но потом и они вслед за своими военачальниками – будто по приказу – рухнули на колени и покорно сложили оружие. С той же покорностью они еще минуту назад готовы были броситься в битву.

И наконец на колени опустились слуги. Кай сделал это одним из последних, до конца не веря в то, что Оиси и вправду сдается. Не веря даже тогда, когда весь двор стал напоминать поле созревших колосьев, низко стелющихся под тяжестью урожая.

Из дворца показалась одинокая фигура. Госпожа Мика. Голова высоко поднята. Одежда фамильных цветов Асано с бросающимся в глаза *моном*. Она шла через двор сама, без сопровождения. Шла навстречу сёгуну. Такая мужественная и одновременно такая уязвимая… Кай в душе застонал от боли.

Наконец девушка остановилась перед Токугавой. Подданные Ако, военачальники сёгуна и господин Кира не сводили с нее глаз. Мика низко поклонилась, но на колени не стала.

– Я скорблю о кончине вашего отца, госпожа Асано, – произнес верховный главнокомандующий с не свойственной ему мягкостью, вызванной видом беззащитной хрупкой женщины. – Он встретил ее очень достойно.

Мика подняла голову. Лицо ее было непроницаемым.

– Господин сёгун, как единственное дитя своего отца, я прошу разрешения заботиться об этих землях до тех пор, пока не выйду замуж.

По рядам эскорта Токугавы пронесся удивленный шепоток. Чтобы женщина – будь она даже дочерью *даймё* – обращалась к высшему лицу страны столь смело, напрямую, будто равная!.. Неслыханно.

Пресекая разговоры, сёгун резко вскинул боевой веер.

– Я уже все продумал, моя госпожа, – вновь обратился он к Мике.

И пока Кай гадал, что же Токугава имеет в виду, к девушке, предварительно спешившись, приблизился Кира.

– Госпожа Асано, – заговорил он. – Не знаю, по какой причине

ваш отец желал лишить меня жизни, но я вместе с вами оплакиваю его. И чту его память. – Он глубоко поклонился.

При этих словах внимательный наблюдатель легко заметил бы настороженность, мелькнувшую в глазах девушки, и едва прикрытое отвращение. Выпрямившись, Кира продолжил:

– Если вы простите меня, я посвящу свою жизнь служению вам в качестве мужа. А народу Ако – в качестве регента.

Кай от неожиданности выругался сквозь зубы. Пораженная Мика обернулась к сёгуну:

– Но, мой по…

Токугава жестом оборвал ее.

– Поскольку вражды между вашими двумя кланами не существует, я постановляю: отныне они – одно целое. И скреплен этот союз будет брачными узами.

Вновь настала долгая тишина. Наконец девушка отвесила поклон, хотя вся поза ее, каждый изгиб тела выражали несогласие. Несмотря на то что внешне она покорилась, разум Мики лихорадочно искал выход из неожиданной новой западни.

– Мой повелитель, – уловить упрямую нотку в полном уважения нежном голосе сумело бы только очень чуткое ухо, – согласно традиции, я обязана носить траур по отцу.

Сёгун помолчал. Затем кивнул:

– Хорошо. Даю вам год на траур.

От этой небольшой победы голова Мики вскинулась. Но Токугава продолжил:

– При этом до самого замужества вы останетесь гостьей господина Киры.

В глазах девушки мелькнуло смятение, однако сёгун предпочел ничего не заметить.

Гостьей? О нет, заложницей! Кай стиснул кулаки от отчаяния и бессилия. Глянул на Оиси. Тот по-прежнему стоял на коленях – голова опущена, ни возражений, ни попытки вмешаться.

– Вручаю ее вашим заботам, господин Кира.

На лице Токугавы явственно читалось облегчение и довольство собой – ситуация была щекотливой и непредсказуемой, но благодаря его высочайшей мудрости все закончилось быстро и без крови.

Он в последний раз бросил презрительный взгляд в сторону Оиси и его самураев.

– Эти люди будут лишены всех своих привилегий. Но причинять им вред не должен никто.

Господин Кира кивнул.

– Сёгун… – Он поднял голову и многозначительно кашлянул, словно собираясь сказать что-то еще.

Токугава непонимающе посмотрел на него. Затем – в точности как забывший слова актер – спохватился и заговорил, обращаясь к коленопреклоненному Оиси:

– Мстить за господина Асано запрещается. Объявляю свое решение: господин Кира не несет ответственности за действия вашего хозяина. Ваше законное право на кровную месть аннулируется. Любое покушение на жизнь господина Киры приведет к тому, что вас будут судить как обычных преступников. Приговором станет смерть через повешение.

И верховный правитель отвернулся, не обратив внимания на вскинувшуюся при этих словах голову Оиси, на его вспыхнувшее гневом лицо. Токугава кивнул свите, тронул коня и пустился в обратный путь по тому же охраняемому коридору, по которому явился в самое сердце замка, – даже не взглянув на чужую коленопреклоненную армию, передав Мику и Ако в руки господина Киры. А пришедшие с сёгуном войска с места не двинулись. Отныне – и, возможно, навсегда – они вместе с вассалами Киры останутся здесь.

Звуки сопровождавшей Токугаву процессии замерли в отдалении, и Кира с откровенным восторгом уставился на Мику – словно та была ценным призом, неопровержимым доказательством его возросшего материального и общественного положения. Затем обратил взор на самураев Ако. На губах его расцвела холодная улыбка. Вот оно – враги стоят перед ним на коленях, не смея даже подняться без его приказания!

– С сегодняшнего дня, – выкрикнул он, – вы вместе со своими семьями по приказу сёгуна изгоняетесь из этих земель! Вы становитесь ронинами – самураями без хозяина. Те, кто решит остаться, будут изловлены и казнены!

Кай пропустил эти слова мимо ушей – к нему, полукровке, они не имели никакого отношения. Все его внимание сосредоточилось на Мике. Посмотри на меня, ну посмотри же…

Словно услышав его безмолвный призыв, девушка обернулась к толпе, глаза ее заметались… Наконец она отыскала Кая, замерла. Нежное, полное безысходной тоски лицо…

Заметив, что Мика отвлеклась, Кира заинтересованно проследил за направлением ее отчаянного взгляда. Нахмурился. И, безошибочно определив, на кого именно устремлен взор его невесты, указал на Кая.

– Стража! Взять это животное! И продайте его голландцам.

Люди Киры, растолкав толпу, окружили Кая. На лице Мики проступил ужас. Кай вскочил на ноги, попытался прорваться – но неожиданная паника среди находящихся рядом слуг ему помешала. А спустя миг на него уже смотрело множество мечей.

Полукровке больно заломили за спину руку и потащили прочь со двора.

Минуя Оиси, по-прежнему молча стоящего на коленях во главе своих подчиненных, Кай бросил на предателя полный ненависти взгляд. Кира это заметил, и на губах его заиграла мрачная удовлетворенная улыбка.

Лицо *каро* не дрогнуло, словно участь полукровки была ему безразлична. Но в глубине его глаз Кира уловил мелькнувшее… нечто. Оиси чуть подался в сторону седого самурая по левую руку от себя и что-то прошептал. Старик – также едва заметно – кивнул.

Кира свел брови и сделал знак стоящему подле него гиганту, закованному в черную броню, – тому самому воину, что месяц назад победил Кая во время турнира.

– Я не доверяю Оиси, – шепнул узурпатор, поведя подбородком в сторону коленопреклоненной фигуры на противоположном конце двора. – Он больше не самурай и не *каро*, так что нечего с ним церемониться. Швырнешь наглеца в подземелье. Мы сломим его волю.

Мика не отводила от Кая взгляда, в котором отчетливо угадывалась душевная мука. Когда полукровку проводили мимо, девушка шагнула ему навстречу. Кира схватил ее за руку, словно тисками сжал запястье.

– Опозорите меня – и я прикажу сжечь его живьем.

Сказано это было с такой убедительной интонацией, что Мика застыла. Но глаз от Кая не оторвала – точно больше никого в мире для нее не существовало.

Словно ощутив боль любимой, Кай рванулся, на короткий миг стряхнул с себя руки стражников – и успел встретиться с девушкой взглядом. В его – тоже полных отчаяния – глазах она прочла безмолвное обещание. Кая тут же ударили вложенным в ножны мечом, повалили на землю и уволокли за ворота.

Кира не выпускал запястья невесты до тех самых пор, пока полукровка не скрылся из виду.

Мика вообразила, что влюблена в… это? Эту… мразь? Что ж, голландцы с ним разберутся! Разберутся так, что он уже никогда не вернется. Нравы голландцев ничем не лучше нравов дикарей, но полукровок презирают даже они.

Наконец Кира отдал приказ своим солдатам собрать оружие у воинов Ако – в особенности комплекты из длинного и короткого мечей, носить которые дозволялось лишь самураям высшего ранга.

Строго говоря, он не имел права конфисковывать оружие: несмотря на то, что отныне эти люди стали простыми ронинами,

в жилах их до конца дней текла кровь самурая. Но ему было важно сломить их окончательно, запугать. Ведь меч – это воплощение самой души воина. У мужчин, лишившихся не только крова и средств к существованию, но утративших свою сущность, – у таких мужчин не станет ни сил, ни духа замышлять недоброе против него, Киры.

Не станет ни у кого… за исключением… А вот о судьбе этого человека он позаботится лично.

– Оиси Кураносукэ? Вы мне нужны.

Пока Кира к нему шел, Оиси пытался стереть со своего лица недоверчивое выражение. «Он слишком горд, чтобы задавать вопросы, – подумал узурпатор. – Это хорошо. Ведь ответы ему совсем не понравятся».

Оиси неохотно поднялся и последовал за Кирой. Их тут же окружили охранники, командовал которыми гигант в черных доспехах.

Вот позади остался парадный зал, дворец… По мере того, как они отдалялись от воинства Ако, беспокойство Оиси нарастало, хоть он и старался выглядеть невозмутимо.

– Если вы желаете ознакомиться с данными о… о вашем новом домене, господин Кира, то все записи…

Кира коротко взглянул на черного самурая, и тот занес руку, словно собираясь прихлопнуть муху. Облаченная в защитную перчатку ладонь врезалась Оиси в висок. *Каро* упал, шлем его покатился по каменным плитам. Гигант подхватил поверженного ронина за кирасу на спине, рывком поставил на ноги.

Господин Кира с недоброй усмешкой произнес:

– В этом нет необходимости.

Черный самурай вцепился в Оиси и, грубо подталкивая, потащил вперед. В голове у *каро* будто звенели храмовые колокола, колени подкашивались. Огненной вспышкой мелькнуло воспоминание: полукровка приземляется на спину прямо в грязь на турнирной арене, его шлем скачет по земле, останавливается в двадцати шагах перед самураями Ако…

Перед ними возвышалась главная башня. Олицетворение мощи, символ основного предназначения замка – защитить князя и его народ. «А внизу, под башней, – вдруг озарило Оиси, – подземные темницы…»

Рику… И Тикара… Они где-то неподалеку, но так недостижимы… Увидит ли он их вновь? Одежда под доспехами вся пропиталась потом. Что теперь станет с Ако? А с ним?.. Оиси хотелось разрыдаться. И лишь самурайская закалка помогла

сохранить лицо перед врагом. А ведь его хваленая гордость – не более чем выработанная годами привычка, растерянно подумал вдруг *каро*. Она вовсе не исходит из глубины души, как он считал. Тем не менее Оиси был сейчас рад и этому.

Стражники подтолкнули его к ступеням, ведущим в подземелье. Кира остался наверху, наблюдая за их спуском. На полпути нога Оиси соскользнула, гигант в черном разжал захват, и остаток пути бывший самурай проделал на спине. Кира усмехнулся и исчез – отправился назад в мир живых, в свои новые владения.

Отодвинуть тяжелую каменную плиту, что закрывала вход в старинную подземную шахту, обычно было под силу лишь двум-трем охранникам одновременно. В этот раз хватило чудовищного толчка черного гиганта.

Четверо стражников с трудом подволокли упирающегося Оиси к краю темной дыры. До дна колодца было целых пятнадцать футов. Сырой каменный мешок размером не больше кладовки. Тюремщики в Ако называли его *дзигоку* – преисподняя… ад. Неожиданный свет факела, вторгшийся откуда-то сверху в этот безмолвный мир, заставил броситься врассыпную стайку крыс.

Сильный тычок в спину, нанесенный рукой гиганта, бросил Оиси вперед. Стражники отпустили его, и бывший *каро* с криком полетел в темноту. Тело его с тяжелым глухим звуком ударилось о каменный пол. Столб льющегося сверху света сузился сначала до размера полоски, затем и вовсе исчез. Но самурай этого уже не видел – он потерял сознание.

Оиси в полном недоумении открыл глаза. Непроглядный мрак… тишина… зловоние… Его замутило – и от смрада, и от жуткой головной боли.

Боги, что с ним такое приключилось? Заболел? Или приснился кошмар? Что на нем копошится?

Кто-то куснул его за палец. Выругавшись, Оиси резко сел. Голос его в этом безмолвном царстве прозвучал на удивление гулко. Цепляясь за одежду и кожу острыми коготками, с него посыпались вниз крысы, разбегаясь в темноте.

Крысы?!

Раздалось еще одно проклятие. Боль – от ударов стражников, от падения с высоты в пятнадцать футов – пронзила каждую клеточку в измученном теле… А затем *каро* вспомнил – и потрясение от чудовищного коварства Киры накрыло его с головой.

Еще вчера он, Оиси, был главным вассалом князя Асано. И вторым человеком во всем домене… Преданным самураем, гордящимся своей честью. Он хранил верность господину, даже когда пришлось принимать столь тяжелое – самое тяжелое в его жизни! – решение. И пошел на жертву, которой потребовал от него хозяин, исполнил его последнее желание. А теперь… Подлый поступок Киры разрушил весь его мир, низвергнув Оиси с небосклона в преисподнюю, *дзигоку*.

Разве мог он предположить, что все так обернется? Выходит, зря он мучился сомнениями – верного ответа не существовало. Что бы он ни выбрал, последствия все равно оказались бы губительны. Желая спасти Ако, он сдал замок без боя – и потому сёгун велел оставить защитников замка в живых и не чинить расправы над жителями. Но всех его людей изгнали, госпожу Мику сделали рабыней Киры, а народ обрекли на тяжелое существование под безжалостным гнетом.

А он сам? Его Кира может сделать вечным пленником… До конца дней.

Нет, об этом лучше не думать. Иначе недолго сойти с ума.

Сейчас *каро* заботили лишь три вопроса. Что станет с женой и сыном? Сколько Кира его здесь продержит? И как ему, Оиси, выжить – сохранив при этом разум – в ожидании освобождения? Если, конечно, оно состоится…

Решить можно только одну проблему – последнюю. Оиси перевел глаза на дальнюю стену, к узкой щели, выполняющей роль окна. Слишком высоко, не забраться. Впрочем, даже если бы у него получилось, размер отверстия не позволит сквозь него протиснуться. Его ширины едва хватает для того, чтобы обеспечить темницу воздухом.

А снаружи сияло солнце. И виднелась ветка дерева. Подул ветер, растение судорожно затрепетало, и в оконном проеме закружились, словно снежинки, лепестки отцветающей сакуры.

Но для чего ж так долго
Тянется эта весна?..

Оиси отвел взгляд от цветочного снегопада – ожившие в памяти строки прощального стихотворения князя Асано вновь наполнили душу горечью. Но сейчас не время убиваться над тем, чего уже не изменишь. Путь воина гласит: смысл его, Оиси, жизни – в служении господину до самой смерти. Смерти господина… или его собственной. Если хозяин умрет от болезни или старости, тогда долг Оиси – служить наследнику земель и защищать его. Если же смерть сюзерена станет результатом вероломного

коварства, его, Оиси, долг – отомстить.

Гири и *ниндзё*, долг и человеколюбие… Он не упустил ни того, ни другого. Госпожа Мика, наследница князя Асано, сделалась заложницей Киры, чьи алчность и изворотливость привели к смерти отца девушки и к его, Оиси, заточению. Бывший *каро* не сомневался – умереть от голода и жажды ему не дадут, раз уж сёгун запретил своему любимчику убивать воинов Ако.

А ведь Кира – трус, пришло вдруг в голову самураю. Он скорее нападет исподтишка, чем решится на честное противостояние; скорее столкнет своих врагов лбами в надежде, что они сами уничтожат друг друга, чем выйдет с ними на бой лицом к лицу. Это игра… не *сёги* даже – *го*. Искуснейшая битва между разумом и волей.

Оиси явно не первый узник, брошенный в этот колодец, хотя на его памяти подобного не случалось. Как же здесь выживали? Да и выжил ли кто-нибудь?

Если нет, тогда… Тогда, про себя поклялся он, Оиси Ёсио станет первым. Но сохранить одну только жизнь недостаточно. Необходимо позаботиться и о разуме. Непрестанно думать о прошлом означает проиграть Кире. Тревожиться о судьбах людей, которых он пытался защитить, – не менее опасно. Необходимо сосредоточиться на будущем. Верить: оно наступит – будущее, ради которого стоит жить. И, что бы ни случилось, он, Оиси, навсегда останется самураем. Хотя Кира с сёгуном и отняли у него власть, положение и даже мечи.

Господина Асано убил Кира – все равно что лично вонзил кинжал в спину правителю Ако. И Кира же позаботился о том, чтобы вассалов погибшего лишили всего, даже права на законную месть. Если не отплатить злодею за смерть хозяина, душа князя останется в заточении на земле, не сможет развиваться – в точности как все те, кто был ему дорог при жизни. Теперь у каждого из них свое заточение. Но господину Асано из своей темницы не вырваться никогда…

Существуют понятия, отмахнуться от которых не вправе даже самый полновластный земной повелитель. Одно из них – честное правосудие. Оиси учили – когда подлое деяние нарушает течение бытия, страдают даже боги. Равновесие должно быть восстановлено, такова воля небес.

А раз так, пусть боги засвидетельствуют: он, Оиси, станет орудием их воли. И не имеет значения, сколько людских законов придется ему нарушить, сколько времени понадобится и какой окажется цена. *Сёги* и *го* – игры-стратегии, в них играют люди, возомнившие себя небожителями. И победа достается тому, кто, сделав первый шаг, планирует на сто ходов вперед. Что ж, вот

этим он и займется, спешить ему некуда…

Глава 10

На голой вишневой ветке по ту сторону оконной щели блестел иней. Оиси, съежившись, сидел в углу темницы, обхватив себя руками и сунув ладони под мышки в жалкой попытке согреться. Его трясло – в подземелье стоял почти такой же холод, как на улице. Доспехи он давно уступил крысам – спать на жестком каменном полу в твердом облачении было невозможно.

Зверюшки с радостным рвением обглодали все кожаные лоскутки и шелковую шнуровку, скреплявшую друг с другом изогнутые металлические пластины. Сейчас Оиси сожалел об этой жертве – возможно, в доспехах было бы теплее. Но спасать уже нечего, от брони остались лишь валяющиеся по всей камере разрозненные куски – в первые дни плена у бывшего *каро* еще хватало сил в приступе гнева и отчаяния швырять защитную амуницию об стену.

Теперь же, спустя долгие месяцы заточения и скудного рациона – который он к тому же делил со своими невольными соседями, крысами, – Оиси едва мог двигаться. Поначалу он старался упражняться: сперва – чтобы не потерять форму, позже – чтобы греться. Сейчас вся энергия его тела уходила на дрожь.

Хорошо хоть с крысами удалось наладить мирное сосуществование – они в конце концов бросили кусаться и грызть его одежду, пока он спит. Можно сказать – подружились. Но вот собеседниками зверюшки оказались неважными.

И Оиси точно окаменел. Теперь он был столь же неподвижен и молчалив, как окружающий мрак. Лишь ветка сакуры – единственное доказательство существования внешнего мира – давала ему смутное представление о том, сколько времени прошло с начала заточения. Впрочем, радоваться этому или огорчаться, *каро* не знал. Сумеет ли он сдержать свою клятву и выжить – чтобы отомстить за господина Асано… воссоединиться с семьей… или хотя бы вновь увидеть бутоны, зарождающиеся на голой ветке вишни за оконцем?

Оиси вздрогнул и, вслушиваясь, поднял голову. Сверху донесся скрежет камня по камню – кто-то двигал тяжелую плиту. Появилась узкая полоска света. Что, уже подошло время кормежки?

Узник с трудом оторвался от стены и нетерпеливо пополз к тому месту, куда обычно спускали еду.

Но в этот раз, приоткрыв щель над головой у Оиси, каменная плита не замерла, как всегда, а продолжила двигаться. В глаза, привыкшие к полной темноте, ударил свет факела, пленника

ослепило, и он испуганно съежился, охваченный глупым страхом раствориться, исчезнуть, словно ночной мрак с наступлением дня… По телу расплылся ужас. С того самого дня, как его сюда швырнули, плиту не открывали ни разу.

Сверху упала веревка с завязанной на конце петлей и закачалась в воздухе перед лицом. Оиси уставился на подарок в замешательстве. Ему что, предлагают повеситься?

В квадратном прямоугольнике света показалась голова стражника, затем раздался голос – такой громкий и неприятный, что узнику пришлось прикрыть уши ладонями.

– Поднимайся, ронин!

Оиси медленно встал. Наверное, это сон. Неужели его наконец-то освободят? Или тут кроется какая-то хитрость?

Он схватил петлю – кажется, вполне реальную, – просунул в нее голову, поспешно (пока веревка не затянулась вокруг шеи) передвинул дальше, на плечи, потом посильнее закрепил на груди – насколько смогли непослушные окоченевшие пальцы.

Его потащили. Тело болталось в воздухе, вертелось из стороны в сторону. У Оиси закружилась голова. Неужели?..

Стукнувшись о край дыры, он оцарапался, но тут же – ослепленный, задыхающийся – очутился наверху. И первым лицом, которое сумели отчетливо различить его часто моргающие от непривычного света глаза, стало лицо сына.

Пока Тикара помогал отцу выбраться из колодца и встать на ноги, его чистые карие глаза сияли от облегчения. Юноша выпутал пленника из веревки и прижал к себе. Как же давно они не обнимались! С тех пор как… когда… Припомнить Оиси не удалось.

Тикара стал выше, отметил про себя отец. И похудел. Лицо утратило малейшие признаки ребячества. Он больше не носил богатого наряда, говорящего о привилегированном положении сына *каро*. Да и на одежду, которая полагалась приближенному к хозяину вассалу, его поношенное кимоно и штаны *хакама* походили мало – скорее уж на чьи-то обноски.

Оиси уловил собственное отражение в глазах юноши – изможденный, грязный, кутающийся в какие-то лохмотья. Он едва держался ногах – даже поддержка Тикары не слишком помогала. Тот повел отца от места его преждевременного погребения к устремленным вверх ступеням, прочь из преисподней.

Оиси по-прежнему сжимался от любого звука, его органы чувств не справлялись со множеством нахлынувших образов. Вот и внешние ворота замка. Солнце спряталось за обещавшими скорый снегопад тучами, но бывшему узнику все равно пришлось прикрыться ладонью – чересчур уж ярок оказался заполонивший

все вокруг дневной свет.

Сразу за воротами ждала толпа селян. Тикара заколебался. Явились ли эти люди сюда по доброй воле, чтобы поздравить его отца с вновь обретенной свободой? Или их согнали для того, чтобы Оиси смог еще сильнее ощутить собственные позор и бесчестье? Вдруг это очередной урок, который Кира пожелал преподать непокорному *каро*? Да и всему Ако вместе с ним.

Жители деревни выстроились поперек дороги, словно собираясь напасть. Оиси замер. За долгую вынужденную изоляцию страх его, так же как и чувства, болезненно обострился. Он искал в толпе хоть одно знакомое лицо… Ему даже показалось, что он заметил Рику – но нет, та женщина с убранными под кусок грубой ткани волосами и в тускло-сером крестьянском кимоно никак не могла оказаться его женой.

Взгляд Оиси скользнул по селянке, не задержавшись, и остановился на мужчине, стоящем с краю. Казалось, тот ничем не выделяется из толпы, и все же… Какое-то неопределенное чувство… Странный взгляд – настороженный и одновременно безразличный.

Шпион. Кира приказал за ним следить.

Одна часть его, Оиси, разума возражала – нет, тебе почудилось. Столько воды утекло, ты понес такую суровую кару… Даже Кира должен уже перестать опасаться того, что главный вассал господина Асано попытается отомстить. Люди его разбрелись на все четыре стороны, а жизнь… Жизнь лежала в руинах.

Но внезапно Оиси припомнилось озарение, посетившее его в самом начале плена: Кира – трус. А трус никогда не чувствует себя в безопасности.

Бывший *каро* застыл, разглядывая крестьян… мир, который он так долго не видел… Один из стражников раздраженно его толкнул, Тикара не удержал отца, и тот, потеряв равновесие, на глазах у всех рухнул на четвереньки в жидкую грязь.

Зрители напряглись, явно ожидая, что Оиси сейчас вскочит и в бешенстве обрушится на обидчика.

Но вместо этого некогда гордый самурай, с трудом отталкиваясь ладонями от земли, сел на колени и с покорным смирением поклонился стражникам. Лоб его коснулся слякоти.

– Не бейте меня больше, – пробормотал он.

Унижение Оиси возросло вдвое, когда он поднял глаза на сына. Злость на стражников сменилась на лице Тикары сначала неверием, а затем и разочарованием. Казалось, все вокруг потеряли дар речи.

Стражник, презрительно фыркнув, отвернулся и зашагал

назад в замок – тот самый замок, который всегда был его, Оиси, домом. Калитка в воротах захлопнулась, навсегда отрезая бывшего *каро* от прошлой жизни, от его законного места в этом мире.

Оиси не пошевелился. Так и сидел – сгорбленный, с покорно поникшей головой, словно нищий попрошайка. Надежда на лицах окруживших его людей угасла, уступив место отвращению, и ронин почти физически ощущал осуждение толпы – на него словно давила всей своей тяжестью та самая каменная плита, что так долго запирала его тюремную камеру…

К нему приблизился дородный крестьянин, смерил надменным – словно Оиси был *хинин*, неприкасаемый, – взглядом. И плюнул. Затем развернулся и гордо направился прочь. За ним потянулись и остальные, кто группками, кто поодиночке. А дрожащий, точно избитый пес, Оиси остался в грязи посреди дороги.

Но вот к бывшему *каро* подошел кто-то еще. Присел рядом и нежно обтер лицо рукавом поношенного кимоно, счищая грязь и слюну. Пораженный, растерянный, Оиси поднял голову. Рику! Да, это именно она – та самая женщина в грубой крестьянской одежде, со спрятанными под платок волосами. Ему не почудилось. Куда подевалась замысловатая прическа, искусно украшенная дорогими заколками и гребнями? Но несмотря на бедное убранство, держалась его жена с изяществом и достоинством, отнять которые не смог бы у нее никто.

Оиси отвернулся, не в силах смотреть в эти глаза, полные любви, глубокой печали и сострадания.

Тикара шагнул вперед, осторожно помог отцу подняться. Рику хотела прильнуть к мужу, но тот, бросив взгляд назад, заметил топчущегося неподалеку шпиона Киры, – и тут же отшатнулся от жены и сына.

– Не подходите! Держитесь от меня подальше! – Голос его задрожал от злого отвращения к самому себе.

И, шатаясь, с трудом держась на ногах, он заковылял прочь от замка – куда глаза глядят, лишь бы подальше отсюда, подальше от прошлого, отныне закрытого для него, как захлопнувшиеся ворота. Подальше от кошмара, который он все-таки пережил, выстоял, – но который не сотрется из памяти никогда. Будет сниться ночами, мучить душу, не даст ничего забыть – ни смерть, ни предательство, ни утрату всего, о чем он, Оиси, с гордостью заботился и что защищал…

И подальше от чужака, застывшего в отдалении и следящего за каждым шагом *каро*.

Рику и Тикара нагнали главу семьи, но поначалу держались в

нескольких шагах позади, с опаской наблюдая, как он, то и дело оступаясь, бредет по мосту к расположенной под стенами замка деревне.

Куда бы ни падал его взгляд, повсюду Оиси замечал перемены к худшему: магазины и дома обветшали, на улицах валялся мусор, одежда крестьян пестрела заплатами. К тому же при его приближении все, кого он встречал, отводили глаза. А ведь ради этих людей Оиси и его самураи пожертвовали жизнью. Не приняли смерть, нет; но обрекли себя на позорную, тягостную участь ронинов.

Над деревней висела зловонная дымка, и дурной запах этот исходил явно не только от мусора. Расположенные на окраине рисовые поля покрывала неубранная с осени стерня, а земляные валы-дорожки, отделяющие участки друг от друга, кое-где размыло водой и разрушило ветром. Создавалось впечатление, что крестьяне больше не заботятся ни о своих наделах, ни о своих жизнях.

Его родина изменилась – так же, как и сам Оиси. Полуголодный народ ее стал мрачным и угрюмым. Будто провинцию Ако кто-то проклял… и проклятие это легло на каждого жителя. Отчего все пришло в такое запустение? Да еще за столь короткое время…

Господин Асано был мудрым правителем, он хорошо понимал – чтобы люди могли не беспокоиться о будущем, у них должно быть достаточно еды, им нужны приличная одежда и хороший дом. Только тогда народ будет силен и здоров. И только здоровые, сильные работники станут усердно и по доброй воле трудиться на благо хозяина. Крестьяне провинции Ако всегда серьезно относились к своему долгу перед господином Асано – потому что тот никогда не забирал у них слишком много. Ухаживая за полями, они старались изо всех сил, благодарная земля отвечала им знатным урожаем – и домен в результате процветал.

Господин Кира же явно придерживается иных взглядов. Впрочем, стоит ли удивляться?

Оиси надеялся, что возможность вновь увидеть Ако глазами свободного человека приведет в порядок его сумбурные мысли. Однако этот раскинувшийся под свинцовым небом край, охваченный физическим разложением и духовным упадком, был словно ожившей картиной его собственного разрушенного мира.

Некогда гордый самурай, а ныне простой ронин бесцельно брел по улицам деревни, и Рику с Тикарой решились наконец к нему приблизиться. Идя по обе стороны от главы семьи, жена и сын взяли его за руки.

– Отец, позволь отвести тебя домой. Там ты сможешь поесть и отдохнуть. – Глаза юноши с отчаянной надеждой искали во взгляде Оиси хотя бы малейший намек на то, что человек, которого он знал раньше, не исчез, не погиб в заточении.

Сообразив, что он даже не знает, где они теперь поселились, бывший *каро* неохотно уступил. И его повели по нешироким дорожкам, по сужающимся проходам, в которых разило нечистотами, в самую бедную часть поселения.

Оиси дивился, гадая, куда и зачем они направляются. Наконец Рику и Тикара остановились у хлипкой деревянной двери – одной из множества дверей-близнецов, установленных в похожих друг на друга домах, что выстроились по обе стороны тесной грязной улочки.

Оиси ввели внутрь. Вот оно, их новое жилище. Именно здесь обитала его семья, пока он сам находился в плену. Они сняли обувь у края деревянного помоста, служившего одновременно и гостиной, и спальней. Посреди него располагалась небольшая жаровня, над которой на вделанном в бамбуковую балку железном крюке свисал котелок с едой.

Этот новый дом по размеру оказался меньше, чем кабинет Оиси в бывшем особняке на территории замка. С другой стороны, у них почти не осталось никакого имущества, так что помещение нельзя назвать загроможденным. В одном углу аккуратной стопкой лежали футоны и одеяла, в другом виднелась корзина с одеждой.

Отчего жена с сыном до сих пор не уехали из Ако? Должно быть, Кира удерживал их здесь, обещая в скором времени освободить Оиси. Узурпатор наверняка опасался, что родственники непокорного *каро* способны отправиться в Эдо и пожаловаться на его самоуправство сёгуну. Правда, Оиси сомневался в том, что Токугава разделит их возмущение. Как, впрочем, и в том, что опальным вассалам господина Асано удалось бы добиться аудиенции у верховного правителя.

Ни слова не говоря, Оиси с облегчением рухнул на помост. Ноги его отказывались удерживать дрожащее от холода и пережитого потрясения тело, кутавшееся в жалкие лохмотья. Наверное, это тоже часть плана Киры – продемонстрировать бывшему главному самураю господина Асано, как его бесчестье отразилось на близких, показать, во что превратится их жизнь отныне и навсегда.

Тикара набросил на плечи отца старенькое одеяло, а Рику подала небольшую миску риса и чашку горячего чая, безвкусного, словно обычный кипяток. Оиси торопливо, точно набросившийся на *сакэ* пьянчуга, отхлебнул напиток в надежде поскорее

согреться. Жадно схватил предложенную еду, будто сто лет не питался как следует – а ведь так оно и было, – и принялся набивать рот пустым рисом, проталкивая его горячим чаем в пересохшее горло. Жена и сын молча наблюдали за этим зрелищем, и застывшая на их лицах боль явственно говорила о том, что они не узнают в этом жалком голодном оборванце некогда гордого главу семьи.

Не обращая на них никакого внимания, Оиси покончил с рисом. Потом грязными руками собрал со дна все до последнего зернышка, облизал пальцы и со вздохом отставил миску. Бросил равнодушный взгляд в сторону дверного проема – оставленного приоткрытым, несмотря на холод и сырость. Поднялся. На негнущихся ногах прошествовал ко входу в дом. Постоял на пороге, изучая улицу. И только когда убедился, что поблизости нет ни одного шпиона, закрыл дверь.

Поступью, уже чуть больше напоминающей его прежнюю решительную походку, он пересек комнату и опустился на колени перед небольшим алтарем, устроенным Рику. Здесь еще теплились зажженные женой благовония, под аромат которых она накануне просила небеса о его благополучном возвращении. Оиси глубоко поклонился незримому милосердному Будде, всем богам, ответившим на его мольбы, уберегшим семью и сохранившим в темноте *дзигоку*, преисподней, его угасающую веру.

Теперь он возносил новые молитвы. Услышьте меня, боги, и помогите сдержать клятву, данную там, в адском подземелье. Помогите наказать зло, ведь того требует мой долг самурая; помогите отомстить господину Кире. И тогда дух моего хозяина освободится, честь семьи Асано будет восстановлена, а госпожа Мика займет свое законное место – наследницы и регента земель Ако. Дайте справедливости!

Вновь и вновь повторяя данное в заточении обещание, Оиси чувствовал, как оживает его разум, как в памяти медленно всплывают подробности плана, день за днем вынашиваемого им в непроглядной темноте и безмолвии.

Людские законы – законы сёгуна – нарекли черное белым и назвали его, Оиси, намерения изменой. «Боги, – молился он, – позвольте мне послужить высшей справедливости. И все равно, что станется после».

Наконец Оиси поднялся и повернулся к жене и сыну. При виде его лица у обоих словно камень с души свалился. Из глаз Тикары исчезли вопрос и недоумение – перед ними вновь стоял смелый и решительный человек, которого они когда-то знали и в которого верили.

– Где мои люди? – спросил Оиси.

Тикара вскочил на ноги и поклонился, признавая в этом самурае не только главу своей семьи, но и военного командира. Значит, дух бывшего *каро* не сломлен – воля его оказалась сильнее воли врага. Вот оно что – отец лишь притворялся, играл…

Оиси в ответ наградил сына широчайшей улыбкой. На самом деле он-то знал, что Тикара в своих опасениях был куда ближе к истине, чем ему думалось. Даже сейчас недавний узник не мог с уверенностью сказать, сколько в его сегодняшнем поведении было продиктовано желанием ввести в заблуждение врагов, а сколько исходило из самых потаенных глубин души…

Но когда его столь бесцеремонно вышвырнули из замка; когда он увидел, во что превратилась жизнь Рику и Тикары; когда понял, что шпионы Киры по-прежнему не спускают с него глаз, опасаясь, что дух *каро* так и не сокрушен… Вот тогда что-то в нем произошло. И тлеющие в душе угольки вместо того, чтобы угаснуть окончательно, вдруг разгорелись с новой силой и возродили истинную сущность в том создании, уже почти не человеке – тени, – в которое он едва не превратился.

Даже когда лицо сына от облегчения расплылось в счастливой улыбке, Рику продолжала смотреть серьезно. Как же давно она знает своего мужа! Дольше, чем Тикара живет на белом свете. И потому заданный им вопрос лишь утвердил женщину в ее подозрениях относительно настоящих намерений Оиси. В глазах ее засветилась обреченная покорность.

– Все они покинули Ако, – произнесла она. – Я слышала, что Хара стал монахом, Хадзама – земледельцем.

– А госпожа Асано?

Рику опустила голову.

– Она по-прежнему «гостья» господина Киры, пленница в его владениях. Время, отведенное ей для траура, почти вышло. Господин Кира уже занялся подготовкой свадьбы, которая планируется на *Сюнсэцу Корэнсай*, праздник почитания предков.

День весеннего равноденствия? Времени совсем мало… Успеет ли он разыскать вассалов господина Асано? Остались ли среди них те, кто готов пожертвовать всем ради спасения души их хозяина… кто хочет осуществить законную месть?

Оиси повернулся к Тикаре:

– А что с полукровкой?

Голос его невольно выдал оскорбленную гордость – воспоминание о том, как привязан был сын к Каю, вновь больно укололо самолюбие, словно острием меча. Но и искреннего интереса в этом вопросе тоже было немало.

Тикара явно удивился. Улыбка слетела с его губ.

– Люди Киры увезли его на Голландский остров, *Дэдзиму*.

Боги… Значит, полукровку и вправду туда отправили… А он, Оиси, еще смел сетовать на жестокость собственной судьбы!

Самурай опустил голову, лицо его исказилось. Жив ли еще Кай? Столько времени в таком месте… А если все-таки жив, можно ли вызволить его с запретной земли, принадлежащей чужеземцам?

Что ж, иного выбора, кроме как попытаться, нет. Ведь – хоть ему и претит это признавать – без помощи полукровки никакой мести не получится, всех их ждет лишь собачья смерть…

– Нужны лошади. Три лошади, – обратился Оиси к сыну.

Тикара отвесил поклон и кинулся к двери. Лицо его светилось от нетерпения и решительности. Юноша помедлил, одарил родителей счастливой улыбкой – и тут же плечи его поникли. Нацепив маску безнадежной обреченности, он выскользнул на улицу.

Рику проследила глазами за исчезнувшим сыном и повернулась к Оиси. Не желая выдавать своего горя, она старалась не смотреть на мужа. Как много мирных, счастливых лет провели они вместе! Какую внезапную трагедию пережили! И вот теперь, когда она поверила, что возносимые ею молитвы были услышаны, что супруг благополучно вернулся домой… теперь она вновь его теряет. Причем на этот раз вместе с сыном. Словно ее самые близкие мужчины были водой, утекающей сквозь пальцы.

Оиси, легко коснувшись подбородка жены, бережно приподнял ее лицо. Глаза их встретились. Возможно, ей и удалось бы скрыть свою печаль от кого-нибудь другого. Но только не от него. Не от любящего мужа, за столько лет прекрасно ее изучившего. И он тоже не пытался прятать свою грусть.

– Тебе придется заставить весь мир поверить в то, что ты со мной развелась. – Голос его был нежен. – Это единственный способ защитить тебя, ведь я собираюсь нарушить приказ сёгуна…

Он запнулся, поймав ее пораженный взгляд, взгляд раненого зверя. С трудом взяв себя в руки, Оиси прошептал:

– И никто, кроме нас двоих, не должен знать: ты – отрада всей моей жизни… И останешься ею навечно…

Рику притянула его к себе, крепко прижалась, вцепившись в мужа с такой силой, словно хотела напитаться от него теплом на бесконечные, долгие зимы, что суждены ей отныне в жизни без него. Она уткнулась лбом в плечо Оиси, пытаясь скрыть слезы, но они все равно просачивались сквозь его ветхое кимоно, покрывая кожу бесчисленными горячими поцелуями. Высвободив длинные темные волосы Рику из-под платка, он все гладил их и гладил…

перебирая, ощущая их мягкость грубоватыми пальцами, так истосковавшимися по прикосновениям к любимой…

Наконец Рику отстранилась. Дыхание ее стало спокойным, слезы высохли. Читавшиеся до этого в глазах боль и горе сменились мужеством и пониманием.

– Я – жена самурая, – спокойно произнесла она. – Каким бы ни было твое предназначение и твои обязательства, я разделю их с тобой.

Она улыбнулась. То была улыбка не просто почтительной, верной своему долгу супруги – но улыбка любящей, участливой женщины с душою воина.

Оиси показалось, что никогда прежде не испытывал он такой сильной, такой всепоглощающей любви к своей жене, как теперь, не чувствовал подобного восхищения. Воистину, боги его испытывают, показывая, чем придется пожертвовать. Но впереди ждет дело, важнее которого ничего нет. Оиси вновь привлек к себе Рику. Сейчас он особенно нуждался в ее тепле.

Тикара с отцом расположились у перекрестка дорог в лесу. Юноша пришел сюда на закате после того, как справился с порученным заданием. Пробродив целый день по поселению, постоянно остерегаясь чужих глаз и излишне любопытных знакомых, он сумел приобрести лошадей и припасы.

Выйдя из дому, Тикара первым делом направился к тайнику, устроенному вместе с отцом накануне возвращения сёгуна. Там хранилось несколько небольших, но ценных вещиц – семейные реликвии, основную часть которых ему за время заточения Оиси пришлось продать, чтобы прокормить себя с матерью и обеспечить им крышу над головой.

Мама ни за что не соглашалась покидать Ако, пока отца держат в темнице, и, к их удивлению, вассалы Киры не возражали против этого. Чтобы добыть денег на жизнь, Тикара готов был выполнять любую работу, даже саму черную и тяжелую. Но нанимать его все отказывались – наверняка по приказу узурпатора.

И все же в тайнике осталось достаточно ценностей – спасибо предкам! – чтобы снарядить его с отцом в дорогу (отсюда пути их расходились), а также нанять носилки для матери. Ей предстоял долгий путь в родительский дом. Семья Рику, по счастью, была не из Ако, так что по воссоединении со своими родственниками мама будет в безопасности. Хотя бы она… Вот только на прощание Рику одарила сына таким взглядом, что Тикара засомневался – научится ли она когда-нибудь улыбаться вновь?

Но ее напутственные слова прозвучали достойно:

– Вы хотите покарать зло, которое без вас осталось бы безнаказанным… Вы ищете справедливости. Имена ваши никогда не будут забыты!

И в глазах мамы засияли слезы гордости.

Оиси в последний раз проверил лес вокруг. Постоял, прислушиваясь. После пережитого одиночного заключения чувства все еще были обострены. Наконец он удовлетворенно вздохнул. Что ж, никто за ними не шпионит, это хорошо.

Бывший узник взял в руки два предмета, продавать которые Тикаре было строжайше запрещено. Они не принадлежали их семье. Старинный меч господина Асано, доставшийся *даймё* от предков, отдала *каро* на хранение госпожа Мика. Оиси протянул его сыну. Вторую реликвию оставил у себя – *танто*, кинжал, которым князь лишил себя жизни. Миссия этого оружия пока не окончена. И, прежде чем оно ляжет на надгробную плиту своего хозяина, чтобы остаться там навечно, ему предстоит поучаствовать еще в одном ритуале…

Тикара принял меч, благоговейно рассматривая выгравированный на рукояти фамильный герб.

– Покажи им это, – кивнув, сказал Оиси. – И передай – пусть ждут меня на горе Будды через… две недели. Помни, – в сотый раз повторил он, – враг не дремлет.

Оиси долгим пытливым взглядом впился в лицо сына, желая удостовериться, что тот понял: дабы успешно выполнить свою часть плана, ему следует быть крайне осторожным, но продвигаться вперед при этом очень быстро.

– Да, отец. Да, господин. – Тикара выпрямился и ответил решительным, целеустремленным взглядом.

Оиси вновь кивнул – на этот раз удовлетворенно.

Он помог юноше взобраться на коня – прощальный отцовский жест, берущий начало еще с тех времен, когда сын был слишком мал, чтобы самостоятельно запрыгнуть в седло. Тикара в ответ улыбнулся и отсалютовал мечом господина Асано. Последние лучи заходящего солнца, пробивающиеся сквозь ветви деревьев, на миг высветили фамильный *мон* на рукояти. И, пришпорив коня, Тикара стрелой пустил его в надвигающуюся ночь.

Оиси поднял последнюю реликвию, хранившуюся в тайнике, – комплект из двух мечей, длинного и короткого, украшенных их семейным гербом. Когда-то эта пара принадлежала отцу. При сдаче замка Кира, не имея на то никакого права, бесцеремонно отобрал собственные мечи Оиси – прекрасный комплект, подаренный ему, когда он занял должность *каро*. И мечи всех остальных самураев тоже.

Конечно, в сравнении с тем, как жестоко поступил Кира с Оиси после, конфискация оружия выглядела почти мелочью. Однако поступок этот был направлен на то, чтобы полностью деморализовать и унизить поверженных самураев, показать им, что в его, Киры, власти лишить их не только дома и средств к существованию, но даже права считаться человеком.

За это деяние Оиси также хотел поквитаться с негодяем – не только от имени богов, но и от себя лично. И теперь он несказанно радовался своей предусмотрительности, заставившей его спрятать оружие отца в тайнике вместе с реликвиями господина Асано.

Бывший самурай заткнул оба меча за пояс потрепанных, но вполне приличных штанов *хакама*. Несмотря на то что после освобождения он тщательно вымылся и облачился в чистую одежду, до этой минуты Оиси чувствовал себя оголенным. Теперь все в порядке.

Он с трудом забрался в седло, привязал к нему поводья еще одной лошади. Ненадолго замер, склонив голову и вознося последнюю молитву. Пусть путешествие сына выдастся легким… и пусть боги будут милостивы к Рику… и даруют силу ему, Оиси, чтобы он выдержал лежащий впереди трудный путь… и пусть пошлют мужество вынести все, с чем доведется столкнуться в конце этого пути…

Он развернул коня в сторону, противоположную той, куда ускакал Тикара, и двинулся вслед за угасающим солнцем. Вперед, на Дэдзиму…

Глава 11

Дэдзима, или Голландский остров, напоминал огромный веер, сброшенный с небес рукой беспечного бога и дрейфующий на волнах посреди бухты Нагасаки. Но во всей Японии не было, пожалуй, другого такого позабытого богами места – места, кишащего самыми немыслимыми земными соблазнами. Третий сёгун в династии Токугава, Иэмицу, ввел запрет на любые контакты японцев с представителями других наций. Правительство, *бакуфу*, провозгласило, что печется о сохранении самобытности своего народа, а потому считает нужным оградить недавно объединившуюся страну от тлетворного влияния чужеземцев. А заодно – но об этом вслух, разумеется, не упоминалось – не допустить появления в Японии нового оружия или передовых технологий, способных подвигнуть какого-нибудь честолюбивого *даймё* на мятеж против режима Токугавы.

Исключение было сделано лишь для небольшого числа негоциантов из Китая да для голландцев, изгнанных на крошечный, отрезанный от побережья остров. Все торговые операции чужеземцам разрешалось вести исключительно через изолированный от остальной страны Нагасаки. Представительства Голландской Ост-Индской компании располагались по всей Азии. Это давало иноземным купцам доступ к товарам, которые ввозились в Японию веками и уже давно стали неотъемлемой частью жизни ее обитателей. Кроме того, чиновников Компании интересовало лишь увеличение собственной прибыли, а потому вероятность того, что они станут ввязываться в сделки, способные расстроить их ценное торговое сотрудничество с *бакуфу*, была крайне мала.

Как и основная масса других японцев, Оиси ни разу в жизни не видел чужестранцев – «людей с соломенными волосами», – потому что даже самым высокопоставленным их представителям дозволялось покидать Дэдзиму всего раз в год, и то лишь для того, чтобы нанести визит сёгуну с советниками.

Однако бывшему *каро* доводилось о них слышать – о глазах и волосах необычного цвета, о странно очерченных лицах и покрытых растительностью чересчур крупных телах, делавших голландцев больше похожими на чудовищ или демонов, нежели на людей. Да и нравы их и поведение также имели мало общего с человеческими. К тому же создания эти отвратительно пахли – поскольку почему-то считали мытье крайне вредной привычкой.

Экипажи прибывающих голландских кораблей обязаны были находиться исключительно на острове. То же самое касалось и

чиновников Компании, от имени капитанов обсуждавших условия сделок: они постоянно, годами, обитали и работали на Дэдзиме, дома их теснились среди контор и складов, а жизнь проходила в окружении толпы непрерывно сменяющих друг друга *гайдзин* – неблагонадежных чужеземцев, – приплывающих на новых судах. И вся эта круговерть происходила на замкнутом, крошечном кусочке суши, протяженность которого в самой широкой части не превышала трех сотен шагов… Даже несмотря на то, что остров по периметру, словно иглами, щетинился доками, отходящими от него в море, места для нормальной человеческой жизни среди всех этих подъемников, пандусов и мостков – вечных спутников оживленного портового поселения – явно было недостаточно.

Единственная дорога, соединяющая Дэдзиму с берегом, проходила по тщательно охраняемому узкому мосту. Бдительная стража следила за тем, чтобы без официального разрешения никто не мог ни попасть на остров, ни уйти с него. Но это вовсе не означало, что у запертых на маленьком клочке земли чужаков Япония не возбуждала никакого любопытства. Или что после нескольких месяцев, а порой и лет, проведенных в океане, им не хотелось расслабиться. Они мечтали о выпивке, грезили о женщинах и искали развлечений – желательно погрязней и подиковинней.

После того как история охоты на *кирина* вырвалась за пределы замка в близлежащий городок, Оиси всякого наслушался об извращенных увлечениях обитателей Дэдзимы. Но узнал он также и о том, что существует способ незаконно пробраться на Голландский остров – желающие нарушить запреты отыщутся в любом месте. Для этого требовалось лишь запастись поддельными документами и достаточной суммой денег…

Какая горькая, ужасная ночь… Точно пиво, столь любимое голландцами. Оиси, шатаясь, шел по длинному мосту под порывами пронизывающего ветра, то и дело норовящего сбить его с ног и скинуть в воду. Всякий раз, когда волна обрушивалась внизу на основание каменной насыпи, ледяные брызги окатывали путника с головы до пят. Родная земля осталась позади, и реющие над нею японские знамена щелкали, словно плети, от треплющего их нещадного шквала. А впереди им бросали вызов полощущиеся с не меньшим неистовством флаги голландцев. Именно туда направлялся продрогший ронин. Временами окруженная тусклым сине-белым ореолом луна – словно само небо подле нее застыло и превратилось в лед – скрывалась за низкими мчащимися облаками, и тогда все вокруг погружалось в жуткий мрак.

Наконец Оиси добрался до цели, с облегчением ощутив под

ногами более надежную твердь, чем узкий перешеек, возвышающийся над неспокойным морем. Миновал незнакомые стяги, говорившие о том, что он ступает на чужую землю, – и внимательно огляделся.

Хотя ночь была в самом разгаре, остров не спал. Повсюду суетились люди. Моряки и рабочие переносили ящики с товарами. Их внешность показалась Оиси очень уж непривычной даже по сравнению со странным обликом Кая. Те, кто не был занят разгрузкой, собирались группками – пили, играли в азартные игры и громко разговаривали на своем непонятном гортанном наречии. Впервые слышащему варварский язык ронину казалось, что чужаки непрерывно спорят и ругаются. Впрочем, судя по интонации, так оно, скорее всего, и было. Мужчины то и дело бросали похотливые взгляды на увивающихся вокруг полуодетых женщин, охотно позволяющих себя лапать. Блудниц из публичных домов Нагасаки присылал на остров местный правитель, чтобы до самого отплытия кораблей довольные иноземцы не возмущались своей вынужденной изоляцией.

Одна из путан заметила Оиси и выкрикнула непристойное предложение на японском. Он, нахмурившись, молча отвернулся. Жизнь его – даже до сурового заточения в подземелье Ако – никогда не казалась бывшему *каро* беззаботной и спокойной. Но по сравнению вот с этим… месяцы, проведенные в полном одиночестве внутри каменного колодца в компании одних только крыс, неожиданно представились безмятежной монашеской идиллией.

Куда бы он ни глянул, повсюду глазам Оиси представало фантастическое зрелище, рожденное беспорядочно мельтешащими тенями от раскачивающихся на ветру фонарей. Казалось, моряки и гулящие женщины – это не живые люди, а куклы в неком демоническом представлении театра *бунраку*. Непрекращающийся шум, гул голосов, вонь от разлагающейся рыбы, немытых тел, мочи и табачного дыма… У ронина закружилась голова, его замутило. На миг он испугался, что сейчас рухнет ничком. Или его стошнит.

Усилием воли заставил Оиси свое истощенное тело двинуться дальше. Вслед ему полетели призывы других блудниц, с любопытством завертелись головы мужчин. Лишенные оружия руки бывшего самурая сжались в кулаки. Откуда-то донесся пронзительный свист, в ответ с разных сторон из неосвещенных закоулков послышались крики и голоса.

Оиси высоко поднял голову, и изумленный взгляд его уперся в мачты и снасти великолепных голландских парусников, нависающих над островом и своими невероятными размерами

затмевающих все вокруг. Сёгунат запрещал строить корабли, габариты и мореходные качества которых были бы безопасны для плавания вдали от берегов – поэтому не только чужеземцы не имели права посещать Японию, но и сами жители страны никак не могли ее покинуть.

Вновь опустив голову, Оиси вдруг увидел, что его окружила группа варваров самого бандитского вида. Они рассматривали незнакомца с явной враждебностью. Все дороги к отступлению были отрезаны. На пути у пришлого ронина вырос мужчина, возвышающийся над Оиси по меньшей мере на целую голову; остальные выжидательно смотрели на верзилу, который, по-видимому, пользовался у них авторитетом.

На сильно ломаном японском голландец спросил:

– Что тебе здесь нужно?

– Я кое-кого разыскиваю. – Голос прозвучал спокойно и уверенно, что совсем не соответствовало внутреннему состоянию Оиси.

Бывший самурай сложил пальцы щепоткой и потер подушечки друг об друга, намекая на деньги – он видел, что так делают картежники.

Предводитель варваров хрюкнул от смеха и кивком приказал следовать за ним. Выбора у Оиси не было, так что пришлось двинуться за чужеземцем в глубь убогих трущоб. Наконец по крутым сходням они взобрались на пришвартованный в узком проходе между доками корабль. Провожатый долго вел совсем потерявшего ориентацию японца по тесным запутанным коридорам и каким-то дурно пахнущим отсекам. Вот теперь, обреченно решил Оиси, он заблудился окончательно. И только хотел потребовать у громилы, чтобы тот вывел его назад, как они вдруг остановились у большой, открывающейся внутрь двери.

– Капитан, – объявил варвар и втолкнул ронина в каюту.

Дверь тут же с грохотом захлопнулась у Оиси за спиной.

Небольшое помещение тонуло в клубах едкого сизого дыма. Табак. Привычка чужестранцев курить высушенные листья этого растения въелась в них столь прочно, что искоренить ее не удалось даже сёгуну. Из-за висящей в комнате туманной мглы Оиси не сразу понял, есть ли здесь кто-нибудь. Но вот впереди вспыхнула красным огоньком огромная чашка варварской курительной трубки – некто, пока не различимый в сумраке, затянулся дымом. На короткий миг в клубящемся мареве смутно высветилось лицо капитана – крупное, искаженное, словно новорожденная луна, – и вновь вокруг Оиси сомкнулись тени.

– Похоже, ты явился издалека? – произнес голос с сильным акцентом, низкий и зловещий, как окружающая двоих мужчин

завеса мрака.

Но глаза Оиси постепенно привыкали к темноте, и он различил пару гигантских рук, наливающих *сакэ* в две традиционные плоские чашечки.

– Пей.

Руки толкнули одну из стопок вперед, и та скользнула к Оиси по поверхности доходящего ему до пояса стола, которого до этой минуты японец не замечал.

Гость взял чашку и принялся пить – маленькими глотками, как и положено благовоспитанному человеку. Хотя нервы требовали осушить напиток залпом. Кем бы или чем ни был этот мужчина, выбирать приличное спиртное он умел. Трубка голландца вновь вспыхнула, ненадолго развеяв тьму. Как начать нужный разговор, Оиси не представлял и потому заставил себя ждать – молча, спокойно… Пусть первое слово скажет *гайдзин*.

– Ну, – не выдержал капитан, – и зачем ты сюда пришел?

На японском он изъяснялся лучше, чем верзила, однако бывшему самураю все равно приходилось очень внимательно вслушиваться, чтобы разобрать сказанное.

– Я ищу одного человека. Его продали вам. – Опасаясь недопонимания, Оиси старался произносить фразы как можно четче.

– Да тут таких пруд пруди…

– Полукровка.

Воцарилось долгое молчание, в течение которого Оиси слышал лишь стук собственного сердца. Голландец понял, о ком речь, вдруг осенило гостя, и пульс его участился. Неужели задумчивость собеседника означает, что Кай жив?

– *Полукровный* стоил мне много денег, – наконец изрек капитан.

– Я его выкуплю.

Оиси вытащил из рукава мешочек и пустил его вперед по столу. Проникающий в каюту через квадратное оконце лунный свет почти не развеивал окружавшего полумрака, и, хотя глаза ронина уже почти привыкли к темноте, различить выражение лица капитана ему не удавалось.

Руки чужеземца – невероятно огромные, испещренные татуировками и толстыми шрамами, ужасно грязные – вновь выдвинулись из тени. Неужели такие руки могут принадлежать человеку?! Неудивительно, что варваров называют демонами.

Капитан извлек вещицу из мешочка и поднес к глазам. Глядя на ее очертания, Оиси ощутил неожиданно жгучее восхищение, смешанное с невыносимым чувством потери. Гарда – часть эфеса меча, защищающая руку от оружия противника. Восхитительная,

изящной работы гарда с четко прорисованными деталями. Теперь таких уже не делают.

– Это принадлежало самураю. – По голосу капитана было ясно, что он оценил и возраст детали, и ее ценность.

Голландец поднял голову, и Оиси смог наконец разглядеть его лицо. Плескавшееся в глазах варвара презрение ясно говорило о том, что самураем тот гостя не считает – в лучшем случае никчемным ронином – и что гость этот, по мнению капитана, дабы завладеть подобным трофеем, кого-то ограбил или даже убил.

Оиси с трудом удержался от того, чтобы кинуться на спесивого иноземца с кулаками. Челюсти его сжались. Эта гарда передавалась в его семье из поколения в поколение; он толком не знал ни сколько ей лет, ни что сталось с лезвием, которому она принадлежала. Гарда была частью парного комплекта – реликвией, несказанно дорогой сердцу кого-то из его предков.

Оиси носил обе гарды на своих собственных мечах – до того самого дня, пока роковой визит сёгуна и последовавшие за ним события не заставили его подумать об этом дважды. Теперь он благодарил богов за свою тогдашнюю предусмотрительность. Вторую часть комплекта Тикара продал, чтобы выручить средства на покупку лошадей и припасов и устроить отъезд матери. Прекрасное творение старинных оружейников, которое вертел сейчас в руках чужеземный дикарь, – это все, что осталось от некогда благородного достояния семьи Оиси, последнее свидетельство его чести и гордости.

Капитан подался вперед, пристально уставившись на гостя. Бледно-голубые глаза голландца напоминали осколки льда – жестокие, бездушные, словно замерзшее море.

– *Полукровный* тебе настолько дорог, что ты готов лишиться вот этого?

Оиси промолчал. Ему безумно хотелось швырнуть правду в эту варварскую физиономию, слова так и жгли рот. Но он заставил себя беззвучно их проглотить. Если боги потребуют от него новых жертв – перед последней, окончательной, – что сможет он им предложить?

Капитан наклонился вперед сильнее, его чудовищная фигура выступила из тени, нависая над Оиси, и тот едва не отшатнулся от отвращения. Или страха.

– По рукам! – Иноземец вдруг расплылся в мерзкой ухмылке. – Выпьем. – Он вновь налил *сакэ*.

В этот раз Оиси осушил свою чашечку залпом. Ему не терпелось покончить с этим кошмаром и успеть убраться с острова до того, как на мосту сменится стража.

– Теперь отведи меня к нему.

Голландец оторвался от выпивки.

– Да ну? – В голосе его послышалась издевка. – Ох уж эта ваша гордыня. – Он ткнул пальцем в поношенную измятую одежду бывшего самурая, его растрепанные нестриженые волосы. – Сам в обносках, а смеешь указывать мне, будто князь! Так вот что я тебе скажу – может, нам и запрещено ступать на японскую землю под страхом потерять наши торговые привилегии, но это ж палка о двух концах. Здесь тебе не Япония. Ты попал в Голландию, и сёгун здесь – я! Я тебя к нему отведу, вот только на моих условиях. – Ухмылка вновь заиграла на его лице, и не предвещала она ничего хорошего. – А еще он, скорее всего, покажется тебе… другим.

Гул разъяренной толпы и рев неведомого зверя достигли ушей Оиси задолго до того, как он вновь увидел настоящий свет – еще в корабельных коридорах, по которым вел его один из людей капитана. Шагающий впереди мужчина имел при себе лишь небольшой фонарь, зато за спиной ронина следовал эскорт из вооруженных пистолетами и мечами людей. Оиси конвоировали – точно так же, как конвоировали бы по приказу *каро* любого голландца, окажись он на японской территории. Капитан прав – здесь *гайдзином* был именно он, Оиси.

Происходящее ему совсем не нравилось. И беспокойство с каждым шагом нарастало. Что ждет впереди? Ловушка?

Резкий поворот коридора – и шум толпы неожиданно усилился. Перед Оиси выросли металлические решетчатые ворота, охраняемые варварами-стражниками. Так и есть, ловушка! Японец оглянулся. Поздно, отступать некуда. Кто-то грубо толкнул его в спину, Оиси полетел вперед и с такой силой врезался в твердые прутья, что невольно охнул.

За воротами обнаружилась арена – привыкшим к темноте глазам показалось, что все вокруг залито ослепительным светом, – однако она ничем не напоминала привычное ристалище, на котором проходили поединки в замке Ако. Здешнее место для боев больше походило на огромную клетку, обнесенную по периметру железной решеткой, и занимало почти все пространство в пустующем трюме. Помещение было набито битком – толпы орущих, свистящих, ругающихся чужеземцев сидели на расположенных ступенями импровизированных лавках, теснились внизу между клетью и деревянным остовом корабля. В этом замкнутом пространстве звуки эхом отражались от твердых стен, и шум стоял такой, что Оиси на миг померещилось, будто он очутился внутри гудящего храмового колокола.

Стоявшее на улице зловоние показалось райским ароматом по сравнению с непереносимым смрадом, который витал в трюме, – тяжелый дух множества потных тел мешался здесь с горелым запахом полусотни фонарей. Оиси – оглушенный, задыхающийся, растерянный – прильнул к прутьям, пытаясь понять, что происходит на арене.

Пространство внутри клетки напоминало поле битвы, заваленное безжалостно разорванными, изуродованными трупами. Заглушая гул толпы, вновь раздался уже слышанный Оиси звериный рев, и взгляд ронина уткнулся в… Не может быть! *Они*, демон преисподней?..

В центре круга медленно разворачивался чудовищный *ёкай*, дико вращая выпученными глазами. Огромное тело размером с вола – если бы только вол умел ходить на задних конечностях – своими очертаниями походило на неуклюжую копию человеческой фигуры. На лбу торчали короткие острые рога, однако основные повреждения усеивающим арену мертвецам нанесли не они, а торчащие наружу клыки и длинные когти создания. Обвислая грубая кожа по цвету не отличалась от крови, сплошь покрывающей монстра.

Снова раздался грозный рык, и демон кинулся на последнюю оставшуюся в живых жертву. Зажав человека в углу, он навис над несчастным; тот, словно маленький ребенок, в ужасе припал к земле. Смертельный бросок *они* – и Оиси невольно зажмурился. Но тут же распахнул глаза. Этот человек…

Тот, кого монстр уже считал своей добычей, вдруг взметнулся вверх, отделился от решетки и в стремительном прыжке взлетел в воздух. Молниеносное движение – и занесенная *катана*, сверкнув кроваво-красными искрами, разрубила тело *они* от плеча до самого центра живота, одним великолепным точным ударом рассекла сердце, легкие и внутренности… А бывшая жертва уже вновь пригнулась к земле.

Они пошатнулся… Медленно-медленно начал заваливаться на спину… И рухнул. Раздался мощный глухой удар, от которого содрогнулся весь корабль. А Оиси смог наконец разглядеть победителя.

Еще один демон… Во всяком случае, очень уж похож – тело настолько измазано кровью, что выглядит в точности как красная шкура поверженного *они*, лицо закрывают длинные жирные волосы… Но еще до того, как Оиси во всех подробностях рассмотрел героя, он уже знал, кто перед ним. Такой смертельный удар мог нанести лишь один человек. Кай.

Точнее, существо, некогда бывшее Каем.

«Он, скорее всего, покажется тебе… другим». Теперь Оиси

полностью осознал жуткую иронию, кроющуюся за ухмылкой капитана. Оттуда, с арены, на взбудораженную толпу смотрела измученная, до неузнаваемости искаженная оболочка человека, в прошлой жизни откликавшегося на имя Кай. Будда милосердный, осталась ли в этом создании хоть капля людского разума, живой души?..

От победы Кая толпа, сплошь состоящая из моряков и портовых рабочих, окончательно озверела. Со всех сторон неслись крики:

– По-лу-кров-ный! По-лу-кров-ный!

Даже голландцы называют его так, подумал Оиси. И неважно, недочеловек Кай или, наоборот, некое высшее создание – люди никогда не воспринимали его как равного себе, никогда не дарили ему братского участия.

Они ведь такие разные: его, Оиси, народ, который всегда ненавидел и боялся явившихся извне чужаков, и эти самые чужаки – которые вместо того, чтобы сидеть у себя на родине, плывут на другой конец света обмениваться товарами с совершенно непонятными им, странными людьми… Но какое поразительное единодушие демонстрируют и те, и другие в отношении полукровки! Обе нации, не сговариваясь, дружно отвергают человека, похожего на них гораздо больше, чем похожи между собой сами японцы и варвары. Впрочем, может, и нет в этом ничего поразительного…

От этой мысли в душе Оиси вдруг шевельнулось чувство стыда – неприятное, неожиданное. И он отмахнулся от своих рассуждений, сосредоточившись на том, как быть дальше. Что же ему делать, если Кай теперь…

Внезапно металлические ворота, перед которыми он до сих пор стоял, пришли в движение. Оиси отшатнулся, выпустил из рук прутья. Стоявший позади стражник вновь сильно толкнул его вперед, и бывший самурай вылетел на арену. Миг – и решетка с лязгом захлопнулась за его спиной.

Оиси оторопело застыл на месте. Вокруг забрызганной кровью клетки бесновалась толпа зрителей, они размахивали руками, орали, выкрикивали ставки. Среди них ронин заметил капитана. Тот с усмешкой наблюдал за растерявшимся японцем, лаская при этом двух полуголых девиц. Перекинувшись парой слов со своими людьми, капитан расхохотался; вне сомнений, предметом насмешек был именно он, Оиси.

Доставивший сюда ронина провожатый швырнул ему меч и, сделав брови домиком, приглашающе кивнул. Толпа радостно взвыла от предвкушения. Но Оиси сердито помотал головой и, даже не притронувшись к оружию, взглянул на Кая. Тот

медленно, настороженно приближался с другого конца арены, держа в руках окровавленную *катану*.

– Кай! – позвал японец. И еще раз, уже громче: – Кай!

Боги, пусть звук собственного имени пробудит полукровку! Пусть выдернет его из этого кровожадного кошмара…

Но Кай, похоже, его даже не услышал. И уж тем более не среагировал на имя. Он воистину стал демоном – во всем, кроме формы. По злой иронии судьбы, единственное, что осталось в нем человеческого, – это тело. Но и оно, покрытое кровью и жуткими рубцами, выглядело ужасно. Волосы полукровки сейчас были откинуты назад, чтобы не мешать ему получше рассмотреть свою следующую обреченную на смерть жертву. Оиси отчетливо увидел необычные шрамы на лбу Кая – те самые шрамы, что впервые предстали его взору много лет назад, в день, когда охота господина Асано наткнулась на беглого мальчишку…

– Кай!!! – в последней отчаянной попытке постарался ронин докричаться до полукровки. И встретился с ним глазами.

Но окончание слова потонуло в мощном гуле гонга.

Кай отреагировал на этот звук мгновенно. Словно спущенный с поводка бойцовский пес, он с нечеловеческим рыком, от которого у Оиси в ужасе зашевелились волосы, с занесенным клинком кинулся на бывшего *каро*.

Оиси едва успел подхватить брошенный ему меч и закрыться от обрушившейся на него яростной атаки. Удары сыпались один за другим, он с трудом сохранял равновесие и отчаянно отбивался от безумного натиска полукровки. О том, чтобы напасть самому, не было и речи – все до капли силы Оиси, все его приобретенные за много лет воинские умения служили лишь тому, чтобы не дать изрубить себя на куски.

Очередной выпад – Оиси отразил его с удвоенной мощью, родившейся из острого чувства безнадежности, – и ронин в свою очередь кинулся вперед с мечом. Кай одним энергичным движением небрежно оттолкнул лезвие противника тыльной стороной незащищенной руки, и его *катана* замелькала в воздухе еще стремительней. В глазах – ни проблеска узнавания, ни намека на жажду мести. Одна лишь слепая ярость, словно единственным желанием полукровки было убивать, убивать, убивать… наводнить весь мир трупами… оказаться в трупах по колено.

Рев зрителей, за которым уже почти не слышно лязга сталкивающихся мечей. Удары Кая. Защита Оиси. Уворачиваясь, отскакивая, отбиваясь, ронин все больше и больше полагался исключительно на наитие, отвечая не столько на реальные выпады Кая, сколько на накопленные воспоминания о манере

полукровки сражаться. У себя в замке бывший *каро* считался одним из лучших мечников, но никакие знания и умения не могли подготовить его к столь сокрушительной атаке – причем исходящей от одного-единственного клинка.

– По-лу-кров-ный! По-лу-кров-ный!

Одержимая толпа требовала от Кая драться еще ожесточённее, словно до сих пор он делал это не в полную силу.

Пораженный первобытной свирепостью противника, Оиси вдруг осознал, что сейчас впервые по-настоящему сражается за свою жизнь. Его сопротивление лишь разжигало ярость полукровки. Теперь тот использовал не только *катану*, но и колени, и локти, и даже кулаки. Казалось, он так же невосприимчив к боли, как и к человеческой природе своего врага. И собственной человеческой природе тоже. Неожиданный изгиб, поворот, резкое спиральное вращение рукой – у любого другого воина от такого маневра наверняка случился бы серьезный вывих, – и меч Оиси летит в сторону. Стремительный взмах кулаком – и строптивая жертва уже валяется на полу.

Кай занес меч для смертельного удара, и тут Оиси, вскинув беззащитную ладонь, выкрикнул:

– Мика!

Клинок замер в воздухе. На безумном лице мелькнуло недоверие… затем сомнение… и наконец… узнавание.

Толпа вокруг бесновалась от жажды крови. Зрители орали, призывая Кая довершить начатое, желая увидеть, как *катана* расколет поверженного врага, словно перезрелую дыню. А полукровка медленно убрал оружие в сторону.

Но затем бешенство вновь вспыхнуло в диких глазах – точно огненная буря, разгоревшаяся от принесенной ветром искры. Кай резко замахнулся и с силой опустил меч, едва не пригвоздив Оиси к полу. Однако ронин чудом успел откатиться и, с трудом веря в собственную удачу, схватил свой меч и вскочил на ноги.

Кай вновь пошел в атаку, тесня противника все дальше и дальше – к воротам, через которые японца швырнули в клетку. Какое-то время Оиси пятился, отбиваясь, но в конце концов оказался прижатым к прутьям. Оглушительный триумфальный крик Кая… взмах его меча… удар – и клинок, просвистев совсем рядом с Оиси и опалив его горячим воздушным поцелуем, вонзился в стоящего по ту сторону решетки стражника.

Ронин изумленно ахнул, но тело его уже жило своей жизнью. Развернуться на месте, вогнать меч в живот второму стражнику, который нацеливает на Кая аркебузу. Подхватить выпавшее из ослабевших рук ружье, просунуть его сквозь прутья. Поджечь фитиль. Направить ствол на толпу. Откинуть защитную крышку

запального отверстия. Нажать спусковой крючок.

На фиолетово-багровом лице сидящего в гуще толпы капитана, точно в центре его лба расцвела кровавая роза. Грузное тело завалилось вперед. На трибунах начался кромешный ад.

Охранникам пришла в голову безрассудная идея поднять ворота, чтобы добраться до бунтарей в клетке. Несколько взмахов меча Кая – и с наивными смельчаками было кончено. Двое мужчин – ронин и полукровка – поднырнули под решетку и кинулись бежать.

Оиси мчался следом за Каем по запутанным корабельным переходам, радуясь, что хоть один из них способен отыскать путь наружу – ведомый то ли знанием дороги, то ли звериным чутьем.

Плечом к плечу вывалились они из доков в кипучий муравейник ночной Дэдзимы. Их неожиданное появление – пропитанных кровью, потрясающих оружием – в первый миг вызвало легкое замешательство, однако расставленные повсюду стражники отреагировали быстро и решительно.

Оиси с Каем принялись прокладывать себе путь сквозь толпу. Вперед, к мосту! Но чем больше раненых и вопящих людей оставалось позади, тем больше все новых и новых варваров выскакивало, казалось бы, из ниоткуда. Вооруженные огнестрельным оружием и мечами охранники обступили беглецов уже со всех сторон. Пистолеты были совершенно бесполезны, стреляя с завидной неточностью, но вот люди наступали стремительно и неотвратимо. Впереди показались трепещущие на мосту знамена. Ну же, еще немного!

Возле очередного пакгауза Кай на мгновение замешкался у раскрытого бочонка с ворванью, используемой для заправки фонарей, и пнул его ногой. Китовый жир вылился под ноги преследователям. Полукровка схватил висящий на стене фонарь и с силой швырнул его в образовавшуюся лужу. Горючая жидкость вспыхнула, и между беглецами и стражниками тут же выросла гудящая стена огня.

До ушей Оиси все еще доносились звуки выстрелов за спиной, крики, ругательства. Но с каждым шагом опасность оказаться подстреленным уходила все дальше… дальше. Вот и мост. Впереди ждала свобода.

Глава 12

Мика сидела в комнате, выходящей на нижний двор замка Кираяма, и сквозь распахнутый дверной проем молча разглядывала укрытые снегом зубчатые пики – взору больше не за что было зацепиться. Впрочем, такая же картина открывалась из любой точки крепости, ведь горы окружали главную твердыню господина Киры со всех сторон. Пейзаж, конечно, захватывал своей красотой, и Мика непременно отдала бы ему должное… не окажись она в столь удручающем положении – положении гостьи-заложницы. Ее увезли из Ако, не дав как следует оплакать отца. И ко всему прочему, ей вот-вот предстоит стать женой своего захватчика…

После отбытия сёгуна Кира тоже не стал оставаться в обещанном ему домене надолго. Он задержался лишь для того, чтобы совершить еще одну подлость – заточить в темницу Оиси Ёсио, главного вассала и самого надежного друга отца, который всегда заботился о Мике, словно старший брат. К тому же влияние *каро* среди военных и мирных жителей Ако было столь велико, что по одному его слову люди бросились бы мстить негодяю, отнявшему у их господина жизнь, земли… и дочь.

Только сёгун ведь запретил самураям князя Асано мстить за смерть хозяина. Вассалы отца стали ронинами, их изгнали из родной провинции. И единственное, что они, уходя, смогли прихватить с собой, – это жесткий запрет никогда больше не ступать на земли Ако. Под страхом смертной казни. Но, несмотря на это, Кира так сильно тревожился о своей безопасности, что швырнул Оиси в подземелье. А Кая…

Нет. Не теперь… Еще не время. Пальцы Мики, прячущиеся в складках длинных рукавов, сжались в безмолвной мольбе, когда она представила, как берет ладонь Кая в свою. Но отсюда, из Кираямы, она ничем не сможет помочь ни Каю, ни Оиси. Малейшая, пусть даже самая призрачная возможность что-нибудь сделать появится у нее лишь после возвращения в Ако.

Скоро… совсем скоро, пообещала себе девушка, с трудом сохраняя на лице застывшую маску. Она не опоздает… если только выдержит еще чуть-чуть…

Отчего Кира так долго и страстно жаждал заполучить Ако, девушка поняла, едва очутившись здесь, в горах. На ее родине имелось все, чего у Киры никогда не было: богатые, плодородные земли, красота, тепло… и знатное наследие Асано, которое олицетворяет она, Мика, как единственная живая носительница имени.

Но хоть негодяю и удалось прибрать к рукам провинцию, ему никогда не присвоить себе чести семьи Асано. И неважно, что в ближайшем будущем он возьмет себе это достойнейшее имя и станет новым *даймё*, получив право распоряжаться и доменом, и жизнью самой Мики.

Господин Кира – всего лишь безжалостный, умеющий ловко плести интриги трус. Чтобы добиться расположения нужных людей и пробить себе путь наверх, он пускает в ход внешнее обаяние и красивое лицо – да еще, наверное, колдовство. А чтобы не беспокоиться о последствиях и о возможном поражении, предпочитает добывать желаемое чужими руками.

Даже его наложница Мидзуки – загадочная, невероятно красивая женщина с лисьей тенью и ведьминым способностями, – кажется, полностью порабощена негодяем. Мике доводилось слышать истории о *кицунэ*, влюблявшихся в людей… Но как же эта колдунья не замечает, что ее угораздило полюбить мужчину бездушного, словно пустые доспехи, и коварного, словно самый опасный дикий зверь?

Наверное, управлять своими чувствами не под силу даже такому созданию, как *ёкай*… Мика столько раз ловила на себе полный дикой ревности взгляд ведьмы – взгляд, которым Мидзуки уже давно испепелила бы соперницу, если бы не боялась уничтожить при этом и любовь Киры к себе… Жаль, нельзя заставить *кицунэ* поверить: ей нечего опасаться – ведь невольная невеста не испытывает к будущему супругу ничего, кроме ненависти…

Хорошо уже то, что колдунья старалась подольше и почаще удерживать своего возлюбленного в спальне, тем самым не подпуская его к сопернице чересчур близко. Впрочем, Мика подозревала, что Кира и сам боится проявлять по отношению к ней излишнюю настойчивость… боится, что, стоит ему лишить госпожу Асано чести, девушка попросту его убьет. А если это не удастся – покончит с собой. И в том, и в другом случае не быть ему истинным князем Асано, чьими бы землями он ни управлял. Мика не упускала возможности ненавязчиво ему об этом напоминать…

Пальцы ее совсем окоченели, и девушка спрятала их поглубже в рукава кимоно. От ледяного воздуха, проникающего в помещение через открытую дверь, не спасал даже многослойный наряд и шелковая стеганая накидка. Между Микой и сидящим напротив Кирой стоял низкий столик, под которым пряталась угольная жаровня. Покрывающее стол толстое одеяло удерживало достаточно тепла, чтобы согревать ноги. На подносе ждал чайник с горячим чаем и две чашки.

Кира настоял, чтобы они с невестой вместе ели и проводили как можно больше времени – причем независимо от ее желаний. Она уступила, ведь если «гостеприимный хозяин» часто слышал отказ, его уродливая сущность немедленно прорывалась наружу, и тогда он вымещал злобу на попавшихся под руку беспомощных людях. При этом Мику он заставлял смотреть на издевательства, поскольку знал, что страдания других ранят ее сильнее – даже ударь он ее ножом, это не причинило бы девушке такой боли.

Господин Кира откашлялся, и Мика вздрогнула. Надо же, она так погрузилась в свои мысли, что совсем забыла о его присутствии.

В воздухе сегодня как будто повеяло весной, и потому Кира решил, что чай следует пить как будто на улице – в этой комнате, где царили все времена года сразу. Правда, лишь в двух измерениях. Расписные стены радовали глаз пейзажами, от мучительной красоты которых у Мики тоскливо сжималось сердце: весенний цвет сливовых и вишневых деревьев; летние пионы и камелии, глициния и гортензия. В синем небе парили птицы, в голубой воде важно бродили журавли и цапли, заглядываясь на сверкающих спинами карпов и мельтешащих в воздухе стрекоз. Зелень травы и деревьев постепенно сменялась красным пламенем осенних кленовых листьев и многоцветьем хризантем… Полная истомы красота, столь привычная для Ако и столь чуждая этим горам, где тепло гостило лишь несколько недель в году, а все остальное время земля и небо представляли собой унылую черно-белую картину, кое-где разбавленную оттенками серого.

В окружающую фантастическую сцену, живо напомнившую Мике театр *кабуки*, властно вторгался обесцвеченный до смертельной бледности реальный мир. Он отчетливо просматривался в открытом дверном проеме и выхолаживал яркое помещение морозным горным воздухом. Сидящий на полу щуплый мальчик в обветшалой крестьянской тунике и ножных обмотках с удивительным мастерством играл на *сямисэне*, но его искусство не давало права озябшему музыканту даже на теплую одежду – лишь на место раба у ног господина.

До чего же символично, с грустью подумала Мика. Эти сказочные стенные росписи так чудесно изображают жизнь – словно пьеса внутри пьесы, настоящие декорации к постановке, в которой она уже давно чувствует себя актрисой.

– Выпейте чаю, моя госпожа. Вы немного согреетесь, – с напускной заботой, под которой обычно скрывалось совсем иное чувство, произнес Кира.

Поверх богатого плетеного кимоно, окрашенного в сизые

тона, на хозяине замка не было ни накидки, ни даже телогрейки. Казалось, ему тепло и уютно, словно он и впрямь наслаждается весенним днем.

Мика залюбовалась восхитительными чашами *раку*, в которые Кира разливал напиток. Неожиданная радужная игра цвета на неброской темно-зеленой глазури великолепно оттеняла оплавленные разводы, следы очень высокой температуры – керамика *раку* обжигается особенным образом. Чайный сервиз изготовил человек, обладающий подлинным чувством *ваби-саби*. Мастер, который умеет трудиться в гармонии с самой природой, непредсказуемой и артистичной. Он постиг и радость созидания, и разочарование неудач, и горечь разлуки со своим заветным детищем… и упоительное предвкушение нового творчества.

Должно быть, эти чаши стоят очень дорого. Скольких же людей в эту бесконечную суровую зиму Кира оставил без нормальной еды и одежды – лишь для того, чтобы иметь возможность снова и снова поражать свою заложницу различными дарами: прекрасными нарядами, удивительными чайными сервизами?..

Мика высвободила ладони из рукавов и надменно ответила, глядя в любезное, заботливое лицо:

– Не беспокойтесь обо мне, прошу вас. Я – дочь самурая.

В глазах мужчины тут же вспыхнула постоянно тлеющая в душе злость, которую он скрывал за внешним спокойствием. Он с явным трудом удержался от того, чтобы ударить невесту. Как только они поженятся, подумала Мика, церемониться Кира перестанет.

Она отвернулась, чтобы не провоцировать собеседника сильнее – ведь рядом сидел беззащитный мальчик. Кира указал на ее слабость, потому девушка и напомнила о своей выносливости и закаленности. Но его неадекватная реакция на простые слова сказала о многом, обнажив на миг нездоровую душу. Мика просто защищалась и совершенно не думала обидеть хозяина замка, намекнув на сомнительность его происхождения. А он воспринял ее реплику именно так.

Взрывная заносчивость Киры стала зеркальным отображением его болезненных страхов, скрывала чувство неполноценности – страшного дракона, обвивающего сердце «жениха»… И даже если любимец Токугавы станет новым господином Асано, чешуйчатого монстра это не утихомирит. Потому что он плодит все новые и новые предательства и злодеяния. И Кира уже не может взглянуть на себя честно, вспомнить о своей человечности… или признать ее полное отсутствие. Он вовсе не готов услышать от кого-нибудь –

особенно от нее, Мики, – правду.

Вынырнув из своих мыслей, девушка обнаружила, что внимательно смотрит на мальчика, перебирающего струны *сямисэна*, – будто внимает его игре. Музыкант заметно дрожал.

– Ребенок замерз, – мягко заметила она.

Кира дернул подбородком, точно раздумывая, что означает переключение ее внимания на этого жалкого раба. Не таится ли тут нового оскорбления? Повернувшись на мягкой подушке и пошевелив ногами под теплым одеялом, он небрежно спросил:

– Ты замерз, мальчик?

Простой безобидный вопрос. Но лишь на первый взгляд. В словах Киры, как всегда, таилась страшная глубина…

Музыкант посмотрел на хозяина, вновь уткнулся глазами в инструмент и отрицательно помотал головой. При этом он прилежно продолжал безукоризненную игру – так, словно от этого зависела его жизнь.

Кира улыбнулся:

– Вот видите. Он ведь родом из крестьян, как и я. А мы люди крепкие и не ропщем на обстоятельства.

Он одобрительно взглянул на мальчика и прислушался к звукам *сямисэна*.

Горькое, словно желчь, отвращение подкатило к горлу Мики. Каков негодяй! А ведь скоро они вернутся в Ако, и там он развернется вовсю. Кто его тогда остановит? Кто защитит ее родные земли от разорения, постигшего несчастные владения господина Киры? Кто убережет ее людей от тяжелой участи бедняков, из которых жестокий хозяин выпил все соки? Кто отмстит за гибель отца и освободит его дух? Кто… кроме нее?

Мика скользнула пальцами в рукав кимоно и нащупала пакетик с ядом, все это время остававшийся при ней. Страх пасть жертвой предательства почти никогда не покидал Киру – даже в стенах собственного замка. Если она убьет навязанного ей жениха, то никогда не увидит Ако вновь. Только к чему цепляться за возможность возвращения, если возвращаться не к чему? Пусть боги пошлют ей удобный случай…

Взгляд Киры переместился в нижний двор, где под бдительным присмотром наставника группа солдат тренировалась в боевых искусствах.

Мика извлекла из кимоно пакетик с ядом и одним резким движением разорвала упаковку. Мельчайший, лишенный запаха порошок заструился в Кирин чай, тут же растворяясь в напитке без следа. И прежде чем негодяй обернулся к девушке вновь, мешочек с остатками яда успел вернуться на место.

– Вскоре мы уедем в Ако, моя госпожа. Там зимы не будут

казаться вам столь суровыми…

Мика молча отпила из своей чашки, на этот раз взглянув ему прямо в лицо.

– …а мне наверняка понравятся ваши хваленые весны!

От радостного предвкушения улыбка мужчины стала еще шире, и одновременно с этими словами он поднес к губам чай.

В ожидании его первого глотка девушка не сводила с Киры глаз, стараясь сохранять естественный вид; однако внутри она была так напряжена, что почти не дышала.

Заметив ее необычайную заинтересованность, Кира заколебался. Мика перевела взгляд на стол, лихорадочно стараясь придумать ответ. Надо немедленно убедить собеседника в том, что надежда, окрасившая ее лицо, вызвана одной только мыслью о возвращении в Ако! Кира вновь улыбнулся.

– Возможно, я ошибался. Ребенок и в самом деле выглядит замерзшим. – Он протянул свой напиток мальчику. – Возьми, погрейся.

Пораженный музыкант недоверчиво уставился на хозяина. Затем отложил в сторону инструмент и обхватил источающую приятное тепло чашку окоченевшими пальцами.

Мика застыла от ужаса, чувствуя, что глаза Киры прикованы к ней. Мальчик поднес чай ко рту…

– Нет! – Перегнувшись через столик, девушка выбила чашку из его рук.

Изысканное керамическое произведение искусства ударилось об пол и разлетелось на осколки, залив татами отравленным чаем. Мика посмотрела на Киру с неприкрытой ненавистью и гневом.

Он ответил ей укоризненным, разочарованным взглядом и вдруг, резко дернувшись вперед, жестко схватил девушку за запястье. От боли у Мики едва не брызнули слезы. Она отчаянно попыталась скрыть свой неожиданный страх и вдруг краем глаза уловила какое-то движение в комнате. Кто-то наблюдал за ними, стоя за спиной у Киры в дверном проеме. Ведьма.

Не подозревая о присутствии Мидзуки, негодяй выкрутил запястье Мики, вновь привлекая к себе ее внимание. Голос его был спокоен, как всегда, хотя пальцы дрожали от ярости.

– Сколько мужчин отправилось в мир иной, чтобы ваши ручки оставались такими холеными? А сколько еще отправится?

Он крепче сжал запястье, затем с силой, преодолевая сопротивление девушки, переплел ее пальцы со своими. Глаза его горели неудовлетворенным желанием.

– Мои предки когда-то были крестьянами, а не знатью, как ваши. Пахали здесь землю. Во всей Японии было не сыскать

семейства беднее. Но они обладали умом. И терпением. И мало-помалу обнаружили, что эти качества способны растопить даже самую большую глыбу льда. – Его холодные руки все стискивали и стискивали ее беспомощные ладони, перекрывая циркуляцию крови, пока Мике не стало казаться, что мороз пробирается ей под кожу и тело стынет, покрываясь коркой льда. – Мы умеем ждать. Сначала вы станете моей женой. А после я заставлю вас себя полюбить!

Девушке хотелось закричать в ответ, что ее никогда не привлекала бесцельная, пустая жизнь за счет других. И что сумасшедшие деньги, уплаченные Кирой за этот чайный сервиз, чтобы произвести впечатление на избалованную дочку *даймё*, были выброшены на ветер. Неужели он и правда верит, будто обладает мужеством и терпением своих предков? Или хоть крупицей стойкости живущих здесь людей, изнемогающих от его беспощадного правления и от суровых природных условий? Если да, значит, он безумец. А теперь Кира и вовсе собирается бросить свой народ на произвол судьбы – после того, как выжал из него все соки. Да он же нелюдь, демон – под стать своей любимой *кицунэ*…

Микин отец был благородным, отзывчивым человеком, а его предки много поколений кряду платили собственной кровью за то, чтобы господин Асано и вверенные его заботам люди наконец-то зажили в мире. И пусть увековеченные в камне законы и традиции твердят о том, что равенства не существует, – понимание ее отцом собственного долга правителя гарантировало каждому в Ако достойную человеческую жизнь.

Но Кира со своей ведьмой его убили. И теперь все по-другому.

Никогда она не полюбит Киру – даже если он вздумает добиваться этого целую вечность. Единственное, что может она к нему испытывать, – это ненависть и презрение. Мике безумно хотелось плеснуть своему «жениху» в лицо, словно обжигающий чай, правду: она любит Кая! И что бы ни случилось, будет любить его всегда. Вечно…

«Взять это животное! И продайте его голландцам!» Она слышала последнее распоряжение Киры так же отчетливо, как помнила брошенную ей угрозу: «Опозорите меня – и я прикажу сжечь его живьем».

Кай… Она с мучительным трудом проглотила злые, рвущиеся наружу слова – как яд. И опустила глаза, перестав сопротивляться. Рука ее безжизненно обвисла в железном захвате Киры. Мика посмотрела в сторону… и заметила женщину-лису. Та до сих пор стояла в дверном проеме, уставившись на нее с

молчаливой убийственной завистью.

Наконец остров Дэдзима остался позади. Стояла глубокая ночь. Голландцы не рискнули кинуться за ними следом, но в ушах у Кая до сих пор звенели их крики, угрозы и проклятия.

Караульные, охраняющие мост с японской стороны, попытались было заступить Оиси дорогу, но тот бросил им несколько слов – каких именно, Кай не разобрал, – и стражи порядка тут же пропустили беглецов. Да вдобавок развернули копья и аркебузы в сторону острова – на тот случай, если среди чужеземцев отыщутся сумасшедшие охотники высунуть с Дэдзимы нос.

В укромном месте их ждали лошади. Уверенный в том, что доставшийся ему конь наверняка помчится за конем самурая, Кай ослабил поводья. Его вел лишь инстинкт самосохранения. А его разум и сама сущность, казалось, исчезли, потерялись там, в сумасшедшем кошмаре, состоящем сплошь из клеток и лабиринтов… кошмаре, в котором он пробыл… сколько? Кай не знал. Поначалу даже ощущение ветра на собственном лице и зрелище ночного звездного неба полукровка принял за галлюцинацию. Что это? Свобода?.. Или он сейчас проснется и обнаружит, что снова избит до полусмерти… или еще хуже – чей-то меч перерезает ему горло… или рогатый *они* вырывает у него печень…

Что за мужчина там впереди, на лошади? Какая-то часть похороненной заживо памяти угадала голос Оиси, когда незнакомец выкрикнул имя Мики. Но если это и вправду *каро*, значит, он, как и сам Кай, переменился до неузнаваемости.

Оиси до сих пор не произнес ни слова. Двое мужчин молча скакали в ночи, и в голове у Кая было совершенно пусто – ни единого вопроса, ни намека на связную мысль. Ночное небо, напоминающее расплавленное стекло, бежало вслед за всадниками, и мерцающие узоры на нем изменялись, перемешивались в унисон с изгибами и поворотами прибрежной дороги.

Кай долго и безрезультатно вглядывался в небесную высь, пытаясь хоть что-нибудь понять. Со временем беспорядочная мешанина светил перестала напоминать ему отражение фонарей на морской глади. И хаотичный рисунок постепенно стал складываться в созвездия, чьи очертания и истории рождения он, оказывается, еще помнил из другой жизни… Той жизни, в которой он знал, что звезды эти являются ориентирами – и хранителями – для ночных странников.

И тут вдруг Кай увидел луну – она взошла над холмами и

осветила лежащую впереди дорогу. Будто яркий фонарь божественной девы, когда-то давно сошедшей к нему – потерянному, одинокому, – с небес, чтобы указать направление и уберечь от беды…

Микахимэ… Мика-*химэ*… Мика… Он вспомнил! И воспоминание это ослепительной вспышкой озарило разум. С нежностью, о существовании которой он позабыл напрочь, Кай мысленно ласкал волшебный образ. Ее имя, ее лицо стали средоточием его изломанной сущности, пробуждая дух, возвращая рассудок… воскрешая в нем человека, отвоевывая его у тьмы – в точности как льющийся на дорогу впереди лунный свет. Разрозненные картины прошлой жизни… наречие, на котором он говорил когда-то – пока голландцы не пригрозили отрезать ему язык… Сплетаясь воедино, они превращались в связные мысли – словно хаотичная звездная россыпь, наконец-то приобретающая очертания созвездий. Медленно, по крупицам воспоминания Кая о Микиной сердечности и доброте легчайшей шелковой нитью сшивали обрывки прошлого с настоящим.

К тому моменту, когда солнце окрасило розовым просыпающийся мир, он вспомнил, что зовут его не Полукровный, а Кай. Вспомнил, кем был раньше, как жил. Как оказался у голландцев. И как превратился в нелюдя… жуткое существо, в чью клетку швырнули Оиси – словно кусок мяса зверю.

А ведь самурай оказался куда лучшим бойцом, чем ожидал Кай. По крайней мере, когда на кону стояла жизнь. Но другие… убитые… Полукровка посмотрел на скачущего впереди всадника. Теперь, при свете зарождающегося дня, его можно было разглядеть как следует. Да, это несомненно Оиси. Но до чего не похожий на себя! Если бы даже он, Кай, был полностью в своем уме, когда впервые его увидел, все равно не узнал бы – пока *каро* в последней отчаянной попытке спастись от смерти не выкрикнул бы имя Мики.

Впрочем, именно изменившаяся внешность, скорее всего, и сохранила самураю жизнь. К тому моменту, когда Кай наконец прикончил демона, *они*, сил у него уже почти не осталось. А тут ему подбросили нового врага. Он так устал убивать… Но если бы сразу распознал Оиси – того самого человека, который без боя сдал сёгуну с Кирой замок Ако, – у трусливого предателя не было бы ни малейшего шанса.

Но как Оиси здесь оказался? Совершенно очевидно, что он явился устроить побег. А значит, на Голландский остров его прислал не Кира. Все выглядит так, словно самый важный вассал господина Асано рисковал жизнью с единственной целью – спасти его, Кая. Но этого не может быть – учитывая их прошлые

отношения.

В глаза Каю ударил солнечный блик. Он удивленно огляделся. От основной дороги убегала в сторону тропинка, пересекаемая широким ручьем. Струящийся с каменистого обрыва водопад, в котором радостно плескалось солнечное отражение, образовывал небольшой бассейн.

– Стой! – окликнул Кай Оиси и натянул поводья. Собственный голос, произносящий японские слова, показался ему чужим.

Едущий впереди самурай осадил коня и обернулся.

– В чем дело? – отрывисто поинтересовался он. Лицо выглядело одновременно недовольным и встревоженным. – Что такое?

– Вода, – словно завороженный, пробормотал Кай, уже спускаясь по отмели к речушке.

От него нещадно разит смертью, все тело покрыто запекшейся кровью… Как же хочется смыть с себя свидетельства оставшегося позади кошмара! Пока он этого не сделает – не сможет пробудиться к жизни.

Кай осторожно ступил в бассейн у основания скалы. Ноги обожгло холодом, но это его не остановило. Он встал прямо в водопад, подставляя чистым ледяным струям лицо, волосы, не обращая внимания на тут же промокшие обноски, яростно растирая кожу…

Стоящий на склоне холма Оиси что-то кричал, звал – словно не хотел ждать, пока Кай смоет с себя хотя бы внешние следы того мучительного, неживого существования, из которого вытащил его самурай. Разобрать слова было невозможно, и потому Кай погрузился в себя. Вдохнуть… сосредоточиться… вспомнить… Выдохнуть… очиститься… позабыть…

Даже представлять не хочется, что подумала бы Мика, если бы увидела его сейчас. Нельзя ехать на ее поиски, пока не будут уничтожены все непристойные напоминания о том, во что пришлось превратиться Каю, чтобы выжить… вся эта грязь… мерзость… скверна… Уцелела ли его сущность, его человеческая душа? Или прогнила безнадежно? Что ж, он отыщет Мику в любом случае. Отыщет, спасет и отомстит Кире! Иначе будущее лишится всякого смысла. Впрочем, был ли он когда-нибудь, этот смысл, в его будущем?..

Сложив ладони в молитве, он долго-долго – время потеряло для него значение – стоял под очистительным водопадом. Так долго, что окоченевшее тело напомнило о себе крупной дрожью и заставило Кая отринуть мысли о вечном. Он почувствовал, что промерз до костей. Притупилась даже боль незаживших ран,

уступив место неприятной ломоте от переохлаждения.

Пока его мозг окончательно не отключился, Кай торопливо выбрался из природного бассейна и, спотыкаясь, побрел назад по берегу ручья. И хотя он все еще дрожал на ветру, воздух показался ему гораздо теплее воды. Удивительно, как высоко поднялось солнце! Вдоль берега речушки росли кусты и деревья, и на них, оказывается, уже появились нежно-зеленые листочки, даже есть цветы. Значит, сейчас весна. Здесь, неподалеку от Нагасаки, – самый юг Японии, но не за горами пробуждение природы и в более северных землях. В Ако…

Мокрые отрепья, которые голландцы сунули ему вместо штанов, неприятно липли к телу. При каждом шаге лоскуты ткани и тесемки трепыхались от бриза и шлепали Кая по ногам – словно отвратительный гриб. И что теперь делать? Раздеваться донага? Да еще этот Оиси… Если у него на лице сейчас появится хоть малейшая тень обычного высокомерного презрения – Кай за себя не отвечает. Убьет на месте. Он зябко потер руки. Хорошо бы Оиси додумался развести огонь и приготовить какой-нибудь еды…

Самурай валялся на траве рядом с лошадьми и крепко спал. Кай едва удержался от пинка. И принялся внимательно разглядывать лежащего. Тот стал совсем другим… Отчего?

Вместо собранной на затылке и вертикально поднятой самурайской косички, кончик которой крепился к голому черепу при помощи мятного масла, голову *каро* теперь украшала беспорядочно спутанная грива, небрежно откинутая со лба назад. Некогда тщательно выбритая макушка, похоже, за все время отсутствия Кая ни разу даже не подстригалась. Не стало и красивой одежды из парчи и тяжелого шелка – ее сменило простое кимоно и свободные штаны *хакама*, изготовленные то ли из хлопка, то ли даже из пеньки и давно утратившие первоначальный цвет. И нигде ни единого фамильного *мона*. Вот оно что… Оиси стал ронином!

Но ронин ронину рознь. Кай никак не ожидал, что Оиси предаст собственную честь и достоинство, а с ними – и замок своего господина. Уж кто-кто, а главный вассал семьи Асано совсем не походил на мужчину малодушного. Что бы ни думал о нем полукровка, но Оиси всегда был человеком со стержнем. Неужели роковые события совсем сломили его дух? Или причина в чем-то ином?..

Каро похудел – и сильно. Кожа его в тех местах, что не успели обветриться за время путешествия в Нагасаки, поражала бледностью – как будто он долго болел. Под глазами залегли глубокие синеватые тени. Да еще спит… такой уязвимый… Даже

не шевельнулся, когда Кай подошел… Похоже, минувшая ночь забрала у самурая последние силы, и он рухнул прямо там, где стоял.

Вот теперь Кай по-настоящему поразился – как же Оиси удалось выжить там, на арене? На одежде *каро* кое-где темнели кровавые пятна, но серьезных ран, кажется, нет. Наверняка в нем осталась часть силы – отголосок того человека, которого помнит Кай; некая внутренняя страсть, пылающая настолько ярко, что полукровке не удалось победить его сразу, несмотря на плачевное физическое состояние противника.

Кай нагнулся и потряс Оиси за плечо: жив ли? Или без сознания? Вода с мокрых волос и одежды полукровки закапала на спящего. Тот распахнул глаза, резко вскочил и схватился за меч. Но тут же пошатнулся – словно одурманенный сном мозг не поспевал за молниеносной реакцией.

Кай молча смотрел на самурая – лицо ничего не выражает, руки свободно висят вдоль тела. Оиси нахмурился, отер воду со лба и щеки с таким видом, точно это был чей-то плевок. Он явно пытался определить, кто перед ним сейчас – безумный убийца или человек, возвративший себе крупицы и без того скудного, по его мнению, разума.

Катана и нож, которые во время побега Кай не выпускал из рук, валялись в траве, куда полукровка бросил их перед купанием. Он не сделал ни малейшей попытки приблизиться к оружию, совсем не двигался. Просто ждал.

Наконец настороженность исчезла из глаз Оиси, спина расслабилась, и он отвернулся. Что-то для себя решил. Самурай подошел к седельным вьюкам ближайшей лошади и вынул оттуда узел с чистой одеждой. Протянул Каю:

– Надень.

Не просьба. Не предложение. Приказ. Как будто ничего не изменилось – во всяком случае, между ними.

Кай сложил руки на груди и дерзко посмотрел в глаза Оиси, не скрывая своей неприязни и не желая подчиняться.

– Зачем ты за мной приехал? Ты же ненавидишь меня еще с тех пор, как мы были детьми.

Оиси отшвырнул тряпичный узел, и тот приземлился у ног Кая. При напоминании об их первой встрече во взгляде *каро* мелькнуло нечто… Гнев. Полукровка говорит так, будто у них было общее детство, будто они росли вместе, как равные. Неслыханно! Но на лице самурая возмущение никак не отразилось. Привычная спокойная надменность.

– Я тебе говорил. Госпожа Асано должна выйти замуж на *Сюнсэцу Корэнсай*.

– День весеннего равноденствия?..

Нет, ничего подобного Оиси ему не говорил! А может, именно об этом он кричал, пока стоящий под ревущими струями водопада Кай на время будто оглох?

– А тебе-то что за дело? – горько произнес тот, кого все считали демоном. Замуж… так скоро… – Когда ее отдали Кире, ты стоял на коленях.

Оиси словно пощечину получил; глаза его потемнели от ярости.

– Нас бы всех убили! И тебя в том числе. Что толку ей от тебя мертвого?

Кай скривился:

– А тебе-то от меня что толку?

Оиси не удостоил этот вопрос ответом – просто молча смотрел. Точно по-прежнему не сомневался – Кай обязан подчиняться его приказам без всяких объяснений. Точно, несмотря на свой жалкий вид, считал, что текущую в его жилах самурайскую кровь способны почувствовать все – так же, как чувствуют смешанную кровь стоящего перед ним изгоя, – и потому он, Оиси Ёсио, вправе ожидать беспрекословного повиновения.

– Либо следуй за мной, либо возвращайся туда, где был.

Он двинулся к лошади, сдернул поводья с куста и уже почти забрался в седло, но тут Кай рванулся, схватил его за руку и, грубо стащив вниз, развернул к себе.

– Не смей показывать мне спину, ронин!

В горло полукровки уткнулся меч Оиси, еще миг назад находившийся в ножнах. Кай даже не вздрогнул. Взглянул на лезвие. Затем на бывшего *каро*. Ледяной, безжалостный взгляд. Взгляд Смерти. Но мало-помалу лед растаял, и на лице Кая появилось упрямство. Простое упрямство человека, которому не по душе то, что с ним не желают считаться.

– Следовать за тобой – куда?

Самурай долго буравил строптивца злыми глазами. Молча. Похоже, ему проще придушить этого демона, ради спасения которого он всего несколько часов назад рисковал собственной жизнью, – чем опуститься до объяснений. Неужели Оиси так никогда и не признает в нем, Кае, человека?! Даже после того, что они сегодня вместе пережили? И после того, через что сам бывший *каро*, очевидно, прошел за минувший год?.. Неужели он и правда думает – раз ему удалось вырвать полукровку из лап голландцев, тот теперь безраздельно принадлежит Оиси?

Кай ждал. Тоже молча. Уступать он не собирается. Пусть Оиси признает в нем равного себе, на меньшее он не согласен!

Признает – или убьет. После Дэдзимы смерть ничего не значит. А вот право считаться человеком… Разве есть что-нибудь важнее?

Первым не выдержал Оиси. Он отвел взгляд и вложил *катану* в ножны, словно соглашаясь – прошедший год изменил все. Их прежние отношения умерли – по милости Киры. Вероломство и беспощадная фантазия любимца Токугавы лишили этих двоих всего, чем они дорожили. Души их надломлены. Оба изменились необратимо… Стали потерянными… незнакомцами даже для себя самих …

Прежде чем заговорить, Оиси мучительно сглотнул – будто по-настоящему проглотил собственную гордость.

– В подчинении у Киры – около тысячи человек. А еще его охраняет ведьма.

Кай одеревенел – последнее слово всколыхнуло болезненные воспоминания.

– А ведь я говорил тебе об этом. Только ты меня прогнал…

– Я был не прав, – едва слышно выдавил из себя Оиси, по-прежнему глядя в землю. – Я ошибся и подвел своего господина.

Он поднял голову, и Кай впервые увидел в глазах другого человека чувства, о которых знал не понаслышке, те же чувства, что испытывал сам, – стыд и раскаяние.

Вот теперь, кажется, понятно, почему Оиси не желал ничего говорить, не мог заставить себя откровенничать. Какое непостижимое, глубокое унижение, горе и чувство потери, должно быть, испытывает ронин…

– Не знаю, кто ты или что, – продолжил Оиси, – только мне нужна твоя помощь.

Не извинение, нет – правда. Очевидная, ясная… прозрачная, словно воды струящегося позади них ручья.

На этот раз с ответом помедлил Кай. Почему в голосе *каро* столько безысходности и отчаяния? Где же он был все это время, пока полукровке приходилось сражаться за выживание на Голландском острове? Какие испытания оставили на преждевременно состарившемся лице ближайшего друга господина Асано эти морщины? Отчего в воспаленных глазах поселилось загнанное выражение? Оиси выглядит так, словно провел в презренных ронинах полжизни. А ведь прошло меньше года…

Нахмурившись, Кай отвел взгляд в сторону. Что бы ни случилось с *каро*, ум его наверняка повредился. Неужели он и вправду верит – *Энма* его побери! – что они вдвоем смогут отомстить за смерть своего господина и спасти Мику?

У Киры армия в тысячу воинов. Оиси решил, что Кай способен уложить их всех в одиночку? Старинное поверье гласит:

мужчина, убивший тысячу человек, становится демоном… если, конечно, не был демоном до того. Ронин, видимо, считает, что после года на Дэдзиме жизнь других для Кая ничего не значит? Или что он, Кай, способен победить любовницу Киры, *кицунэ*, на ее собственной – колдовской – территории?

Вассалы князя Асано разбрелись по стране. Даже если удастся кого-нибудь из них найти, людей все равно не хватит. Это – самоубийство. Или Оиси уже все равно? Возможно, он в конце концов решил – уж лучше самураю погибнуть собачьей смертью, сражаясь в заведомо неравной битве, чем умереть от позора и стыда?

Но Кай самураем не является. Да, Киру он ненавидит – и за свои мытарства, и за смерть господина Асано… Но настолько ли сильна его ненависть, чтобы отдать жизнь во имя мести? Он теперь свободен – и благодарен за это. Но Оиси спас его лишь в собственных целях, а потому бывшему *каро* полукровка ничего не должен. Так что же его удерживает?..

Мика. Мика… Ее имя, ее улыбка, ее глаза… Она до сих пор ходит под одним небом с ним, дышит тем же воздухом… Единственное, что смогло вернуть ему разум, – это мысль о Мике. Он любит ее. Всегда любил – так сильно, что охотно пойдет ради нее на все… не сможет лишь сломать ей жизнь.

Не помочь Оиси? Но как тогда жить дальше? Ведь человек, разрушивший их мир, не только избежит наказания, не только станет правителем Ако… Он еще будет контролировать каждый вдох Мики…

Пусть Каю не судьба делить со своей возлюбленной одну постель, быть ей мужем или любовником. Но разве сможет он вынести мысль о том, что она до сих пор дышит одним с ним воздухом – и вынуждена делить ложе с негодяем, убившим ее отца?

Видимо, единственная возможность показать Мике, как много она для него значит, как он безумно хочет посвятить ей всю свою жизнь, – эту самую жизнь за нее отдать.

Кай наконец повернулся к Оиси. Внимательно оглядел, словно проверяя решимость самурая.

– Если ты еще хоть раз опустишься перед Кирой на колени, я отрублю тебе голову. – И Кай нагнулся, чтобы подобрать валяющийся у его ног узел с чистой одеждой.

Выпрямившись, он успел увидеть потрясенное лицо бывшего *каро*, услышавшего из уст полукровки самурайскую угрозу. Но неверие очень скоро сменилось облегчением – Оиси понял, что означают эти слова. Кай только что согласился примкнуть к его кровной мести. Слава богам! Полукровка направился

переодеваться, а Оиси неожиданно крикнул ему в спину:

– Где ты научился так сражаться?

Кай усмехнулся. В голосе его послышалась ирония:

– У демонов.

Глава 13

Оиси велел Тикаре ждать его на горе Будды, куда они с Каем добрались на закате пятого дня пути.

Всю дорогу самурай молчал, да и Кай многословностью не отличался, только время от времени задавал отрывистые, краткие вопросы: «Ты где был? Куда мы едем? Кто там будет? А потом что?..»

Оиси отвечал, как умел. Чем дольше он ехал с Каем, тем легче было объясняться. Случайным попутчикам пришлось бы поддерживать вежливую беседу, но Кай к этому не стремился, хотя они ехали одной дорогой, к одной и той же цели… к одной и той же судьбе. «Скитальцы – не всегда те, кто сбился с пути», – подумал самурай.

Он задал Каю только один вопрос. За несколько часов, проведенных на острове Дэдзима, Оиси повидал и понял многое. Однако полукровка скакал, бормоча себе что-то под нос, глядя куда-то вперед или на дорогу. Наконец самурай не выдержал и спросил у своего спутника, что он делает.

Кай ошеломленно взглянул на него, будто забыв, что едет не один.

– Молюсь, – пробормотал он и небрежно отвернулся.

Оиси решил, что один из них сошел с ума… вот только непонятно, кто именно.

Полукровка, похоже, никогда прежде не ездил верхом, однако управлял конем с той же легкостью, с которой усмирял собак на псарне замка Асано, будто общался с животными на особом языке, недоступном простым смертным. Впрочем, в отличие от простых смертных, он и демонов видел…

Теперь Оиси и вовсе не понимал, что собой представляет полукровка. Кай, верхом на коне, выглядел как обычный самурай, лишившийся господина: одет в кимоно и широкие штаны-*хакама*, длинные волосы собраны в узел, за поясом меч. «Еще один ронин», – подумал Оиси, возвращаясь к действительности.

В темноте, окутавшей гору Будды, вспыхнули огни факелов и походных костров. Прежде Оиси беспокоился, как ронины воспримут появление полукровки, но мысль о встрече с давними друзьями вернула самураю уверенность в себе.

Путники приблизились к кострам. У древнего полуразрушенного храма, давшего имя горе, Оиси насчитал силуэты двадцати самураев. Кто призывно воскликнул, кто помахал рукой, но все удивленно и недоверчиво смотрели на прибывших – никто не ожидал, что Оиси придет не один.

Самурай спешился. Товарищи бросились к нему, окружили, выкликая приветствия, открыто радуясь его возвращению. Такой радушный прием вызвал улыбку Оиси – пожалуй, первую за целый год, – и он с готовностью ответил на теплую встречу: с этим перекинулся шутливым словом, того приобнял. При виде Тикары он заулыбался еще шире и поблагодарил сына за успешное и быстрое выполнение непростого задания.

Один из воинов поинтересовался, что за незнакомец пришел с Оиси, и самурай запоздало сообразил, что полукровка остался стоять в стороне. Оиси представил его собравшимся. Все ошеломленно уставились на Кая. Их удивление сменилось недоверием, а затем и презрением, как только воины поняли, что спутник Оиси – не самурай, а всего лишь полукровка, притворяющийся человеком.

Кай в упор глядел на самураев. В глубине его темных глаз теснились воспоминания: эти самые люди когда-то жестоко избили его. Он крепко сжимал уздечки двух лошадей, будто готовясь сбежать при малейшей угрозе.

Тикара с легкой усмешкой шагнул вперед, протянул руку к поводьям отцовской лошади и коротко поклонился своему бывшему *сэнсэю*. Приветственная улыбка на лице юноши располагала к себе, словно отрицая подозрительность и недоверие на лицах воинов, окруживших Оиси.

«Странно, мой сын – единственный из всех – приветствует полукровку с тем же радушием, какое выказали мне соратники», – подумал Оиси и почувствовал себя зрителем, который следит за представлением, не понимая, что происходит на сцене.

Он вздохнул и оглядел ронинов. Кай с Тикарой отвели лошадей в сторону, а остальные воины столпились вокруг Оиси.

Оиси внимательно выслушал сообщение сына, рассказы воинов и сведения, доставленные ронином, которого разыскал Тикара – тем самым самураем, что хотел присоединиться к ним.

Разговор затянулся до глубокой ночи. Оиси приказал воинам укладываться спать и, вконец обессиленный, готов был заснуть, где сидел, – на походном табурете у огня. Тикара заставил отца улечься, прикрыл своим плащом от холода.

Оиси смежил веки. Мелькнула мысль, что Кая он больше не видел. Может быть, полукровка устроился где-то в темноте, слушая разговоры у костра… наверняка решил, что лучше спать с лошадьми, чем с самураями, потерявшими все, кроме веры в свое превосходство… интересно, останется ли он здесь до утра…

Утро наступило слишком быстро. Слепящие лучи солнца пронзали веки Оиси – словно настойчивая мать будила ленивого

сына. Ронин наконец сообразил, где он, и, сбросив остатки дремы, проснулся окончательно.

Воины развели притушенные на ночь костры и занялись приготовлением чая и завтрака. Всем хотелось поскорее узнать, как добытые сведения сложатся в стройный план действий, который обещал им Оиси. В сердцах вспыхнула надежда: возможно, не придется всю оставшуюся жизнь заниматься тяжелым физическим трудом, понапрасну растрачивая свои способности и умения… Впрочем, закон запрещал самураям подобные занятия, так что воинам суждено было влачить жалкое существование, не находя себе иного применения.

Перед ронинами открывался впечатляющий вид – прошлой ночью Оиси не заметил величия пейзажа. Местность недаром прозвали горой Будды. Некогда здесь высился огромный вулкан, извергавший лаву с такой силой, что раскаленные брызги наверняка долетали до лица самой Аматерасу. Природа веками залечивала уродливые раны: на месте грозного жерла остался громадный кратер с отвесными стенами, покрытыми толстым слоем плодородной вулканической почвы, где теперь пробивалась нежно-зеленая весенняя поросль.

Крутые склоны вели к изломанным краям котловины. Там, на самой вершине, виднелись руины древнего, давно заброшенного буддийского храма. Лучи утреннего солнца освещали остатки золоченой черепицы на крыше. Самураи повернулись к храму и склонили головы в безмолвной молитве.

Когда-то давно, еще совсем мальчишкой, Оиси побывал здесь вместе с отцом: они сопровождали молодого князя Асано, который отправился в паломничество по святым местам после смерти жены. Оиси тогда очень удивился, увидев руины древней обители. Горная порода растрескалась от частых землетрясений, и очередной обвал унес с собой половину храмовых построек.

В то время Оиси не понимал, почему господин Асано выбрал это заброшенное, гиблое место для молитв и утешения. Юный самурай, убежденный бесстрашием господина и безоговорочной преданностью отца, решительно последовал за старшими спутниками к руинам. Там, где Будда Амида некогда милостиво взирал на паломников, что приходили к нему в поисках успокоения, виднелись только обломки древесных стволов, вздымающиеся в пустоту.

Однако в развалинах древнего храма оказалось, что зияющий проем на месте разрушенной статуи открывает вид на зеленые холмы и синее небо, залитое солнечным светом, – прекрасный, счастливый новый мир, возникающий из руин прошлого.

Юному Оиси приоткрылся вид за пределами бренного

существования: место, где душа отдыхает между земными жизнями в круговороте перевоплощения, раз за разом, до тех пор, пока не достигнет наконец просветления и не обретет вечного умиротворения в возвышенной одухотворенности. Только тогда юный самурай в полной мере уяснил слова сопровождавшего их монаха-*бонзы*: смысл жизни заключается не в поиске счастья, а в обретении мудрости…

Из-под обветшавшей арки у входа в храм выступил человек с сандалиями в руках. Он присел на каменные ступени, обулся и направился по склону вниз к лагерю самураев. «Это ронин, который укрылся в храме от ночного холода?.. Нет, – сообразил Оиси, вздрогнув от неожиданности. – Это Кай».

Полукровка шел к поляне, склонив голову, будто не замечая воинов.

Может быть, он просто решил провести ночь в храме? Или удалился в руины для молитвы, для того, чтобы очиститься духом после всех испытаний, выпавших на его долю со дня турнира в честь сёгуна, почти год назад? Неужели полукровка и в самом деле молился на пути к горе Будды? Понимал ли он, что значит молитва? Догадывался ли, что такое «святыня»? Оиси тряхнул головой, припоминая, что однажды сказал ему Басё о Кае, но воспоминание ускользало.

Самурай повернулся к товарищам, по-прежнему склонившим головы в безмолвной молитве. Он не хотел привлекать их внимания к Каю, понимая, что необъяснимое поведение полукровки может разгневать воинов, если они решат, что тот нарочно осквернил святыню.

– Прошу прощения, – наконец сказал Оиси.

Воины подняли головы и с недоуменным любопытством взглянули на самурая.

Горстка ронинов… самураи без господина… верные вассалы замерли в почтительном молчании.

– Я вам ничего прежде не рассказывал, потому что за нами следили враги и мне необходимо было удостовериться, что среди нас нет предателя. Однако пришла пора открыться. Соглядатаи Киры решили, что мы стали нищими, бродягами и больше не представляем угрозы.

Воины переглянулись. Любопытство сменилось удивлением и раздражением, однако смысла сказанного они все еще не понимали.

– То, что я вам предлагаю, завершится смертью, – признался Оиси. – Даже если мы добьемся успеха, нас повесят, как преступников, нарушивших приказ сёгуна.

Сёгун безоговорочно запретил им мстить Кире, а значит, не

оставалось надежды защитить свою честь, совершив ритуальное самоубийство-*сэппуку*.

Оиси подробно изложил все обдуманное во время путешествия на остров Дэдзима, стараясь как можно полнее объяснить соратникам план предстоящих действий.

Самурай не знал, верил ли сёгун в невиновность Киры, но в глубине души подозревал, что верховный владыка сам пожелал захватить Ако и передать владения Кире, своему любимому советнику. Следуя примеру своих предшественников, сёгун и прежде отбирал владения непокорных *даймё* – таких, как князь Асано, – за малейшую, а часто и за мнимую провинность.

Однако же, по законам сёгуната, за совершенное преступление отвечали все его участники: смерть ждала всех, независимо от того, кто замыслил и совершил злодейство. Редко кто удостаивался помилования, особенно в тех случаях, когда сам сёгун находился поблизости – ведь в таком случае считалось, что преступники покушались на жизнь правителя.

Поэтому помилование Киры и последовавший за этим запрет на месть были весьма необычны. Более того, они нарушали неписаный самурайский кодекс, хотя сёгун являлся верховным господином самураев и все *даймё* приносили ему присягу в верности…

Все, но не Кира… Бывшие вассалы Асано по праву стремились принести упокоение душе своего господина. Сейчас уже не имело значения, что именно заставило «собачьего сёгуна» отнять у них это право – слепая уверенность в своих силах, коварные интриги Киры или колдовство.

Ронинам позволены любые действия, потому что терять им нечего. Они могут даже преступить закон, но это не означает, что их минует наказание. Подобная свобода ужасна, и немногие готовы воспользоваться ею.

Последователи Оиси с самого начала должны были осознать, что их ждет самоубийство без чести. Это не просто соблюдение *гири* – последнего выражения верности своему господину. Подобное обязательство не стоит брать на себя тем, кто ощущает хоть какое-то противоречие между *гири* и *ниндзё* – между чувством долга и личным сопереживанием. От соратников Оиси требовалась исключительная преданность своему погибшему господину и личная вера в необходимость свершения высшей справедливости.

Возможно, ронины умрут, пытаясь отомстить за своего господина. Тот, кому удастся уцелеть, возложит на могилу князя голову Киры, высвобождая мятущийся дух Асано от уз бренного мира, и сам последует за ним, наложив на себя руки. А если

заговорщики выживут, то их выследят и бесславно казнят, как мерзких убийц. Так или иначе, ронины нарушат законы *бакуфу*, и на их трупы станут плевать не только товарищи, но и слуги, и самые презренные бродяги, отщепенцы и изгои.

Однако если верные вассалы добьются отмщения, то всемогущим богам будет известно, что ронины с честью выполнили свой долг и исправили содеянное зло. Законы творятся людьми, а люди совершают ошибки. Отмщение вернет в мир порядок, нарушенный людскими неправедными деяниями; более того, отмщение свершится ради спасения души князя Асано. Потомки запомнят праведные намерения ронинов, и их имена не запятнают позором.

Оиси вздохнул и произнес:

– Клянусь вам, что не буду знать ни сна, ни отдыха до тех пор, пока справедливость не восторжествует, пока наш господин не найдет истинного упокоения. И буду взывать к небесам только ради того, чтобы испросить прощения богов за убийство Киры, презренного труса, место которому в аду.

Самураи ошеломленно молчали. В глазах у многих стояли слезы, лица преисполнились скорби, и это до глубины души взволновало Оиси. Чей-то выкрик нарушил тишину, затем еще один, и еще… Вскоре все ронины с криком вскидывали руки, бросая вызов року. В их взглядах светилось мужество – эти воины готовы были сражаться до последнего и достойно встретить смерть. Самураи знали, что их дерзкие притязания обречены на провал, но тот, кто не дерзает, вообще не живет.

В ожидании завтрака Кай сидел у костра, прикрыв глаза, и слушал речь Оиси. Неподалеку Тикара рассеянно помешивал рис в котелке над огнем, восторженно внимая словам отца.

Ликующие выкрики заставили полукровку открыть глаза. Случалось, самураи с гордостью утверждали, что Путь воина – это путь смерти. Те, кто утверждают это сейчас, никогда не сражались на поле боя и вряд ли готовы защищать что-либо ценой своей жизни.

Однако есть нечто такое, ради чего стоит отдать жизнь – вечные моральные ценности, достойный господин, истинная правда, – и в те времена, когда истинным призванием самурая была битва, Кай присоединился бы к воинам, неважно, где или кем он был рожден. Когда хаос царствует над порядком, умение сражаться за веру ценится больше, чем бессмысленные воспоминания о полузабытом детстве.

Полукровка внезапно понял, что ликующие ронины, благодарные Оиси за то, что он вернул смысл их существованию,

и не подозревают, как близки они по духу к самому Каю.

Он со вздохом вытащил кинжал, собрал в кулак длинные волосы на макушке, примерился… и замер. Потом вложил кинжал в ножны и, как подобает истинному ронину, связал пряди небрежным узлом – его личное нарушение закона, установленного теми, с кем он скоро встретит смерть.

Тикара с улыбкой прислушался к одобрительным выкрикам ронинов. Стоя перед храмом милостивого Будды, осененные лучами своей прародительницы – Солнца, воины объявляли о поддержке Оиси, клялись восстановить справедливость, присягали на верность своему господину. Юный самурай посмотрел на Кая, который закончил укладывать волосы в традиционный узел. Во взгляде юноши читались понимание и одобрение.

Ронины обступили Оиси. Самурай велел Хорибэ развернуть карту, указывающую расположение усадьбы Киры. Воины недоуменно зашептались.

– Как вам удалось заполучить план усадьбы? – удивленно воскликнул Хадзама.

– Наш юный Хорибэ соблазнил дочь архитектора, – с усмешкой пояснил Оиси, кивнув в сторону престарелого самурая.

Тот скромно пожал плечами: воины годились ему в сыновья. Ронины разглядывали старика с таким восхищенным почтением, что Оиси невольно расхохотался. Засмеялись и остальные, недоверчиво качая головами и хлопая Хорибэ по спине. К самураям вернулось утраченное ощущение дружбы и теплых товарищеских отношений, да и сам Оиси скучал по открытому общению с соратниками, словно по ласковому теплу солнечных лучей.

Он склонился над картой, сожалея, что миг веселья оказался краток. Однако цель без плана – пустая мечта.

– К сожалению, в усадьбу можно попасть только двумя путями: через главные ворота и по скалам за западной стеной. Оба подхода хорошо охраняются. Лучше всего напасть на Киру, когда он покинет усадьбу, – объяснил Оиси и снова поглядел на Хорибэ.

Старый самурай указал точку на карте и заметил:

– За день до свадьбы Кира посетит святилище, чтобы воздать почести предкам. Пока неизвестно, каким путем он поедет и сколько охранников будут его сопровождать.

На прекрасном лице Исогаи явственно отразилась обида: Хорибэ снискал славу в глазах присутствующих, и юноша почувствовал себя обойденным.

– Исогаи, поедешь к святилищу, посмотришь, что там и как, – велел ему Оиси. – В местах паломничества всегда есть притоны и публичные дома. Их с удовольствием посещают чиновники, которых легко разговорить.

Ронины захохотали, и юноша залился краской стыда, но, ощутив беззлобность дружелюбной насмешки, застенчиво улыбнулся в ответ. Он уверенно кивнул Оиси и встал. Остальные снова склонились над картой, изучая гористую местность.

Кай прислонился к валуну у костра и потянулся, разминая суставы, занемевшие от долгой верховой езды. Привычно ныли раны, полученные на острове Дэдзима. Похоже, вряд ли он когда-нибудь полностью освободится от боли: от увечий, нанесенных телу и рассудку, нелегко избавиться, хотя и говорят, что время все исцеляет.

Тикара разложил рис по плошкам и задержал взгляд на запястьях полукровки, покрытых воспаленными шрамами от кандалов. Эти отметки – память о времени, проведенном на острове Дэдзима, – останутся с Каем до конца жизни, даже если ему удастся забыть о тяжелых оковах, сделавших бесполезными любые попытки побега.

В глазах Тикары отразилось болезненное сочувствие и заплясали вопросы, которые юноша боялся задать, зная, что его отец прошел через те же испытания.

Кай решил, что юному самураю ни к чему тяжкое бремя жестоких воспоминаний – Оиси и без того многого требовал от сына. Полукровка с неловкой улыбкой потянулся за миской риса. Тикара передал ему теплую плошку, облегченно улыбнулся в ответ и продолжил раздавать еду.

Кай встал, на ходу пальцами поддевая рис из миски и запихивая его в рот. Полукровка решительно направился к месту, где ронины столпились вокруг карты. Короткое расстояние казалось необычайно длинным.

Хадзама со все возрастающим сомнением разглядывал карту, затем посмотрел на Оиси.

– Даже если разузнать, каким путем проследует Кара, для засады потребуются воины.

– Ничего, сил у нас хватит, – успокоил его Оиси. – Вам с Тюдзаэмоном и Окудой придется разыскать бывших самураев клана и привести их вот сюда… – Он ткнул в место на карте. – Там Хорибэ снял для нас крестьянскую хижину.

– А крестьянскую дочку он тоже соблазнил? – ухмыльнулся Басё.

Вокруг раздались смешки.

– Простите, – нерешительно обратился к Оиси Хадзама, – но мы – ронины. Кто продаст нам оружие? – Законы сёгуната запрещали приобретение оружия без особого разрешения или веской причины. – Я готов пожертвовать жизнью, но без надежных мечей успеха нам не добиться.

Оиси помолчал, взглянул на Хадзаму с какой-то затаенной болью и, вытянув из ножен меч, протянул его соратнику.

– Вот, бери, – сказал самурай. – К следующей встрече я раздобуду еще.

Хадзама недоверчиво посмотрел на него, словно Оиси предложил ему свою душу… впрочем, по самурайскому кодексу чести, именно это он и сделал. Хадзама принял меч из рук Оиси, поклонился и благоговейно осмотрел *катану*. Недоверие сменилось смиренным восхищением, и самурай отвесил еще один глубокий поклон.

На рукояти меча Кай заметил *мон* клана Оиси, и сообразил, что самурай вручил Хадзаме не простое оружие, а последнюю памятку о семье. Семейный герб свидетельствовал о бывшем положении и родственных связях самурая. «Он с корнем вырвал свою душу и вручил ее Хадзаме. Неудивительно, что в его глазах мелькнула боль», – подумал полукровка.

Кай проникся внезапным уважением к мудрому решению Оиси и оценил всю степень самоотверженности и решимости самурая. Полукровка подошел к Оиси и, не выпуская из рук плошки с рисом, посмотрел на Хадзаму, затем оглядел стоящих вокруг ронинов.

Ясуно гневно взглянул на Кая, будто присутствие полукровки оскорбило чувства самурая. Кай сгреб горсть риса и невозмутимо отправил его в рот.

– Остальные отправятся в Уэцу, – продолжил Оиси, не обращая внимания ни на Кая, ни на то, что ронины возмущенно уставились на полукровку. – Там живут лучшие оружейники страны…

– А что здесь делает полукровка? – негодующе воскликнул Ясуно и потянулся к *катане*. Даже через год после того, как юноша перестал быть вассалом *даймё*, он с трудом сдерживал свои чувства. В воздухе повисла ощутимая напряженность, словно ждущая взмаха клинка.

Кай по-прежнему жевал рис, не отводя глаз от Ясуно.

Оиси посмотрел на полукровку и вспомнил наставление из «Книги пяти колец», написанной Мусаси: «Не позволяй противнику проникнуть в твое состояние». Он настороженно замер, припоминая выражение лица Кая во время их ссоры после побега с Дэдзимы, и внезапно понял, что его кажущаяся

невозмутимость скрывает угрозу.

Желая спасти Ясуно от неминуемой гибели, Оиси с упреком поглядел на ронина и объяснил:

– Я пригласил его присоединиться к нам.

– Мы не можем его принять, – возмутился Ясуно. – Он не самурай…

– Мы и сами больше не самураи! – отчаянно воскликнул Оиси, вынужденно признавая горькую правду своих слов.

Ясуно оскалился, будто бешеный пес, но отвращение, горящее во взгляде Оиси, заставило юношу умолкнуть. Он выпустил клинок из рук. Его соратники смущенно потупились.

Кай с непроницаемым лицом посмотрел на Оиси, пытаясь разобраться в своих смятенных чувствах, потом отвел глаза и все так же невозмутимо продолжил жевать рис.

Глава 14

Мика опустилась на колени у низенького столика, разглядывая принесенный ужин, вполне достойный дочери высокопоставленного *даймё*. Изящную лакированную миску с рисом – сердце любой трапезы – окружали небольшие плошки с маринованными овощами, блюдечки с приправой *васаби*, соевым соусом и прочими местными яствами, названия которых ее не интересовали. На блюдах искусно разложили тонко нарезанные ломтики жареной оленины и *сасими* из свежей рыбы, выловленной в горных ручьях. На отдельном столике красовался керамический чайник в стиле *раку* и чаша, заботливо наполненная горячим чаем.

Мика сложила руки на коленях и разглядывала соблазнительное угощение, изо всех сил стараясь не прикоснуться к нему. Рот ее наполнился слюной, но желудок сжимало при одной мысли о том, что придется разделить трапезу с посторонним.

Нет, не с Кирой. Он не появлялся целый день, наверняка занятый делами куда более важными, чем очередной безмолвный ужин с Микой, проведенный с напускным радушием… возможно, Кира отдавал последние распоряжения, готовясь к их свадьбе. Девушка опустила голову, разглядывая свои руки. Еще недавно казалось, что ее мутит от одного вида Киры. Впрочем, ей надо набирать силы, а значит – без пищи не обойтись, и тогда, может быть, однажды ей повезет и…

Однако вряд ли ей повезет, пока ее держат здесь, в горной глуши. А ведь эти горы ей так хорошо знакомы! Мика дала себе слово, что обязательно увидит Ако еще раз, и не просто увидит, а вернет себе бывшие владения отца…

– Кушайте, госпожа…

Мика насуплено взглянула на свою незваную гостью – колдунью-оборотня, неизменную спутницу Киры. Он, конечно же, позаботился о том, чтобы Мика никогда не оставалась в одиночестве… не скучала… даже во время трапезы, даже в то время, когда дела надолго призывали его ко двору сёгуна.

Колдунья сидела напротив, одетая, как обычно, в изумительный шелковый наряд, богато изукрашенный замысловатым шитьем цвета лесной листвы, который был ей так к лицу. Узорчатый орнамент постоянно и неуловимо менялся, словно кроны деревьев под легким ветерком, даже когда Мидзуки сидела неподвижно.

Мика по-прежнему не притрагивалась к угощению. Колдунья

понимающе улыбнулась, будто уговаривая упрямого ребенка. Прядь черных волос *кицунэ* сама собой высвободилась из гребня и длинных золотых шпилек, удерживающих изящную прическу, и змейкой скользнула по воздуху над столиком.

Колдунья с легкой улыбкой сложила руки на коленях. Черная прядь обвилась вокруг палочек Мики, приподняла их и, ухватив ломтик *сасими*, поднесла его ко рту девушки.

Мика холодно взглянула на колдунью, не позволяя себе сделать ни малейшего движения, чтобы не выказать страха или отвращения, не дать *кицунэ* насладиться властью над своей пленницей. С тех самых пор, как Мику привезли сюда, колдунья изо всех сил – насколько позволял Кира – старалась запугать соперницу, лишить ее воли.

Вскоре девушка сообразила, что *кицунэ* не нанесет ей никакого вреда, хотя, несомненно, могла бы. Однако, на счастье Мики, сейчас колдунья и Кира, очарованные друг другом, стремились к одной и той же цели – сохранить свою пленницу живой и невредимой.

Мика продолжала с вызовом смотреть на колдунью, которая плавными движениями водила лакомством перед лицом девушки.

– Мне все равно, умрешь ты с голоду или нет, – заявила *кицунэ* с презрительной усмешкой. – Рано или поздно мой господин своего добьется, а потом ты сможешь и руки на себя наложить, как твой отец…

Девушка отшатнулась, как от удара, и гневно воскликнула:

– Это ты его убила!

– Неужели? – с напускным удивлением осведомилась колдунья. – Разве не ты разбила ему сердце? Он милосердно приютил полукровку, а ты в порыве преступной страсти предала отцовское доверие, возжелав запретного, – издевательски продолжила она. Еще одна черная прядь высвободилась из прически и, страдальчески извиваясь, оплелась вокруг палочек, зажав в них новый ломтик рыбы. – Госпожа, твоя злосчастная любовь стала причиной крушения Ако…

Мика не отводила взгляда от колдуньи. В глазах жгло, скорбь и чувство вины сжали сердце, словно тисками. Черты *кицунэ* изменились, расплылись, превращаясь в лицо девушки, искаженное маской притворного желания: взор пылал, алые губы трепетали в страстной неге… Мика поняла, что подобное выражение появлялось на ее собственном лице при виде Кая.

– Разве мы не похожи друг на друга? – прошептала колдунья, обиженно выпятив дрожащую нижнюю губу. Желание в глазах-отражениях сменилось отчаянным страхом потерять любимого.

Мика раскрыла рот, но не смогла произнести ни звука.

Оборотень-*кицунэ* внезапно расхохоталась и приняла свой прежний облик. Украденный образ Мики исчез. Извивающиеся черные пряди вернулись в прическу. Отброшенные палочки и кусочки рыбы упали на столик. Колдунья резко встала и, смеясь, вышла из комнаты.

Звонкий смех, казалось, висел в воздухе даже после ухода *кицунэ*. Мика закрыла уши ладонями и зажмурилась. Из-под закрытых век предательски сочились слезы. Не смех был страшен, а его гулкое, обреченное эхо… и всепоглощающий страх утраты, мелькнувший в глазах колдуньи, когда она задала свой последний вопрос: похожи ли они друг на друга в своем желании запретной любви?

Мика запоздало осознала, что только этот страх и был настоящим.

К полудню ронины добрались до горного кряжа над Уэцу. В сером небе повисли тяжелые тучи, холодный ветер дул в спину. С вершины утеса воины осматривали дорогу, ведущую к городу.

Ронины спешились и стреножили коней в рощице, следуя приказу Оиси не привлекать к себе лишнего внимания – неизвестно, как встретят воинов местные жители.

Городок входил в обширные владения князя Асано. Жившие тут мастера изготавливали оружие и доспехи для самураев, а также орудия труда для крестьян, плотников и других ремесленников в округе. Жители Уэцу по праву гордились своим мастерством, и владыка провинции щедро вознаграждал их за труды. Наверняка горожане не откажутся помочь вассалам своего бывшего господина отомстить за его смерть.

Однако с кончины князя Асано прошел целый год, и хотя чувства обитателей провинции вряд ли изменились, в Ако теперь всем распоряжались *каро*, назначенный Кирой, и войско, присланное сёгуном. Трудно было предугадать, какие изменения произошли после смерти *даймё* Асано.

Оиси повел свой отряд по узкой тропке, вьющейся мимо домиков на окраине города. Безоружные ронины ступали тихо, почти беззвучно, не зная, какого приема ожидать от горожан.

Кай шел позади, опустив голову. Он держался подальше от ронинов, ощущая, что они не приняли его в свои ряды, хотя и смирились с присутствием полукровки.

Тем не менее это имело определенные преимущества. Идя вдали от остальных, Кай замечал то, чего не ощущали сами ронины, и мог незаметно двигаться в любом направлении.

Он твердо знал, что за ними никто не следует, однако в городке что-то было не так, и это настораживало. Слишком тихо

для селения, где живут мастера-оружейники: городок будто вымер, улицы и лавки пусты. Откуда-то едва доносились неразборчивые голоса. Пахло дымом, но не слышалось ни звонких ударов молота по металлу, ни шипения раскаленных клинков, остужаемых в бочках с водой, ни громких выкриков ремесленников. Ронины продолжали идти по городским улочкам, и Кай молча шел следом.

Внезапно Оиси поднял руку, будто осознав то, что давно заметил полукровка: опустевшие дома и лавки на окраине. Он подал знак молчать, и ронины двинулись к центру селения – туда, где раздавались приглушенные голоса.

Стало понятно: случилось что-то непредвиденное. Кай надеялся, что плохо вооруженные ронины смогут справиться с ситуацией. Воины сомкнули ряды, и полукровка приблизился к Тикаре, зная, что юноша не станет возражать.

Отряд пробирался по узким улочкам. Ронины свернули за угол и неожиданно заметили воинов Киры, которые грузили в телегу имущество, похищенное из пустующих жилищ. Вдалеке к небу вздымались клубы дыма: в дальнем конце городка горели ограбленные дома.

Кай незаметно подкрался поближе. Солдат, командовавший погрузкой награбленного, выступил вперед и вытащил меч из ножен.

– Кто идет? – спросил он Оиси и, сощурившись, подозрительно оглядел ронинов. Остальные грабители встали рядом с командиром, обнажив мечи. – С пути сбились, что ли? – осведомился он, гнусно усмехнувшись.

Оиси смиренно поклонился, будто простолюдин:

– Мы крестьяне из Симобэ, господин. Пришли инструмент купить.

Деревушка Симобэ находилась за пределами Ако, во владениях другого *даймё*. Из объяснения Оиси следовало, что у пришедших есть разрешение здесь находиться и они ничего не знают о том, что происходит. На лице самурая отразилось вполне правдоподобное недоумение, однако напряженный взгляд говорил о другом.

Воины Киры окружили ронинов. Кай неотрывно следил за ними, отмечая их расположение и рассчитывая время, необходимое для обезвреживания любого из них. «Всего лишь четверо, – подумал он. – Повезло». Вооруженные до зубов солдаты с подозрением оглядывали пришедших. Так называемые крестьяне были одеты в потрепанные, но слишком дорогие одеяния, да и полуотросшие волосы явно выдавали бывших самураев.

– Это селение принадлежит господину Кире, – заявил командир. Он подошел к Тикаре, смерил его взглядом с ног до головы и внезапно дернул юношу за руку, открыв спрятанный в одежде меч. Лицо солдата помрачнело, и он занес клинок для удара.

Кай метнулся вперед, заломил командиру запястье, выхватил меч из разжавшихся пальцев, пронзил солдата насквозь и стремительно полоснул второго и третьего. Никто из присутствующих не успел сообразить, что произошло. Ронины ошеломленно замерли, будто у них на глазах молния поразила троих.

Четвертый солдат, стоя поодаль, быстро понял, в чем дело, и бросился бежать к лошади. Он вскочил в седло и замолотил пятками по бокам скакуна, свернув в переулок. Кай не успел его остановить.

– Он убегает! – крикнул Тикара.

Кай схватил лук и колчан одного из убитых, помчался к переулку, прицелился в удаляющегося седока и выстрелил. Беглец камнем свалился с лошади.

Полукровка облегченно вздохнул и вернулся к ронинам. Ни Кира, ни его приспешники не узнают о нападении на своих воинов… Сегодня не узнают. Заметив удовлетворение Кая, его спутники тоже расслабились. Полукровка, не обращая внимания на удивленные взгляды, склонился над одним из трупов и начал стаскивать с него доспехи.

Ронины, ошарашенно глядя на Кая, застыли неподвижно, словно актеры *кабуки* на сцене. Полукровка протянул меч одному из самураев.

– Что это он? – гневно осведомился Ясуно.

– Нам нужно вооружиться, – пояснил Кай.

Ему почудилось, что ронины превратились в безмозглых кукол из представления *бунраку*.

– Он прав, – заметил Оиси. – Помогите ему.

Тикара заглянул в оружейную лавку и огорченно поморщился:

– Ничего не осталось.

С серого неба посыпались тяжелые капли дождя, взрывая уличную пыль.

Под непрекращающимся дождем ронины привели лошадей в город и расположились в брошенных лавках и хижинах. Как и надеялся Оиси, ливень затушил горящие дома, подожженные солдатами Киры, и селение не сгорело дотла. Если жителям когда-нибудь разрешат сюда вернуться, у них будет кров над

головой.

Впрочем, для ронинов это ничего не меняло. Когда дождь поутих, они обыскали все оружейные лавки и нашли всего с полдесятка клинков, годных на мечи или на копья, – рукояти и древки придется мастерить самим.

Оиси сидел у хижины, выбранной для ночлега. В голове теснились бесполезные мысли, метались, как белка в колесе. Самурай разглядывал карту, принесенную с горы Будды, будто надеялся в хитросплетениях линий отыскать ответ на мучающий его вопрос или разобрать нечто, написанное там невидимыми чернилами.

Кай шагнул на порог, стряхивая с волос дождевую воду, как промокший пес. «Интересно, отчего он так вымок? Под водопадом стоял?» – подумал Оиси. Хотя холодные капли летели ему в лицо, сил поморщиться не хватало, да и жаловаться было не на что: полукровка спас жизнь не только Тикаре, но и остальным ронинам, защитил их, не позволил, чтобы весть об их существовании достигла ушей Киры… и заставил ронинов взглянуть правде в глаза.

Кай посмотрел на карту, расстеленную перед Оиси.

– Можно пойти в Хиду, – заметил самурай, указывая точку на карте. – Там оружие найдется.

– В Хиде тоже ничего не осталось, – невозмутимо сказал Кай. – Люди Киры везде побывали.

Оиси и сам подозревал о такой возможности, поэтому ничего не ответил, чувствуя, что полукровка пришел к нему не указать на очевидную ошибочность рассуждений, а с каким-то предложением.

Кай молчал, напряженно вглядываясь в темноту. Похоже, ему нелегко было начать разговор.

– Есть другой путь, – неуверенно произнес он.

Оиси недоуменно взглянул на него.

– Мечи можно взять в Море деревьев. В Лесу *тэнгу*, – пояснил Кай, не отрывая взгляда от ночной тьмы и дождя.

– Сказки все это, – разочарованно покачал головой Оиси.

Полукровка посмотрел на него непонятным, тревожащим взглядом, который скрывал все и не выдавал ничего.

– Нет, это правда. Я их видел.

Разочарование Оиси сменилось удивлением. На лице Кая возникло странное, затравленное выражение; в темных глазах сквозил ужас, наполнивший все его существо.

«Полукровку всю жизнь называли демоном, а он всегда это отрицал, но сейчас… На что он намекает?» – подумал Оиси и встал.

– Входи, – пригласил он Кая.

Вдвоем они вошли внутрь заброшенной хижины и с любопытством огляделись. Считалось, что ремесленники ниже крестьян, потому что плоды их труда менее важны для существования. Впрочем, мастера-оружейники, особенно те, кто изготовлял надежные мечи, всегда пользовались уважением, а потому местные жители могли себе позволить и некоторые предметы роскоши, что и привлекло сюда грабителей.

Оиси опустился на татами в центре комнаты, поближе к зажженной жаровне, и пригласил Кая сесть рядом.

– Откуда ты знаешь про Лес *тэнгу*? – спросил самурай.

– Я там жил, – признался Кай, опустив взор, – пока не сбежал в Ако.

Оиси недоверчиво посмотрел на него.

– Значит, твои шрамы… Это *тэнгу* тебя пометили?

На голове полукровки все еще виднелись рубцы, не скрытые отросшими волосами. Когда мальчик только появился в усадьбе Асано, в кожу его наголо обритой головы была врезана загадочная надпись.

– Да, – кивнул Кай и коснулся шрамов на лбу – осторожно, словно они все еще не зажили.

О *тэнгу* Оиси знал немногое: эти демоны – не то коварные вороны, склонные к злобным проказам и вредящие людям, не то ловкие воины-оборотни, умеющие ковать оружие.

– Они научили тебя боевым искусствам?

– Да, – снова ответил полукровка и с вызовом взглянул на Оиси, будто не ожидал, что ему поверят.

Однако Оиси уже не в первый раз слышал рассказы о людях, научившихся боевому мастерству у демонов. Древние предания гласили, что пять веков назад именно *тэнгу* обучили искусству сражения Минамото-но Ёсицуне, легендарного полководца времен войны Гэмпэй. Всего полтораста лет назад то же говорили и об одном из военачальников великой армии Тоётоми Хидэёси. А еще рассказывали, что Миямото Мусаси сражался с *нуэ* и убил этого демона, но «Книга пяти колец» не упоминала никаких *ёкай* – сверхъестественных существ.

И все-таки странные глаза полукровки и загадочная надпись, врезанная в кожу его лба, заставляли верить в легенды о *тэнгу*.

Кай опустил взгляд на руки, покрытые старыми шрамами и полузажившими ранами – напоминанием об острове Дэдзима.

– Они убеждали меня, что в жизни нет ничего, кроме смерти. Хотели, чтобы я стал похожим на них, отринул мир людей. А я верил, что мое место – среди людей, – сказал полукровка, поднимая голову.

В его глазах отражалось глубокое разочарование, печаль и одиночество. Похоже, решение покинуть мир демонов нелегко далось Каю, однако Оиси на его месте поступил бы так же. Самурай поспешил сменить тему разговора, видя, что полукровке тяжело говорить о прошлом.

– По-твоему, *тэнгу* дадут нам оружие?

– Его надо заслужить, – подавленно ответил Кай, и самурай понял, что задача эта будет не из легких.

– Каким образом?

– Нам предстоят испытания, – кратко заметил полукровка.

Судя по всему, испытывать ронинов собирались не на жизнь, а на смерть, но выбора у них не было.

Оиси обдумал услышанное. Несмотря на все злоключения, выпавшие на долю ронинов и Кая, он помнил о поставленной цели. Наконец он уверенно посмотрел на собеседника и кивнул, исполненный решимости и отваги.

Глава 15

По внутреннему двору замка Кираяма разносился громкий стук скрещивающихся *боккэнов*. Кира сражался одновременно с двумя противниками, двигаясь с невиданной прежде легкостью и скоростью. Он нанес одному из соперников сильный удар по голове и тем же движением обезоружил второго нападавшего.

Противник нагнулся за деревянным мечом, но Кира стукнул своим клинком по руке самурая. Воин вскрикнул и отскочил со сломанным запястьем. Кира, ухмыляясь, отступил на шаг.

Мидзуки следила за ходом битвы, оценивая силу своих заклинаний. Она наделила Киру мощью и умениями опытного воина, для того чтобы внушить ему уверенность, необходимую владыке Ако.

Кира был истинным созданием императорского двора Эдо: в словесных баталиях ему не было равных, он прекрасно владел невидимыми клинками слухов и сплетен, исподтишка вонзая их в спины врагов. Однако для того, чтобы стать повелителем богатейших угодий, настоящим *даймё*, заслуживающим всеобщего почтения и способным взять власть не только над Ако, необходимы были мужество и отвага, которыми Кира не обладал.

Колдунья вложила в него зачатки этих качеств, надеясь на то, что они впоследствии разовьются. А Кира по-прежнему стремился завоевать холодное, неприступное сердце госпожи Мики. Мидзуки могла бы внушить девушке обожание и преклонение перед Кирой – это было гораздо легче, чем наделять его силой и смелостью в битве.

Но нет, Кира принадлежал только *кицунэ*. Она и вправду любила его – за красоту, за жестокость, за страстную, но опасливую натуру. Мидзуки без всякого колдовства видела истинную сущность Киры, понимала его, как никто другой – ведь они были так похожи. Несмотря на все его людские недостатки, колдунья знала, что он тоже любит ее, хотя он и возжелал ничтожную смертную женщину – простую пешку в очередной партии *сёги*, символ всего того, что станет ему доступно, когда игра закончится. Его страсть быстро превратится в скуку, когда он поймет, что обладание женщиной, презирающей его, равносильно обладанию деревянной фигуркой.

Что ж, придется терпеть соперницу до тех пор, пока Кира не укрепится в своем положении нового владыки Ако. А потом либо Мика покончит с собой, не вынеся унизительного для себя союза, либо Кира прекратит упорствовать в своей страсти… Так или иначе, всегда найдутся тайные способы избавиться от ненужной

помехи.

Кира перевел дух. Побежденных воинов вывели со двора. В воротах появился один из соглядатаев, которому не было равных в умении добывать сведения о противнике. Кира направился к пришедшему, встревоженный его неожиданным появлением.

Соглядатай упал на колени и распростерся в почтительном поклоне.

– Простите меня, господин, – сказал он, поднимая голову. – Полукровка сбежал с острова Дэдзима. По слухам, ему помог самурай.

Кира озабоченно нахмурился.

– Что слышно об Оиси? – спросил он.

– Говорят, что от него ушла жена и он отправился искать утешения во дворах развлечений Киото, – ответил соглядатай. – С тех пор его никто не видел.

«Словно фонарь при свете дня», – раздраженно подумал Кира.

Соглядатай потупил взор, и Кира понял, что плохие вести на этом не кончились.

– Вчера неизвестные напали на один из наших пограничных постов. Убиты пять человек.

Кира негромко выругался, велел соглядатаю убираться и направился к Мидзуки, которая вышла во двор и стояла, прислушиваясь к разговору.

– Отыщи их, – отрывисто приказал он ей, будто вассалу, покорно ждущему распоряжений господина.

Колдунья холодно взглянула на него.

– И что ты мне в этот раз наобещаешь? – укоризненно спросила она, задетая его небрежной наглостью.

Лицо Киры исказила уродливая гримаса:

– Я дал тебе кров и защитил тебя, ведьма! За неповиновение я выставлю тебя за порог и уничтожу и тебя, и весь твой род.

Мидзуки не отрывала от него глаз, но вызов в ее взгляде сменился обидой и страхом. Она грациозно поклонилась, стараясь не показать свои опасения.

Кира резко отвернулся и озлобленно велел еще двум воинам выйти с ним на поединок, готовый излить на них гнев и раздражение.

Колдунья медленно вернулась в свои покои, встревоженно обдумывая случившееся. Во дворе снова застучали *боккэны*. Она надеялась, что обретенная физическая мощь улучшит характер Киры, укрепит его уверенность в себе, но оказалось, что грубая сила всего лишь углубила порочность его духа. «Что ж, подаренное всегда можно отобрать, если он меня предаст», –

подумала она. Впрочем, Мидзуки никогда об этом не забывала: не только серебристый мех отличает старую лисицу от неопытного лисенка.

Ронины остановили коней на опушке бескрайнего леса, который часто называли Морем деревьев, а еще чаще – и не без причины – Лесом *тэнгу*. Они замерли, безмолвно взирая на древнюю чащу, и даже Кай не двинулся с места.

– Мне бабушка про этот лес много рассказывала, пугала, – сказал Басё, нарушив молчание. – Было страшно, – признался он, глядя на Ясуно, который с трудом удерживал встревоженного коня. – Я последую за вами, господин, – с насмешливой церемонностью произнес Басё и ухмыльнулся.

Ясуно недовольно взглянул на товарища и послал коня вперед. Полукровка безропотно устремился следом. Следом двинулся Оиси, и все ронины вошли под покров леса. Дневной свет сменился полумраком.

Куда и как пробираться сквозь чащу, знал один лишь Кай – сами ронины не смогли бы теперь даже вернуться на опушку. Ясуно уступил место полукровке во главе небольшого отряда, и Кай сразу же свернул куда-то в сторону.

В густом подлеске не было даже тропинок. Полукровка вел отряд в гору каким-то неведомым путем, лошадей приходилось все время придерживать и ободрять. Никто не знал, на верном ли они пути и встретятся ли с *тэнгу*. Только сейчас Оиси понял, почему Асано так ценил талант следопыта в своем ловчем.

Солнце поднималось все выше и выше, но туман, окутывающий Лес *тэнгу*, не рассеивался, а, наоборот, становился все гуще, словно его исторгали исполинские древние деревья, чьи густые кроны застилали небо. Огромные стволы густо заросли мхом, с листьев непрестанно стекала роса, звоном капели нарушая тишину заповедного леса. Изредка лошадь задевала копытом камень, и звук разносился далеко по чаще. Обитатели леса, недовольные вторжением посторонних, попрятались кто куда. Ронины постоянно оглядывались, чувство тревоги нарастало. Казалось, в непроницаемой мгле затаились невидимые глазу твари, выжидая и следя за людьми.

Откуда-то из тумана донесся сдавленный стон, затем еще один, и еще, как если бы сама земля жаловалась на непрошеных гостей.

– Что это? – спросил Хара, нарушив охватившее всех колдовское молчание.

– Призраки, – неохотно ответил полукровка, не оглядываясь, словно отвечая на отчаянную мольбу объяснить, что

происходит. – Это стонут старики, которых оставили здесь умирать. – Он отвел взгляд и сдержанно продолжил: – И нежеланные младенцы.

В голосе Кая слышалось нечто большее, чем привычная скрытность. Оиси знал, что обедневшие крестьяне часто избавляются от престарелых родителей и больных детей, оставляя их на смерть в лесу или на пустынных горных склонах. В обязанности *каро* господина Асано входило следить за тем, чтобы в провинции Ако никому не приходилось делать этот страшный выбор, вспомнил самурай.

Кай не отрывал взгляда от земли, скрытой клочьями тумана, вьющимися у копыт лошадей. С трудом сдерживая дрожь, Оиси заметил впереди мерцающие голубые огоньки, похожие на светлячков.

– А что это за огни? – полюбопытствовал Басё. Похоже, ему одному хотелось задавать вопросы.

– Души умерших, – еле слышно прошептал полукровка. – Неупокоенные, как останки под копытами наших лошадей. – Он напрягся, будто стиснутый невидимой рукой.

В сине-зеленом мертвенном свете лицо Кая побледнело, стало почти прозрачным, как у призрака. Казалось, он сам вот-вот превратится в духа и исчезнет, оставив спутников в глухомани. Имя Кай означает «море», но внезапно Оиси вспомнил, что его можно написать и другим иероглифом, *кандзи*, который значит «призрак». Полукровка вглядывался в туманную пустоту, хотя, возможно, для него это была не пустота…

Басё встревоженно посмотрел на Кая и испуганно уставился под копыта коня.

Тикара, заметив выражение лица Басё, покачал головой и усмехнулся с беспечным юношеским превосходством. Оиси, напротив, со все возрастающим смятением следил за Каем.

Полукровка, будто предчувствуя опасность, остановил коня и привстал на стременах, оглядываясь по сторонам. Оиси не видел ничего, кроме теснящихся стволов, оплетенных призрачным туманом, и голубого мерцания огоньков в сумраке чащи… Отовсюду слышался звон капели и скорбные завывания призраков.

Наверное, Кай чувствовал то, чего не дано было ощутить его спутникам, как будто обладал «третьим глазом» – даром ясновидения.

Полукровка опустился в седло и с гримасой боли поднес руку к лицу, прикрыв ладонью шрамы на лбу.

– Мы сбились с пути? – спросил Оиси, сдерживая тревогу.

– Нет, – пробормотал Кай. – Нам сюда.

Он повернул коня направо и двинулся вперед.

Через несколько шагов туман поредел, словно развеянный порывом ветра, хотя тяжелый воздух оставался недвижен. Внезапно Оиси удивленно выдохнул. Вокруг послышались негромкие восклицания ронинов.

Отряд оказался лицом к лицу с *тэнгу*. Громадный демон, в два человеческих роста, покрытый складчатой кожей, усеянной роговыми щитками, наводил ужас. Посреди человечьего лица торчал острый клюв, как у коршуна, на руках и ногах виднелись огромные птичьи когти, за спиной трепетали исполинские крылья.

Полукровка спешился и встал перед *тэнгу*, неустрашимо глядя на демона.

– Лошадей оставим здесь, – сказал он.

Внезапно Оиси сообразил, что перед ними не живое существо, а изображение, высеченное в стене древнего храма – страж ворот. Самурай облегченно вздохнул и спрыгнул из седла на землю, удивляясь, отчего он сразу не распознал каменного идола. Позади него ронины, вздыхая и перешептываясь, начали спешиваться.

Когда все кони были стреножены, Кай повернулся и, не обращая внимания на гигантское изваяние *тэнгу*, решительно прошел в каменные ворота. Ронины, не смея окликнуть полукровку, с опаской последовали за ним.

Вместо зачарованного леса за каменной стеной оказалась бамбуковая роща. Оиси с трудом сдержал возглас удивления – по пути бамбук им не встречался. Похоже, эту рощу здесь посадили – много веков назад, если судить по толщине бамбуковых стволов.

Кай шел, склонив голову. Напряжение не отпускало его. Время от времени он осматривался. Лицо его, по-прежнему призрачно-бледное, совершенно ничего не выражало. Иногда он прижимал ладонь ко лбу, словно пытаясь избавиться от терзающей его боли. Оиси не мог понять, зачем Кай вернулся сюда, если это причиняло ему такие страдания. Более того, полукровка сам предложил отправиться в Лес *тэнгу* за оружием для ронинов.

Что заставило Кая совершить этот безрассудный поступок? Неужели он питал такую ненависть к Кире, что готов был на все, лишь бы отомстить за злодеяния, совершенные на Дэдзиме? Или его толкнула на это любовь к Мике? Возможно ли, что по воле богов в теле изгоя-полукровки возродилась душа самурая и отмщение за смерть господина Асано стало для Кая делом чести, так же как и для любого из собравшихся здесь ронинов?

«Кира был рожден самураем, но не человеком чести… Даже сёгун не…» – подумал Оиси, но оборвал мысль на полуслове, с

усилием возвращаясь к действительности. Похоже, испытание уже началось. Самурай напряженно сжал кулаки: в клубящемся тумане мелькнули неясные очертания.

Перед ронинами возникла гигантская фигура лежащего Будды, высеченная в отвесном утесе. Склон скалы предоставил возможность неизвестным мастерам с размахом выразить свое видение божества – гигантское изваяние размерами превосходило изображение *тэнгу*. Оиси остановился и покачал головой: он никак не ожидал встретить в Море деревьев скульптуру Будды. Так вот почему здесь посадили бамбуковую рощу! Наверняка когда-то на этом месте стоял храм – святилища всегда окружали посадками бамбука, преграждая доступ силам зла.

Самурай опять взглянул на Кая, удостоверяясь, что они видят одно и то же. Полукровка замедлил шаг и поднял голову, глядя на изображение Будды. У основания скульптуры, под шеей божества, скопились тени. Кай прижал ладонь к шрамам, стиснул зубы, будто от боли, и направился к утесу. Ронины последовали за ним, стараясь ступать бесшумно.

Статуя лежащего Будды высилась над ними в четыре человеческих роста. Полукровка подошел к подножью изваяния и остановился перед надключичной ямкой на шее божества – там, где соединяются тело и разум. Он молитвенно сложил ладони, склонил голову и неразборчиво зашептал слова сутры.

Ронины замерли неподалеку от утеса, опасливо поглядывая на Кая. Тот закончил молитву и повернулся к своим спутникам.

Его невозмутимость улетучилась, когда он заметил страх на лицах ронинов. Ясуно потянулся к мечу. Кай посмотрел на него и перевел взгляд на Оиси.

– Ты пойдешь со мной, – сказал он. – Остальные пусть ждут здесь.

Ронины нахмурились, а Оиси вопросительно взглянул на Кая.

– Оставь оружие, – невозмутимо продолжил полукровка, будто не замечая враждебности ронинов и нерешительности самурая.

Он вытащил из-за пояса *катану*, положил ее на землю и, еще раз в упор посмотрев на Оиси, повернулся и вошел в потайной ход, скрытый в спящем Будде. И исчез в полумраке, словно его никогда и не было. Оиси почувствовал, что не в состоянии двинуться с места, объятый суеверным ужасом. Подобного он и представить себе не мог…

Самурай разрывался между страхом перед неизвестным и желанием отомстить за смерть своего господина. Если *каро* не найдет в себе смелости последовать во тьму за изгоем-полукровкой, то дух князя Асано никогда не покинет этот мир,

станет скорбным призраком, как стенающие привидения в лесной чаще…

– Позвольте мне пойти с вами, господин, – предложил Хорибэ.

– Нет. – Оиси уверенно покачал головой, осознавая, что пути назад нет. Он дал Каю слово, и теперь любое промедление покроет его стыдом. Проклиная себя за нерешительность, он начал вытаскивать из-за пояса меч, подобранный в Уэцу, но внезапно передумал. – Вы ждите здесь, как было велено, – продолжил он, задержав взгляд на Тикаре, дрожащем от напряжения.

Самурай подошел к потайному входу в гигантском изваянии и исчез в темноте. Ясуно хотел было последовать за ним, но Басё преградил ему путь, укоризненно качая головой.

Кай уходил все дальше и дальше во мрак, не слыша за спиной шагов. Он вернулся сюда, и ему позволили войти, поэтому отступать было поздно. Не имело значения, какой выбор сделают другие. Прошлое обволокло его, словно кокон, воспоминания душили. Полукровка будто двигался по проходу во времени, а не в пространстве, по своей воле возвращаясь к истокам.

Его шаги замедлились, дыхание стало прерывистым, в ушах шумела кровь. Густое переплетение древесных корней, покрывающее стены древнего прохода, подавалось под робкими прикосновениями пальцев. В полной темноте Кай полагался не на зрение, а на остальные чувства: он вдыхал запах сырости и тлена, ощущал близость земли, давление нависшего над ним камня, единение с Буддой и с горным массивом – источником силы для всех тех, кто воистину сливался с мощью скал. Он помнил все это, как если бы выбрался отсюда не двадцать лет назад, а совсем недавно. Ведь Старейший предсказал…

Где-то за спиной послышались торопливые, неуверенные шаги. Чары памяти рассеялись. Оиси наткнулся на Кая и сдавленно вскрикнул от неожиданности. Тот обернулся и с негромким смехом подхватил Оиси. Самурай легко оперся о плечо полукровки, словно извиняясь, и они пошли дальше.

Внезапно издалека послышались размеренные звуки ритуальных песнопений. Кай хорошо помнил тихие голоса, бесконечно повторяющие сутры и мантры, что призрачным эхом отражались от сводов пещеры. Он воссоздал в памяти сцену, с которой им сейчас предстояло столкнуться, и понял, какое ужасающее впечатление она произведет на Оиси. Смятение, испытанное самим Каем при его первой встрече с людьми, не могло с этим сравниться – ведь полукровка с детства был знаком

с изображениями в книгах и свитках и пусть издалека, но наблюдал за путниками в горах. Никто из смертных никогда прежде не видел того, что сейчас откроется взору Оиси.

Кай предостерегающе поднял руку, останавливая спутника. Тьма в проходе рассеялась, звук песнопений стал громче. Полукровка повернулся к Оиси и с раздражением заметил меч за поясом спутника. Что ж, придется с этим смириться – ведь совсем недавно казалось, что бывший *каро* господина Асано струсил, но, похоже, он просто не захотел встречаться с демонами безоружным.

Ничего не поделаешь, все равно со здешними обитателями им не совладать. Единственное, что имело значение, – это сила духа и желание любыми путями достичь своей цели, какие бы испытания им ни предстояли. В Уэцу Кай попытался объяснить Оиси, что ни силой, ни безрассудной отвагой здесь ничего не добиться, важны только воля и самодисциплина.

– Что бы ни случилось, ни в коем случае не обнажай клинок, – сказал полукровка, вкладывая в слова всю силу убеждения, отчаянно желая, чтобы Оиси внял предупреждению и беспрекословно повиновался.

Самурай решительно кивнул и встревоженно поглядел на *катану*.

Кай в который раз с удивлением осознал узость рамок, которыми люди ограничивают свое существование. Он направился на звук песнопений, и Оиси, постоянно оглядываясь, последовал за полукровкой.

Снаружи, в самом сердце Моря деревьев, ронины беспокойно переминались с ноги на ногу или возбужденно расхаживали у подножия утеса. Время тянулось медленно, стекало, словно капли росы с листвы. В переливающемся сумраке непрерывно звучали заунывные стоны призраков, пронзая могильную тишину.

– А вдруг полукровка заманил его в ловушку? – внезапно заявил Ясуно.

Басё встревоженно поглядел на него. Все происходящее никак не могло быть изощренным предательством.

– Оиси ему доверяет, – заметил он, надеясь успокоить товарища.

– У него нет выбора. Нам нужно оружие, – раздраженно ответил Ясуно. – Если он там задержится, я пойду следом. – Он с вызовом поглядел на потайной вход и сжал пальцы на рукояти меча.

Басё перевел взгляд на изваяние: безмятежное лицо лежащего Будды озаряла умиротворенная улыбка. «Да, мудрость Будды

неизмерима и недостижима для простых смертных, – подумал ронин, – но в Море деревьев такая невозмутимость подвластна только камню».

Оиси восхищенно огляделся. В пещере сидели люди с наголо обритыми головами и протяжно выводили песнопения. «Монахи? – подумал самурай. – Здесь, в заброшенном святилище Будды, посреди Леса *тэнгу*?»

Монахи в одеяниях из грубого некрашеного холста сидели в позе лотоса, медитируя и вознося молитвы. В дрожащем свете факелов ряды сидящих казались океанскими волнами, набегающими на берег. За ними, в глубине пещеры, виднелась позолоченная бронзовая статуя божества, сидящего на камне. Пальцы воздетых рук изваяния не были сложены в изящные *мудры*, а сжимали меч и веревку. Вместо безмятежного лика Будды на монахов взирала грозная маска со сверкающими глазами и клыками, торчащими из гневно оскаленного рта.

«Фудо-мёо, Недвижимый защитник…» – сообразил Оиси, с трудом сдержавшись от испуганного восклицания. Это божество сжигает все заблуждения, помогая смертным обрести просветление.

Похоже, Кай привел Оиси в тайный храм *ямабуси* – горных монахов-отшельников, практикующих поклонение божественному духу Будды и в то же время соблюдающих традиционные обряды синтоизма. Для них непреклонный образ Фудо-мёо имел особое значение.

Однако же Оиси никогда прежде не видел подобного изображения божества. Вместо привычных языков огня за плечами изваяния распростерлись крылья из тончайшей ткани, прозрачные и узорчатые, как крылья стрекозы, но формой напоминающие птичьи. Крылья сияли жутким красноватым светом – то ли от сотен свечей в стеклянных плошках, то ли от множества светлячков. Создавалось впечатление, что крылья осенены очищающим пламенем Фудо-мёо.

Наверное, здесь собрались все-таки не демоны, а монахи-*ямабуси*. Это они группами или в одиночку удалялись в горные убежища, веря, что именно в горах скапливается самая мощная *ки* – жизненная энергия. *Ямабуси* жили в строгой дисциплине, медитировали, занимались созерцанием, изучали боевые искусства и славились как великолепные воины и чудодейственные лекари. По слухам, они обратили в свою веру кровожадных *тэнгу*, которые, изменившись душой и телом, стали защитниками заброшенных храмов… таких, как этот.

Монахи продолжали свои песнопения, не обращая внимания

на незваных гостей. Оиси присмотрелся и понял, что перед ним сидели весьма необычные существа – такие же странные, как и крылатая статуя Фудо-мёо.

С виду они выглядели как горные отшельники, которые долгие годы провели в посте и молитвах. От истощенных тел исходила неведомая сила, будто под высохшей кожей прятались тугие мускулы. Однако же на людей они походили только внешне. Оиси вгляделся и понял, что сморщенные лица на самом деле – личины хищных птиц. Это были *тэнгу*. Демоны-монахи. Перед каждым сидящим замерла сверкающая *катана* – словно подвешенная в воздухе, без какой-либо опоры.

Значит, мифические создания *ёкай* существуют в действительности… те самые, что учили героев боевым искусствам демонов. Значит, это они наделили Кая своим мастерством. Наверняка правда и то, что отшельники-*ямабуси* обратили *тэнгу* в буддизм, и демоны, переродившись через слияние с высшей духовной энергией, стали монахами-воителями в мире *ёкай*, охраняя заброшенные храмы и проводя время в молитве.

Полукровка стоял, невозмутимо наблюдая за молящимися. По лицу его пробегали тени воспоминаний.

– Жди здесь, – сказал Кай.

– Ты куда? – встревоженно спросил Оиси.

– Засвидетельствую почтение своему бывшему господину, – ответил полукровка и поглядел в сумрак, окутавший изваяние крылатого Фудо-мёо.

Оиси снова посмотрел на монахов и на мечи, неподвижно застывшие в воздухе перед ними. Похоже, Кай не лгал, рассказывая о своем прошлом.

– Не поддавайся соблазну, – резко напомнил тот, заметив взгляд Оиси. – И не обнажай меч, что бы ни случилось.

Он задержал взгляд на своем спутнике, словно напоминая, что малейший признак слабости повлечет за собой мгновенную смерть… если повезет.

Оиси кивнул и внезапно осознал, что полукровка, которого считали ничтожеством, на самом деле видел все недостатки своих повелителей. Самурай мысленно поклялся не нарушить данное Каю обещание, понимая, что слова сейчас бессмысленны – тот все равно ему не поверит.

Кай безмолвно направился к изваянию крылатого Фудо-мёо, прошел мимо неподвижно сидящих монахов и исчез позади статуи. Оиси остался в пещере, полной хорошо вооруженных демонов.

Глава 16

Кай вступил в подземный проход, ведущий в святилище храма, где, погруженный в глубокое созерцание, сидел Содзёбо, повелитель монахов-*тэнгу*, приемный отец Кая.

Полукровка остановился на пороге святилища. Меч прежнего господина Кая стоял вертикально на дальнем краю площадки для медитации, у самой бездны. Остро заточенный клинок, способный разрубать камни, мог рассечь волосок вдоль. Закаленная сталь с волнообразным рисунком, отполированная до зеркального блеска, поглощала падающий на нее свет.

За небольшой площадкой для медитации, скрытая во мгле, простиралась еще одна громадная пещера, размеры которой не поддавались воображению. Сбоку с высокого карниза вниз устремлялся водопад, с грохотом низвергаясь в бездну. Стоило Каю услышать звук падающей с огромной высоты воды, как его вновь охватило полузабытое ощущение: смесь ужаса и благоговения.

Он снова посмотрел на меч, внезапно ощутив отчаянное желание взять его в руки. Вспомнил, как клинок словно бы становился продолжением его существа, отражая коварные удары даже самых могущественных демонов… кроме одного.

– Похоже, испуганный мальчишка возмужал и вернулся… – прозвучал голос из сумрака.

Дыхание Кая прервалось. Он едва не бросился к мечу, но в последний миг сдержал свой порыв, вспомнив, как сам предупреждал Оиси. Здесь действовали другие правила; все было иначе, чем казалось.

Кай обернулся и посмотрел на повелителя *тэнгу*. Древний как мир старик, полускрытый тенью, стоял, облаченный в скромное монашеское одеяние. Вот только роскошная ткань его одежд больше подошла бы сёгуну. «Старейший всегда отличался непомерным тщеславием», – подумал Кай.

Однако он гораздо лучше помнил лицо своего приемного отца, чем узорчатый шелк одеяния, свидетельствующего о духовном превосходстве и мощи повелителя демонов.

Хищные черты лица владыки демонов явно говорили о его потустороннем происхождении. В жестоких золотых глазах чернели длинные зрачки, словно острия клинков. Кай встретил взгляд приемного отца и потупился, охваченный знакомым с детства ужасом и чувством беспомощности.

«Не смей!» – тут же приказал он себе, забыв о страхе. Его приемный отец ощущал все, что происходит в человеческом

разуме, и с легкостью мог этим воспользоваться. Усилием воли Кай подавил смятение, воздвиг в уме непреодолимую стену, черпая энергию из толщи земли. Этому он научился еще в детстве, для того чтобы не допустить полного уничтожения своей человечности, чтобы сбежать из царства демонов.

Он вспомнил, что страх – не враг, а соратник. Нельзя тратить силы на борьбу со страхом, открывая себя для нападения противника. Полукровка глубоко вздохнул и отвесил глубокий почтительный поклон своему прежнему господину.

– Нам нужны мечи. Я пришел за помощью, – размеренно сказал он.

Владыка демонов одобрительно улыбнулся, словно довольный тем, что ученик твердо усвоил урок, и повел рукой в сторону сверкающего клинка.

– Нет, Кай, ты пришел завершить свое обучение.

В золотых глазах *тэнгу* блеснул вызов.

«Я всю жизнь провел под его властью, – подумал Кай, – и он не простит меня за предательство, за то, что я посмел оставить его…»

– Я не ваш, – решительно сказал полукровка, стараясь говорить невозмутимо, и снова посмотрел на меч, непроизвольно сжав кулак.

Содзёбо вышел к свету, глядя в проход, ведущий в молитвенный зал храма.

– Но и не их, – произнес владыка *тэнгу*, обратив золотистый взор на Оиси, и зловеще добавил: – Вернувшись сюда, ты рискуешь жизнью ради людей, которые никогда не примут тебя за своего.

Не обращая внимания на упрек в голосе демона, Кай убежденно заявил:

– Это добрые люди. Их дело правое.

– Как скажешь, – небрежно бросил Содзёбо и снова взглянул на Оиси. – Что ж, мы их испытаем. Ты велел ему не обнажать меч, – сурово напомнил владыка *тэнгу*. – Если он коснется клинка, то умрет и сам, и своих спутников погубит.

Пусть самураи и не признавали Кая своим, но сейчас они были на хорошо знакомой ему земле – в царстве демонов. Самурайская гордыня не защитит их от кровопролития, если Оиси проиграет битву со страхом.

Каждый из них подвергнется испытанию в одиночку. Главное – выдержать и не поддаваться.

В молитвенном зале храма Оиси осторожно зашагал между рядами монахов, которые, казалось, по-прежнему не замечали

присутствия постороннего. Он с опаской озирался, привлеченный соблазнительным блеском клинков. Усилием воли перевел взгляд на статую Фудо-мёо и мысленно обратился к Недвижимому защитнику, моля божество даровать ему решимость.

В воздухе разлилась загадочная напряженная дрожь, раздалось глухое, еле различимое гудение, словно пещеру переполняла таинственная сила. Чем дольше Оиси смотрел на изваяние Фудо-мёо, тем больше сливался воедино с гневной яростью божества. Неудержимое пламя сжигало все заблуждения и несло в мир справедливость…

Кай шевельнулся, провожая взглядом удаляющуюся фигуру Оиси.

– Неужели ради этого стоило уходить в мир людей? – спросил Содзёбо, окинув своего бывшего подопечного безжалостным взором. – Ради женщины, которая никогда не станет твоей?

Неожиданный вопрос застал полукровку врасплох. Кай поглядел в непроницаемые золотые глаза и, вспомнив Мику, уверенно ответил:

– Да.

Повелитель *тэнгу* презрительно улыбнулся.

– Я расскажу тебе о любви. Ночь любви привела тебя в этот мир. Ночь любви между английским моряком и крестьянской дочерью, проданной в квартал развлечений… – Содзёбо помолчал, оценивающе рассматривая Кая. – А вскоре любящая мать оставила рожденное ею чудовище в лесу… на верную смерть.

Кай широко раскрыл глаза. Вся его решимость исчезла. Его самое сокровенное желание – узнать, кто он и зачем пришел в этот мир, – открылось демону, безжалостно наносящему удар за ударом.

– А мы тебя нашли, – продолжил владыка *тэнгу*. В его голосе сквозили нотки утешения. – Мы приняли тебя как родного, многому научили… Но ты сбежал и отверг наши дары, – жестко закончил демон.

– Дары смерти, – с отвращением произнес Кай, сжав кулаки.

Неизвестно, по какой причине *тэнгу* решили спасти и воспитать подкидыша, но вряд ли ими двигали человеческие чувства. Содзёбо и прежде лгал Каю… наверняка лжет и сейчас. Неужели Кай попался в свою собственную западню?

Оиси, заслышав шум шагов, отвел зачарованный взгляд от ужасающего лика Фудо-мёо и увидел ронинов, входящих в подземный храм.

– Вы что здесь делаете? – разгневанно осведомился он.

Его соратники – и даже Тикара – осмелились нарушить его приказ.

«Проклятый мальчишка вечно ослушничает, не питает к отцу уважения!» – раздраженно подумал самурай.

– Пойдем отсюда! – сердито выкрикнул Ясуно, словно это Оиси не выполнил распоряжения.

– Не смейте… – Самурай предостерегающе воздел руку, стараясь успокоить ронинов и остановить их.

Его соратники ошеломленно уставились ему за спину, охваченные всепоглощающим ужасом.

Звук молитв умолк. Монахи подняли головы и разглядывали вошедших, будто коршуны, готовые наброситься на мышей.

Воцарилось жуткое молчание… Внезапно *тэнгу* задрожали, наполняя свои изможденные тела загадочной силой, которая пропитывала воздух пещеры.

Оиси встревоженно поглядел на ронинов. Ясуно потянулся к мечу.

– Не смей! – вскрикнул Оиси.

Ясуно обнажил клинок, и тела *тэнгу* будто взорвались. Призраки оборотней-*ёкай* вырвались из монашеских оболочек. С гневным шипением демоны сжали в когтях мечи и налетели на самураев.

Ронины выхватили клинки, выставили копья и дубинки – и встретили натиск *тэнгу*. Многие пускали в ход даже кулаки. Отчаянно сражаясь, самураи отразили первую волну атакующих демонов, но силы были неравны. На место поверженных или обезоруженных призраков становились новые, тесня ронинов от входа, отрезая им путь к бегству.

Оиси выкрикнул приказ сомкнуть ряды и отступить, но его не слышали. Охваченные жаром битвы и окруженные морем демонов воины продвигались все глубже в пещеру. Мечи, выбитые из когтей *тэнгу*, подплыли по воздуху к Оиси, будто умоляя схватить их и броситься на помощь соратникам.

«Не поддавайся соблазну…» – вспомнил самурай предупреждение Кая, серьезный тон полукровки, сомнение в его взгляде. Похоже, Оиси испытывали. Неужели это все – обман, демонские чары? Или бой с *тэнгу* происходит на самом деле? Самурай посмотрел на свой меч в ножнах. Может быть, испытание заключается именно в том, чтобы Оиси безропотно позволил демонам уничтожить отряд ронинов?

Пронзительно вскрикнул человек, кровь брызнула алой струей. Затем раздался еще один крик. Оиси непроизвольно сжал кулаки. У него на глазах убивали товарищей, а он беспомощно

смотрел на кровавую резню и ничего не предпринимал…

– Кай! – отчаянно позвал он, но полукровка не возвращался.

Вокруг погибали ронины.

Кай сглотнул душивший его горький комок боли.

– Я тебе не верю, – сказал он. – Ты ничего не знаешь о людях. Не ведаешь любви…

– Неужели? – переспросил Содзёбо с таинственной всезнающей улыбкой. – Твой отец целую ночь *любил* твою мать… – Владыка демонов неторопливо, словно потешаясь, начал рассказывать трагическую историю жизни Кая. – И когда она понесла, то вернулась в свое селение, потому что *любила* своего нерожденного младенца. А потом родители, которые прежде – *из любви* к дочери – продали ее в квартал развлечений, выгнали ее из дома, обнаружив, что она родила полукровку-безотцовщину.

В ушах Кая стоял грохот водопада, смешанная кровь в жилах боролась с гневом и скорбью. Полукровка не знал, кого винить. На острове Дэдзима он встречал английских моряков и питал к ним такую же лютую ненависть, как к белобрысым голландцам. Но у англичан были рыжие или русые волосы… Внезапно он вспомнил тот день, когда его подобрали вассалы господина Асано, и сказанные кем-то слова: «Может, англичанин…»

На Дэдзиме был один такой английский моряк. Услышав от голландцев, что полукровка утверждает, будто его отец – англичанин, моряк ударил собеседника в лицо, распахнул дверь в камеру, где съежился в углу прикованный к цепи пленник, и…

Глаза Кая жгло, словно кислотой. Повелитель демонов не прекращал своего повествования, рассказывая горькую историю жизни матери Кая.

– …И куда бы она ни пошла, ее выгоняли, проклиная ее демонское исчадье. Не выдержав унижений, она отправилась в лес и наложила на себя руки. Там мы тебя и нашли.

Кай отвел взгляд от безжалостных глаз Содзёбо. Его переполняла ненависть не только к владыке *тэнгу*, но и ко всему человеческому роду, к жалким, слабым, жестоким людишкам, к самому себе… Ведь это из-за него страдали все, кого он любил… хотя больше всего на свете он хотел всего лишь…

Откуда-то донесся знакомый голос, отчаянно выкрикивающий его имя.

Кай обернулся, внезапно вспомнив об Оиси, который остался в молитвенном зале храма. Это самурай его звал?

Ярость, вспыхнувшая в глазах полукровки, выжгла скорбь из взгляда. Владыка демонов утверждал, что он, Кай, сродни демонам, а не людям, пытался доказать, что… «Нет, он меня

испытывает. Значит, еще не все пропало», – решил полукровка.

– Теперь ты знаешь, кто ты такой, – заметил демон, не скрывая презрения. – Неужели ты и сейчас выберешь любовь, а не ненависть?

Образ Мики, возникший перед мысленным взором Кая, и память о ее любви поддержала решимость полукровки.

Внезапно за спиной Содзёбо появилась сама девушка и направилась навстречу Каю. «Не может быть! – подумал полукровка. – Ее здесь нет». Призрачная Мика была точно такой, какой он ее помнил.

Повелитель демонов издевался над своим бывшим подопечным. Впрочем, мимолетное видение стало еще одним напоминанием об изменчивости, непостоянстве и хрупкости человеческой жизни. *Тэнгу* не бессмертны, их можно уничтожить… даже невообразимо древнего демона, который научил Кая сражаться без жалости и объяснил ему, что жизнь – всего лишь предвестница смерти. Само существование демонов напоминало ожившую смерть, а значит, им был неведом смысл жизни.

В мире людей Кай испытал и доброту, и ненависть, и жестокость, и настоящую любовь. Он не отрывал взгляда от призрака Мики. Лицо девушки светилось участием и нежностью, отражая чувства самого Кая.

В золотых глазах владыки демонов вспыхнул гнев.

– Мне открыто будущее, я много раз видел, как ты пытаешься спасти Мику, но твои напрасные усилия оканчиваются твоей смертью. Неужели ты и сейчас выберешь любовь? – хрипло спросил Содзёбо.

– Ради нее – да, – твердо ответил Кай, вскинув голову.

Призрачная Мика протянула к нему руку и исчезла.

– Что бы ты ни делал, – произнес демон, – в этой жизни Мика никогда не станет твоей.

Кай мужественно выслушал горькие слова, понимая, что это правда.

– Тогда я готов пойти на смерть, – сказал он, – в надежде, что встречу Мику в следующей жизни.

Узкие черные зрачки владыки *тэнгу* расширились, открыв пустоту его души. Кай понял, как отчаянно Содзёбо жаждал сокрушить его волю. Неожиданно он вспомнил, что имя повелителя демонов означает «верховный жрец Будды» и так же внезапно осознал, что любой может назвать себя жрецом – или самураем, – но это не отменяет его истинной внутренней сущности, будь он демон или… полукровка.

Кай взглянул на сверкающий меч и ощутил проблеск

надежды.

В молитвенном зале храма демоны перекрыли ронинам путь к отступлению, окружили их, отделив друг от друга, и приготовились обрушить на противника всю силу своих нечеловеческих способностей.

Хара попытался пронзить врага мечом, но клинок прошел через призрачную плоть, не причинив *тэнгу* ни малейшего вреда. Демон обвился вокруг ронина, как сгусток тумана, затем обрел телесную форму и полоснул мечом. Ясуно и Басё сражались отважно, будто драконы-близнецы, пытаясь отдалить неизбежный исход битвы. Хорибэ замахнулся *катаной*, но *тэнгу* своим колдовским оружием разрубил самурайский клинок пополам.

Оиси замер, с неизбывным страданием глядя, как гибнут его соратники. Вокруг него мошкарой вились волшебные мечи демонов. Он беспомощно отмахивался от налетающих клинков, зная, что нужно только схватить один… всего лишь один… и снова дрожащими руками ощупал ножны, проверяя, на месте ли его собственный меч. Оиси преследовал пронзительный взгляд Кая, его серьезный тон, отрывистое предупреждение… Самурай изо всех сил старался не трогать рукоять меча, уклонялся от прикосновений клинков *тэнгу*.

Бой продолжался. Ронины не замечали Оиси, будто он превратился в невидимку, и о нем забыли все – и люди, и демоны.

Внезапно самурай сообразил, что может помочь: главное – не обнажать клинка. Он бросился в самую гущу битвы и принялся голыми руками расталкивать демонов, хватать их за локти, молотить кулаками, врезаться головой в живот, пробиваясь к своим соратникам.

Волшебный клинок подсек ногу Ясуно, и ронин пошатнулся. Басё заслонил друга грудью, но *тэнгу* накинулись на товарищей со всех сторон и зарубили обоих.

Оиси, разъяренный гибелью соратников, сражался как демон, чудом уклоняясь от вражеских клинков и пользуясь всем известным ему арсеналом запрещенных приемов, включая и те, которые применил против него Кай на острове Дэдзима.

Чем ближе самурай подбирался к ронинам, тем ожесточеннее становилось сопротивление демонов. Оиси прикрыл голову рукой, и клинок *тэнгу* располосовал ему предплечье. Самурай увернулся, вскрикнув от боли. Кровь хлынула струей, рука обвисла. Мечи демонов, вонзаясь в тело, ранили, но не убивали, словно *тэнгу* хотели наказать его за дерзость.

«О боги, это не чары, это происходит на самом деле…» – мелькнула мысль.

Повелитель демонов удовлетворенно улыбнулся.

– Признай, что твой побег не имел смысла.

– Что? – непонимающе переспросил Кай.

– Ты мечтал о жизни среди людей, но это всего лишь грезы. В мире смертных у тебя не было цели.

– Нет… – возразил Кай, и внезапно ему открылась правда. То, что он считал жизнью ради самоотверженного проявления вечной любви, на деле было жалким существованием, исполненным унижений и мук. Найденное им определение человеческой натуры оказалось ложью и обманом. Он страдал из-за того, что не желал признать свою ошибку, хотя, как и предсказал Содзёбо, в конце концов его ждет смерть – столь же бессмысленная, как и вся его так называемая жизнь.

Кай замер, оглядел свое израненное тело, покрытое шрамами, пытаясь убедиться, что он следует своим доводам, а не порочной логике повелителя демонов. Затем посмотрел на пояс своих *хакама* и перевел взгляд на меч *тэнгу*, призывно поблескивающий на самом краю пропасти. «Если встретишь воина, обнажи свой меч. А с тем, кто не поэт, бесполезно говорить о стихах», – вспомнил он древнее присловье и невозмутимо встретил взгляд своего прежнего господина.

– Хватит разговоров, – произнес Кай и снова посмотрел на меч, лучом надежды сверкающий во мраке. – Ты дашь мне то, что я попросил?

Содзёбо неопределенно пожал плечами, ничем не выразив своего отношения к отказу продолжать беседу.

– Что ж, возьми клинок, – сказал демон, и в глазах его появилось знакомое Каю выражение. – Если успеешь прежде меня, – добавил он.

Оиси ужом проскользнул меж двух зачарованных мечей и внезапно увидел Тикару. Безоружный юноша торопливо отступал от теснящего его *тэнгу*. На клинке демона, жадно тянущемся к жертве, блестела алая кровь.

Самурай, не обращая внимания на свои раны, пробился сквозь толпу призрачных врагов и бросился на помощь сыну. Он метнулся к *тэнгу*, стараясь оттолкнуть его от Тикары, но демон принял бестелесную форму и нанес Оиси могучий удар в спину. Самурай отлетел в сторону, с трудом поднялся и обернулся, не чувствуя боли.

Тэнгу занес меч над Тикарой, который отчаянно боролся с еще одним врагом. Оиси лихорадочно огляделся, пытаясь хоть как-нибудь предотвратить смерть сына, и пальцы его нащупали

рукоять меча за поясом…

Кай глубоко вздохнул и закрыл глаза, открывая себя для нападения противника. Его разум отринул настоящее и скользнул в прошлое в поисках воспоминаний о былых схватках с *тэнгу*. Секреты боевого искусства *ёкай* были неведомы никому из смертных. Полукровка запретил себе вспоминать о тайном Пути демонов с тех пор, как покинул царство *тэнгу*, сбежал в суеверный мир людей и стал лишь тем, кем ему позволили быть…

Содзёбо, озаренный золотистым сиянием, ступил на Путь демонов, и Кай распахнул глаза, мгновенно перейдя в мир духов, лежащий в промежутках между временем и пространством. Мир смертных рассеялся, будто мираж. Владыка демонов в ярком сиянии своей ауры возник на краю пропасти и потянулся к рукояти меча.

Однако Кай опередил Содзёбо. Предугадав действия своего прежнего господина, он упал на спину, скользнул к клинку и вытянутой ногой изо всех сил толкнул кончик меча.

Подскочивший клинок вырвался из пальцев владыки *тэнгу*, взлетел вверх, лучом света отразившись в промежутках между мирами, и упал прямо в руку Кая, который мгновенно возник в мире людей и выхватил меч из воздуха. Пальцы полукровки сомкнулись на рукояти, и он обернулся, нацелив клинок на горло демона, в этот миг обретшего плоть в реальном мире.

В молитвенном зале храма Оиси увидел, как клинок *тэнгу* рассек воздух над головой сына. Левой рукой самурай высвободил ножны, опустил правую руку на рукоять меча и начал обнажать клинок…

Внезапно Тикара и демоны исчезли.

Оиси разжал пальцы, выпустив рукоять клинка, и огляделся. Нигде не было ни людей, ни каких-либо следов яростного сражения. Монахи-*тэнгу* по-прежнему невозмутимо сидели, вознося молитвы, словно бы ничего не случилось.

Страшная рана на предплечье исчезла вместе с бесчисленными порезами и следами ударов. Боли не ощущалось. Оиси со щелчком вложил клинок в ножны, закрепив его плотнее, и направился к выходу из пещеры. Внезапно руки его задрожали, дрожь охватила все тело, а прерывистое дыхание звучало, будто сдавленные всхлипы.

Содзёбо посмотрел на клинок, прижатый к своему горлу, потом перевел взгляд на руку и лицо Кая. Глаза противников

встретились. В золотистом взоре демона не отражалось ни злобы, ни отвращения – ничего, кроме проблеска уважения.

Кай не знал, что выражает его собственное лицо, но был полон решимости принять любое отношение повелителя *тэнгу*. Во взгляде полукровки читался все тот же безмолвный вопрос.

Содзёбо еле заметно кивнул в знак согласия, и Кай опустил меч, который теперь по праву мог назвать своим.

– Если ты покинешь царство демонов, тебя ждет смерть, – вздохнул владыка *тэнгу*, слегка покачав головой. В его словах не было ни угрозы, ни лжи.

Кай посмотрел в загадочные золотистые глаза, в которых светилась только обреченность – ни следа корысти или обмана, – и решительно ответил:

– Я готов к этому.

Затем, уже на пути к выходу, навсегда покидая своего бывшего покровителя и господина, он прошептал:

– Едва я встретил ее, мой выбор стал ясен.

На пороге молитвенного зала храма его настиг ответный шепот, полный сожаления:

– Я знаю…

Оиси, в совершенном недоумении разглядывая свои руки, услыхал направляющиеся к нему шаги. Из тени изваяния Фудомёо появился полукровка, сжимая великолепный меч. Кай двигался медленно, словно потерпел поражение, а не одержал победу в битве со своим бывшим господином. Казалось, клинок в его руках тяжелее скалы.

Самурай поглядел на Кая с тем же недоумением, с которым только что разглядывал свои руки. Перед глазами все еще стоял кровавый кошмар пережитого сражения… словно бы пережитого сражения…

Кай остановился перед самураем, заметил странное выражение его лица и дрожь, пробегающую по телу.

– Что ты видел? – спросил полукровка.

Оиси потупился, тяжело сглотнул и чуть слышно ответил:

– Моих соратников.

Кай поглядел в покрасневшие глаза самурая и уважительно склонил голову. Оиси понял, что полукровка начал ему доверять. Кай отвел взгляд и обвел своей *катаной* молитвенный зал.

– Забирай мечи, – произнес он.

Самурай огляделся. Посреди пещеры, там, где он совсем недавно видел поверженных товарищей по оружию, высилась груда сверкающих клинков. А прямо перед ним, поблескивая в свете факелов, лежал еще один меч. Кай поднял его и вложил в

руку Оиси.

Глава 17

Ронины прошли бамбуковой рощей к месту, где оставили стреноженных лошадей. За поясом у каждого ножны с *катаной*, сотворенной оружейными мастерами-*тэнгу*. В мире не было мечей, способных устоять перед клинками из стали, заговоренной демонами.

Оиси шел рядом с сыном. Тикара с видимым облегчением воспринял возвращение отца из храма демонов с волшебным клинком, сверкающим, как пламя. Оиси с трудом сдержал радость, увидев сына невредимым, – если бы самурай не внял предупреждению Кая, все его спутники погибли бы.

Сын не мог удержаться от любопытных взглядов и наконец решился нарушить затянувшееся молчание:

– Что там произошло, отец?

Оиси захлестнула волна отцовской гордости и любви к сыну: захотелось обнять его, словно ребенка, защитить от беды. Однако сейчас делать этого не стоило, чтобы не смущать Тикару. Самурай покачал головой и с улыбкой произнес:

– Не помню.

Юноша удивленно посмотрел на отца, облегченно вздохнул и зашагал дальше.

Кай вывел ронинов из бамбуковой рощи. Он шел впереди отряда, потому что его спутники старались держаться подальше. Полукровка не оглядывался и не замедлял шага, будто не желая, чтобы его нагоняли.

Оиси с удивлением отметил, что невозмутимость исчезла с лица Кая, сменившись удрученным, потерянным выражением – знаком перенесенных испытаний. На теле полукровки не было ран, но самурай не сомневался, что душа его истерзана пережитым.

Поначалу Оиси не обратил внимания на то, что ронины благодарили и расспрашивали именно его, а не полукровку. Однако если бы Кай не одержал победу в поединке с владыкой *тэнгу*, то непозволительная слабость духа, проявленная Оиси, обрекла бы всех на гибель. Казалось, что ужасающее совершенство волшебных мечей, добытых полукровкой, лишний раз подтверждало правомерность страхов и предубеждений ронинов.

Внезапно самурай сообразил, что, потрясенный испытанием, не сказал Каю ни слова, не осведомился, что пришлось пережить. Впрочем, полукровка вряд ли удостоил бы его ответом…

Голос чести твердил Оиси, что такое поведение недопустимо,

что самурай должен немедленно поблагодарить Кая от лица всех ронинов. Но чувство гордости не позволяло Оиси в окружении соратников выказать смирение перед полукровкой. Вдобавок Кай решил присоединиться к ронинам в силу неведомых Оиси причин, так что вряд ли оценит уважение и благодарность спутников, особенно сейчас, когда прозвище «демон» оказалось правдой, а не презрительной кличкой.

Кай сосредоточился на дороге. Солнце неумолимо двигалось по небосводу, рассеянными лучами освещая густые заросли бамбука. Полукровка хотел поскорее добраться до ворот с каменным стражем-*тэнгу*. Кай испытывал чувство невероятного облегчения: после двадцати долгих лет он доказал своему бывшему господину, что побег из мира демонов был не признаком слабости, а неотъемлемым правом распоряжаться собственной жизнью.

Он старался не вспоминать о призраке Мики, старался забыть голос своего приемного отца. Содзёбо мог солгать, но избрал правду, зная, что она ранит гораздо глубже, – тем больнее прозвучали горькие слова напутствия, сказанные на прощанье владыкой *тэнгу*.

«Они никогда не примут тебя за своего», – вспомнил Кай предсказание повелителя демонов.

Полукровка добыл мечи для ронинов, но это не помогло ему заручиться их доверием или уважением. Ради этих людей он рисковал жизнью, поделился с ними своей тайной, однако они, не в силах перебороть свои предубеждения, еще больше отдалились от него.

Он раздраженно напомнил себе, что совершил все это не ради ронинов. Они всю жизнь его ненавидели, и сейчас ничего не изменилось. Кай поступил так ради Мики… ради себя самого, желая доказать, что он – человек, достойный любить и быть любимым, даже если эта любовь заранее обречена. Он спасет Мику от Киры, вернет ей жизнь, хотя и не сможет быть рядом с возлюбленной, потому что навсегда останется неприкаянным, отверженным полукровкой, вечным изгоем.

– Полукровка! – раздался резкий оклик, и Кай вздрогнул. Знакомое прозвище прозвучало словно имя – да оно и было именем, ведь так Кая называли с самого рождения.

В палой листве зашуршали шаги: к Каю торопливо приближался Басё. Полукровка не замедлил шага и ничего не ответил.

Великан с лицом и характером малого ребенка догнал Кая и пошел рядом, на ходу высвобождая из ножен свой новый меч и с

детским любопытством разглядывая клинок.

– А что в этих мечах особенного? – поинтересовался ронин.

Кай задумался, стоит ли ему отвечать, и запоздало сообразил, что Басё не издевается над ним, а искренне пытается завязать разговор. Полукровка кивнул и сказал:

– Все зависит от того, в чьих они руках.

– Снова загадки, – разочарованно протянул Басё.

Поговаривали, что в юности ронин был монахом. Наверное, он недолюбливал *коаны*, а потому покинул монастырь… Впрочем, принимая во внимание детскую непосредственность Басё, ему, скорее всего, посоветовали подыскать себе другое занятие.

– В руках у труса клинок становится неподъемным, – пожав плечами, объяснил Кай.

Ронин удивленно посмотрел на сверкающую *катану*.

– А в руках безрассудного, опрометчивого воина меч станет легким и не поразит цель, – продолжил полукровка.

Басё оглянулся, словно вспомнив о своем приятеле Ясуно, и с улыбкой спросил:

– Хм, а каким он станет в руках бесстрашного, могучего воина? В руках такого, как я?

Кай обнажил свой меч и полоснул по толстым бамбуковым стволам.

– Будет рубить и резать, – ответил он.

Клинок прошел сквозь четырехдюймовый ствол, будто сквозь шелк.

Басё уверенно замахнулся, с легкостью срубил несколько бамбуковых стволов и залился счастливым смехом.

Неожиданно для себя Кай расхохотался: похоже, он недаром рисковал жизнью ради этих людей. Мечи приняли новых хозяев, а обращение «полукровка» утратило презрительный оттенок, стало обыкновенным прозвищем, вот как прозвище Басё. Ведь еще во время поединка с владыкой *тэнгу* Кай осознал, что имена и титулы бессмысленны, потому что они не описывают внутренней сущности человека.

«Я свое прозвище заслужил», – подумал он, вспоминая крики толпы на острове Дэдзима, ошеломленные лица ронинов при столкновении с воинами Киры в Уэцу, поединок с бойцом Киры в замке Ако…

Как ни больно признавать, но Кай всегда останется *гайдзином*, изгоем, отверженным. Он рожден полукровкой, выращен демонами – и сражается как демон, а не как простой смертный… Однако по духу он воин, такой же, как его спутники, в жилах которых течет кровь самураев. А все потому, что он – полукровка. Говорят, что тьма скрывает в себе зародыш света, а

свет хранит в себе зародыш тьмы: так вселенная постоянно восстанавливает нарушенный порядок существования, возвращает ровное течение жизни.

Полукровка улыбнулся, вложил меч в ножны и продолжил беседу с Басё. Ясуно недоуменно глядел им в спины, еще больше презирая полукровку, с которым шутил и смеялся его приятель.

Исогаи оперся локтем об обшарпанную столешницу, притворяясь, что перебрал *сакэ*. В этом захудалом постоялом дворе паршивую рисовую водку пить можно было лишь маленькими глотками. Мало того, что его специально отправили в эту дыру, так он еще и остался в одиночестве, хотя обычно Исогаи предпочитал общество друзей. К сожалению, все друзья были далеко.

Оиси утверждал, что необходимо раздобыть сведения о планах Киры, и оказался прав: лучше всего сделать это можно было в самом дрянном притоне города, где собирались разъевшиеся торговцы. Сюда же приходили и чиновники *бакуфу*, невзирая на то, что указ сёгуна запрещал самураям посещение злачных мест.

Труппа бродячих актеров *кабуки* исполняла непристойную постановку. Пьяные зрители восторженно улюлюкали и приставали к служанкам, беспрестанно подливающим выпивку в подставленные чаши. Служанки привлекательностью не отличались, а походили на главного злодея постановки, актера в гротескной маске демона-*они*. Исогаи содрогнулся и решил, что ему повезло: полученный от Оиси приказ не содержал упоминания о необходимости разделить ложе с прислугой.

Он тяжело вздохнул, играя роль брюзгливого мужа, и наклонился к соседу по столу – подвыпившему чиновнику.

– Меня жена замучила, – пожаловался Исогаи. – Покою не дает, требует, чтобы я разузнал, откуда лучше всего смотреть на шествие господина Киры.

– Какое шествие? – недоуменно переспросил чиновник. – Господин выедет из замка на закате, помолится в храме и тут же вернется, – пояснил он и отвернулся.

Похоже, все жители провинции прекрасно знали, как Кира заботится о своей безопасности. Чиновник с кривой улыбкой потянулся к проходящей мимо служанке и усадил ее к себе на колени. Исогаи одним глотком допил *сакэ* и разочарованно уставился в одну точку. Делать было нечего: вряд ли кому-то из посетителей этого притона известно, по какой дороге и когда именно Кира решит посетить святилище. А если отряд ронинов укроется в непосредственной близости от замка, об этом

незамедлительно прознают соглядатаи и осведомители Киры.

Внезапно Исогаи заметил, что рядом с ним почтительно склонилась одна из служанок, ожидая позволения наполнить чашу *сакэ*. Ронин удивленно посмотрел на нее: в этом притоне прислуга обычно не соблюдала правил приличия. Девушка оказалась молоденькой и хорошенькой – похоже, работала здесь недавно, ее еще не тронул дух разврата. Исогаи кивнул, и служанка осторожно налила *сакэ* в чашу. Он невольно залюбовался утонченностью черт девушки и грациозными движениями. «Наверное, дочь разорившегося самурая», – подумал Исогаи, зная, что не только крестьяне продавали дочерей в притоны. Он взглянул на прелестное лицо, заметил скромно потупленный взор… Вряд ли ее отец с легкостью пошел на такой отчаянный шаг. Впрочем, отчаявшиеся люди совершают отчаянные поступки. Вот и Исогаи с товарищами задумали совершить безрассудный шаг, граничащий с безумием.

– Как тебя зовут? – спросил Исогаи, неожиданно для себя самого.

– Юки, – ответила она, не поднимая глаз.

Имя Юки, означающее «снег», удивительно подходило этой нежной, чистой, неиспорченной девушке. Она взглянула на Исогаи, и ронин с трудом сдержал удивленный возглас. У служанки были разные глаза: один карий, другой – голубой. Наверное, девушка слепа на один глаз. И все же, несмотря на увечье, она была необычайно красива и совершенно очаровала Исогаи.

Налитое *сакэ* каким-то чудом приобрело вкус свежевыпавшего снега и лепестков сакуры. Юки присела рядом с ронином и наливала ему одну чашу за другой. Вскоре он с умиротворенной улыбкой предложил девушке разделить с ним *сакэ*. «Живи в пьяных мечтах и умри, грезя о…» – мелькнула мысль.

Исогаи не помнил, как оказался в одной постели с Юки. Пламя свечи дрожало на стенах тесной комнатки. Голова кружилась – не от *сакэ*, а от опьяняющего ощущения тонкого, гибкого девичьего тела. Юки приподнялась на локте и нежно погладила Исогаи по щеке. Длинная прядь черных волос девушки щекотала его кожу.

– Вы так добры, господин, – шепнула Юки. – Так благородны…

Исогаи улыбнулся и закрыл глаза, наслаждаясь прикосновением ласковых пальцев. Разумеется, теперь никто не примет его за благородного самурая, но…

– Все может быть, – удовлетворенно пробормотал он, гордясь

тем, что сохранил самое ценное – верность *бусидо*.

Исогаи всегда следовал кодексу самурайских установлений и, по примеру Будды, учтиво относился ко всем, даже к самым ничтожным людям, а с женщинами легкого поведения общался так же почтительно, как с высокородными госпожами, хотя многие самураи, напротив, обращались со своими женами, будто со шлюхами. Поэтому за Исогаи шла слава женского угодника, а его приятели этого не понимали.

– Вы, наверное, господин из высокого рода… – с застенчивой улыбкой продолжила девушка.

– Не совсем… – ухмыльнулся он.

– Или вы воин? – прошептала она, касаясь его губ чувственным поцелуем.

Исогаи застонал от возбуждения. Прядь шелковистых волос скользнула по его шее.

– Расскажите мне о себе, мой прекрасный самурай… – нежно проворковала Юки.

Он открыл глаза. Прядь волос, щекочущая шею, внезапно захлестнула горло и затянулась тугой петлей.

Ронин попытался вырваться, ухватил скользкую прядь, которая все туже и туже стягивала на его шее змеиные кольца. Воздуха не хватало…

Руки Исогаи ослабли, пальцы разжались. Он в последний раз содрогнулся, вытянулся и замер, широко раскрыв невидящие глаза.

Глава 18

Ронины снова выступили в путь, спеша как можно быстрее достичь владений Киры. Отряд двигался по глухомани и пустошам, потому что дороги стерегли патрули сёгуна и соглядатаи Киры.

Кай находил неприметные звериные тропы и просеки, проложенные лесорубами. По узким горным тропинкам отряд шел гуськом, а если на пути встречался ветхий дощатый мостик, то приходилось возвращаться и искать брод.

Чем выше ронины поднимались в горы, тем холоднее становилось, словно время текло вспять, унося с собой все приметы наступающей весны. Морозные ночи, ледяные дожди и снежные заносы задерживали путников. Для защиты от обморожения сандалии набивали жухлой травой, из тростника и лиан плели широкополые шляпы и накидки, чтобы хоть как-то укрыться от непогоды.

Оиси простудился: глухой кашель сотрясал тело, отдавался в груди ноющей болью, будто от сломанного ребра, и мешал спать по ночам, так что самураю приходилось дремать в седле. Отдыха он не знал с того самого времени, как попал в подземелье замка Ако, а потом вызволял полукровку из голландского плена на острове Дэдзима. Оиси проклинал свою нерадивость, убеждая себя, что ослабело не тело, а дух – ведь самурай одной лишь силой воли способен поддерживать бренную плоть в боевой форме. Спутники тревожно поглядывали на Оиси, но он отказывался признавать, что болен, и не позволял заботиться о себе даже сыну.

Однажды самурай проснулся от очередного приступа кашля и, чтобы не беспокоить спящих, поднялся и пошел проверить караульных. На одном из постов стоял Кай.

Полукровка поднес к лицу Оиси потайной фонарь и сурово осведомился:

– Ты почему не спишь?

Сощурившись, ронин заметил наставленный на него клинок.

– Проверяю караулы, – глухо ответил он и зашелся в кашле.

– Вот дурак! – пробормотал Кай и подтолкнул его к огромному валуну, защищавшему от порывов холодного ветра. – Если хочешь смерти, то вспори себе живот – это легче, чем выкашливать кишки.

– Не смей так со мной разговаривать! – возмутился Оиси. – Ты не…

– Что? Я не твой господин? Я тебе не ровня? – невозмутимо

поинтересовался Кай. – Я тебе никто, и ты мне никто. Однако соратники положились на тебя, понадеялись, что, когда придет время, ты поведешь их в бой против Киры. А ты обращаешься со своим телом, как с чурбаном! – Он отступил на шаг и кивнул в сторону еще одного караульного. – Если доверяешь своим людям, то доверься и их способностям. А если ценишь их жизни, то цени и свою. Иди отдохни! – резко бросил Кай и ушел, прежде чем Оиси успел что-либо возразить.

Самурай прислонился к холодному камню, дрожа от ярости. Внезапно колени его подкосились, и он упал на четвереньки, надрывно кашляя.

К нему подбежал Масеки, еще один караульный, помог подняться и отвел к костру, где уже сидел полукровка с чашкой горячего чая в руках. Остальные ронины крепко спали. Кай протянул чашку Оиси. Самурай сделал глоток и понял, что это целебный травяной настой Басё с какими-то неизвестными добавками. Масеки стоял рядом, обеспокоенно глядя на Оиси. Тот допил чай, поблагодарил караульного и отправил его на пост. К тому времени и Кай уже вернулся к своему посту. Оиси прилег у огня, угрюмо завернулся в камышовую накидку и заснул.

Наутро он проснулся и решил, что все случившееся прошлой ночью ему приснилось. Однако Басё заставил его выпить полную чашку целебного отвара и велел натереть горло и грудь особой мазью. Тикара принес отцу завтрак и проследил, чтобы тот все съел. После этого Оиси медленно пошел на поправку. С каждым днем силы к нему возвращались, кашлял он все меньше, чувство обиды и раздражения исчезло, а здравый смысл подсказал, что непрошеная забота была весьма мудрым шагом со стороны полукровки.

Оиси также неохотно признал, что Кай вполне способен самостоятельно вывести отряд к цели, пользуясь умением следопыта, полученным у демонов. В заброшенной крестьянской хижине их ждал Хадзама вместе с теми вассалами князя Асано, которых разыскали лазутчики.

Позволив Каю встать во главе отряда ронинов, Оиси впервые в жизни переложил ответственность на чужие плечи, более того – он поручил это полукровке, взращенному демонами. Кай был опытным следопытом, способным выжить в любой ситуации: именно эти качества требовались сейчас для того, чтобы достичь крестьянской лачуги. Вдобавок, после пережитого в храме *тэнгу,* Оиси в глубине души считал Кая верным соратником.

К тому времени, как отряд добрался до заброшенной хижины, Оиси потерял счет дням, хотя Тикара уверял его, что времени у

них достаточно. Лачуга стояла посреди сжатого поля, припорошенного тонким слоем снега.

Хадзама, Тюдзаэмон и Окуда добрались до места встречи первыми. Вместе с ними пришли и многие вассалы князя Асано. Ронины радостно приветствовали старых друзей и родственников, с которыми прежде не чаяли встретиться, шумно обменивались новостями, рассказывали о злоключениях, перенесенных за прошедший год.

Кай тенью скользил по хижине, пытаясь найти место, где можно побыть в одиночестве. Те ронины, с которыми он отправился в Лес *тэнгу*, притерпелись к присутствию полукровки. Тикара и Басё охотно беседовали с ним, а Оиси объяснил товарищам, что Кай – единственный, кто способен довести их до места встречи. Полукровка быстро привык к изменившемуся отношению спутников… Слишком быстро.

«Глупо все это…» – подумал он. Ронины по-прежнему считали его изгоем, демоном. Горькая правда ранила, как удар меча, – презрение чужаков переносилось легче.

Новоприбывшие ронины, обрадованные встречей с друзьями и родными, пока не обращали внимания на Кая, но в тесной хижине негде было уединиться и отдохнуть. Полукровка вышел во двор, на холод и заметил, как Оиси направился к сараю. Там самурая ждал Хадзама, чтобы осмотреть оружие и съестные припасы – ведь ронинов, готовых отомстить Кире за смерть господина, стало в три раза больше.

Долгое путешествие по глухомани изнурило Оиси, выстудило все чувства. Казалось, весна не желает ступать на промерзшую землю. При виде Хадзамы на душе у самурая потеплело: старинный приятель был жив и невредим. Оиси с Хадзамой обменялись церемонными поклонами.

– Позволь вернуть тебе меч… – начал было Хадзама, берясь за рукоять клинка, который Оиси вручил товарищу при расставании.

– Оставь его себе, – ухмыльнулся самурай. – Я же обещал, что раздобуду еще.

Хадзама ошеломленно посмотрел на друга и отвесил глубокий почтительный поклон, осознав, какой чести его удостоили. Оиси положил руку на плечо товарища, и они вошли в сарай.

– У нас есть луки, доспехи и даже порох, – сказал Хадзама, указывая на оружие, аккуратно сложенное у дальней стены сарая, который одновременно служил и конюшней.

Ронин рассказал, что они с товарищами напали на одну из пограничных застав во владениях Киры. Успешная вылазка

подтвердила боевое мастерство воинов. Вдобавок на заставе обнаружился запас оружия и прочих припасов.

Оиси обрадованно кивнул – наконец-то дела пошли на лад. Теперь требовалось узнать только одно: когда именно Кира намерен посетить святилище предков.

– Есть вести от Исогаи? – спросил самурай.

Улыбка исчезла с лица Хадзамы.

– Он не вернулся, – потупившись, ответил воин.

Оиси обеспокоенно взглянул на товарища.

Наблюдая за разговором самураев, Кай заметил признаки растущего беспокойства собеседников. Полукровка не слышал, о чем они говорили, и хотел узнать, что произошло, но не стал подходить к Оиси в присутствии Хадзамы.

Он спустился с веранды во двор, обошел вокруг дома, осматривая караульные посты и ветхие дворовые постройки, где укрыли лошадей от непогоды.

Судя по всему, когда-то здесь жил не простой крестьянин, а высокопоставленный вассал могущественного *даймё*. К сожалению, законы сёгуната отняли у самураев поместья, лишив их возможности стать мирными землевладельцами: теперь за верную службу своему господину вассалы получали только вознаграждение, так что им не оставалось ничего, кроме воинской службы.

Сёгунат Токугавы был таким же порочным, как владыка *тэнгу*. Правители укрепили свою власть, отобрав у своих верных сторонников возможность выбора, и слово «самурай» превратилось в пустой звук.

Непрестанные войны превращали страну в настоящий ад, разрушая не только жизни, но и дух самой земли, однако насильственный мир, поддерживаемый строжайшими запретами, тоже противоречил привычному для людей способу существования.

«Суть жизни – в страдании», – сказал однажды Содзёбо, утверждая, что это изречение принадлежит Будде. Впоследствии Кай не раз слышал эти слова от самых разных людей. Впрочем, Просветленному приписывали столько мудрых суждений, зачастую противоречивых, что полукровка больше не знал, чему верить.

Если все божественные речения истинны, значит, Будда достиг просветления, недоступного простым смертным, и постиг суть всего живого… или это всего лишь свидетельство того, что хитросплетения жизни лишили его разума?

Кай потер шрамы на лбу, внезапно погрузившись в бездонную пучину отчаяния. «Наверное, это просто усталость», – решил он.

Полукровка не желал показывать свою слабость Оиси, боясь задеть разрушительную гордыню самурая. Ему очень хотелось забраться в сарай, лечь на сено и всласть выспаться, чтобы утомленный рассудок обрел былую ясность, а возбужденные чувства успокоились. Кай пересчитал в уме дни, прошедшие с тех пор, как…

«Мика», – подумал он, повторяя имя, как мантру, мысленно воссоздавая любимый образ. Он присоединился к ронинам не только в память о доброте господина Асано, не только из желания добиться, чтобы душа погибшего нашла упокоение после смерти, но и ради Мики.

Девушка была жива, и хотя им не суждено быть вместе, Кай пошел на это ради любви.

Ради любви.

В этом он был уверен. Оиси докажет свою верность господину Асано, отрубив голову Кире, а Кай – освободив Мику.

Послышались голоса: Оиси и Хадзама возвращались в дом. Полукровка утомленно посмотрел на сарай… Нет, отдыхать не время. Когда он поможет ронинам выполнить задуманное, то найдет отдохновение – в смерти. Он закончил обход дома и скользнул в приоткрытую дверь незамеченным. Пришла пора узнать причину беспокойства Оиси.

Воины обступили расстеленную на полу карту замка Кираяма и окрестностей.

– Кира может проследовать по любой из дорог, – раздраженно заметил Ясуно. – В сопровождении войска.

Оиси задумчиво нахмурился. Без вестей от Исогаи напасть на Киру за пределами замка было невозможно, а времени у ронинов почти не оставалось.

– Может быть, все-таки дождемся Исогаи… – нерешительно начал Хара.

– Он не вернется! – гневно воскликнул Хадзама. – Он струсил и сбежал.

– Хадзама! – с упреком произнес Оиси, вздохнул и твердо продолжил: – Не стоит сомневаться в Исогаи, он никогда не давал повода ему не доверять.

Хадзама почтительно поклонился и снова уставился на карту.

«Вот в чем дело, – сообразил Кай. – Неужели ронины покорятся судьбе теперь, после того как прошли столько испытаний…»

Внезапно он услышал где-то вдали негромкий топот копыт.

– Оиси, – начал Кай.

Но тут у стен дома зазвенели по замерзшей почве подковы, раздалось громкое лошадиное ржание, зазвучали крики

караульных. Ронины оторвались от карты. Кай распахнул дверь, и воины с мечами в руках устремились к выходу.

Выйдя наружу, все облегченно вздохнули: посреди двора на великолепном белом скакуне красовался Исогаи. Юноша спешился и, подойдя к Оиси, почтительно поклонился.

– Простите меня за задержку, – сказал он. – Кира отправляется в храм предков сегодня ночью, и я узнал, каким путем.

Оиси радостно приобнял Исогаи.

– Идите все сюда! – воскликнул он, направляясь к сараю с оружием, и приказал: – Поднимайте людей.

Кай пригляделся к белому коню, размышляя, как Исогаи умудрился приобрести превосходного скакуна и одновременно добыть сведения о Кире. «Наверное, выиграл у какого-то проезжего самурая», – подумал полукровка, ощутив смутную тревогу. Что-то в этом коне было не так…

Кай невольно прижал ладонь ко лбу, а потом заставил себя опустить руку. В последнее время ему повсюду чудились следы колдовства… Наверняка Исогаи просто задержался, и удача наконец-то улыбнулась ронинам. Может быть, они удостоились благоволения богов.

И все же в Исогаи появилось что-то нечистое… а Кай привык доверять своим ощущениям. Впрочем, никто из ронинов не сомневался в вернувшемся соратнике. «Хорошо бы подойти к нему поближе, посмотреть в глаза…» – вздохнул полукровка, зная, что в ближайшее время такая возможность вряд ли представится.

Однако же Оиси включил Кая в группу воинов, которые нападут на самого Киру, в то время пока остальные ронины начнут бой со стражниками. Как раз тогда и выпадет случай внимательно поглядеть на Исогаи.

Хадзама прекрасно выполнил свою часть задания. По уверенному виду Оиси полукровка понял, что Кира отправится в храм с небольшим отрядом охранников.

Тикара подошел к Оиси и попросил:

– Возьмите меня с собой, отец.

«Неужели самурай запретил сыну участвовать в нападении на Киру?» – удивился Кай.

Оиси прошел мимо Тикары, не замедлив шага, и отрывисто бросил:

– Хорибэ, останешься с ним.

Старый воин, который сделал ценный вклад в успешное исполнение плана, ошеломленно посмотрел на Оиси. Тикара с плохо скрытой обидой уставился на отца: Оиси во всеуслышание

объявил, что его сын недостоин сражаться бок о бок с истинными самураями.

Кай не понимал, почему Оиси так поступил, до тех пор, пока не заметил в глазах самурая то же самое выражение, как после испытания в храме *тэнгу*. «Так вот что видел тогда Оиси, – запоздало сообразил полукровка. – Своих умирающих соратников, гибель своего сына… и не мог ничего сделать для их спасения».

Он преисполнился сочувствия к отцу и сыну, зная, что выбор сделан, ход их судеб предопределен и изменить его никто не в силах.

Невозможно повернуть время вспять и изменить прошлое. Наконец-то настала пора приготовиться к битве.

Глава 19

Во внутреннем дворе замка Кираяма воины готовились к поездке господина Киры в святилище предков.

В центре двора, рядом с оседланной лошадью, стоял Кира, с напускным терпением ожидая окончания приготовлений, хотя на самом деле его интересовало только одно: Мика. Слуги провели девушку мимо ряда вооруженных стражников и распростерлись в почтительном поклоне у ног своего господина. Охранники, сопровождавшие Мику, тоже поклонились. Девушка, словно не замечая этого, продолжала смотреть на Киру с гордым вызовом.

– Я уезжаю в святилище, отдать почести своим предкам, – сказал он, с обожанием глядя на нее. – Скажи, за что еще мне помолиться?

Мика взглянула на исполинского самурая в черных доспехах, который повсюду сопровождал Киру, и вежливо произнесла:

– Боюсь, господин, вам не понравится мой ответ.

Кира одарил ее нежной улыбкой.

– Тогда я отвечу за тебя. Через два дня мы станем мужем и женой, а я буду владыкой Ако. – Глаза девушки холодно блеснули, однако Кира невозмутимо продолжил: – Хотя сейчас ты смотришь на меня свысока, как и твой отец когда-то, знай, что наша кровь смешается в жилах наших детей. – Он отвернулся и вскочил в седло.

В сумерках ронины добрались до храма предков Киры. Воинам едва хватило времени, чтобы стреножить лошадей в роще неподалеку и осторожно приблизиться к святилищу.

Ночь была темной, безлунной. Воины украдкой пробирались к храму при свете тысяч звезд, холодными огоньками мерцающих в небесной вышине. Огромное небо жадно вбирало в себя тепло уходящего дня.

Издалека святилище предков Киры напоминало не храм, а сарай. Узкая тропка вела к одинокой постройке посреди незасеянных полей. В святилище, перед небольшим деревянным изваянием Будды, у алтаря для подношений с трудом могли уместиться три или четыре коленопреклоненных человека. Возможно, Кира решил не перестраивать храм, считая его напоминанием о скромном происхождении предков, хотя, скорее всего, новоявленный *даймё* просто хотел забыть об их существовании.

Исогаи вывел отряд из рощи к жнивью, где высились стога. Они оставляли открытым подход к святилищу и в то же время

могли послужить надежным укрытием для ронинов.

Чем дольше Кай рассматривал окрестности, тем более зловещей казалась открывшаяся перед ним картина. Силуэты стогов предстали призрачными гробницами древних царей, а ветхое деревянное святилище – величественным храмовым комплексом, внушающим благоговейный ужас. Кай поднес ладонь ко лбу, стараясь отогнать навязчивый образ и развеять ощущение потусторонних чар, которые исходили от скромной кумирни.

С тех самых пор, как ронины добрались до крестьянской хижины, Кай чувствовал невероятную усталость и смутную тревогу. Враждебные взгляды воинов, так и не привыкших к его присутствию, только усиливали эти ощущения.

Предстоящее нападение на Киру не улучшило настроения полукровки. Он пытался успокоить себя тем, что в этой битве ему не придется в одиночку сражаться с *кирином* или с повелителем демонов.

Кай снова вспомнил, что страх – не враг, а соратник… Он отогнал возбуждение и беспокойство, убеждая себя, что в охватившей его дрожи виноват холодный ночной ветер. Святилище предков Киры – непритязательная кумирня, а в поле стоят обычные стога сена, за которыми удобно прятаться воинам, пришедшим исполнить свой священный долг. В мерцающем пламени одинокой свечи, зажженной в храме, виднелась фигура коленопреклоненного мужчины – судя по одеянию, это был сам Кира.

Рядом с полукровкой, на опушке рощи, замер Оиси, изучая подходы к святилищу. Он начал негромко отдавать распоряжения своим воинам, отправляя их на поиски стражников, затаившихся в засаде. Хотя Исогаи и утверждал, что Киру сопровождает только горстка охранников, Оиси, изучавший трактат о военном искусстве почтенного учителя Суня, понимал, что даже местным чиновникам *бакуфу* не сообщали всех важных сведений. «Умение приспосабливаться к обстоятельствам – лучшая тактика боя».

Ронины, которых Оиси выбрал для нападения на Киру, собрались вокруг самурая.

– Ждите здесь и не подпускайте воинов Киры, – приказал он.

После убийства заклятого врага кто-то должен был остаться в живых, чтобы доставить голову поверженного врага на могилу князя Асано.

Оиси подал сигнал своим лучшим бойцам, и они вместе с Каем двинулись в поле.

Исогаи шел во главе отряда, рядом с Оиси, остальные рассеялись по мерзлой пашне. Ночной ветерок шелестел по жнивью, скрывая поскрипывание доспехов и лязг оружия. Ронины

тенями скользнули мимо стогов к храму.

На подступах к святилищу воины распластались по земле. В дверном проеме четко вырисовывался силуэт коленопреклоненного Киры, погруженного в молитвы, просящего богов об исполнении своих желаний, ради которых он безжалостно предавал и убивал любого, кто стоял на его пути.

Через два дня эти желания исполнятся.

Если Киру не остановят…

Приблизившись к стенам храма, ронины заметили двух стражников, которые стояли в почтительном отдалении от своего господина, держа под уздцы лошадей.

Холодный ветер усилился, над полем зашептались призрачные голоса. Кожа Кая покрылась мурашками, все его чувства обострились, он не мог избавиться от ощущения, что вокруг собиралась какая-то неведомая, потусторонняя сила. Силуэты Киры и двух охранников четко вырисовывались перед внутренним взором полукровки, словно бы озаренные светом полной луны, хотя ночь была безлунной. Басё и Ясуно обнажили заколдованные мечи, слабо поблескивающие в темноте. Хадзама сжимал клинок с фамильным гербом Оиси, а сам Оиси держал наготове кинжал господина Асано.

Похоже, все шло по плану. Убийство Киры должно было свершиться, что бы ни случилось.

Однако же Кай чувствовал, что вот-вот произойдет непредвиденное, и не представлял, как это предотвратить.

Оиси и Исогаи разделились, обошли последние стога у стен храма, подкрались к стражникам и беззвучно убили их. Поднявшись на ноги, воины направились к фигуре, склонившейся перед алтарем.

Смерть охранников была сигналом для остальных двинуться к входу в святилище. Внезапно туманный ореол, окутавший постройку, ярко полыхнул, будто напитанный многовековой колдовской мощью.

Невнятное бормотание молящегося превратилось в резкий, звонкий женский голос, и над полем разнеслось странное заклинание.

Порыв ветра засвистел в жухлом жнивье и разметал стога. Исогаи остановился. Глаза юноши помутнели, стали молочно-белыми пятнами.

Оиси удивленно воскликнул и направился к Исогаи.

– Это ловушка! – Кай подбежал к самураю и схватил его за руку. – Беги!

Оиси вырвался и сделал еще один шаг к товарищу.

Юноша обратил невидящий взор на самурая и глухо

произнес:

– Прости меня…

Изо рта юноши вырвались языки пламени.

Оиси замер и испуганно поднес руку к глазам.

Загадочное существо у алтаря поднялось с колен.

Это была колдунья-*кицунэ*.

Голосом, полным магической силы, она произнесла заключительную часть заклинания.

Исогаи охватили языки колдовского пламени.

«Лисий огонь!» – с ужасом понял Кай. Об этом когда-то рассказывали *тэнгу*, но полукровка не подозревал, какой силой обладает волшебное пламя. Он попятился, прикрывая лицо от невыносимого жара.

Внезапно огонь, охвативший неподвижное тело Исогаи, разделился надвое. Языки пламени, будто огненное дыхание дракона, потянулись к стогам и подожгли жнивье, окружив воинов пылающим кольцом и отрезав подступы к колдунье.

Кай горько пожалел, что, в попытке жить, как простой смертный, не поверил своим предчувствиям.

Он сосредоточился на поисках выхода из пылающего ада. Пламя слепило со всех сторон, черный дым горящих стогов застил глаза. Отовсюду слышались тревожные крики ронинов: «Уходим! Сюда! Вперед!» Ветер срывал клоки горящей соломы, сдувая их в центр пламенного круга.

За стеной огня, подле колдуньи, возник ряд лучников, которые прятались в поле за святилищем. Рядом с *кицунэ* высился исполинский самурай в черных доспехах – тот самый, что победил Кая в поединке.

Колдунья, увидев полукровку, зашлась смехом и взмахнула рукой. Лучники спустили тетиву, в ронинов полетел дождь стрел. Раздались крики. Внезапно лошадь одного из стражников метнулась сквозь огонь, сбив с ног ошарашенных мятежников.

Оиси подбежал к Каю, и они поглядели в дальний конец поля, только сейчас заметив, что стога намеренно расставили веером: для того, чтобы заманить ронинов в западню. Самурай кивнул полукровке, и они бросились бежать прочь от лучников. На бегу Оиси хриплым от дыма голосом выкрикивал приказы отступать. Стрелы дождем сыпались на ронинов, неся смерть. Издалека доносились звуки битвы – похоже, остальные тоже попали в ловушку.

Басё вырвался из горящего кольца и помчался со всех ног. За ним бежал Ясуно. Обезумевшая лошадь, напуганная пламенем и криками, метнулась навстречу ронинам и сбила Ясуно с ног. В просвете между стогами мелькнули силуэты деревьев на опушке

рощи, и Кай решил, что у воинов есть возможность остаться в живых.

Он обернулся и закричал, указывая на сужающийся проем в стене огня. Потерявший сознание Ясуно недвижно лежал на земле. Басё увидел поверженного товарища и под градом стрел бросился ему на помощь.

Кай, не переставая подгонять бегущих воинов, направлял их к месту, еще не охваченному пламенем. Басё упрямо подбирался к Ясуно, не обращая внимания на вонзающиеся в него стрелы. Он добрался до тела приятеля и понес его на руках из пылающего ада. Стрелы впивались ему в спину иглами дикобраза – доспехов нужного размера для самурая не нашлось, и острые наконечники пронзали плоть Басё.

Кай оглянулся: горящее поле покидали оставшиеся в живых воины. Оиси и Хара все еще находились внутри пылающего круга, помогая своим товарищам найти путь к спасению.

Сплошная стена огня скрыла колдунью от глаз Кая. «Может быть, и *кищунэ* не видит тех, кто уцелел», – подумал он. Уцелевшие ронины собрались на опушке и помогали друг другу сбить пламя с доспехов.

Басё подбежал к месту, где стояли Кай, Оиси и Хара. Они бросились к великану, поддерживая его и бесчувственное тело Ясуно, а потом повернулись к стене пламени. Хара первым прыгнул в огонь, за пределы горящего круга. Поджидавшие его соратники накинули на ронина одеяло, сбивая пламя. Кай и Оиси взяли Басё за локти и, закрыв глаза, тоже бросились в огонь.

Они выкатились на землю за пределами круга смерти. К ним тут же подбежали ронины, туша пламя лошадиными попонами и одеялами.

Оиси поднялся на ноги и вгляделся в огонь.

– Хадзама! – воскликнул самурай и замахал руками.

Ронин бежал ему навстречу по горящему полю. Внезапно за его спиной появился великан в черном доспехе, будто *синигами* – дух смерти, пришедший за душой Хадзамы. Ронин выхватил меч, пытаясь отразить нападение, но великан полоснул противника своим громадным клинком. Взметнулось пламя, лишая ронинов последней надежды на то, что кто-то еще остался в живых.

Оиси разъяренно вскрикнул и, словно обезумев, бросился в огонь.

Кай схватил его за руку и оттащил в сторону. Самурай отчаянно отбивался, порываясь отомстить за поверженного товарища.

– Он погиб, – тихо произнес Кай, продолжая держать Оиси за руку.

Самурай успокоился и потерянно посмотрел на полукровку.

– Нам пора, – сказал Кай.

Оиси кивнул, приходя в себя. Он оглядел воинов, которые ждали его приказа.

– А где остальные? – хрипло спросил самурай.

– Там еще идет бой, – ответил один из воинов, кивнув вдаль, на темное поле, откуда еле слышно доносились отзвуки битвы, заглушаемые ревом пламени.

– Подай сигнал к отступлению, – приказал Оиси.

Лучник выпустил в небо сигнальную стрелу, затем вторую, и они с громким свистом улетели во мглу. Хара вытаскивал поломанные стрелы, застрявшие в доспехах. Ясуно сел, неуверенно потирая голову. Хара помог ему подняться на ноги.

Кай склонился над Басё. Великан заморгал, глядя на полукровку, и тихо сказал:

– Я не могу пошевелиться.

Ронины мрачно переглянулись. Вчетвером они осторожно приподняли Басё за плечи и оттащили в рощу.

Колдунья терпеливо дождалась, пока огонь догорит, и двинулась по выжженному полю среди дымящихся стогов и обожженных трупов. Вдали по жнивью все еще пробегали искры; пламя умирало, как смертельно раненный воин. *Кицунэ* с улыбкой склонилась к земле, пытаясь понять, кем были погибшие.

Под ногами хрустела зола, колдунью окутало облако пепла, следом за ней простиралось разрушение. Ветер вздымал к небу тучи черного дыма. Дым тянулся к глазам колдуньи, но не вызывал слез. Она небрежно отогнала от лица удушающие клубы и снова принялась искать свидетельства своего успеха – для того, чтобы убедить Киру.

Великан в черных доспехах всецело повиновался *кицунэ*, а не Кире – хотя тот об этом не догадывался. Исполинский самурай сказал колдунье, что убил Оиси, бывшего *каро* замка Ако, опознав его по фамильному гербу на рукояти меча. Мидзуки не сомневалась в словах самурая, но Кире нужно предъявить сам клинок.

В золе блеснул металл – меч, зажатый в обугленной руке. Великан подобрал его, стряхнул пепел с рукояти и поднес клинок своей госпоже. Колдунья удовлетворенно посмотрела на *мон* клана Оиси, выгравированный на рукояти.

Мидзуки вернулась в замок, где ее ждал Кира. Разумеется, он не поехал в родовое святилище возносить почести предкам – молился он в храме, воздвигнутом на территории замка. *Кицунэ*

приняла его облик и, изображая сыновнюю почтительность, заявила Мике об отъезде в святилище. Следуя повелению колдуньи, стражники под командованием исполинского самурая устроили засаду и отразили предательское нападение ронинов.

Кира, как обычно, с удовлетворением позволил другим выполнить за него черную работу. «Он прекрасно отдает распоряжения», – подумала Мидзуки, понимая, что для истинного владыки это ценное качество… Впрочем, привычка во всем полагаться на своих подданных приводит к слабости.

Колдунья вошла в покои Киры и смиренно склонилась перед своим господином, напоминая ему о своей преданности. Мика никогда не выкажет ему ни подобного смирения, ни покорности. «Я оправдала его ожидания», – подумала *кицунэ*, надеясь, что победа, одержанная в ночной битве, возбудит Киру и раздует в нем пламя страсти.

Мидзуки протянула своему господину меч.

– Клинок принадлежал Оиси, – произнесла она мягким, чарующим голосом.

Кира узнал эмблему на рукояти, и напряжение исчезло с его лица. В глазах вспыхнуло истинное облегчение. Он восхищенно принял меч. Колдунья, решив, что Кира стал прежним, бросилась к своему господину и нежно обняла его, ожидая приглашения разделить с ним ложе.

Он раздраженно отстранился и, не выпуская меча из рук, отошел в сторону. По лицу Киры блуждала счастливая улыбка. Он с размаху рубанул воздух, словно отсекая голову врагу, и вонзил клинок в половицу, как символ поражения своих противников.

Кира повернулся к Мидзуки, жадно сверкая глазами, но колдунья поняла, что он жаждет не ее любви, а чего-то неведомого. Он недоуменно посмотрел на *кицунэ*, которая стояла, умоляюще протянув к нему руки, улыбнулся и сжал ее пальцы.

– Ты славно потрудилась. Теперь все будет хорошо, – сказал он, холодно поднося ее руку к губам жестом почтительной благодарности. – Ты, наверное, устала. Вернись к себе, отдохни. У меня еще много дел, – продолжил он и отвернулся.

Мидзуки ошеломленно посмотрела на Киру, поклонилась и вышла из покоев, тихо закрыв за собой дверь. В глазах ее вспыхнул лисий огонь, прекрасные черты обезобразил яростный звериный оскал.

Глава 20

Встревоженные топотом копыт, Тикара и Хорибэ вышли во двор хижины. Тревога на их лицах сменилась облегчением при виде возвращающихся ронинов. Присмотревшись, старик и юноша поняли, что воины вернулись побежденными: полузамерзшие, покрытые кровью и пеплом, раздавленные отчаянием. Многие еле держались в седле. Увидев носилки с ранеными, Тикара и Хорибэ кинулись помогать соратникам.

В крохотной хижине не хватало места разместить всех раненых и устроиться на ночлег. Сарай превратили в своеобразный лазарет: самых изувеченных воинов отнесли туда и уложили на солому, потеплее укрыв попонами и одеялами.

Оиси ухаживал за ронинами, которые понесли легкие ранения, а Кай осмотрел раны Басё. Прежде тот исполнял обязанности походного лекаря, а в прошлом году, навсегда покидая замок Ако, унес с собой всевозможные целебные травы, мази и снадобья. В то время никто не подозревал, что они понадобятся для исцеления самого Басё, но только Кай знал, как лечить страшные раны добродушного великана.

Ясуно охранял Басё, точно сторожевой пес, поначалу запретив Каю прикасаться к другу.

– Он знает, как… – еле слышно прошептал Басё, пытаясь объяснить приятелю, что полукровка хочет помочь.

Когда-то Басё ухаживал за Каем, которого избили самураи в замке Ако… Это случилось всего год назад, но казалось – в предыдущей жизни.

Ясуно покорно кивнул и помог Каю снять с Басё доспехи, утыканные стрелами. Тело великана покрывали ожоги и раны, нанесенные острыми наконечниками. Басё потерял слишком много крови. Кай осторожно промыл раны.

После поединка в замке Ако Басё сказал полукровке правду: если бы за Каем никто не ухаживал, он бы умер от ран. У полукровки, обязанному ему жизнью, появилась возможность отдать долг человеку, который неожиданно стал его другом. Однако Кай с отчаяньем осознал, что не в состоянии этого сделать – Басё умирал, и все тайные знания *тэнгу* были бессильны спасти ему жизнь.

Кай продолжал обрабатывать раны целебной мазью, пытаясь притупить боль ран и ожогов, облегчить оставшиеся Басё последние часы жизни. Только теперь полукровка осознал, каково это – потерять друга.

Ясуно замер у тела Басё, с трудом сдерживая скорбь. На лице ронина отразилась глубокая печаль, и Кай с удивлением понял, что разделяет его чувства.

Тикара принес свежей воды, выплеснув из миски грязную, смешанную с кровью и пеплом. Кай благодарно кивнул.

– Полукровка, – чуть слышно окликнул его Басё, приоткрыв опухшие глаза.

Кай посмотрел на него, улыбнулся через силу, услышав прозвище, которое не звучало оскорблением в устах добродушного великана. Впрочем, после испытания в храме *тэнгу* Кай больше не считал это слово оскорбительным.

– Знаешь, полукровка, я должен тебе признаться… – извиняющимся тоном прошептал Басё, неловко улыбаясь. – В детстве я прятался в лесу у твоей лачуги, и когда ты выходил, швырялся камнями и навозом… а потом убегал.

Кай улыбнулся, вспоминая, что всегда с легкостью уворачивался от камней.

– Я тоже должен признаться… – сказал он. – Я знал, что это ты в меня булыжники бросаешь. Твое пузо всегда из-за кустов торчало.

Басё рассмеялся, но смех перешел в тяжелый кашель. Кай помрачнел, понимая, что это означает, и утешил себя мыслью, что мучения ронина скоро прекратятся.

Тикара резко отвернулся и пошел прочь, стараясь скрыть ото всех набежавшие слезы.

Оиси вошел в сарай и остановился в дверях, глядя на сына. Тикара поспешно опустил голову, но в глазах отца светилось не разочарование, а глубокое сочувствие. Юноша вышел из сарая и осторожно прикрыл за собой дверь.

Самурай посмотрел на Басё, окинул взглядом раненых: кто терпел боль молча, кто лежал без сознания и негромко стонал. Оиси печально отвел глаза, будто это он, а не Кира, был повинен в страданиях и смерти своих бойцов.

Стараясь успокоиться, Кай продолжил обрабатывать раны Басё – с величайшей осторожностью, легчайшими касаниями, словно желая принять на себя боль и превозмочь свою беспомощность.

Всю жизнь он мечтал о верном друге, который бы принял его за равного и доверял ему. Он запоздало осознал, что в людях, так же как и в самой жизни, свет скрывает зародыш тьмы, а тьма хранит зародыш света.

Никогда раньше у Кая не было друзей. Никогда прежде ему не доводилось терять бесценную дружбу. Но тут великое колесо жизни повернулось, и заведенный порядок нарушился.

Басё протянул руку и сжал пальцы Кая. Полукровка взглянул на раненого, испугавшись, что причинил ему боль, но Басё не выпускал его ладони, словно стараясь удержаться на краю пропасти, вобрать в себя частицу человеческого тепла, почувствовать, что он не одинок…

Кай накрыл ладонь Басё своей, успокаивая его и давая понять, что друзья рядом и не оставят его одного.

Ясуно опустился на колени, не отрывая глаз от Басё, удивленно глядя на его руку, сжимающую пальцы Кая. На лице ронина не было ни зависти, ни отвращения – только благодарность за то, что было кому ободрить друга в его смертный час.

– Знаешь, что мне больше всего сейчас хочется? – прошептал Басё, широко раскрыв глаза, и хитро улыбнулся. – Воздуха…

Кай промолчал. Свет в глазах великана угас, будто задули пламя свечи. Кай осторожно закрыл веки Басё – между друзьями не осталось больше никаких секретов.

Ясуно не пришлось объяснять, что страдания Басё завершились. Невозмутимое лицо самурая исказила глубокая скорбь.

Кай неловко высвободил руку из холодеющих пальцев, медленно поднялся на ноги и отошел. Ясуно остался рядом с телом друга.

Оиси по-прежнему стоял у входа, с невыразимой грустью наблюдая за происходящим. Кай остановился, пристально посмотрел на самурая, затем выскользнул в приоткрытую дверь и осторожно затворил ее за собой.

Посреди невспаханного поля Оиси опустился на колени в жухлую траву, слушая завывания холодного ветра. Самурай обнажил *танто* – кинжал князя Асано – и церемонно держал его в руках, думая одновременно ни о чем и обо всем.

Звездное небо затянули тучи. В воздухе кружились редкие снежинки, будто хлопья пепла… будто лепестки сакуры, сорванные весенним ветерком.

«Путь самурая – путь смерти», – вспомнил Оиси знакомое с детства присловье. Никогда прежде он не понимал, что это значит.

Он всегда верил, что если он достойно проживет жизнь и достойно встретит смерть, то однажды возвратится в этот мир, как возвращаются каждую весну цветы сакуры. Эта мысль всегда приносила ему утешение. Но если смысл перерождения в том, чтобы усвоить урок, преподанный каждой новой жизнью, и в конце концов достичь просветления, освободив душу от земного бремени… как объяснить смерть тех, кто не успел усвоить

жизненный урок?

Оиси читал и даже слагал стихи, в которых самураев сравнивали с цветами сакуры: краткий, но прекрасный миг жизни на пике славы, в расцвете сил – и ранняя, но прекрасная смерть… Никогда прежде он не задумывался, что именно означает это сравнение. Никогда прежде он не испытывал ничего подобного – до злосчастного дня *сэппуку* господина Асано.

За красивыми словами таилась зловещая правда: так тончайший шелк скрывает уродливый шрам, а запах благовоний и священные песнопения отгоняют воспоминания о смраде трупов, гниющих на поле боя.

Смерть больше похожа на свежий снег, хотя чистота безжалостно обещанного забытья не могла затмить кровавых воспоминаний о смерти господина или ужасы недавней ночной битвы.

Предки Оиси были настоящими воинами, а сам он – всего лишь чиновник, вооруженный мечом, играющий в притворные войны. Даже его почтенные учителя, которые писали трактаты об истинном смысле *бусидо*, были рождены в мирное время, а не в Эпоху войн…

Оиси оторвал взгляд от кинжала и оглянулся на звук шагов за спиной. По полю шел Кай.

Самурай недовольно поджал губы. Похоже, ловчий господина Асано способен отыскать Оиси везде, даже в морской пучине. Самурай снова посмотрел на *танто*, отказываясь обращать внимание на полукровку.

Кай остановился рядом, не говоря ни слова, взглянул на кинжал в руках самурая и присел на корточки, пытаясь поймать взгляд Оиси.

– Я должен был исполнить свой долг в день смерти господина, – произнес самурай, не поднимая глаз. – Я должен был действовать смело и решительно. Даже если бы нам не удалось отомстить, мы погибли бы с честью… достойно… – Он ощутил скорбное сочувствие в молчании Кая и решительно добавил: – Вчера ночью мои воины умерли ни за что… напрасно.

Полукровка ничего не ответил. Тихо падал снег, покрывая чистой пеленой обмана кровавые раны и обугленные одеяния, пряча горечь поражения и следы разорения.

– Ты самурай, – отрешенно заметил Кай.

Слова полукровки пробудили в Оиси странные чувства. «Самурай должен быть всегда готов к смерти: именно в этом, а не в неизбежности поражения, заключается долг воина», – вспомнил Оиси. Отчего он вдруг решил, что умереть в безрассудном нападении достойнее, чем в тщательно подготовленном

отмщении? Если бы не колдовские чары, ронины выполнили бы свой долг.

Кай решительно встретил взгляд самурая.

– У нас есть оружие. На нашей стороне неожиданность, – напомнил полукровка, посмотрел на *танто* князя Асано и добавил, сверкнув глазами: – Кира считает, что мы потерпели поражение. Если мы откажемся от задуманного, то смерть твоих бойцов будет воистину напрасна.

Кай выпрямился и медленно пошел к сараю. Он даже не снял с себя доспехов, бросившись на помощь Басё. «Его не отличить от самурая», – решил Оиси, глядя ему вслед.

Снег не прекращался, наполняя мир светом, переливающимся в снежинках, как в перьях волшебной накидки *тэннё*. Оиси вспомнил слова Конфуция, на учении которого основывается кодекс *бусидо*: «Неважно, как быстро ты идешь, главное – не останавливаться».

Он встал, не замечая холода, и задумался над изречением. Теперь враг считал, что ронины погибли, а значит, появилась возможность создать новый план отмщения. После долгой зимы придет весна, на смену ночи заступит рассвет, и неважно, кто останется в живых, чтобы встретить новый день.

Он решительно вложил в ножны *танто* князя Асано. Ако и его владыка ждали возвращения самурая.

С бешено колотящимся сердцем Мика пробудилась от кошмарного сна, полного языков пламени и криков боли, – и в ужасе вскрикнула: в изножье футона скорчилась колдунья, сжимая в руке кинжал.

– Я пообещала господину Кире, что не трону тебя, – со злобной угрозой прошипела *кицунэ*. – Не моя забота, если ты сама на себя руки наложишь… – Мидзуки скривила губы в кровожадной улыбке и змеиным движением скользнула вдоль футона, не выпуская кинжала из рук. Подол роскошного кимоно зловеще прошуршал по полу. – Плохие вести, госпожа моя, – промолвила она, загадочно улыбаясь. – Ваш полукровка убит.

Мика ошеломленно взглянула в лисьи глаза *кицунэ* и задрожала всем телом, утратив всякую надежду – колдунья была уверена в своей правоте. Девушка сникла, словно цветок, увядший в мрачном холоде ледяной пустыни.

– И десятки бывших вассалов вашего отца тоже погибли… Пошли на смерть ради вас, – пояснила Мидзуки, по-звериному оскалив зубы в жутком подобии улыбки.

Мика недоверчиво покачала головой, отгоняя призрачные образы пожара. Ужасное сновидение стало ужасной явью. Языки

пламени не исчезали из памяти. Кошмар, начавшийся год назад, теперь никогда не прекратится.

Колдунья решительно занесла кинжал над головой.

– Такова цена любви, – прошептала она, стремительно вонзила клинок в половицу рядом с Микой и, удовлетворенно улыбнувшись, исчезла за дверью.

Девушка скорчилась на футоне, зажав рот покрывалом, чтобы не разрыдаться в голос. В плену у Киры она лишилась не только надежды, но и самых драгоценных воспоминаний, позволявших ей сохранить достоинство, силы и рассудок.

Боги вняли ее мольбе и ответили: «Нет».

Мика взглянула на сверкающий кинжал-*танто* и подумала об отце. Слезы, сдерживаемые целый год, внезапным потоком заструились по щекам, орошая постель. Девушка осторожно дотронулась до холодной стали, провела рукой по остро заточенному лезвию. Внезапно на ладони открылась глубокая рана, обжигающая жаром, словно пламя из кошмарного сна. Кровь, хлынувшая на футон, смешалась с пролитыми слезами.

Мика была истинной дочерью самурайского рода. «Когда не осталось ни малейшей надежды на победу или на сохранение чести, настоящий самурай выбирает смерть – на своих условиях, а не на условиях, продиктованных врагом».

Девушка попыталась выдернуть клинок из досок пола, но рукоять скользила в окровавленной ладони, не позволяя покрепче сжать кинжал. Приподнявшись на постели, Мика схватила клинок обеими руками.

«Омерзительная лгунья… безжалостная, как и ее повелитель», – подумала девушка и замерла. Проклятая колдунья предательски уничтожила всех, кто был дорог Мике, а теперь зачем-то оставила в спальне кинжал.

«Не моя забота, если ты сама на себя руки наложишь», – вспомнились слова *кицунэ*.

Мика задумалась, что заставило Мидзуки рассказать о случившемся – именно этой ночью, перед самой свадьбой, а не после брачной церемонии.

Девушку неотвязно преследовало воспоминание о зловещем взгляде колдуньи. Кого хотела уничтожить Мидзуки на этот раз?

Мика решительно выдернула клинок из половицы, встала с постели и, перевязав руку накидкой, стерла следы крови с рукояти кинжала. Он ей еще понадобится – так или иначе…

Багряное солнце встало над заснеженными полями, окрашивая небосвод в тревожные кровавые тона. В заброшенной хижине ронины готовились выступить в поход: собирали оружие,

упаковывали припасы, выносили из сарая раненых. Никто не обращал внимания на зловещий рассвет. Оиси, отбросив сомнения и угрызения совести, бодро расхаживал по двору, справлялся о самочувствии раненых и четко отдавал распоряжения.

Кай с облегчением наблюдал за самураем. Полукровка уже приторочил к седлу нехитрые пожитки и позаботился о пострадавших. Ронины принимали его помощь, хотя по-прежнему поглядывали на Кая с опаской.

Не зная, какое место он занимает среди воинов, Кай старался держаться в стороне и, завершив свои дела, ушел в поля, где выставленные в караул ронины пристально всматривались в горизонт. На краю поля Тикара присел на корточки, глядя на рассвет через подзорную трубу.

«Что он там увидел?» – подумал полукровка и направился к юноше.

Тикара вздрогнул, заслышав шаги за спиной, и обернулся. Узнав Кая, он облегченно вздохнул – похоже, обрадовался, что это не отец пришел его проверить.

– На что ты смотришь? – спросил полукровка.

После прошлой ночи Тикара искал подвох даже в самых невинных словах. Юноша слабо улыбнулся.

– В рассветном небе есть золото. Это хорошая примета, – объяснил он и протянул подзорную трубу полукровке.

Кай с улыбкой поднес ее к глазам и заметил на горизонте золотую полосу. Он удивленно всматривался в даль. В золотистом сиянии виднелись полотнища на древках, однако в загадочной колонне под сенью знамен шли вовсе не воины в доспехах.

Кай поблагодарил Тикару, вернул ему подзорную трубу и отправился к Оиси.

Ронины спрятались в рощице, дожидаясь приближения странствующей труппы. Во главе колонны шел Каватакэ – год назад, в злосчастный день поединка, эти актеры и музыканты давали представление в замке Ако.

Кай обменялся кивками с Оиси. Самурай расплылся в довольной улыбке, словно божество, следящее за ходом пьесы *кабуки* в театре человеческой жизни.

Впрочем, боги здесь были ни при чем – эту пьесу наверняка разыграли демоны. На рассвете, наблюдая за приближением актеров, Кай вспомнил древнее сказание, услышанное от *тэнгу*. Давным-давно, когда злобные и жестокие *тэнгу* любили морочить людей, несколько демонов пробрались в замок, притворившись

бродячими актерами. Зачем они это сделали, Кай так и не понял. *Тэнгу* очень гордились тем, что ловко провели обитателей замка, хотя в конце концов демонов обнаружили и с позором изгнали. Но если ронины заручатся поддержкой лицедеев, то история вполне может сложиться иначе.

Актеры, разодетые в яркие наряды, несли сверкающие позолотой стяги, звонко распевали песни под аккомпанемент флейт и барабанов, приплясывали на ходу и устраивали импровизированные фехтовальные поединки. Даже в пути они умудрялись объединить разучивание новой пьесы и показ своих умений. Лицедеи развлекали случайных путников и деревенских жителей, развеивали монотонность и скуку многодневного путешествия. Артисты считались низшим сословием, однако им, как и самураям, были присущи чрезмерное тщеславие и гордыня. И все же Каю на мгновение захотелось в следующей жизни родиться актером…

Мимолетное желание быстро исчезло, когда по сигналу Оиси воины выступили из-за кустов на дорогу. Каватакэ остановился и ошеломленно уставился на ронинов. Оборванные, но хорошо вооруженные воины решительно преградили дорогу бродячим актерам.

Оиси выступил вперед и почтительно поклонился.

Кай обнажил меч.

Вскоре актеры рядком сидели в долине, где самураи оставили своих лошадей и поклажу. Лицедеи с тревожным изумлением разглядывали странных «бандитов», которые угощали их чаем, рисовыми лепешками, копченой рыбой и дичью, выказывая своим пленникам чрезвычайное почтение.

Наконец Каватакэ, расхрабрившись от еды и уважительного обращения, решился заговорить.

Ронины, изо всех сил сохраняя невозмутимый вид, слушали, как актер распекает и поносит своих похитителей.

– Вы за это ответите! – бушевал Каватакэ.

Воины понимающе переглянулись, скрывая улыбки.

– Мы не какая-то захолустная труппа! – не унимался актер. – Нас сам господин Кира пригласил дать представление в день своей свадьбы. С его личного позволения мы…

– Можете не продолжать, – остановил его Оиси. – Мы видели ваше выступление в замке Ако.

Каватакэ ошарашенно умолк и уставился на Оиси.

– Вы – вассалы князя Асано, – произнес актер, привыкший различать истинные лица сквозь маски и сценический грим. Он недоумевающе нахмурился и наконец сообразил, что стоящие

перед ним оборванцы – верные самураи Асано, еще год назад щеголявшие в роскошных одеяниях и сверкающих доспехах.

Каватакэ, хорошо знакомый как с причудами судьбы, так и с лабиринтами власти, смотрел на воинов с пониманием и сочувствием.

– Нам нужна ваша помощь, – сказал Оиси.

Солнце клонилось к закату. День прошел в ожесточенных спорах и напряженном обсуждении планов. К вечеру усталые собеседники пришли к окончательному соглашению, обнаружив, что речь идет об истинных духовных ценностях, одинаково важных и для воинов, и для бродячих актеров.

В наступивших сумерках лицедеи затаив дыхание следили за древним ритуалом самураев, напоминавшим сцену из спектакля театра *но*. Однако церемония эта зародилась тысячи лет назад, на пять веков раньше традиции *но*.

Коленопреклоненные ронины замерли перед Оиси, который опустился на колени у низенького столика, где лежали шлем господина Асано, кинжал-*танто* – орудие самоубийства – и свиток рисовой бумаги, содержащий изложение намерений вассалов отомстить за несправедливую гибель своего повелителя. На свитке стояла подпись Оиси, сделанная кровью самурая.

Кай стоял на коленях в стороне, склонив голову. Он не мог принять участия в церемонии, но не мог и воспринимать себя отдельно от ронинов, хотя по закону не принадлежал к сословию самураев и не имел права приносить клятву на крови. Ронины низко склонили головы из уважения к мужеству погибшего господина и своих соратников.

– Никому не известно, сколько суждено жить каждому из нас, – произнес Оиси. – Никто не знает, когда настанет его время умирать. И все-таки когда закончатся наши краткие жизни, потомки с гордостью будут произносить наши имена.

Гордость, воспитанная поколениями самураев, сверкала в глазах ронинов. Этого наследия воинов не способны были лишить ни законы *бакуфу*, ни личное распоряжение сёгуна – владыки всех господ. Законы составляли чиновники, но чиновники – не боги. Даже сёгун был простым смертным. Понятие «закон» и «справедливость» не являлись равнозначными.

Коленопреклоненные ронины не были богами, однако мир, о котором объявил сёгунат Токугавы, не был истинным мирным существованием. В глубокой древности, еще до появления сёгунов, предки самураев выработали свод правил поведения, и соблюдение этих правил отличало праведного воина от бойца, утратившего человечность.

Путь воина – *бусидо* – включал в себя семь требований, которым строго подчинялась жизнь самурая: справедливость, смелость, сочувствие, уважение, честность, верность и достоинство. Этот неписаный свод правил не изменялся веками, но лишь немногие истинные самураи доказали, что способны с честью исполнять его.

– Безнаказанное преступление нарушает порядок в мире. Боги презирают неотмщенное зло. Чтобы отомстить за совершенную несправедливость, мы должны умереть. Я прошу вас сделать выбор, – сказал Оиси, указывая на свиток.

Время застыло, будто коршун, парящий высоко над землей. Ронины с невозмутимой серьезностью внимали словам Оиси. Отмщение восстановит честь и достоинство господина Асано… и вернет Мике принадлежащее ей по праву, если законы *бакуфу* справедливы.

Однако акт возмездия ронинов шел вразрез с повелением сёгуна. Воины обязаны уважать не только высшую справедливость, но и законы, установленные верховным владыкой, иначе порядок в мире не восстановится. Смерть одного самурая или сотни – ничто в сравнении с великим круговоротом жизни.

Но каждый из воинов должен решить для себя, выбирает он жизнь или смерть.

Хорибэ подошел к столику, опустился на колени перед шлемом господина Асано и, почтительно склонив голову, уколол острием *танто* палец и поставил кровавую подпись на свитке. Примеру старого самурая последовали Хара и остальные самураи, принося последнюю клятву в верности своему господину.

Оиси вздрогнул, увидев, как Тикара берет *танто* князя Асано, и протянул руку, пытаясь остановить сына. На лице его читалось страдание.

– Отец не должен пережить сына, – сказал самурай.

– Вы мне не отец, господин, – ответил Тикара. – Вы – мой повелитель. Отец не должен встретить смерть прежде, чем его сын станет мужчиной.

Внезапно Оиси испытал *сакабуку* – ошеломительное просветление, открывшееся ему в словах сына. В самурае боролись противоречивые чувства – восхищение и неприятие. Наконец он согласно кивнул, выпустил руку Тикары и позволил ему поставить свою подпись на свитке.

Ясуно приблизился к столику. Хорибэ пересчитал ронинов, ждущих своей очереди принести клятву, и произнес:

– Нас сорок шесть.

– Нет, – возразил Ясуно, подписал свиток и взглянул на Кая. –

Полукровка?

Кай напрягся от унижения и сжал кулаки, борясь с охватившим его негодованием. Он зло посмотрел на Ясуно, не понимая, что имеет в виду ронин.

– Прости меня за то, что не поблагодарил тебя раньше, – невозмутимо продолжил Ясуно, отвесив глубокий поклон Каю. – Ты одолел демонов и спас мне жизнь. Настоящий самурай всегда признает чужие победы.

Ронины ошеломленно посмотрели на Ясуно. Воцарилось красноречивое молчание.

Кай растерянно замер, подхваченный водоворотом смятения.

Ясуно вытащил из-за пояса короткий меч *вакидзаси* и протянул его Каю.

– Это клинок Басё, – сказал ронин.

Кай недоуменно посмотрел на него и покачал головой.

– У самурая два меча, – тихо напомнил Ясуно.

В его голосе прозвучало страдание человека, который потерял своего лучшего друга, но осознал, что погибший не покинул его. Ясуно нашел в себе силы признать свою уязвимость.

Дрожащими руками Кай принял протянутый меч, поднял голову и посмотрел на собравшихся. Во взглядах ронинов светились доверие и уважение. Бойцы приняли в свои ряды нового соратника.

Тысячу лет воины обладали правом присвоить титул самурая тому, кто, по их мнению, заслужил это звание, а закон, лишивший их этого права, действовал всего лишь меньше века.

Кровью принося клятву верности своему погибшему господину, ронины давали понять, что отринули *гири,* строгое следование долгу, потому что оно вступало в противоречие с *ниндзё,* зовом совести. Они готовы были сражаться за то, что считали самым важным, и шли на смерть, чтобы достичь высшей справедливости в соответствии с предписаниями *бусидо*.

Традиция требовала открытого признания человека, который с честью доказал свою храбрость.

В глазах Оиси Кай встретил одобрение, понимание и странное облегчение. Полукровка приблизился к столику, опустился на колени и подписал клятву.

– Нас сорок семь, – произнес Оиси.

Глава 21

Наступил вечер весеннего новолуния. На закате начиналась свадебная церемония господина Киры и Мики. Гости прибывали во двор, заблаговременно очищенный от снега – здесь, в горах, весна все еще не собиралась вступать в свои права. Торжества должны были продлиться целые сутки, а после брачной ночи новоявленные господин и госпожа Асано отправятся в Ако. Там уже, наверное, расцвела сакура. Киру ждет светлое будущее в благоухающем весной мире, безмятежная жизнь с молодой красавицей-женой.

Однако во избежание непредвиденного Кира решил обратиться к оракулу и узнать, нет ли помех на намеченном блистательном пути.

В жаровне на углях светились раскаленные оленьи кости. Мидзуки невозмутимо брала их голыми руками, будто не чувствуя жара.

Кира хотел удостовериться, что обретет достойную супругу, но в то же время понимал, что не расстанется с колдуньей, хотя ревность *кицунэ* и выводила его из себя. Мидзуки разделяла устремления Киры к величию и желала, чтобы он достиг головокружительных высот. Титул повелителя Ако был всего лишь первой ступенью на пути к успеху.

Страсть, которую Кира испытывал к Мике, делала его неподвластным чарам колдуньи. Между Кирой и Мидзуки существовала душевная связь, вызванная одинаковыми стремлениями и желаниями, но он, уверенный в постоянстве любви колдуньи, не жалел об отсутствии прежней близости. Он намеревался почтительно обращаться с *кицунэ*, но не отдалять ее от себя. Вдали от родных лесов она всегда будет помнить об угрозах Киры и покорится его власти.

Впрочем, в присутствии колдуньи Кира старался не думать об этом. Мидзуки провела ногтями по растрескавшейся оленьей кости.

– Скажи мне, что ты видишь, – попросил Кира.

Мидзуки задумчиво опустила веки, стараясь скрыть печаль во взгляде.

– Предзнаменования сулят удачу, – произнесла она. – Тебе предстоит дальняя дорога. Все почтительно склонятся перед тобой на твоем пути… Даже сёгун с благоговением будет взирать на тебя…

Кира напряженно вслушивался в ее слова. В глазах его горел жадный огонь, прекрасное лицо озаряла горделивая улыбка. Не

замечая скрытой тревоги колдуньи, он спросил:

– А что Мика?

Кицунэ с трудом сдержала подступившие к глазам слезы и пристально посмотрела на трещины в кости.

В покоях Мики служанки накладывали сложный грим на лицо девушки. Кира выбрал для невесты *сиромику* – роскошное белое одеяние из драгоценных шелков и атласного шитья, отороченное мехом. Белый наряд, прекрасно подходящий для свадьбы в заснеженных горах, символизировал чистоту и невинность невесты, ее готовность беспрекословно повиноваться мужу и во всем следовать его приказам.

Однако белое одеяние – традиционный знак смерти и траура. Отец Мики совершил *сэппуку* в белом кимоно, и на его похороны все явились в белом. Вряд ли Кира задумывался об этом, но девушка решила, что белый свадебный наряд прекрасно подходит для ее целей.

В детстве Мика часто мечтала, как наденет в день свадьбы традиционную накидку-*учикакэ*, передававшуюся из поколения в поколение – ярко-алую, расшитую блестящими серебряными и золотыми нитями, с изображениями сосен, хризантем, журавлей и водопадов, символизирующую Ако и торжество жизни.

Встретив Кая, девушка обратилась к богам с мольбой даровать ее возлюбленному *тэннину* возможность совершить подвиг… чтобы ее отец усыновил бесстрашного героя и позволил Мике обручиться с ним.

Девушка охнула и покачнулась от внезапно нахлынувшей скорби. Она решительно сжала кулаки, пряча их в длинных рукавах кимоно, и задрожала, пытаясь справиться с горем. Прислужницы испуганно распластались на полу, моля о прощении – они решили, что невзначай задели свою госпожу. Мика утерла предательские слезы, размазала грим по лицу и успокоила служанок, объяснив, что пудра попала ей в глаза.

Бесконечная церемония подготовки невесты к выходу пошла своим чередом. Прислужницы накладывали сложный грим, ахали и восторгались красотой Мики: лицо девушки превратилось в белую маску с алыми губами и розовыми щеками. Мике показалось, что она похожа на Юкихимэ – холодную, бесстрастную и безжалостную богиню зимы, одно прикосновение которой превращает все в лед.

В сумерках замок Кираяма озарился светом сотен фонарей. Мрачные стены завесили праздничными украшениями и разноцветными драпировками-*тобари*, расписанными яркими

узорами. К ветвям деревьев прикрепили тысячи *оригами* – сложенные из бумаги цветы сакуры и сливы; казалось, в замке неожиданно наступила весна. Над башнями реяли темно-синие знамена клана Киры и алые стяги Ако.

Гостям приходилось с помощью слуг и охранников взбираться в гору по крутому, обледенелому склону. Прибывшие собрались у узкого моста, перекинутого через глубокое ущелье на подходе к воротам неприступного замка. Кира заметил в толпе группу ярко разодетых актеров, которые по его личному приглашению явились на торжество – сёгун достойно оценил их представление в замке Ако.

Каватакэ предъявил приглашение одному из охранников и ступил на мост. Оиси, одетый в цветистый наряд лицедея, следовал за актером, низко склонив голову. За ними торопливо шли остальные члены труппы, чтобы поскорее добраться до конечной цели своего путешествия. Стражник у ворот с любопытством разглядывал наряды актеров, не подозревая, что среди них находятся вассалы господина Асано. Хорибэ и остальные ронины, переодетые носильщиками, прошли незамеченными. Замыкал шествие высокий носильщик, сгибаясь под грудой декораций и костюмов. Поклажа привлекла внимание стражника, и он грозно перекрыл дорогу актерам.

– Что здесь у тебя? – спросил охранник, наставив копье на носильщика.

– Я уже все проверил, – ответил второй стражник, подойдя поближе.

Кай узнал в охраннике Хару и с напускной робостью двинулся вперед. Доспехи стражника ронины похитили во время набега на пограничный пост Киры.

Тикара сообразил, что им ничего не грозит, и облегченно вздохнул.

Бродячие актеры прошли по узкому мосту над глубокой темной пропастью. За воротами замка Кай с любопытством огляделся: Кира пытался воспроизвести праздничное убранство замка Ако, и ему это почти удалось.

Роскошные украшения говорили и о том, что Кира предпочитал проводить время в Эдо, при дворе сёгуна, а не в своих негостеприимных, мрачных владениях. Наверняка Кира мечтал о землях побогаче, но этой ночью его мечтам будет положен конец…

Холщовая завеса на краю двора огораживала место для выступления бродячей труппы. Там должны были располагаться актеры и декорации. Часть ронинов последовала за Каватакэ, на сцену, а «носильщики» отправились складывать груз и занимать

места среди зрителей.

Кай устроился так, чтобы получше видеть сцену и сторожевую башню – ее близость к внутреннему двору не позволяла незаметно избавиться от охранника. Полукровка должен был по сигналу Оиси подать знак вооруженному луком Тикаре, который прятался неподалеку. Ронины решили напасть после начала представления. Кай затаился и принялся разглядывать зрителей, надеясь увидеть Мику.

Оиси взглянул в прореху занавеса и нетерпеливо сжал рукоять кинжала господина Асано, напряженно дожидаясь появления Киры.

Мика в сопровождении прислужниц медленно шла по коридору замка. В своем белоснежном свадебном наряде девушка казалась олицетворением богини зимы. У выхода во двор ее ждал Кира, чтобы представить собравшимся гостям. Он глядел на нее со смесью восхищения и благоговения, но это не уменьшало ненависти Мики.

Слуги, выстроившиеся вдоль стен, сопровождали девушку почтительными поклонами. Среди них Мика с удивлением заметила колдунью. Мидзуки, в изящном зеленом кимоно, низко склонила голову, приветствуя свою будущую госпожу. На лице *кицунэ* мелькнула враждебная гримаса – колдунье не удалось склонить Мику покончить с собой.

Разочарование Мидзуки ободрило девушку, придало ей уверенности в своих силах: ведь она сумела не поддаться предательскому обману и отчаянию, осталась в живых, чтобы отомстить за всех близких, погибших ради нее.

Кира поклонился ей и прошептал что-то хвалебное. Мика, как обычно, не обратила на него внимания. Он схватил ее за руку и вывел во двор, к гостям.

Из толпы послышались поздравления. Новобрачные заняли почетные места в первом ряду, прямо перед сценой, и тут выяснилось, что за спиной Мики устроились колдунья и великан-охранник в черных доспехах.

По крепостной стене расхаживал одинокий стражник, останавливаясь погреться у жаровни и трижды проклиная свою судьбу: во-первых, за то, что родился в этой мрачной провинции; во-вторых, за то, что ему выпала доля служить господину Кире; а в-третьих, потому что его назначили в караул на дальней стене, откуда видны не свадебные торжества, а унылые заснеженные скалы, окружавшие неприступный замок, построенный на самой вершине крутой горы.

Охранник прижал ладони к замерзшим щекам, пытаясь их согреть, и в очередной раз направился к жаровне, рассеянно глядя на занесенные снегом отроги гор. Внезапно он замер и протер глаза: пласты снега скользили… вверх по склону. К замку.

Стражник покрепче перехватил копье и направился на мостик, соединявший замок с храмом на соседней скале. Оттуда было лучше видно, что происходит, а стражник хотел понять это наверняка: ведь если он поднимет тревогу напрасно, то его жизнь закончится в бездне под замковым мостом.

В сумраке под стенами внутреннего двора Кай напряженно переминался с ноги на ногу, стараясь получше разглядеть Мику, которую усадили на подушку рядом с Кирой.

В прореху занавеса Оиси видел Киру и Мику, сидевших в первом ряду. Музыканты заняли свои места на сцене. Окуда – ронин, похожий на Каватакэ, – подошел к Оиси, дрожа от напряжения. Ему легче было схватиться с *кириком*, чем произносить чужие слова и фразы со сцены, перед толпой зрителей. Хорошо, что грим скрывал его внезапную бледность.

– Помни, от твоего выступления зависят наши жизни, – шепнул Оиси и легонько подтолкнул Окуду к сцене.

Ронины не могли переодеться ни музыкантами, ни хористами: для этого необходимо было владеть искусством *но*. Каватакэ выбрал для представления героический эпизод из «Повести о доме Тайра», исторического эпоса о войне Гэмпэй, с которым были знакомы все самураи. Сюжет пьесы знали и присутствующие. В нем не было ни декламаций, ни сложных танцев. Вдобавок Оиси рассчитывал закончить представление гораздо раньше, как только остальные ронины выполнят свои задачи.

Окуда, в полуобморочном состоянии, но с выправкой истинного самурая, вышел на сцену, сжал дрожащие руки и отвесил глубокий поклон зрителям. Задержав взгляд на Мике, он почтительно поглядел на Киру и произнес:

– Господин, с вашего позволения мы рады выступить для вас в день вашей свадьбы.

Представление началось.

Охранник, заметивший странное движение снежных пластов, дошел до начала мостика, ведущего к замковому святилищу, и поглядел на скалы внизу.

Из темной расселины за спиной стражника отделился темный силуэт. Охраннику зажали рот, перерезали горло, и бездыханное тело свалилось с моста в бездну.

Ясуно ступил на мостик и помахал рукой. Заснеженный склон пришел в движение, сугробы разлетелись, будто испуганные призраки. Тридцать воинов вскарабкались на отвесную скалу и перевалили через стену замка. Ясуно жестами отдал распоряжения, и ронины в молчании скользнули в темноту, к стражам на стенах и во внутреннем дворе крепости.

Во внутреннем дворе замка представление шло своим чередом. Как и предполагал Каватакэ, сюжет пьесы был хорошо знаком всем образованным зрителям.

Злодея играл ронин по имени Фува – его воинственный характер прекрасно подходил к роли. Он внезапно выскочил из-за занавеса, одетый в древние доспехи и шлем полководца. Маска, выкрашенная алым, символизировала гнев. Лже-Каватакэ и остальные актеры упали на колени.

Поступки и поведение героев пьесы подчинялись строгим канонам театра *но*. Кира так увлеченно следил за действием, которое разворачивалось на сцене, что забыл даже о Мике, неподвижно сидевшей рядом с ним.

Девушка будто впала в забытье, не обращая внимания ни на представление, ни на окружающих. Она перебирала в уме возможные варианты развития событий, подыскивая наилучший ход, который окончательно определил бы ее будущее.

Хорибэ, одетый в традиционное черное одеяние помощника сцены, вручил Оиси шлем. Самурай оправил вычурные доспехи, опустил на глаза маску, превратившись в героя пьесы, взял из рук старика бутафорский меч и вышел на сцену.

Окуда, исполняя роль рассказчика, перешел к повествованию о загадочном рождении героя, и Оиси поблагодарил богов, что все присутствующие слабо помнили подробности древней легенды.

По пути в замок Киры ронины разучили свои роли в пьесе, а Каватакэ объяснил, что забытые строки всегда можно заменить новыми. Актеры учили роли самостоятельно, не проводя общих репетиций, поэтому каждое новое представление несколько отличалось от предыдущих и обладало *ваби-саби* – несовершенной неподдельностью. Такой подход Каватакэ к искусству *но* оправдался – труппа пользовалась огромной популярностью.

«Если боги нам благоволят, то сегодняшнее представление будет совершенно уникальным…» – подумал самурай.

Герой-Оиси напал на злодея-Фуву, размахивая церемониальным веером и бутафорским мечом. Все внимание самурая сосредоточилось на истинном злодее, сидящем в

двадцати шагах от него.

Как только Оиси вышел на сцену, Кай встал поближе к светильнику и приготовился подать знак Тикаре. Во втором ряду он заметил великана-самурая и колдунью. Мика сидела рядом с Кирой, но Каю был виден только профиль девушки. Церемониальный грим высокородной госпожи делал ее похожей на героиню представления *но*, случайно вышедшую к зрителям.

Оиси медленно подбирался к краю сцены, разыгрывая ожесточенное сражение со злодеем-Фувой. Кай взглянул на сторожевую башню, где затаился Тикара.

Мика чуть наклонила голову, невидяще скосила глаза – если бы она посмотрела на сцену, то узнала бы Оиси, догадалась бы о замысле ронинов.

Кай осторожно скользнул вдоль занавеса поближе к зрителям, надеясь, что Мика его заметит и он сможет предупредить ее о грозящей опасности.

На сцене герой-Оиси церемонно покачал веером, подавая сигнал своим сообщникам. Во внутреннем дворе погасили все огни для создания особой, «потусторонней» атмосферы. Зрители взволнованно ахнули, не отрывая глаз от актеров.

С двух сторожевых башен исчезли охранники.

Все шло по плану. Под прикрытием темноты Ясуно и его соратники избавлялись от стражи, устанавливали пороховые заряды в замковом арсенале и запирали двери казарм, где жили самураи низших рангов. Остальные ронины, одетые в черные наряды помощников сцены, поспешно вооружались.

Оиси на сцене теснил злодея-Фуву. За занавесом Хорибэ и его помощники вытащили заранее приготовленные бамбуковые колья, с их помощью вскарабкались по стене в верхний дворик замка и бесшумно уничтожили стражников.

Кира восторженно следил за представлением, увлеченный поединком на сцене, совершенно не осознавая, что в глазах героя-мстителя пылает неподдельная ненависть к истинному злодею.

Мика отвела взгляд от мелькающих мечей и наконец-то сообразила, что Кира не обращает на нее внимания. Она еле заметно шевельнулась и посмотрела в темноту за сценой.

Кай, заметив, что девушка повернулась в его сторону, на мгновение вышел из мглы. Светильник озарил его лицо. Мика, привлеченная неожиданным движением, увидела любимого. Взор ее наполнился ужасом, будто перед ней предстал призрак.

Она резко поднесла ладонь к губам, сдерживая крик, но не отводила взгляда от знакомого лица, не веря своим глазам. Постепенно ее лицо озарила радость узнавания, и для

влюбленных время остановилось.

Кира посмотрел на Мику и, увидев, что она не глядит на сцену, взял ее за подбородок, словно ребенка, и повернул лицом к актерам.

Кай с разочарованным вздохом отступил в тень занавеса – Кира снова украл его возлюбленную. Полукровка попытался успокоиться, вспомнил, где он и что им предстоит совершить.

Теперь Мика знала, что любимый рядом, хотя и не подозревала о грозящей ей опасности. Однако, глядя на сцену, девушка наверняка узнает Оиси и поймет, что произойдет.

Кира увлеченно следил за представлением. Кай не отрывал глаз от Мики, надеясь, что она снова посмотрит в его сторону, – и забыл о присутствии великана-самурая и колдуньи.

Изменившееся выражение лица Мики привлекло внимание *кицунэ*. Мидзуки с любопытством посмотрела в тень у занавеса, колдовским зрением нашла того, кто скрывался во мраке, и, узнав полукровку, изо всех сил сжала руку великана-охранника.

Глава 22

Колдунья склонилась к великану в черных доспехах, кивнула в сторону Кая и, охваченная внезапным предчувствием, поглядела на сцену, проникнув колдовским взором под маски актеров.

Демон-самурай посмотрел на сторожевые башни, увидел, что стражники исчезли, и обнажил свой меч. Зрители встревоженно зашептались, а великан направился к занавесу. Кай замер.

Тикара не видел, что происходит на сцене, но ясно заметил, как демон-самурай решительно двинулся туда, где прятался Кай. Юноша, не пряча лука, подбежал к месту у стены, откуда была видна сцена. Оиси отбросил шлем и бутафорский меч, а Хорибэ протянул самураю клинок *тэнгу*.

Тикара поспешно натянул тетиву лука и прицелился в стражника на башне напротив сцены. Оиси подошел к самому краю сцены и занес волшебный меч. Тикара выстрелил…

Стрела прошла мимо цели.

Охранник выстрелил вниз со сторожевой башни и ранил Оиси в руку, держащую клинок. Самурай пошатнулся, опустил меч и зажал рану свободной рукой. Острие *катаны* оцарапало дощатый настил сцены. Великан-охранник бросился вперед, закрыв Киру своим телом.

Оиси вырвал стрелу из раны. На сцену побежали стражники. Кай метнулся на помощь соратникам, на ходу обнажая свой клинок. На сцене воцарился хаос.

Зрители в страхе вскочили и с криками заметались по двору: сценический поединок внезапно превратился в настоящий бой.

Самурай в черных доспехах и десяток охранников окружили Киру и Мику, увлекая их под защиту стен замка. Колдунья спешила за ними. Хорибэ и лучники, занявшие крепостную стену, не стали стрелять ни в Киру, ни в охранников, боясь случайно задеть Мику.

Отовсюду раздавались крики, грохот и треск ломающихся досок: самураи, запертые в казармах, услышали шум и пытались вырваться наружу.

Кай и Оиси пробрались сквозь обезумевшую толпу гостей и столкнулись с отрядом охранников. Ронинам пришлось с боем пробиваться к коридору, ведущему в замок. Хорибэ и его воины осыпали стрелами стражников, расчищая дорогу к верхнему внутреннему двору.

Отряд Ясуно бросился к баракам, где были заперты самураи Киры.

– Поджигай! – крикнул Хорибэ.

Ясуно с горсткой своих людей помчался к арсеналу, отбиваясь от наседающей стражи.

Самурай в черных доспехах проводил Киру и Мику к выходу в замок и вместе с охранниками повернул назад, чтобы задержать нападающих. Кира недоуменно смотрел на бой, идущий в верхнем дворе замка, и неожиданно заметил ронина, притаившегося у двери в арсенал.

– Остановите его! – крикнул он.

Великан бросился к арсеналу.

Оиси и Кай бежали узким извилистым коридором в верхний двор замка. Навстречу им метнулись охранники Киры. Оиси полоснул первого воина, Кай вспорол живот второму, но третий выскочил из-за угла и занес над головой клинок для смертельного удара.

Внезапно ему в глаз вонзилась стрела, и охранник упал, выпустив из рук меч.

Оиси обернулся и у входа в коридор заметил сына. Тикара опустил лук, мельком встретился взглядом с отцом и присоединился к ронинам.

Когда они с боем пробились к верхнему двору, самурай в черном добрался до арсенала. Тут же раздался ужасающий грохот, в ночное небо взметнулись алые языки пламени, и здание взлетело на воздух вместе с казармами.

Зажав руками уши, Кай, Оиси и Тикара бросились в укрытие. Обломки дерева и камня дождем посыпались во двор. На месте арсенала чернела огромная дымящаяся воронка. От великана-самурая не осталось и следа. Тикара победно рассмеялся, по лицу Оиси скользнула довольная улыбка, но Кай оставался невозмутим.

Часть стены в переходе обвалилась, преградив путь стражникам. Бой во дворе разгорелся с новой силой, ронины сражались против самураев, уцелевших после взрыва казарм.

– Кира! – воскликнул Кай и бросился к замку.

Кира стоял у входа, вцепившись в руку Мики, и с ужасом смотрел на последствия взрыва. Внезапно он заметил ронинов, побледнел и метнулся в замок, таща за собой девушку. Колдунья побежала за ними. Оиси переглянулся с Тикарой, и юноша отправился на помощь соратникам, которые отчаянно отбивались от замковой стражи.

Оиси бросился догонять Киру.

У входа в зал Кай и Оиси столкнулись с шестью охранниками и, стоя спиной к спине, мужественно отразили нападение. Клинки

тэнгу беспощадно разили противников.

Кира с Микой стояли у дальней стены зала. Мужчина смотрел на битву, разразившуюся у входа, с тем же жадным упоением, с которым совсем недавно глядел на сцену. Однако сейчас внимание Мики было полностью сосредоточено на своем женихе. Девушка вытащила кинжал из-за пояса *оби* и всадила его в руку Киры. Он выругался и схватился за окровавленный рукав. Мика бросилась бежать в один из коридоров. Кира боязливо оглянулся, отодвинул створку двери и исчез.

Кай и Оиси переглянулись, зная, что предстоит сделать каждому из них.

– Иди за Микой, – кивнул самурай, направляясь вслед за Кирой.

Кай стряхнул кровь с клинка и побежал к коридору, в котором скрылась Мика. Навстречу ему бросились стражники, но остановить Кая было невозможно…

В замке царил хаос. Перепуганные слуги с ужасом смотрели на Оиси, который ворвался в замок, будто карающий Бисямон – бог войны и возмездия. С клинка самурая стекала кровь, глаза пылали жаждой мести. Оиси пробежал мимо слуг, пронзил мечом стражника, который попытался преградить ему путь, и понесся дальше по коридору.

Вдали самурай заметил Киру, спешившего прочь. Оиси погнался за ним, но беглец скрылся за раздвижной дверью-*сёдзи*. Самурай ворвался в пустую комнату. Все стены представляли собой раздвижные двери. Оиси отодвинул одну из них: за ней оказалась помещение с такими же дверями. Он сообразил, что попал в лабиринт пустых комнат – еще одна мера предосторожности в замке. Самурай разразился проклятиями и наугад сдвинул одну из дверей.

Мика выбежала во дворик между замковыми постройками, к высокой крепостной стене. Широкая дорожка вела к колоннам в центре дворика. Девушка раньше здесь никогда не бывала, но поняла, что место предназначалось для ритуальных церемоний: масляные светильники на вершине колонн горели, хотя сейчас Кира вряд ли собирался совершать какой-то обряд. Каменные плиты дворика, запорошенные свежевыпавшим снегом, отливали золотом в сиянии светильников. Мика осторожно подошла к колоннам и огляделась, благодаря богов за кратковременную передышку. Во дворе никого не было.

Внезапно за спиной девушки послышались шаги. Мика обернулась, всем сердцем надеясь увидеть любимого.

У входа во двор стоял Кай, зачарованно глядя на нее. Она подбежала к нему, и он стиснул ее в объятьях.

– Я знала, что ты придешь, – шепнула она.

В его глазах сияла любовь, которую он так долго и безуспешно пытался скрыть и от Мики, и от самого себя. Кай нежно коснулся щеки возлюбленной.

– Мика… – Он притянул ее к себе и поцеловал – крепко, с не свойственной ему животной страстью.

Его губы обжигали ледяным холодом. Мика вырвалась из объятий и оттолкнула его, охваченная внезапным страхом. Что-то было не так…

Кай снова притянул ее к себе и впился поцелуем в рот. Прикосновение лишило Мику воли, заморозило душу. Она затрепетала и попыталась высвободить руки…

Внезапно Кай отпрянул и недоуменно посмотрел на торчащий в груди кинжал-*танто* – клинок, оставленный колдуньей в покоях Мики, которым девушка ранила Киру. Кай сжал рукоять кинжала в пальцах, ошеломленно глядя на Мику.

Девушка гневно смотрела на него. Ненависть, горящая в ее глазах, растопила маску обмана, черты Кая задрожали и, исказившись, превратились в лицо *кицунэ*. Колдунья отчаянно пыталась выдернуть кинжал из груди.

Мика бросилась на Мидзуки и всадила клинок глубже, по самую рукоять. Возмездие наконец-то настигло вероломного и коварного врага: колдунья была повинна в смерти господина Асано, покушалась на жизнь Кая и Мики.

– Теперь ты знаешь цену моей любви, – безжалостно промолвила девушка.

Мидзуки взвыла и повалилась наземь. Ее тело растаяло, как снег, и кинжал слабо звякнул о каменные плиты двора.

На белоснежном одеянии Мики расплывались алые пятна крови, однако колдунья исчезла… По запорошенным снегом камням протянулась цепочка лисьих следов: *кицунэ* вернулась в невидимый мир *ёкай*.

Девушка с облегчением вздохнула и повернулась к замку. У входа обессиленно стоял Кай. В его взгляде горело чувство, знакомое Мике с первого днях их встречи.

Сжимая окровавленный меч, Кай неуверенно направился к любимой. Он неловко улыбнулся и посмотрел на Мику с уважением, гордясь ее расправой с *кицунэ*. Девушка бросилась ему навстречу, и он ускорил шаг… Неожиданно заметив что-то в воздухе над головой Мики, он метнулся к возлюбленной, оттолкнул ее в сторону и занес клинок для удара.

Девушка прислонилась к колонне и проследила за взглядом

Кая. В воздухе над плитами двора свернулся кольцами гигантский белый змей, готовый броситься на Мику. С острых клыков, сверкающих в разинутой пасти, капала ядовитая слюна. Кай полоснул чудовище мечом, но демон увернулся, и клинок отсек часть спутанной гривы. Длинные серебристые пряди превратились в радужные нити и, попав в пламя светильников, сгорели в клубах дыма.

Змей стремительно ринулся к Мике, блестя разноцветными – голубым и карим – глазами.

Мика упала на колени, закрыв голову руками. Горячее дыхание демона обожгло девушке пальцы, тяжелый хвост ударил ее в бок и повалил на землю. Змей развернулся в воздухе и нацелился на Кая.

Полукровка, оттолкнувшись от подножья колонны, высоко подпрыгнул и, кувыркаясь, налетел на чудовище. Змей пытался ухватить его клыками или раздавить о камни, но Кай вонзил клинок в голубой глаз демона. Змей завыл от боли и ярости и заметался, круша все на своем пути. Колонна со светильником раскололась, Кай упал на землю, сбитый осколками. Светильник, ударив о голову демона, залил маслом гриву и тело чудовища. Длинные серебристые пряди вспыхнули ярким пламенем, посыпались радужные искры.

Жутко завывая, полуослепший демон метался между колонн, из последних сил стараясь добраться до Мики. Горящее масло из разбитых светильников разлилось по каменным плитам. Упавшая девушка, оглушенная ударом хвоста чудовища, завернулась в тяжелый шелк свадебного наряда, словно пытаясь защититься от нападения. Демон пылающей кометой кружил по двору и упорно стремился к своей жертве.

Внезапно взметнулся слепящий вихрь. Мика вскрикнула, словно ощутив невидимый удар, и широко раскрыла глаза. Змей исчез, оставив после себя легкую мглистую дымку, которую унес порыв ветра. Девушка ошеломленно обвела взглядом двор: Кай тоже пропал.

Неожиданный шорох заставил ее обернуться. Кай, опустившись на одно колено и опираясь на меч, глядел в небо глазами, в которых горело колдовское пламя. Вязкая слизь обволокла клинок от кончика до самой рукояти.

– Кай… – изумленно заморгала девушка, не понимая, как он оказался рядом с ней, совсем не там, где напал на демона. Она приподнялась, стараясь поймать взгляд любимого.

Кай отвел глаза, стряхнул с клинка мерзкую слизь, вложил его в ножны и неуверенно потянулся к девушке.

– Мика, я… – Он смущенно потупился и, отвесив

почтительный поклон, с опасением спросил: – Госпожа, вы… вы не ранены?

– Нет-нет, все хорошо… сейчас, – ответила она и нежно коснулась его лица, заставив Кая распрямить спину. В глазах Мики светилась решимость. – Мне сказали, что… что ты умер! – воскликнула она дрожащим голосом, вспомнив, как во время представления решила, что видит призрак.

Кай облегченно вздохнул, и влюбленные радостно улыбнулись друг другу. Мика боялась задать вопрос, не могла даже подобрать слов. Наверное, воздушный поединок Кая с демоном ей почудился.

– Как ты убил чудовище? – наконец решилась она, обводя взглядом разрушенные колонны и разбитые светильники.

Кай с улыбкой посмотрел на *катану*.

– Хороший клинок, – сказал он, будто отдавая должное истинному победителю.

Только сейчас Мика заметила, что волосы Кая собраны в узел ронина, а меч торчит за поясом, как у самурая. Внезапно она вспомнила о поверженных демонах и о том, как Кай сражался в замке Ако. Впервые она задумалась, где и как он научился сражаться с демонами, словно герой древних легенд… будто *тэннин*.

– Это… Мидзуки? – снова спросила девушка, глядя на цепочку следов, оставленных невидимой лисицей. – Разве я ее не убила?

– Убила, – кивнул Кай, посмотрев на кинжал, лежащий на плитах двора. – Ты уничтожила ее аватар в мире смертных. Эта древняя могущественная колдунья больше не сможет жить среди людей.

– А кто же тогда на меня напал?

Кай сокрушенно покачал головой.

– Это… понимаешь, демоны-*ёкай* обычно не трогают смертных. Оборотни принимают человеческий облик для того, чтобы добиться какой-то своей цели. Есть такие, которые черпают силы из человеческих чувств. Этот демон вселился в Мидзуки, чтобы питаться ее ревностью.

– У него были ее глаза… – прошептала Мика. – Но как демон мог черпать силы из ее ревности? Ведь *кицунэ* – не человек!

– Вот потому он и обрел такую мощь… – поморщился Кай.

Мика задумалась, откуда ему столько известно о демонах и их привычках, однако дальше не стала расспрашивать, уверенная, что он способен прочитать безмолвный вопрос в ее глазах.

– Мидзуки никогда бы полностью не превратилась в человека, – пояснил Кай, – но она любила Киру. Говорят, если

смертный по-настоящему влюбится в *кицунэ* и добровольно отдаст ей сердце, то колдунья в ответ способна испытать истинное человеческое чувство… – Он помолчал и добавил: – Наверное, Кира когда-то любил ее.

Мика прикусила губу.

– Раньше я думала, что добровольно отдать сердце – значит вырвать его из груди… – всхлипнула она и прижала руку к своему сердцу, вспомнив жуткий поцелуй колдуньи, притворившейся Каем… – Не понимаю, почему демоны стремятся испытать человеческие чувства?

Кай пожал плечами и устало поднялся с колен.

– Кто знает, – сказал он, отводя взгляд.

Мика задумалась: должно быть, душу колдуньи изувечила скверна, разрушившая невозможное, редкостное чувство – любовь между смертным и демоном. Воистину, Кира уничтожал все, к чему прикасался.

Внезапно она вспомнила, с какой затаенной страстью глядел на нее Кай – а ведь его все тоже называли демоном…

Он склонился к ней и протянул ей руку, помогая подняться. Мика решительно вложила пальцы в его ладонь.

Глава 23

Оиси обошел пустые покои, открывая одну дверь за другой. В череде пустых комнат с одинаковыми раздвижными дверьми невозможно было понять, куда скрылся Кира. Самурай сообразил, что отыскать беглеца и спастись от приближающихся стражников будет невозможно.

Он сомкнул ладонь на рукояти меча. Руку пронзила резкая боль. По лезвию *катаны* стекала кровь, струящаяся из раны на предплечье. Оиси настолько сосредоточился на преследовании Киры, что забыл о стреле, пронзившей руку во время представления, и прежде не ощущал боли. Он распутал завязки сценических доспехов, туго обвязал рану, вытер кровь с клинка и вложил его в ножны. «Что ж, капли моей крови помогут мне выбраться из лабиринта…» – подумал самурай и вспомнил, что Кира тоже ранен кинжалом Мики. Значит, беглеца можно отыскать по оставленному им кровавому следу.

По каплям крови Оиси вернулся к самой первой двери в лабиринт и присел на корточки, вглядываясь в циновки. На *татами* у самого входа самурай заметил крошечное алое пятно и коснулся его пальцем – свежая кровь Киры.

Он внимательно осмотрел пол и, переходя от одной капли к другой, двинулся по следу к очередной двери и снова попал в пустую комнату. Здесь кровавый след прервался – наверное, Кира решил, что находится в относительной безопасности, и остановился перевязать рану. Похоже, он спрятался где-то неподалеку. Оиси обнажил меч и бесшумно двинулся вдоль стен комнаты, прислушиваясь к звукам, доносившимся из-за раздвижных панелей.

Самурай прошел половину комнаты, толкнул одну из дверей – и ему в плечо вонзился клинок Киры.

Кай помог Мике подняться и вздрогнул: их накрыла громадная тень.

Исполинский кулак в кожаной перчатке, покрытой стальными пластинами, отбросил Кая на каменные плиты двора.

Великан-самурай не обратил внимания на Мику и направился к Каю, обнажив длинный черный меч-*одати*, чтобы закончить поединок, начатый год назад в замке Ако.

Кай, оскальзываясь в снегу, вскочил на ноги. Он не верил своим глазам – и в то же время не испытывал особого удивления, зная, что сейчас ему понадобятся все силы, чтобы спасти жизнь. Он обнажил меч.

Воин-демон уцелел после взрыва арсенала. Теперь не осталось ни малейших сомнений в том, что это демон: оружие смертных было бессильно против исчадия зла, защищенного колдовскими силами. Его жуткая маска призрачно светилась: заклятья, наложенные *кицунэ*, все еще оберегали демона-самурая. Кай отвел глаза.

Черные доспехи скрывали ужасное создание, движимое неведомой силой. Демон явился за Каем по своей воле, не подвластный Мидзуки. Чудовище, зная только смерть и разрушения, намеревалось уничтожить всех и вся. Если Кай погибнет, демона будет некому остановить.

Ода Нобунага, первый из трех великих Объединителей, положивших конец эпохе войн, некогда властвовал над всей Японией, однако отличался такой жестокостью, что его военачальники восстали и убили его. Его называли повелителем-демоном. Считалось, что однажды он вернется и отомстит за свое убийство. Ода был жестоким правителем, с несгибаемой волей и пустой душой.

Япония наверняка переживет правление «собачьего сёгуна», но что, если во главе страны встанет неистребимый сёгун-демон?

На острове Дэдзима Каю пришлось сражаться, чтобы выжить; он не помнил, как долго это продолжалось, не знал, в скольких смертях повинен, забыл, кто он такой… Однако он никогда не жаждал убивать ради убийства, не стремился насладиться клинком, несущим смерть, а молил богов лишь о том, чтобы вернуться в мир, где меч служил орудием защиты, а не нападения.

Боги услышали его молитвы, и теперь ему надлежало отдать кармический долг. Смертоносный клинок, выкованный *тэнгу*, должен был в руках Кая превратиться в оружие, несущее жизнь: меч демонов против воина-демона.

Но Кай был простым смертным…

«Усвоенное с колыбели помнят до могилы», – вспомнил он наставление владыки демонов. *Тэнгу* обучили его сражаться, а год, проведенный на острове Дэдзима, отточил воинские навыки. В поединке с исполинским демоном Кай должен победить, иначе будущее станет немыслимым.

Кай, освеженный некой очищающей силой, занес *катану*, чтобы отразить нападение великана. В замке все еще раздавались звуки сражения между ронинами и стражниками Киры. Кай отогнал тревожные мысли об Оиси и Мике и сосредоточился на предстоящей схватке.

Он погрузился в молчание в центре своего существа, остро ощущая каждое свое движение – и каждое движение противника.

Соперники осторожно переступали по обледенелым плитам двора, заваленного осколками светильников. Продолжал валить снег, скрывая предательские полосы льда. Кай потратил силы, ступив на Путь демонов в схватке со змеем-*ёкай*. Раны, царапины и ссадины на теле кровоточили и болели. Человеческим силам есть предел…

Кай вспомнил воинское искусство исполина, рассчитал, как защититься от превосходящей мощи противника, но совершенно не представлял, насколько тому хватит сил.

Соперники молча кружили по двору. Внезапно демон-самурай полоснул мечом. Кай отразил удар и скользнул под руку великана. Черный *одати* со звоном ударил о камень.

Кай крутанулся на льду и рубанул своей *катаной*, но клинок демона, высекая искры из стали, проскрежетал по лезвию и едва не снес голову полукровке. Похоже, великан не забыл боевых приемов Кая.

Полукровка забыл о сознательных действиях: его телом теперь двигала почти инстинктивная мышечная память, позволяя ненамного опережать противника. Огромная фигура с длинным черным мечом превратилась в размытое пятно посреди обломков колонн и осколков светильников.

Кай наносил и отражал удары, подпрыгивал, скользил и уворачивался от нападения, отвлекая внимание противника и прикрываясь обломками, усеивающими двор. Соперники двигались, словно в хаосе урагана, слившись воедино. Сыпались искры, звенели клинки, отражая могучие удары, способные сокрушить кости. Впрочем, ни один из соперников не поразил свою цель.

Полукровка задыхался – легким не хватало воздуха, мышцы горели от напряжения. Он ушел от удара и отступил. Желтые глаза за маской исполинского воина пылали нечеловеческим огнем.

Противник теснил Кая, не давая тому передышки. Полукровка отпрыгнул от очередного удара, кувыркнулся в воздухе и с трудом увернулся от длинного тяжелого клинка, что грозил рассечь его надвое. Оттолкнувшись от колонны, нырнул под руку соперника и, полоснув *катаной* по черным доспехам, возбужденно вскрикнул: клинок *тэнгу* не сломался и с легкостью пробил металлические щитки. Из раны хлынула вязкая слизь.

Великан недоуменно посмотрел на рану и перевел взгляд на меч Кая. В глазах демона молнией сверкнуло раздраженное удивление, и он неумолимо двинулся на полукровку, высоко занеся черный *одати* над головой.

Оиси, вскрикнув от боли и неожиданности, рассек мечом раздвижную панель в стене и ринулся в соседние покои. Киры там не было. Лабиринт дверей и пустых комнат казался бесконечным. Самурай вложил клинок в ножны и зажал плечо рукой: из раны потоком хлестала кровь. Оиси внезапно сообразил, что в пылу погони не обращал внимания на изображения, украшавшие стены, и не понимал, был он уже в этих покоях или нет.

Пытаясь приглушить боль в плече, он задышал размеренно, оторвал от актерского одеяния рукав и перевязал глубокую, но не смертельную рану, чтобы от потери крови не упасть в обморок. Потом замер и сосредоточенно прислушался: где-то поблизости скрипнула половица.

Оиси огляделся и заметил, что замысловатый узор бумажных панелей маскировал их полупрозрачность, но не скрывал тени и света. Самурай внимательно осмотрел каждую стену и за одной из раздвижных дверей увидел смутную тень.

Он осторожно обнажил меч, направился к этой двери и нарочно прошел мимо. Сзади раздался легкий скрип. Оиси рубанул клинком наискось, обратным ударом.

Смертоносный меч *тэнгу* вонзился в плечо Киры. Беглец с криком отшатнулся. Оиси ворвался в соседние покои и оказался лицом к лицу с ненавистным врагом.

Кира, обнажив *катану* и короткий меч-*вакидзаси*, приготовился к сражению. Похоже, он внезапно вспомнил, что владеет искусством боя, – теперь, когда его дважды раненный противник терял силы.

Оиси неумолимо двинулся на Киру, вспоминая унижения и боль утрат, жестокость и бессмысленную смерть, разбитые жизни и череду предательств. Забыв о чести, о доблести и о благородных требованиях самурайского кодекса *бусидо*, он горел желанием уничтожить врага. Сражение в замке продолжалось, ронины бились не на жизнь, а на смерть, и Оиси наконец понял, что все люди – в глубине души демоны, лишенные наносного лоска цивилизации.

Внезапно Кира бросился вперед, мастерски разя мечами, но ярость Оиси не знала предела. Самурай блокировал выпад, вышиб *вакидзаси* из рук Киры и обрушил на противника град ударов. Тот беспомощно оборонялся из последних сил.

Оиси погнал противника к дальней стене комнаты, так же как Кай однажды теснил самурая в поединке на острове Дэдзима, и обрушился на Киру с яростным безумием, против которого не было спасения.

Последним ударом Оиси обезоружил противника и отбросил свой меч. Схватив Киру за ворот кимоно, самурай швырнул его на

пол – и измолотил кулаками, излив на поверженного врага свой гнев. Потом вздернул Киру на колени и обнажил *танто* господина Асано. Вспомнив наконец о чести, он протянул врагу рукоять кинжала.

Великан в черных доспехах неумолимо надвигался на Кая, словно присутствие клинка *тэнгу* убедило демона в слабости смертного противника. Демон знал, что его соперник – человек и силы его на исходе.

Кай осторожно отступил. Запорошенные снегом обледенелые плиты скользили под ногой, повсюду валялись обломки колонн, о которые легко было споткнуться. Напряжение схватки мешало сосредоточиться. Он почти случайно поразил великана и рассек его доспехи, но…

Кай вспомнил, как разлетелся на куски стальной клинок Ясуно, однако в этот раз заклинания колдуньи не выдержали удара меча *тэнгу*, а значит, доспехи исполинского самурая не устоят перед клинком, сотворенным демонами.

Неожиданно великан пошел в яростное наступление. Кай отбил удар. Столкнувшись, клинки заскрежетали. Полукровка, увернувшись от тяжелого *одати*, отскочил в сторону, поскользнулся – и противник располосовал ему спину от плеча до пояса.

Боль, словно удар плети, пронзила Кая. Обливаясь кровью, он зашатался, споткнулся и заскользил по каменным плитам, не выпуская меча из рук. Полуразрушенная колонна остановила его движение. Он лежал на мерзлой земле, не в силах пошевелиться. На мгновение ему почудилось, что демон перебил ему позвоночник.

Мика бросилась к Каю. Он хотел крикнуть ей: «Беги!», но не мог вымолвить не звука, охваченный странной неподвижностью. Дрожащими руками он подтянул к себе меч, с усилием набрал воздух в легкие и сообразил, что удар оглушил, но не обездвижил его. Кай поднялся на ноги и оперся на обломки колонны, из последних сил сжимая рукоять клинка. Он отстранил Мику, стараясь доказать себе – и своему противнику, – что полученный удар не лишил его способности сражаться.

Рана была не смертельна, но сильно кровоточила, а поединки на мечах часто оканчивались смертью именно из-за потери крови, а не из-за тяжести нанесенных увечий. Сейчас Каю нужно было нанести своему врагу последний, решающий удар… и он знал, как это сделать, но у него не оставалось сил ступить на Путь демонов.

Кай покрепче сжал меч *тэнгу*. Самураи считали, что клинок –

часть души воина. Говорили, что у мечей есть своя душа: добрая или злая, в зависимости от того, сколько крови врагов – или невинных жертв – пролил клинок. А еще говорили, что душа такого меча способна покорить душу его хозяина.

Сможет ли клинок бессмертного *тэнгу* даровать простому смертному силу демона – для одного, решающего удара – и не овладеть навсегда душой человека?

Кай сосредоточился на своем мече и почувствовал тупую боль в шрамах на лбу. Клинок засиял странным, колдовским светом. Не беспокоясь больше, ждет ли его чудо или вечное проклятие, Кай открылся сияющей энергии *ки*, струящейся из меча.

Невероятная, чарующая сила овладела его разумом. Все вокруг лишилось смысла, и Кай внезапно осознал, как легко разрушить любое его желание – любовь, надежду, уважение… И как просто уничтожить демона.

Мерцающее сияние *ёкай* окружало врага. Там, где клинок рассек доспехи, зияла глубокая прореха, нарушая совершенство колдовских заклинаний, оберегавших противника. Желтые глаза исполинского самурая пристально следили за Каем. Из-под маски лучился призрачный свет: демон признал в сопернике демона. Кай занес меч и двинулся вперед, отказываясь стать беспомощной жертвой.

Оиси презрительно смотрел на избитое лицо Киры, не отводя от врага руки с кинжалом-*танто*.

– Признай глубину мужества господина Асано… – начал он.

Кровь струилась из ран самурая, омывая клинок. Оиси хотел выяснить, хватит ли у Киры силы воли признать, что он совершил преступление против Асано, и с честью уйти из жизни, наложив на себя руки.

Господин Асано не заслужил смерти – ни от своей руки, ни от руки противника. Кира предал его, и князь Асано, движимый бескорыстным мужеством и честью, принес в жертву свою жизнь ради других. Он пытался защитить своих родных и близких, спасти клан Асано от грозящей ему участи.

Кира в ужасе отпрянул, глядя на окровавленный кинжал. Он считал, что его руки не запятнаны кровью: ведь он всегда действовал исподтишка, стараниями других – и людей, и демонов.

– Твой господин пытался убить меня, когда я спал! – завопил он. – Он нарушил законы сёгуната…

– А ты нарушил законы природы, – заметил Оиси, разглядывая Киру, словно безжалостный Бисямон, самурайский бог справедливости.

Кира не собирался касаться протянутого клинка. Оиси опустился на колени и, молниеносно перевернув кинжал рукоятью к себе, вонзил его в живот Киры, вздернув лезвие наискось и вверх. Такую же рану нанес себе господин Асано… Оиси вспомнил, как ждал сигнала положить конец его мукам и как отсек голову своему господину…

Кира в ужасе завыл и недоуменно посмотрел на кровь и внутренности, вывалившиеся из страшной раны на роскошный свадебный наряд.

Оиси выпустил рукоять кинжала из пальцев, поднялся с колен и направился к своему мечу, лежащему неподалеку.

– Во имя господина Асано из Ако… – прошептал он, занося клинок над головой.

Кира широко раскрыл глаза и покорно подставил шею под удар.

Самурай размахнулся и снес голову Кире.

Обезглавленное тело повалилось к ногам Оиси, заливая пол кровью.

«Как много ее в человеке…» – подумал самурай и замер, глядя на свое отражение в луже крови, не видя ни трупа, ни отсеченной головы.

Снег падал на воинов-демонов, безмолвно кружащих в поединке. Мир смертных исчез, все окрасилось в два цвета: черный и белый. «Зло и добро, смерть и жизнь… но как их различить?» – мелькнула мысль.

Кай старался не попасть под удар, но и его противник опасливо держался подальше. Наконец они оба замерли, занеся мечи, словно зачарованные. С намеренной медлительностью Кай закрыл глаза.

Воин в черных доспехах бросился в атаку.

Два силуэта исчезли, растворились в слепящем золотом сиянии, будто превратившись в одно целое, и взорвались алыми сполохами.

Кай, вернувшись в мир смертных, упал на колени. Демон скользнул мимо по мерзлым плитам двора. Полукровка с усилием поднялся на ноги, опираясь на меч, и повернулся лицом к врагу. Великан занес тяжелый *одати* для очередного удара.

Кай не отводил от соперника бездонных глаз. На черных доспехах внезапно появилась тонкая алая черта: клинок *тэнгу* попал в цель. Колдовское заклятие ослепительно вспыхнуло, разрушаясь, и сила *ки* молниеносно покинула оболочку демона. Из раны брызнула кровь, окрасив снег алым. Мика с ужасом вскрикнула, но Кай не отрывал взгляда от погибающего врага.

Дыхание демона прервалось, он удивленно взглянул на рану. Меч выпал у него из рук. Колени исполина подкосились, и он упал на колени, сжимая рассеченные пластины доспехов, словно стараясь удержать животворящую силу. Потом повалился ничком и замер.

Кай долго смотрел на тело великана, не чувствуя ни гордости, ни удовлетворения, ни даже благодарности силам зла, которые превратили человека в убийцу демонов. Он ощутил прилив облегчения – единственного человеческого чувства, оставшегося в душе. Меч со звоном ударился о камни.

С болезненным усилием Кай повернулся к Мике. Девушка глядела на него бесстрастно, словно Юкихимэ, богиня зимы – нет, не бесстрастно, а ошеломленно и испуганно, боясь шелохнуться.

Он хотел окликнуть ее, но имя, будто молитва или мольба, замерло на губах. Кай беспомощно поглядел на Мику и вспомнил тоску, отчаяние, скорбь…

– Кай… – дрожащим голосом произнесла девушка, и взгляд ее наполнился радостью.

Кай понял, что она боялась не его самого, а страшилась за его жизнь. Лицо Мики озарила лучезарная улыбка, предназначенная только ему, исполненная любви и доверия – никакое колдовство не могло уничтожить эти чувства.

Охваченный любовью и благодарностью, Кай не отрывал взгляда от Мики. Он отвернулся от демона смерти и зачарованного меча и направился к возлюбленной, не чуя под собой ног, будто шагая по облакам. Голова кружилась – то ли от изнеможения, то ли от счастья. Мика бросилась к нему, прижала лицо к груди, словно проверяя, бьется ли в ней сердце.

– Мой *тэннин*! – сбивчиво зашептала она.

Кай сжал Мику в объятьях, и на него снизошло умиротворение.

Ясуно, Тикара, Хорибэ и ронины, уцелевшие в битве, стойко сражались у входа в замок. Стражники Киры оттеснили их к стене, пути для отступления не было. Зачарованные мечи *тэнгу* помогли ронинам выжить, но воины бились на пределе человеческих сил и возможностей.

Самураи Киры окружили их, готовясь нанести последний, решающий удар.

Внезапно атака прекратилась. Стражники опустили мечи и в ужасе попятились.

Ронины недоуменно переглянулись, не сразу сообразив, что отвлекло внимание воинов Киры.

За спинами ронинов стоял Оиси.

Оиси вышел из замка и остановился на ступенях, глядя на толпу стражников. В одной руке самурай сжимал отрубленную голову Киры, в другой – окровавленный кинжал-*танто*.

Тишина снежным покровом накрыла двор, только негромко хлопали стяги под ветром. Оиси возвышался над окруженными ронинами и грозно смотрел на воинов Киры, держа в вытянутой руке голову их повелителя. Казалось, сейчас в него полетит град стрел, копий и мечей, круг возмездия завершится, а круговорот времени возобновит свой мерный ход.

Однако бойцы, замерев, ошарашенно уставились на самурая в актерских доспехах, протягивающего к ним отрубленную голову их *даймё*. На лице Оиси не было страха, только праведный гнев и божественная справедливость Бисямона.

Ужас воинов постепенно сменился покорностью. Стражники один за другим роняли оружие и опускались на колени.

Из замка, встревоженные неожиданной тишиной, вышли Мика и Кай. Полукровка тяжело опирался на плечо девушки. Они изумленно глядели на ронинов, окруживших Оиси у входа в замок, на голову Киры, которую самурай все еще держал в руке, – и на стражников, покорно склонившихся перед победителями.

– За господина Асано! – выкрикнул Оиси, и ронины подхватили торжествующий клич.

Глава 24

На рассвете лучи солнца окрасили мрачные стены замка Киры яркими золотисто-алыми тонами, под цвет знамен Ако. Ронины и госпожа Асано приготовились к долгому пути домой.

Серые и синие стяги Киры скрылись в сумрачных закоулках. Воины упаковывали поклажу и укладывали раненых на носилки. Под присмотром Оиси стражники Киры помогали ронинам – перевязанная рука самурая не позволяла ему принять деятельное участие в сборах.

Впрочем, Оиси, изнуренный сражением, был благодарен за любую помощь. Как ни странно, ронины уцелели в неравной битве, хотя и получили тяжелые ранения.

Еще недавно бывшие вассалы князя Асано готовы были с радостью встретить смерть, но отмщение полностью свершится, когда они вернутся к могиле своего повелителя с доказательством, что справедливое возмездие настигло злоумышленника. Похоже, Бисямон благоволил им, предоставив возможность сдержать клятву. Теперь ронинам предстояло испытать на себе всю строгость людских законов.

Воины Киры беспрекословно сдались на милость победителей – наверное, они сочли Оиси подлинным воплощением Бисямона, а может быть, просто обрадовались, что ронины из Ако ограничились убийством коварного *даймё* и освободили его вассалов из-под гнета злодея, колдуньи и демона.

Гости, приглашенные на свадьбу, бежали при первой возможности, едва началась битва. Оиси догадывался, что вести о нападении на Киру достигнут сёгуна прежде, чем ронины вернутся в Ако. Надо было поскорее выбираться из замка Кираяма.

– Все готово, – доложил Ясуно, почтительно кланяясь Оиси. – Можно отправляться в путь.

Воины оседлали лошадей. Тикара решил помочь госпоже Асано сесть в седло, и она с вежливой улыбкой приняла услугу юноши. На самом деле Мика прекрасно ездила верхом и в помощи не нуждалась.

Еще недавно Мика-*химэ* выглядела как небожительница-*тэннё*, а сейчас казалась одним из ронинов: скромное одеяние, пудра и румяна смыты с лица, длинные волосы завязаны узлом, как у воина.

Оиси едва заметно улыбнулся.

– Что ж, все в порядке, – кивнул он Ясуно и спросил: – Как там Кай? Удержится в седле?

– Говорит, что удержится, – с сомнением ответил ронин, вспомнив о страшной ране на спине полукровки, и добавил: – Если что, я ему помогу.

Оиси направился к своей лошади, и тут его окликнул знакомый голос.

– Каватакэ? – удивленно переспросил самурай и обернулся.

Через двор шли бродячие актеры в сопровождении ронинов.

– Наше присутствие здесь лишний раз подтверждает, что представление прошло с большим успехом, – с церемонным поклоном произнес Каватакэ.

– Да, ваше присутствие здесь – точно встреча с Буддой в царстве демонов, – с улыбкой заметил Оиси. – Никто из актеров не пострадал?

– Нет, хвала богам, – сказал лицедей, оглядев своих товарищей. – И Кира убит. Что ж, как говорят, плевок в небеса падает на плюющего. Позвольте поблагодарить вас за поразительное зрелище – ведь легче укусить себя за пуп, чем сорока семи воинам захватить замок.

– А почему же вы согласились нам помочь? – осведомился Ясуно.

– Пуститься в пляс или не пуститься в пляс – все равно обзовут глупцом. По мне, так лучше сплясать, – небрежно пожал плечами Каватакэ. – Надо помогать друг другу.

– Без ваших весел мы бы не перебрались через реку, – сказал Оиси с почтительным поклоном. – Мы навеки у вас в долгу.

– Ну что вы, какие долги! – замахал руками актер и напомнил: – Вы же обещали заплатить нам вдвойне. И за поломанные декорации тоже, как договаривались…

Ясуно расхохотался.

– Как договаривались, разумеется, – с улыбкой ответил Оиси и обратился к вассалам Киры, стоявшим поодаль: – Ваш господин не успел отблагодарить актеров. Отыщите ключника. Ясуно проследит, чтобы их труды были оплачены сполна.

К ним подъехала Мика.

– Опустошите казну Киры и принесите сюда половину денег, – сказала она, сверкнув глазами.

Все ошеломленно посмотрели на нее. Оиси придержал Ясуно за плечо.

– Деньги раздадим местным крестьянам, – пояснила Мика с улыбкой. – Возвратим их тем, у кого их отняли, – иначе все деньги попадут в казну *бакуфу*. – Она оглядела бывших вассалов Киры и продолжила: – А оставшиеся деньги распределите между обитателями замка.

– Будет сделано, госпожа, – подтвердил Ясуно.

Вассалы Киры почтительно поклонились бывшей пленнице своего господина и бросились на поиски ключника. Ясуно и Каватакэ устремились следом.

К удивлению ронинов, актеры задержались в замке. Каватакэ не шутил, говоря, что люди должны помогать друг другу. Лицедеи, уложив немногие уцелевшие пожитки, занялись переноской раненых по крутым склонам.

Актеры сопровождали ронинов и по горным перевалам уезда Киры. «В обществе веселых спутников дорога коротка», – заявил Каватакэ. Даже теперь, когда опасность миновала, лицедеи не желали покидать воинов.

Оиси решил, что Каватакэ назвал «веселыми спутниками» своих товарищей, а не измученных ронинов. Впрочем, присутствие актеров и вправду поднимало настроение раненых, отвлекало от боли и тягот путешествия.

Вдали от гор, на равнине, зима отступила, сменившись первыми, робкими признаками весны. Ронины раздали золото и серебро Киры старейшинам деревень. Крестьяне готовились к весеннему севу и с благодарностью принимали деньги у бродячих актеров. К величайшему удовольствию Оиси, лицедеям нравилось изображать благородных разбойников, а ронинам лишнее внимание было ни к чему.

Однако же за помощь актеров приходилось расплачиваться бесконечными объяснениями: почему ронины решили напасть на замок, как туда попала госпожа Асано, откуда появились демоны и колдунья… Самураи, как могли, отвечали на назойливые расспросы актеров.

Кай, невзирая на раны, прокладывал путь ронинам. Мика ни на шаг не отходила от любимого, оберегая его, будто Каннон, многорукая богиня милосердия.

Ясуно, ворча, что актеры похожи на щенят или разыгравшихся детей, не позволял любопытствующим приставать с вопросами к Мике и Каю.

Оиси оставался немногословен, а вот Тикара, получивший многочисленные, но легкие ранения, говорил за двоих. Юноша охотно удовлетворял любопытство актеров, особенно после того, как Каватакэ упомянул, что его знакомые в Эдо сочтут за честь написать пьесу об отмщении ронинов. Недаром говорили, что «слово устрашает больше, чем меч», и чиновники *бакуфу* об этом прекрасно знали.

Оиси не возражал, хотя ему не хотелось, чтобы история о мести ронинов разлетелась по всему Эдо. Самурай прекрасно понимал, что это разъярит «собачьего сёгуна», который

равнодушно разрушил жизни господина Асано, его дочери и всех обитателей Ако. Впрочем, утешало то, что о дерзком поступке ронинов будут помнить.

Наконец путники добрались до границы владений Киры, где ронины расстались с бродячими актерами. Каватакэ повел труппу в Эдо, на северо-восток. Лицедеи торопились попасть в столицу – им были не страшны патрули на дорогах. Путь ронинов лежал на юго-запад, в Ако, и они не желали иметь дело с охранниками сёгуна.

Правду говорят, что любой встрече суждено закончиться расставанием… как бы то ни было, ронины с сожалением попрощались со своими «веселыми спутниками».

Теперь, когда изнуренным воинам стало не с кем разделить тяготы пути, Оиси впервые осознал, насколько присутствие бродячих актеров поднимало настроение. И все же ронины возвращались домой, чувствуя умиротворение, разлитое в воздухе. На деревьях распускались почки, в зеленеющей траве виднелись яркие весенние цветы. Засеянные поля покрылись изумрудной дымкой.

Ронины держали путь на юг, к океану – и сама природа действовала исцеляюще, окутывая их теплом и радуя свежестью красок. Теперь воинам не приходилось скрываться от соглядатаев Киры. Чтобы облегчить путешествие раненым, Кай выбрал дорогу вдали от торговых путей, но поближе к селениям, где можно было заночевать и пополнить припасы. За еду и целебные мази Мика щедро расплачивалась серебром и медяками из казны Киры. Поначалу крестьяне опасливо встречали путников, но провожали ронинов с чувством глубокой благодарности – и облегчения.

Усталость и раны давали о себе знать. Оиси с тревогой следил за Каем, который неутомимо вел ронинов к дому. Мика следовала за ним, словно легендарная Томоэ Годзен за бесстрашным Ёсинакой. Для Кая и Мики окружающий мир как будто перестал существовать: не имели значения ни боль ран, ни тяготы пути, ни разница в положении. Влюбленные смотрели друг на друга, не смея верить, что они вместе.

Оиси не гневался на них. Любовь перестала быть для него пустым звуком. Глядя на Мику и Кая, он с печальной тоской вспоминал Рику. Часто самурай ехал рядом с сыном, вел с ним неторопливые беседы о жизни, стараясь наверстать упущенное.

Среди ронинов были братья, отцы и сыновья. Они тоже говорили друг с другом о прошлом, о доме и семьях, о доблести и чести. Ронины не задумывались о будущем, стремясь лишь добраться до могилы господина Асано и отдать ему последний

долг.

Все понимали, что краткий промежуток времени, отпущенный им, был драгоценным даром *ваби-саби,* неожиданно прекрасным мигом, наполненным *аварэ* – печальным очарованием и глубоким ощущением гармонии и бренности мира. Но этот миг окончится, словно последний глоток *сакэ* или гаснущие искры шутих в летней ночи… или бездонная голубизна весеннего неба.

По ночам, разбуженный болью ноющих ран, Оиси напряженно размышлял о *гири* и *ниндзё*, пытаясь ответить на мучившие его вопросы о смысле жизни. Однажды, когда ронины устроили ночлег на лесной поляне, самурай, завернувшись в одеяло, прихваченное в замке Кираяма, смотрел сквозь ветви деревьев на убывающую луну. Ночной ветерок приносил запахи трав и сосновой хвои. Сон не шел. Оиси повернулся и взглянул туда, где обычно спала Мика-*химэ*.

Ее подстилка была пуста.

Оиси резко поднялся, вскрикнув от внезапной боли, и заметил среди деревьев какое-то движение.

Мика, озаренная лунным сиянием, стояла рядом со спящим Каем, завернувшись в стеганое шелковое одеяло. Кай, как и прежде, устраивался на ночлег вдали от остальных – то ли по привычке, то ли чтобы не тревожить сон любимой.

«Как долго она здесь стоит? – подумал Оиси. – Как часто оберегает сон Кая, будто милосердная Каннон?»

Казалось, Кай погружен в глубокий безмятежный сон, хотя Оиси не сомневался в том, что полукровка знает о присутствии Мики.

Страстное влечение Мики и Кая было очевидным. Любовь навечно связала их души, хотя они жили в мире, где не имели права ни говорить друг с другом, ни оставаться наедине. Под страхом смерти им запрещено было жениться или вступать в близость.

Оиси, так же как и его повелитель, князь Асано, всегда соблюдал принятые устои общества. Принадлежность к разным сословиям жестко разделяла Мику и Кая даже здесь, за пределами ограниченного законами мира, где влюбленные могли предаться своей страсти…

Самурай задумался, почему так получилось… его сын был зачат в плотских утехах, неотделимых от чувств… физическая любовь естественна и необходима для жизни, как воздух.

Мика все еще стояла, глядя в сторону Оиси, словно не зная, что делать дальше. Самурай осторожно перевернулся на другой бок, спиной к ней. «Госпожа моя, жизнь – всего лишь сон

бабочки, – подумал он. – Приятных сновидений».

Оиси закрыл глаза и с неожиданной болью вспомнил, как написал эти строки своей жене, на третий день после свадьбы. Снова и снова он повторял их, будто мантру, пока невыносимая боль утраты не утихла, и наконец уснул крепким сном.

Кто-то осторожно тряс его за плечо. Оиси раскрыл глаза и увидел перед собой сына.

– Что-то случилось? – пробормотал он, нащупывая рукоять меча.

– Нет, нет, ничего, – зашептал Тикара, схватив отца за руку. – Но… Мика-*химэ*… – Он встревоженно поглядел на пустующее спальное место госпожи Асано.

Оиси удовлетворенно потянулся и закрыл глаза.

– Отец! – снова затряс его Тикара. – Она с Каем… Прошу вас, не убивайте его… – умоляюще произнес он и всем телом навалился на раненую руку отца.

Самурай застонал от боли и отвесил сыну подзатыльник.

– Не собираюсь я никого убивать, – хмыкнул Оиси. – И говорить никому не стану.

Тикара ошарашенно посмотрел на него:

– Но если кто-то вдруг заметит…

– Молчи, а то и вправду заметят. А ты чего поднялся?

– По нужде ходил, – смущенно объяснил юноша.

– Погоди, – вздохнул Оиси, протер глаза и сел. – Послушай, есть такая поговорка: «Прошлое – чужая страна, там все иначе».

– По-моему, так говорят, когда хотят оправдать настоящее, – недоуменно сказал Тикара.

– Ох, ты мудр не по годам, – усмехнулся Оиси. – Мы, нарушив приказ сёгуна, решили отомстить за смерть нашего повелителя и тем самым принесли клятву навсегда остаться в стране прошлого – там, где титул самурая дается человеку за его поступки, а свадьбы играют не ради укрепления политических связей. Так вот, в этой стране прошлого влюбленные, желавшие заключить брачный союз, должны провести вместе три ночи…

Тикара удивленно раскрыл глаза, а затем поклонился Оиси.

– Простите меня, отец, – прошептал он. – Вы очень мудры…

Самурай печально улыбнулся.

– Сын мой, ты помог мне увидеть истину, – сказал он, глядя в чащу, где среди деревьев спали Кай и Мика. – А теперь дай мне поспать, пока еще не совсем рассвело.

Тикара отвесил почтительный поклон и ушел спать.

Оиси улегся на спину и накрыл лицо ладонями, стараясь сдержать нахлынувшие чувства – и подступившие к глазам слезы.

Проснувшись, самурай увидел, что Мика-*химэ* лежит неподалеку, как будто никогда и не вставала. Оиси почудилось, что все случившееся прошлой ночью было лишь сном, однако Мика посмотрела на него сверкающим взглядом и застенчиво улыбнулась, словно протягивая самураю букет ирисов – символ вечной благодарности и доверия.

Он посмотрел на нее с одобрительной улыбкой и встал, готовый встретить новый день. Мика вздохнула, потянулась, откинула стеганое одеяло и босиком пошла по росистой траве туда, где спал Кай – крепко, как человек, который провел бессонную ночь.

Мика подошла к Каю и стала выговаривать ему за леность. Он с улыбкой взглянул на возлюбленную – и неожиданно рассмеялся. Никогда прежде Оиси не слышал смеха полукровки.

Кай почтительно склонил голову, словно извиняясь за свое поведение, и с усилием поднялся, опираясь на ствол дерева. Мика, держась поодаль, свернула одеяло и протянула его Каю, как драгоценный дар, с которым она была не в силах расстаться. Никто, кроме Оиси, не заметил выражения ее лица.

Мика вернулась к месту своего ночлега. Кай проводил ее взглядом и, встретившись глазами с Оиси, склонил голову в вежливом поклоне, приветствуя самурая, как равный. Отвернувшись, он направился к костру, где ронины занялись приготовлением завтрака. Мика невозмутимо сворачивала свое одеяло, будто ночью ничего не произошло.

Ронины продолжали свое путешествие, в равной степени наслаждаясь и дождями, и яркими солнечными днями, когда небо любовалось своим отражением в бесконечных рисовых полях. Даже самые привычные образы вызывали восхищение у тех, для кого каждый новый день мог стать последним.

Кай и Мика ехали рядом, обмениваясь редкими словами и улыбками, как будто ничего не изменилось. Каждую ночь Мика украдкой пробиралась к любимому, а наутро возвращалась на свое место рядом с Оиси. Ночь свято хранила тайну влюбленных, и если у кого из ронинов и возникли подозрения, никто об этом не упоминал.

К тому времени, когда ронины достигли границы владений Ако, зацвела сакура. Как и предполагал Оиси, вести о нападении на замок Кираяма опередили воинов и разлетелись по всей стране. Об этом говорили и в Киото, и в Эдо. В каждом селении ронинов встречали низкими поклонами и выражениями почтения и благодарности.

В Ако у дороги к замку собралась толпа. Боясь, что кто-нибудь попадет под копыта коней, воины спешились и вели лошадей в поводу.

Оиси настоял, чтобы Мика оставалась в седле, во главе колонны ронинов, как и подобало госпоже Асано, наследнице Ако. Впрочем, никто не знал, прислушается ли сёгун к справедливому суду богов и восстановит ли ее права.

Кай соскочил с лошади, стараясь скрыть гримасу боли. Не говоря ни слова, он направился к ронинам. По негласной договоренности Оиси занял место рядом с Микой, в знак того, что отпущенный влюбленным краткий миг свободы завершился.

Мика безмолвно проводила Кая печальным взглядом. Оиси подвел к ней своего коня. К седлу было приторочено копье, а с него свисал мешок, где покоилась голова Киры – жертвоприношение на могилу князя Асано.

Жители Ако встретили ронинов без особого восхищения, скорее с опаской. Люди падали ниц, будто ожидая гнева сёгуна, чувствуя необходимость выказать смирение и покорность. Один из крестьян вышел на дорогу перед Оиси и распростерся в грязи.

– Оиси-*сама*, – прошептал он, – смиренно умоляю вас о прощении и готов заплатить жизнью за нанесенное оскорбление…

Самурай недоуменно всмотрелся в крестьянина. Этот самый человек плюнул в него в тот день, когда стражники Киры вывели бывшего *каро* из темницы и прогнали за ворота замка. Оиси вздрогнул, вспоминая случившееся: тогда он притворялся сломленным и утратившим достоинство пленником и лишь поэтому не убил беднягу на месте за унижение чести самурая.

Долгие месяцы, полные тягот и лишений, Оиси, словно одержимый, в подробностях представлял себе, как отомстить Кире за смерть своего повелителя, и осознавал только глубину своей ненависти и жажду мести.

Крестьянин, распростершийся перед Оиси в дорожной пыли, был обычным человеком – не чудовищем и не ничтожеством. Ему просто не выпало родиться самураем. Однако же честь и совесть не позволяли ему оставить безнаказанным свой собственный проступок, совершенный из праведного презрения к самураю, которого он счел трусом и предателем.

– Ты заслужил прощение, – произнес Оиси, помогая крестьянину подняться на ноги. – Твоя жизнь, как и все наши жизни, – дар богов. Проживи ее честно.

Тот ошеломленно отступил на обочину, неразборчиво бормоча слова благодарности.

Госпожа Мика коснулась плеча Оиси:

– Мне казалось, что отец должен гордиться вами за то, что вы должным образом исполнили его последнюю волю и верно служили ему и после смерти. Я ошибалась – он гордился бы вами уже только за один этот поступок.

Самурай смущенно потупился.

Настроение толпы изменилось, на унылых лицах проступило ликование. Раздались восторженные крики – жители Ако приветствовали возвращение госпожи Асано и ее верных самураев.

Из толпы вышла женщина. Оиси вгляделся и узнал Рику. В ее глазах стояли слезы радости, губы дрожали, но она не бросилась ему навстречу, а с достоинством, как и подобает жене самурая, ждала приближения мужа.

Мика с улыбкой смотрела на Рику, словно впервые осознав, что это не сон и они действительно вернулись в Ако.

Рику встревоженно оглядела колонну ронинов в поисках сына.

– Тикара! – воскликнула она.

Юноша обрадованно улыбнулся матери. Кай подтолкнул его к обочине. Рику метнулась к сыну и сжала его в объятьях, с благодарностью глядя на Оиси – Тикара вернулся домой цел и невредим.

Юный самурай ничуть не противился открытому выражению материнских чувств. Он сжал ее руку и повел мать за собой, по извилистой дороге к замку.

Со всех сторон жители предлагали ронинам воду и еду, выкрикивали слова приветствия. Усталые воины благодарно кивали, отказываясь от угощения, и сосредоточенно двигались к цели, чтобы завершить свое паломничество.

Реку, окружавшую замок Ако, ронины перешли в твердой уверенности, что их не остановят даже самураи сёгуна. Жители предупредили воинов, что недавно прибывшие войска *бакуфу* изгнали вассалов Киры из замка, но сами закрылись в крепости и выставили стражу.

Кладбище находилось на берегу реки, под сенью ив и сакуры. Согласно заповедям богов Синто, которые сотворили Японские острова и подняли их из морской пучины, бренные останки следовало хоронить за пределами селений. Хотя синтоистские верования мирно сосуществовали с буддийскими и похоронные церемонии проводились буддийскими монахами, жители по-прежнему блюли древние обычаи предков во всем, что касалось жизни и смерти.

Ронины свернули с дороги к замку и направились в поле. За

ними на почтительном расстоянии следовали жители Ако. Воины, ведя лошадей в поводу, пошли берегом реки к кладбищу, вдоль ряда цветущих вишневых деревьев.

Стоявшие у ворот замка стражники в черных доспехах, украшенных золотым гербом сёгуна, издали наблюдали за процессией. Самураи Токугавы глядели на усталых воинов, не собираясь мешать проведению священного обряда на могиле господина Асано.

Кай и остальные ронины, встав вокруг Мики и Оиси, почтительно склонили головы. На могильной плите, у мемориальной колонны с именем князя Асано, стояла урна с его прахом.

Неупокоенная душа *даймё* не могла покинуть этот мир и начать новое существование. Внезапно налетевший порыв ветра зашуршал в траве у могилы, где не было ни дощечек с молитвами, ни цветов, ни благовоний, ни ритуальных подношений. Мика сокрушенно покачала головой: бессердечные вассалы Киры запретили местным жителям проявлять любые знаки уважения к своему бывшему господину.

Каю захотелось обнять любимую, но он не двинулся с места, надеясь, что его присутствие послужит ей утешением.

Подношение, которое ронины принесли на могилу своего повелителя, наверняка утешит его дух, целый год жаждавший возмездия.

Ясуно открепил от седла копье с жуткой ношей и передал мешок Оиси. Самурай неловко опустился на колени у могилы, установил подношение на каменную плиту, затем положил рядом кинжал-*танто* – клинок, прервавший жизни и князя Асано, и Киры.

– Покойся с миром, мой господин, – прошептал Оиси с низким поклоном. – Ты отмщен.

Мика опустилась на колени у могилы отца и усыпала могилу весенними цветами. Закрыв глаза, девушка прошептала тихую молитву.

Ветви цветущей сакуры зашелестели под ветром, осыпая ронинов прощальным дождем лепестков.

Мика встала и повернулась к воинам.

– Мы глядим вверх, не стыдясь небес, и кланяемся, не стыдясь земли, – промолвила она и поклонилась Оиси и ронинам. Глаза ее блестели, словно в них отражался дух отца и благодарность предков.

Ронины один за другим склоняли головы. Ясуно подошел к Каю и помог ему опуститься на колени – самурай заботился о Кае весь долгий путь в Ако.

Кай без возражений принял помощь и вознес молитву князю Асано, благодаря его за дарованную жизнь, чувство товарищества и любовь Мики, умоляя, чтобы дух его повелителя благосклонно принял благодарность и простил запретное чувство полукровки.

Усталые воины устроились отдохнуть на тенистом берегу реки. Жители деревни принесли угощение, приветствуя возвращение госпожи Асано и ронинов.

Мика с Оиси сели на лошадей и отправились к воротам замка Ако, горя желанием узнать судьбу их дома.

Стражники у ворот с любопытством рассматривали путников и почтительно поклонились, увидев лица загорелой женщины в мужской одежде и изможденного ронина с рукой на перевязи. Мика остановилась, назвала себя и Оиси, а затем уверенно попросила позволения войти в замок.

Начальник стражи сёгуна лично вышел к воротам и приказал впустить Мику и Оиси, кланяясь им, будто почетным гостям, а не преступникам – сбежавшей невесте и злодею, который убил ее жениха. Нерешительно переглянувшись, госпожа Асано и самурай, сопровождаемые пристальными взглядами охранников, прошли во внутренний двор.

Мика неуверенно направилась в замок, который должен был принадлежать ей по праву. Однако за прошедший год многое изменилось в ее жизни, и бывший дом показался девушке странным и чужим.

Оиси хмуро разглядывал опустевший замок, где когда-то властвовал князь Асано. Самурай перевел взгляд вдаль, туда, где стоял его собственный дом, вспомнил жену и шестнадцатилетнего сына, своего наследника… Все это отнял у него Кира.

В некогда ухоженном саду разрослись сорняки, кусты зачахли, но вишневые деревья стояли в цвету – символ божественного существования, неподвластного смертным, не знающего ни скорби, ни печали, ни скоротечной радости, ни бесплодных желаний.

Ваби-саби… Мика вспомнила отцовский пруд с карпами-*кои* – наверное, он тоже пришел в запустение, как будто бессловесные рыбы выбросились на камни после смерти своего господина, следуя древней традиции *дзюнси*.

С робким поклоном один из стражников осведомился, не желает ли госпожа Асано войти в замок. Мика покачала головой: незачем осквернять взор видом отцовских покоев, где целый год жил враг.

Порыв ветра взметнул столб пыли и опавших вишневых

лепестков, довершая картину опустошения.

– Что нас ждет? – еле слышно прошептала Мика, глядя на Оиси.

– Честь Ако будет восстановлена, – ответил он, надеясь, что божественная справедливость спасет провинцию от притязаний сёгуна, но отвел глаза, встретив неверящий взор своей госпожи.

Мика кивнула охраннику и направилась к воротам замка, где к ней подошел начальник стражи.

– Госпожа Асано, сегодня прибывает сёгун, – сообщил он. – Он желает с вами встретиться и… – Он неловко откашлялся и продолжил: – Вам не придется долго ждать…

Девушка согласно склонила голову, понимая, что скрывается за этим приглашением.

Начальник стражи поклонился и подал знак охранникам открыть ворота.

– Большая честь для меня… – сказал он.

Мика недоуменно направилась к выходу.

– Что он имел в виду? – спросила она у Оиси.

– Наверняка честь встретиться с вами, госпожа, – пожал плечами самурай.

Они вскочили на лошадей.

– Что ж, придется чаще валяться в грязи и рядиться в мужскую одежду, – сказала Мика с безрадостной улыбкой. – Уж тогда сёгун меня точно заметит.

– Вас невозможно не заметить, Мика-*химэ,* – печально ответил Оиси и, обернувшись, посмотрел на мост, ведущий к замку. – Говорят, что у могущественного повелителя большие уши, – пробормотал он. – Соглядатаи сёгуна не теряли времени.

– Только слепые и глухие не знали, где мы. Когда мы прибыли в Ако, вести разнеслись повсюду. О нас знают все… – Мика удивленно покачала головой, вспоминая, как восторженно встречали ронинов местные жители.

Внезапно ей стало ясно, почему воины сёгуна оказывали ей такое почтение. Она посмотрела на Оиси и с гордостью произнесла:

– О нас знают все.

Глава 25

Сёгун не заставил себя долго ждать – одновременно и к разочарованию, и к облегчению усталых ронинов. Издалека донесся звук копыт, на холме показался отряд воинов в черно-золотых доспехах.

Жители Ако изумленно смотрели, как к замку приближается войско – совсем как предыдущей весной. Впрочем, в этот раз процессия выглядела скромнее и малолюднее: сёгун приехал в Ако не ради праздничных церемоний.

Ронины утомленно поднялись на ноги и медленно вернулись к могиле своего повелителя, где склонилась в молитве Мика.

Воины личной охраны сёгуна свернули с дороги в поле, увидев ронинов у могилы князя Асано. Мика встала рядом с Оиси, будто пытаясь защитить самураев своим телом.

Сёгун остановился, окруженный своей свитой. Мика поклонилась, но на колени не встала. Она никогда не выказывала знаков уважения Кире и не могла заставить себя проявить почтение к человеку, который легко шел у Киры на поводу. Ронины, будто придерживаясь того же мнения, хотя и опустились на колени, но не простерлись ниц в формальном поклоне и не склонили голов.

Сёгун, оглядев непокорных ронинов, двинул коня вперед, выехал из круга стражников и спешился перед Оиси.

– Оиси Кураносукэ Ёсио? – осведомился он.

Самурай поднял голову, удивленный тем, что его назвали полным именем.

– Я запретил месть, – холодно произнес сёгун. – А ты ослушался.

Оиси твердо взглянул на сёгуна и указал на могильный камень, где лежало жуткое подношение.

– Вот свидетельство того, что законная справедливость восторжествовала.

Самураи, окружившие сёгуна, возмущенно зашептались, рассерженные тем, что Оиси на равных обратился к их повелителю.

Сёгун поднял ладонь, призывая к молчанию.

– Что это за закон? – спросил он.

– Никто не должен жить под одним небом и ходить по одной земле с убийцей своего господина, – напомнил Оиси древнюю клятву, хорошо известную сёгуну.

Сёгун презрительно скривил губы:

– Небесные законы здесь не действуют. Здесь в силе только

людские законы.

– Мне это известно, – кивнул Оиси, не отрывая взгляда от сёгуна. – И мы готовы заплатить жизнью за то, чтобы восстановить нарушенный порядок. Мы следовали законам *бусидо* ради защиты чести нашего господина и отомстили Кире за его предательство. Мы поступили так, зная, что нас ждет смерть. Мы – самураи. Такова наша участь. – И он протянул сёгуну свиток, подписанный кровью ронинов, – доказательство их намерения отомстить Кире.

Местные жители ошеломленно ахнули.

Сёгун растерянно умолк: он не ожидал ни открытого признания вины, ни согласия с участью, грозящей ронинам. Вдобавок тревожило присутствие местных жителей: если год назад они презирали вассалов князя Ако, считая их трусами и предателями, то теперь ронинов называли героями.

Вести о нападении на замок Киры разлетелись по всей стране. Для истребления восторженных слухов о «сорока семи верных и преданных вассалах» пришлось бы арестовать половину населения Эдо. Вдобавок труппы бродячих актеров уже ставили представления о «справедливом возмездии» – пьесу, разумеется, запретили, а зрителей разгоняли.

Сёгун понимал, что народу нужны герои. Самураи всегда отличались доблестью, но эпоха бесконечных сражений закончилась, и мужественные воины стали чиновниками, зачинщиками ссор или нищими бродягами.

Население страны уже считало этих ронинов настоящими героями. Даже сам сёгун, хорошо знакомый с устоями *бусидо*, с невольным восхищением отнесся к их поступку. Поэтому необходимо было действовать с великой осторожностью, иначе сорок семь воинов превратятся в настоящую угрозу для сёгуна.

Они нарушили повеление своего верховного правителя. Помиловать их было невозможно, это поставило бы под сомнение власть сёгуна. И все же…

Ронины, надеясь, что отмщенная честь князя Асано позволит вернуть владения погибшего, привели в Ако его наследницу. Что ж…

– Ты гордишься поступком своих воинов? – спросил сёгун.

– Они настоящие храбрецы, – ответил Оиси, не отводя глаз.

Сёгун кивнул и слабо улыбнулся: узкая тропинка над пропастью стала чуть шире.

– Я жалую вам участь истинных самураев. Вы умрете так же, как ваш господин, и будете похоронены рядом с ним. С честью.

Оиси ошеломленно поглядел на него, не веря своим ушам. Неужели честь князя Асано будет восстановлена, а имена ронинов

останутся незапятнанными? Он не смел надеяться на такой исход, не веря в справедливость законов *бакуфу*.

– Все мы? – помедлив, уточнил самурай.

Сёгун обвел взглядом коленопреклоненных ронинов и внезапно понял, отчего медлил Оиси. Неподалеку от госпожи Асано стоял полукровка – тот самый, который сражался за Ако в поединке, изгой, которого по личному приказу повелителя самураи Ако избили *боккэнами*. Волосы полукровки были завязаны узлом, за поясом торчали два меча.

«Ничего страшного, – подумал сёгун. – Не имеет никакого значения, почему ронины признали его за равного. Это не изменит их участи».

– Передо мной самураи, – ответил сёгун, не отрывая взгляда от Кая.

Полукровка изумленно поднял голову, благодарный за то, что его признали человеком – и самураем.

Госпожа Асано опустилась на колени рядом с полукровкой, взяла его за руку и поглядела на него с лучезарной улыбкой. Губы девушки дрожали, она пыталась скрыть свои истинные чувства.

– Благодарю вас, мой повелитель, – смиренно сказал Оиси и поклонился.

Воины, которые совершили невозможное и с победой вернулись в родные края, тоже поклонились, выказывая должное почтение своему верховному повелителю с достоинством, присущим истинным самураям.

Сёгун церемонно поклонился в ответ.

Когда все разместились в стенах замка Ако, Кай отправился к могиле князя Асано. Сёгун принял госпожу Асано и обещал возвратить ей право на владение Ако, а сам не собирался задерживаться в замке.

Кай хотел провести немногие оставшиеся ему часы на могиле человека, которого считал своим приемным отцом. Мика уже успела расчистить сорняки вокруг захоронения, неподалеку кто-то оставил молитвенные дощечки. Кай неловко опустился на колени у могильной плиты и, воскурив благовония, поблагодарил милосердного Будду и за сочувствие, проявленное князем Асано, и за то, что самому полукровке выпала честь принять участие в отмщении своего господина, и за то, что Мика была восстановлена в своих правах наследницы Ако.

Затем Кай отринул все чувства и воспоминания и мысленно прикоснулся к той частице духа своего господина, которая слилась с родным краем князя Асано. Невидимое присутствие тронуло и согрело ему душу.

Заслышав чьи-то шаги, Кай обернулся. По кладбищу шел Оиси, также желая провести свои последние часы в молитве и в воспоминаниях о господине. Кай с гримасой боли попробовал встать, но самурай попросил его не тревожиться, извиняясь за свое вторжение: дух князя Асано благоволил к ним обоим и в жизни, и в смерти.

Оиси разлил *сакэ* по двум чашам, отпил из одной, а вторую поставил на могильную плиту, рядом с подношениями. Затем он склонил голову в молитве.

– Помнишь, – помолчав, начал самурай, – когда мой господин нашел тебя в лесу, а ты поднес нож мне к горлу? Скажи, ты бы убил меня тогда?

Кай, удивленный давностью воспоминаний, задумался и спросил:

– А ты бы меня убил?

Оиси отвел взгляд, решая, что ответить.

– Да…

– Да…

Слова столкнулись в воздухе, как если бы мысли объединяло нечто большее, чем общие воспоминания.

Кай и Оиси поглядели друг на друга и рассмеялись, проникнувшись наконец взаимным уважением.

– Я сказал ему, что ты – демон и что тебя надо оставить в лесу, на верную смерть… – вспомнил самурай, глядя на могилу князя Асано, и с горьким вздохом продолжил: – Он ответил, что ты – просто перепуганный мальчишка, такой же, как и я сам.

Никогда прежде Оиси не признавал в открытую своей самонадеянной ограниченности. Он наполнил еще одну чашу *сакэ* и протянул ее Каю. Полукровка с поклоном принял ее и выпил.

– Госпожа Асано очень похожа на отца, – сказал Оиси, печально глядя на Кая. – С ней Ако достигнет величия.

Кай сообразил, что это не просто замечание, а попытка утешения, еще один признак того, как самурай, сам того не заметив, сблизился с полукровкой. Оиси не только понял все, что помогло Каю принять грядущий переход из мира смертных в мир духов, но и осознал величие его жертвы – он оставлял самое драгоценное в своей жизни, любовь Мики.

Однако госпожа Асано, наследница клана Асано и владычица Ако, должна была выполнить свой дочерний долг и сдержать данные клятвы, прежде чем ее земное существование придет к концу.

– Знаю, – кивнул Кай со слабой улыбкой.

– Всем рожденным суждено умереть, а любой встрече суждено закончиться расставанием… – прошептал Оиси знакомые

слова. – Но то, чем мы делимся в этой жизни, никогда не исчезнет.

Переглянувшись с Каем, он разделил с ним миг *аварэ*.

Кай опустил чашу на землю, последний раз поклонился могиле князя Асано, прошептал слова прощания и с неожиданной легкостью встал. Впервые за все время после битвы в замке Кираяма боль ран не мучила его, словно прежде страдала не его плоть, а дух.

Он посмотрел на могильную плиту и вспомнил стоны и завывания призраков в Лесу *тэнгу*.

Найденыш из Моря деревьев, которого когда-то взял на воспитание князь Асано, сам был призраком, бесплотным духом, связанным с миром смертных колдовскими чарами *тэнгу*. Всю жизнь он боялся самого себя, не доверяя ни своим догадкам, ни усвоенным премудростям. Он даже не желал принять дар, бескорыстно врученный ему ронинами, – клятву, подписанную кровью, признающую его равным своим кровным братьям-самураям.

Сейчас, стоя у могилы своего господина, Кай чувствовал легкость, словно узы его исчезли, а с ними ушла и боль. Однако он не расстался со своим бренным телом, а еще явственнее ощутил землю под ногами.

Впервые Кай почувствовал себя живым человеком, как если бы колдовские узы возникли из его собственных страхов и сомнений. Даже то, что его признали самураем и ронины, и сам сёгун, не освободило его от проклятья.

Слово «самурай» означает «тот, кто служит». Ронины служили своему господину даже после смерти не потому, что к этому обязывало *гири* – повиновение из чувства долга, а потому, что делали это по велению *ниндзё* – того, что каждый человек стремится защищать и охранять, пусть даже ценою своей жизни: честь, справедливость, любовь.

Гири и *ниндзё*, порядок и хаос, постоянно меняющееся равновесие вечно движущегося колеса жизни…

Прошедшие недели запомнились Каю больше, чем все прошлые годы, когда его единственным желанием было выжить. У могилы своего господина он осознал, что достиг своей цели – освободил и дух князя Асано, и его дочь.

Сам Кай тоже стал свободен, достиг умиротворения и твердо верил, что конец его жизни положит начало новой. Его повелитель благословил его последнее путешествие.

Кай тихо удалился, оставив Оиси в одиночестве, разделить последние мгновения жизни с духом князя Асано.

Оиси поглядел вслед Каю, который направился в замок, и с удивлением отметил, что полукровка держится прямо и почти не хромает. Самурай перевел взгляд на могилу князя Асано и мысленно поблагодарил своего господина за мудрые слова, удержавшие испуганного юного воина от того, чтобы утопить такого же перепуганного и почти беспомощного найденыша.

Убивать легко… а вот вернуть жизнь невозможно. Оиси невольно коснулся раны на плече и вспомнил смерть Киры. Самурай убил его, движимый не божественной силой, а демонической яростью – не храбро, не геройски, а со звериной жестокостью.

Как мог существовать Путь воина, если в смертельной схватке – один на один или на поле битвы – выживает тот, кто первым отнимет жизнь противника? Война превращает моральные принципы *бусидо* в ложь. Сунь Цзы говорил, что война – это путь обмана. На войне нет места сочувствию, справедливости и чести.

Ронины всего за несколько часов покорили замок Кираяма… Когда война окончена, те, кто остался в живых, возвращаются домой, к своим семьям, к друзьям, к незнакомцам, живущим в мире, где о битвах не имеют представления.

Моральные принципы *бусидо* не учат, как выжить в битве. Постижение воинского искусства не объясняет, почему смерть честнее, чем победа в сражении.

Бусидо – всего лишь карта, указывающая дорогу домой после долгих скитаний. *Бусидо* помогает воину вернуть человеческие качества, напоминает, как жить в мире, за что нужно бороться и что необходимо защищать. Но у любой карты, как у листа бумаги, есть две стороны. Справедливость и мужество, смелость и сочувствие, искренность и уважение, почтение и вежливость, верность и честь – эти качества присущи просветленным или тем, кто приблизился к просветлению. Однако в мирное время не все способны достичь этих высот, и самураям придется искать иное определение истинной доблести, чтобы оставаться примером для окружающих.

Оиси низко поклонился в знак уважения к своему другу, наставнику и господину, который указал ему путь к настоящей жизни, исполненной чести, мужества и достойной уважения.

Внезапно самурай вспомнил, как перед самой кончиной его господин с горечью заметил, что не достиг вершин понимания истинной ценности человеческой жизни в том смысле, как это определял Будда. Князь Асано недооценил Кая – и свою дочь, которая из-за этого побоялась признаться отцу в своей любви к полукровке.

Тогда Оиси не согласился со своим повелителем, но сейчас

понял, что на князя Асано все же снизошло просветление и на пороге смерти глаз Будды озарил его своим сиянием. За это откровение самурай исполнился благодарности к Каю.

Достоинства полукровки были видны даже Тикаре, который за последний год повзрослел и утратил наивные представления юности о битвах и сражениях. Юноша мечтал проявить воинскую доблесть, достичь славы и добиться отцовского уважения – и в свои шестнадцать лет ему это удалось. Оиси задумался, какие подвиги совершил бы его сын, если бы ему суждена была долгая и счастливая жизнь.

Самурай, как и все остальные ронины, желал лишь одного – с помощью богов усвоить урок этой жизни и на одну ступень приблизиться к истинному просветлению. Он с горечью размышлял, по какому праву оставляет свою жену наедине с горем, лишает Рику счастливого существования, отбирает у нее единственного сына…

Для исполнения своего священного долга Оиси принес в жертву все – даже собственную семью. Самурай прежде всего верен своему господину, в этом заключается смысл жизни воина. Оиси с сожалением осознал, что, движимый ложно истолкованным чувством долга, нарушил равновесие между *гири* и *ниндзё,* обделив любовью и заботой родных и близких.

Рику никогда не жаловалась и не противилась решениям мужа, однако Оиси с запоздалым раскаянием вспомнил, как она смотрела на него при расставании… Он тогда побоялся признаться, какое место она занимает в его сердце. Мике и Каю не требовалось слов для выражения своих чувств – казалось, их души навечно слились в одну. Увы, Оиси уже не успеет усвоить этот урок. Самурай решил, что, вернувшись в замок, обязательно раскроет свои чувства жене и сыну, пусть даже перед самой кончиной.

Оиси еще раз поклонился и вознес молитву князю Асано, надеясь, что дух его господина по-прежнему оберегает своих верных вассалов и, может быть, дарует успокоение их близким.

Наступил решающий, последний день в жизни самураев. На рассвете во внутреннем дворе замка расстелили белые циновки под сенью цветущих вишневых деревьев – горькое напоминание о любви и долге.

Сорок семь воинов, поклявшихся отомстить за смерть своего господина, освободить его дух и последовать за ним в неизвестность, оделись в белые одежды и приготовились сдержать свою последнюю клятву.

Кай тихо вышел в зал. Мика стояла у входа, глядя на ряды

белых циновок под цветущей сакурой. Она почувствовала появление любимого, но не обернулась. Он замер, понимая, почему девушка не смотрит на него. Госпожа Асано надела традиционный наряд владелицы Ако – кимоно цвета зари, переливающееся золотисто-алыми тонами. Поверх кимоно красовалась мужская накидка без рукавов с гербом клана Асано – скрещенными соколиными перьями, – вышитым золотом на алом шелке. Жизнеутверждающие цвета символизировали Ако и указывали на то, что госпожа Асано восстановлена в правах наследницы. Так Мика выражала свою неизбывную благодарность верным вассалам Ако за их храбрость и мужество.

У Кая перехватило дух от любви: с самой первой встречи его привлекла не красота девушки и не роскошь нарядов, а ощущение родства душ, таящееся в глазах Мики. Влюбленным не требовалось ни слов, ни прикосновений – единство сердец светилось во взглядах.

Казалось, Кай всегда любил Мику, сам того не сознавая. Любовь, словно зачарованное озеро, раскрыла перед ним глубины радости и умиротворения, поглотила боль бренного существования.

Наконец Мика обернулась и ласково посмотрела на него: во взгляде читалась и мягкость, и волевая натура девушки. С трудом сдерживая проявление чувств, госпожа Асано направилась к Каю.

– Отец сказал мне перед смертью, что наш мир – всего лишь ступень перед следующим миром и, оставляя его, следует быть благодарным за то, что нам довелось изведать любовь, – сказала она, протягивая к нему дрожащие руки.

Все эти годы Кай был рядом – но недостижим и недоступен.

Сейчас его жизнь подошла к концу, и он больше не скрывал страсти. Он взял в ладони холодные пальцы Мики – казалось, ее душа и тело еще не оттаяли после года, проведенного в плену у Киры.

Влюбленным оставалось время на одну, последнюю клятву.

– Я отыщу тебя в тысячах миров, среди тысяч жизней, – произнес Кай, уверенный, что узнает ее душу, как только их взгляды встретятся.

– И я дождусь тебя… – прошептала Мика и скользнула в его объятья.

Он нежно прижал ее к себе и вспомнил, как в такой же весенний день, давным-давно, девочка поцеловала мальчишку и убежала прочь.

Ветви сакуры шелестели под ветром, осыпали дождем лепестков Оиси и ронинов, которые вышли во двор. Сорок семь

воинов в белоснежных кимоно с достоинством заняли свои места на белых циновках. Кай вошел последним и невозмутимо взглянул на Мику, сидевшую рядом с сёгуном и придворными советниками: кимоно госпожи Асано ярким цветком выделялось на фоне темных одеяний чиновников *бакуфу*, словно напоминая, что душе суждено перерождение и что сорок семь приговоренных к смерти готовы к путешествию в лучший мир.

Ясуно легким кивком приветствовал Кая, опустившегося на колени. Стражники сёгуна в черно-золотых доспехах кольцом окружили двор – для того, чтобы нанести милосердный удар, дарующий доблестным воинам быструю смерть.

Место, где ронины должны были расстаться с жизнью, не было отгорожено завесой-*тобари*. Вопреки традиции, Мика позволила жителям Ако присутствовать при церемонии, и во дворе собралась огромная толпа: люди в белых траурных одеждах пришли не только из близлежащих селений, но и издалека. Стояла тишина, словно в храме, только чуть слышно шелестела листва и откуда-то доносилось пение птиц. В чистом синем небе не было ни облачка.

По знаку Оиси сорок семь ронинов преклонили колена. Перед каждым из воинов стоял низкий столик, где лежал кинжал-*танто*. Самураи, положив свои предсмертные стихотворения на этот столик, поклонились сёгуну и госпоже Асано.

Сорок семь воинов с гордой покорностью готовились отдать свои жизни ради чести своего господина. У них не оставалось иного выхода – ни по законам, установленным сёгуном, ни по законам высшей, божественной справедливости.

Сёгун, наблюдая за ронинами, ощутил внутренний призыв поступить вопреки законам и общественным устоям, сковывающим его свободу. Он понял, что в мире всегда найдутся герои, которые сойдут с предначертанной им стези, хотя избранный ими новый путь неизменно приведет к смерти. Сёгунат Токугавы не сможет выстоять и сохранить власть над обществом, если позволит безнаказанно нарушать закон, пусть даже и несправедливый.

На лицах присутствующих было написано бесконечное уважение к доблести сорока семи приговоренных. Впервые небывалое мужество и доблесть ронинов вкупе с незыблемым чувством справедливости стали проявлением истинного идеала самураев, который сохранится на века.

Смерть ронинов никогда не изгладится из памяти народа. Сёгун взглянул на госпожу Асано и задумался, почему она позволила жителям Ако присутствовать при церемонии *сэппуку*, какой урок хотела преподать населению провинции. Сёгун

одновременно служил символом духа истинных самураев – и олицетворением законов *бакуфу*. Вместе с ронинами ему суждено предстать перед судом истории…

Оиси подал знак, и сорок семь воинов взяли в руки кинжалы.

– Погодите, – произнес сёгун.

Занесенные клинки замерли в воздухе.

– Оиси Тикара Ёсиканэ!

Тикара недоуменно посмотрел на сёгуна, перевел взгляд на отца и на мать, стоящую в толпе, затем неуверенно встал.

– Ты нарушил мое повеление, – заявил сёгун, обращаясь к Оиси, – но страна не лишится твоих потомков. Твой сын останется в живых и будет служить ей с честью.

Рику ошеломленно поднесла ладонь к губам, сдерживая рыдания.

Тикара, не в силах принять решение, обернулся к Оиси, будто ожидая поддержки отца – или приказа своего господина и предводителя. Отцовская гордость и желание сохранить жизнь сыну боролись с чувством долга военачальника, который признал право шестнадцатилетнего юноши принести клятву на крови.

Внезапно Оиси вспомнил свою последнюю просьбу на могиле князя Асано и понял, что дух его повелителя внял мольбе и отплатил самураю за верную службу.

Оиси кивнул сыну, разрешая ему покинуть своих соратников, и поклонился сёгуну. В глазах Рику блеснули слезы, а перед внутренним взором Оиси возникла благосклонная улыбка его господина.

Тикара в последний раз поклонился отцу и отошел в толпу, к матери, бросившейся ему навстречу. Сердце Мики переполнилось радостью, и девушка печально взглянула на Кая.

Коленопреклоненные воины замерли. Их белоснежные кимоно сливались в одно целое с белизной цветущих вишневых деревьев. Кай по праву находился среди ронинов, которые, став его друзьями и боевыми товарищами, приняли его как равного.

Мика смотрела на безмятежно спокойное лицо Кая, вспоминая мальчишку с лицом небожителя-*тэннина*. Когда-то она считала, что Кай остался жить в замке, потому что не нашел пути на небеса, и боялась, что однажды он исчезнет из ее жизни.

В глазах Кая отражался облик юной красавицы, которая пела ему колыбельные… с которой он бегал по лесам и полям… которая однажды, украдкой от всех, подарила ему поцелуй…

Кай прикоснулся к листку с предсмертными строками, поднял голову и взглядом дал Мике понять, что это стихотворение написано только для нее.

Оиси отвел взгляд от Мики, которая сидела рядом с сёгуном и пристально смотрела на Кая. Самурай оглядел своих товарищей и кивнул. Ронины, воздев клинки, ждали последнего знака от своего предводителя. Все присутствующие, даже воины сёгуна, почтительно склонили головы.

Кай поднял голову, последний раз вдохнул свежий весенний воздух, поглядел на небо, словно вбирая в себя его вечную красоту… «Есть вещи, ради которых стоит умереть…» – подумал он.

Оиси подал знак, и ронины сомкнули круг.

Ветви сакуры шелестели под ветром, усыпая белоснежными лепестками окровавленную землю, словно отмечая конец и начало вечного круговорота времени. Будущее известно только богам, для которых круг неотличим от спирали нескончаемого цикла перерождения.

Эпилог

Япония, 1702 год

Как и год назад, Мика стояла на мосту над рекой, сжимая в руках листок с предсмертными строками. Ее сердце полнилось глубокой печалью. Прошел всего год с тех пор, как она покинула Ако, не ведая ни своей участи, ни судьбы своих близких. Тогда дух ее отца витал над могилой, скорбя о несправедливой доле, выпавшей провинции Ако.

А теперь она снова одиноко стояла на мосту над бурлящей рекой, словно время повернулось вспять.

Листок с предсмертным стихотворением Кая Мика разворачивала дрожащими руками, словно боясь, что внезапный порыв ветра вырвет бумагу из неверных пальцев и унесет, как унесла судьба Кая, Оиси и остальных смельчаков, которые принесли свои жизни на алтарь справедливого возмездия.

Мика не желала вдумываться в смысл *кандзи,* а смотрела на строки, упиваясь красотой иероглифов, выведенных четко и тщательно, но с небрежным изяществом, достойным руки небожителя. Наконец она заставила себя вчитаться в прощальные слова Кая, которые предназначались для нее одной.

За гранью смерти,
Там, где чисты небеса
И реки светлы,
Помни всегда обо мне,
И я тебя разыщу.

Под этими строками стояла подпись… однако это было не то имя, которое Мика некогда дала найденышу. Следуя самурайской традиции, Кай перед кончиной принял новое имя – так будут звать его душу после смерти.

– Кайдзэн… – удивленно прошептала Мика.

Говорили, что нельзя тревожить душу усопшего, называя его именем, данным при жизни… Иероглиф «кай» в новом имени означал не «море», а «изменение», но звучал по-прежнему, а само имя Кайдзэн значило «непрерывное совершенствование» и служило напоминанием об изменчивости жизни и обещанием будущего…

«Он неспроста выбрал это имя», – подумала Мика, и глаза ее наполнились слезами.

Она перечла драгоценные строки, прижала листок к груди и

взглянула в высокое синее небо, черпая там умиротворение. Она не нарушит свою клятву Каю, не потревожит его покой.

Аккуратно сложив листок, Мика вложила его за пояс кимоно, к самому сердцу. Хотя Кай покинул этот мир, никто на свете не сможет отнять у нее частичку его души, слившуюся с ее душой. Ветер утих, волны на реке улеглись, и в гладком зеркале воды отражалось небо.

Томясь в плену Киры, Мика мечтала о возвращении домой, в Ако, но теперь красоты родного края казались чуждыми и странными – так гладь речных вод скрывает глубокое и опасное течение, неустанно несущееся к морю.

Жизнь похожа на такую реку…

Все вокруг меняется. Мика вернула к жизни заброшенный сад замка, но князя Асано не возвратить. Замок Ако никогда больше не будет родным домом для госпожи Асано – в нем нет отца, нет Оиси, нет остальных самураев… нет Кая. Прошедший год оставил в памяти неизгладимые шрамы.

Отец Мики и его верные вассалы покинули земную юдоль и увели с собой Кая. А Мика, оставшись в одиночестве, по-прежнему хранила мечты и надежды ушедших. Дрожащими руками она сжала перила моста. Похоже, здесь ее больше ничего не держит.

Но она – наследница князя Асано, новая владычица и защитница провинции Ако. В этом сейчас смысл ее жизни: ведь ради нее храбрецы пошли на смерть. Мика поклялась, что ее стараниями Ако станет отражением ценностей истинных самураев, таких, как ее отец и сорок семь его верных вассалов.

Самураи, спасшие жизнь Мики и освободившие дух ее отца, были обычными людьми – несовершенными и уязвимыми, – а не богами или героями. Они добровольно взяли на себя роль божественного провидения и навечно останутся в памяти и в сердцах народа, потому что их поступок был совершен бескорыстно, на благо других.

Их честь и доблесть станет примером того, как вера в правосудие может быть сильнее, чем страх смерти, потому что справедливость и бескорыстие редки и на полях сражений, и в мирное время.

Мика выпрямилась и окинула взглядом окрестности. Владычице Ако предстоит долгие годы бороться за то, чтобы воплотить задуманное в жизнь, но время пролетит незаметно – ведь те, кого она любила и потеряла, станут ее опорой и поддержкой. Госпожа Асано не нарушит свою клятву и воздаст должные почести своим верным вассалам.

Мика задумчиво коснулась герба клана Асано – *така-но-ха*,

скрещенных соколиных перьев, – вышитого на безрукавке. Ясным весенним днем казалось, что вдали, у самого горизонта, виднеется море, а в высоком синем небе сквозит бесконечность. Мике почудилось, что если всмотреться в прошлое, то душа соколиным перышком сможет коснуться душ предков и испросить их благословения.

А если взглянуть в будущее…

Она прижала руку к груди, к скрытому там листку с предсмертными строками Кая. Любовь всегда будет напоминать о том, ради чего стоит жить… А когда Мика сдержит клятву и, исполнив свой долг, покинет этот мир, где-то в синей бесконечности две души пересекутся, как соколиные перья… и, взглянув в глаза незнакомца, она обнаружит в его душе отражение своего сердца и поймет, что ее душа вернулась в родной дом.

* * *

Высочайшим повелением сёгуна земли Киры перешли в казну, а провинция Ако была возвращена клану Асано. По сей день жители Японии воздают почести сорока семи верным вассалам в благодарность за их мужество, верность и доблесть.

notes

Примечания

1

Цит. по: С. Судзуки. Сознание дзен, сознание начинающего. Пер. Г. Богданова, Е. Кирко. – М.: Альпина Паблишер, 2013.